Война за Биософт

Максимус Гром - 3

Лилия Курпатова-Ким

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нужно спасти мир, чтобы стать врагом номер один.

Вместо почестей Макс Громов обвинен в сговоре с Джокером и намеренном уничтожении Сети. Но теперь он самый богатый человек в хайтек-пространстве: ему принадлежит биософт — технология будущего. Ее возможности потрясают воображение, а результат внедрения — биллионы кредитов и неограниченная власть.

Громов рискует повторить трагическую судьбу Роберта Аткинса. Только правда о загадочной смерти создателя Сети спасет жизнь юного гения.

- Лилия Курпатова-Ким
  - ○
  - ○ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - ■ Предупреждение доктора Синклера
    - ■ В ожидании торжеств
    - ■ Евгений Климов
    - ■ Рободом
    - ■ Новое задание Идзуми
    - ■ Алекс Хоффман
    - ■ Праздник
    - ■ Обвинение ICA
  - ○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ■ Происшествие
    - ■ Процесс Громова
    - ■ Возвращение Кемпински
    - ■ Максимус Гром
    - ■ Адвокат Громова
    - ■ Корпорация «Биософт»
  - ○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - ■ Технология Биогейт
    - ■ Последняя неделя
    - ■ Олимпийские игры 2054 года
    - ■ Последняя глава дневника
  - ○ Эпилог
  - ○ Словарь терминов (id)*

Лилия Курпатова-Ким
Максимус Гром
Война за Биософт

совершенно секретно

Дневник доктора Павлова

Док-топ 23/123–423

Письмо

Если к вам попал этот док-топ, значит, все произошло в точности как я предполагал. Корпорация «Биософт», несмотря на все усилия Торговой Федерации, досталась тому, кому и должна принадлежать. Разработчику и единственному законному владельцу технологии, основанной на свойствах омега-вируса, — Максу Громову. И теперь всех вас волнует только один вопрос: как же, черт возьми, он собирается ее использовать? Есть ли у вас в руках хоть какие-нибудь козыри, чтобы с ним торговаться? Или же придется беспрекословно выполнять любые его требования?

Итак, полагаю, очевидно, что информация, содержащаяся на этом док-топе, достойна самого пристального изучения. Я остаюсь лучшим личностным аналитиком в хайтек-пространстве и предсказываю поведение одаренных подростков с детальной точностью. Расскажу немного и о вашей злой судьбе.

ID

Раздел: электронные устройства

Док-топ — «дело» (устар. жарг.) — электронный накопитель повышенной прочности. Легкий цилиндр с ДНК-сканером, голографическим проектором и матрицей ввода данных. Док-топы используют в канцеляриях для создания и хранения большого количества взаимосвязанных, запрещенных для свободного копирования документов по одному вопросу. Кроме самого документа и подписи камера док-топа также фиксирует обстоятельства, при которых документ и подпись были получены, что является гарантией

законности получения любого документа, хранящегося на док-топе.

Электронные подписи, сделанные на док-топах, имеют высшую категорию надежности.

Вас, лучших экспертов на свете, вытащили ранним утром из постели и доставили в штаб-квартиру Бюро информационной безопасности? Закрыли в архиве? Сказали, что вы не вернетесь к своим семьям до тех пор, пока не объясните — как мы попали в неприятную зависимость от корпорации «Биософт» и фактически финансируем приближение собственного краха? Кто в этом виноват и что же нам теперь делать?

Все так? Тогда поговорим о ваших планах.

По всей видимости, вы надеетесь быстренько узнать, как супергерой, победитель Джокера, юный гений, превзошедший Роберта Аткинса, спаситель лучшего из миров, выдающийся ученик Эдена Максим Громов превратился в беспрецедентную угрозу хайтек-цивилизации, известную как «Максимус Гром»? Вот уж воистину апокалиптическая неприятность:). Тем более что ни один из вас даже не может с уверенностью сказать: Макс Громов и Максимус Гром — это один человек или все-таки разные? Сразу вас огорчу, вопрос стоит иначе и чуть шире: человек ли Максимус Гром?

ID

Раздел: социомика

Внутрисистемная энтропия — снижение уровня организации, темпов развития, эффективности функционирования системы в результате ее роста.

Леонард Гейгер утверждал, что развитие Сети привело к крайней степени индивидуализации жителей хайтек-пространства, в результате чего «гражданское общество распалось на отдельные атомы и уже не может противостоять произволу корпораций, так как оно не в состоянии прийти к единому мнению ни по одному из действительно важных для него вопросов».

Кстати, юристы-теоретики из Кембриджского и Оксфордского университетов пришли наконец к согласию — как регулировать новую форму жизни, которая возникла в виртуальном пространстве. У вас уже есть как минимум две киберличности — доктор Синклер и Хьюго Хрейдмар, наделенные собственной волей и довольно широкими возможностями. Советую поспешить с их «легализацией». Конкретно — как можно быстрее уравнять в правах с остальными хайтек-гражданами, иначе худший

техногенный кошмар человека, «восстание машин», вполне может стать реальностью. Особенно если учесть тот факт, что никто так и не придумал, как проверить, окончательна ли «смерть Джокера», а Максимус Гром остается загадкой.

Вам будет полезно также задаться вопросом: как и зачем самый обычный, ничем не примечательный мальчик обрел силу, о природе и возможностях которой нам ничего не известно? Вам придется быть крайне осторожными в своих рассуждениях. Постарайтесь сохранить ясность мышления и не увязнуть в трясине метафизики.

Что будет дальше?

Для начала вас заставят просмотреть тысячи часов записей «Большого брата». Вам выделят отдел экспертов по софт-инжинирингу и армию правительственных агентов для сбора информации. Вам придется исследовать темные вязкие пласты чужой глупости и корысти. Вам каждый день придется покушаться на репутацию самых богатых и уважаемых граждан хайтек-пространства, поставив под угрозу свои семьи, карьеру, а может, и жизнь. Вам придется узнать, что наш лучший из миров похож на старое вощеное яблоко. Румяное, глянцевое снаружи и бурое, неприятно-ватное на вкус, давно сгнившее внутри.

Возможно, вы совсем не хотели признавать этот факт и всячески его игнорировали. Увы! Придется раз и навсегда проститься с милыми сердцу иллюзиями. Знаю, их будет ужасно недоставать.

Одним словом, мне вас жаль, уважаемые будущие эксперты.

Я намерен облегчить вашу незавидную участь.

Напомню еще раз, что был и остаюсь лучшим специалистом по прогнозированию поведения одаренных подростков. Разумеется, с появлением Макса Громова Бюро информационной безопасности ощутило острую необходимость в моих услугах.

Из отчетов, которые мне предоставляло Бюро информационной безопасности, записей системы спутникового наблюдения и личных заметок я составил подробный гипердневник. Он повествует о событиях, произошедших с Максом Громовым за год. Начиная с момента его победы над Джокером и заканчивая исчезновением. Это позволит вам понять, почему Громов стал таким, каким стал, и почему сделал то, что сделал.

Из моих «заметок на полях», лирических отступлений, воспоминаний и рассуждений вы поймете, почему я наблюдал за Громовым, какие цели преследовал и почему мне можно доверять.

Для объективности я прикрепил к своему дневнику

совместное досье Бюро и Интерпола на Алекса Хоффмана, бывшего Председателя Торговой Федерации. Я настаиваю, что именно его глупые, агрессивные действия привели к столь стремительному наступлению системного кризиса, в котором мы все оказались. Это досье составил «разоблачитель доктора Синклера» инспектор Идзуми при активной помощи лиц, которые предпочли остаться неизвестными.

Все документальные свидетельства, которыми я располагал, распределены в логическом порядке. Хронология их не имеет большого значения. Смысловые цепочки составлены из событий, произошедших в разные дни, но связанных между собой. Так вам будет легче понять происхождение того глобального кризиса, что вот-вот произойдет. В том, что он наступит, я абсолютно уверен и не собираюсь дожидаться последствий этой катастрофы.

Свой гипердневник я записал на самый прочный и безопасный из всех существующих док-топов и намереваюсь послать в Либерийский департамент упредительной полиции. Там чрезвычайно долго разбирают корреспонденцию. У меня будет достаточно времени, чтобы затеряться в лотек-пространстве. Пока апокалипсис случится, пока вас соберут, пока сообразят передать вам этот док-топ — я буду уже очень далеко, с новым лицом и модифицированным ДНК.

Вы никогда меня не найдете.

Доктор Павлов А. Р.
2 февраля 2055 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГЕРОЙ

Предупреждение доктора Синклера

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

Привет, дорогие обезьяне!

Сегодня мы торжественно убрали табличку с дверей нашего офиса, которая гласила: «Судный День. В связи с наступлением Апокалипсиса редакция временно закрыта». И снова открылись! Как второй раз родились! Чесн-слово!

Как же это приятно — пережить конец света! Мы — радостная массовка на заднем плане эпохального Сетевого побоища между Громовым и Джокером — вне себя от счастья! Вся наша редакция договорилась праздновать 23 августа, день избавления нас от Джокера и генерала Ли, как собственный корпоративный праздник! Черт возьми! Это как будто нас всех, всем земным шаром сразу, захватили в заложники, а Громов спас! Мы считаем, что корпорации-производители Сетевых арен просто обязаны немедленно создать игру по мотивам реальных событий! Мы даже готовы подарить ей название: «Максимус Гром»! Почему именно так? Да просто очень круто, на наш взгляд, звучит. Верьте нам. Большую часть рабочего времени мы посвящаем изучению Сетевых арен — новых и популярных. Ведь надвигается Олимпиада… Надо быть в курсе! И держать в курсе вас, наши бесценные обезьяне. Напоминаем, что выставить свою команду может кто угодно, у кого есть десять миллионов кредитов на олимпийский спонсорский взнос. В этом году команды выставляют, как обычно, все крупные мегаполисы, университеты и Торговая Федерация. Хайтек-школы пока воздерживаются. У них был неважный финансовый год.

Всем нам, конечно, очень хотелось бы узнать, как именно Макс Громов спасал мир. Было бы здорово снять про это фильм. Было бы очень здорово получить Сетевой протокол его действий поминутно. И еще прекрасней было бы узнать подробности его личных взаимоотношений с красавицей Дэз Кемпински! Нам самим все это хочется узнать так сильно, что мы готовы заплатить баснословное вознаграждение любому агенту Бюро информационной безопасности, который согласится продать нам секреты своей организации. Да,

да, да. Мы понимаем: это низко и гадко — искушать честных агентов, чей оклад весьма скромен, с доходами медиазвезд близко не сравнится… Десять миллионов кредитов! Ребята! Украдите секретное досье Громова и протоколы операции по уничтожению Джокера, чтобы люди могли узнать, как это было! А после увольняйтесь со службы к чертовой матери, без пенсии и страховки! Десять миллионов кредитов раскрасят вашу старость в яркие цвета! Отличное предложение! Подумайте над этим!..

* * *

20 августа 2054 года, 23:15:07
Восточно-Европейская карантинная зона
Технопарк Эден

Квадролет мистера Буллигана приземлился в Эдене.

Шеф Бюро тронул Громова за плечо:

— Просыпайся, мы на месте.

Макс с трудом разлепил веки. Его колотил мелкий противный озноб. Шея затекла, суставы ломило, икры сводило судорогой. Он весь будто превратился в оголенный нерв, реагирующий даже на дуновение ветра. Смерть Джокера, прощание с Дэз на крыше отеля в Буферной зоне… Воспоминания, не похожие на реальность. Максу казалось, что он сможет нажать на кнопку «Загрузить сохраненную игру» и переиграть все заново, с другим финалом. Финалом, где погибает только Джокер, а Мартин Кемпински остается жив, где Громов и Дэз смогут остаться вместе и пройти еще раз по бетонному волнорезу в Тай-Бэй… Сознание Макса, который полжизни провел в Сети, отказывалось принимать тот факт, что в реальности нельзя ничего вернуть. В реальности есть судьба, которая неумолима, жестока, случается только один раз, и ничего, ничего уже нельзя вернуть.

— Надеюсь, ты готов к новой встрече с доктором Си, — пробормотал мистер Буллиган, выбираясь из квадролета.

Громов с трудом встал на ноги, пошатываясь и держась за стенку, побрел к двери.

— Я не буду загружаться в среду Эдена, — сказал он, спустившись по лесенке.

— Этого не понадобится, — шеф Бюро присмотрелся к Громову и добавил: — Выглядишь, будто у тебя нервное

истощение.

— Оно и есть, — раздраженно буркнул в ответ Макс.

* * *

На аэродроме Эдена было темно. Неяркие оранжевые огоньки взлетной полосы едва освещали дорогу. Промозглая сырость, насыщенная испарениями окружающих болот, пробирала до костей. Пошел противный мелкий дождик. Мельчайшая водяная пыль мгновенно пропитывала одежду, делая ее тяжелой и влажной.

Два прожектора, установленные рядом с грузовым самолетом Бюро, выхватывали из темноты узкий коридор, по которому сновали агенты с тележками. Они грузили в самолет гигантские оптические накопители, архив технопарка.

— Куда они их везут? — спросил Макс.

— Крейнц хочет конвертировать данные среды Эдена в цифровой формат. Для «Ио», — ответил Буллиган.

— Зачем?

— Что за глупый вопрос? — неожиданно рассердился шеф Бюро. — Мы же должны наконец точно узнать, какого хрена тут на самом деле произошло!

Громов проводил взглядом одну из тележек и подумал: жаль, ему никогда не узнать, что произошло на самом деле. Своей собственной памяти он больше не мог доверять, а на откровенность Буллигана надежды никакой.

Они вошли в ангар, направились к лифту. Макс неохотно плелся за Буллиганом, настороженно озираясь по сторонам, его тревожный взгляд то и дело возвращался к воротам ангара. Ему постоянно казалось, что они вот-вот закроются.

— Мы здесь надолго? — спросил Макс у шефа Бюро информационной безопасности и на всякий случай добавил: — Я тут не останусь.

— Разумеется, не останешься, — бросил тот через плечо. — Просто расскажешь доктору Си о своих планах. Думаю, это его волнует. Пропатчившись «Моцартом», старик снова стал любопытен.

Макс задержался у лифта. Просто остановился как вкопанный, не желая заходить в кабину.

— Идем! — Буллиган махнул ему рукой.

Макс продолжал нерешительно переминаться с ноги на ногу. Буллиган нахмурил косматые седые брови и спросил:

— В чем дело? Клаустрофобия?

Громов пожал плечами. Он не мог дать рационального объяснения своему страху перед лифтом. На суровом лице шефа Бюро возникло недоумение.

— Ты правда думаешь, будто тебе по-прежнему что-то угрожает? Президент ждет тебя, чтобы вручить орден за спасение человечества. В твою честь устроят такие торжества, какие ни одному герою комиксов не снились. Меня отправят в Джа-Джа Блэк, если я не доставлю тебя в Nobless Tower сегодня. Тебе нечего бояться. Ты самая важная из всех важных персон в хайтек-пространстве. Важней Алекса Хоффмана, Председателя TF!

Буллиган скривился так, будто даже артикуляция имени нового Председателя TF оставляла на языке мерзкий привкус.

В ответ на эту пламенную тираду Макс лишь недоверчиво дернул плечами, но в лифт все же вошел. В памяти почему-то всплыла фраза из дневника Роберта Аткинса.

ID

Раздел: Торговая Федерация

TF — Trade Federation — Торговая Федерация. Совет системообразующих корпораций хайтек-пространства. Штаб-квартира TFT — Trade Federation Towers — расположена в Нью-Йоркском хайтек-мегаполисе. Возникла еще до Нефтяной войны как добровольная международная ассоциация корпораций с целью добиваться благоприятных условий для развития и ведения бизнеса во всем мире. После Нефтяной войны TF взяла на себя функцию формирования бюджета хайтек-пространства. Раз в год хайтек-правительство направляет TF проект бюджета. Задача Торговой Федерации — обеспечить поступление средств. Бюджетные сборы определяются для каждой корпорации ежегодно в индивидуальном порядке в зависимости от состояния ее дел.

Раздел: юридические процессы

«Процесс против продажи мест в парламенте» — длительная тяжба между TF и добровольной общественной организацией «Закон и порядок» в Верховном суде хайтек-пространства о правомерности изменений в избирательной системе. До 2051 года хайтек-парламент избирался путем прямого голосования хайтек-граждан через Сеть. В 2051 году Торговая Федерация внесла предложение, чтобы места в хайтек-парламенте распределялись между представителями корпораций пропорционально их взносам в бюджет

хайтек-пространства.

«У меня нет чувства реальности. Прошлое — это только память, которая изменчива и зависит от моего настроения сейчас. Будущее — фантазия, которая может сбыться, только если в нее верить. Настоящее — краткий миг “сейчас”, который пролетает так быстро, что я не успеваю его почувствовать. Я живу внутри своих проектов. Только мои дела имеют значение. Времени нет, пространство иллюзорно, моя личность — лишь проекция мнения окружающих. Я устал искать свое отражение в их глазах. Как энергия не существует без массы, так и меня нет без активности сознания».

Двери закрылись. Макс почувствовал, что его внутренности подпрыгнули, перехватило дыхание. Амортизатор скоростного лифта определенно был не в порядке. Громов мысленно задался вопросом: чем таким сверхважным занята интеллектуальная система Эдена, что не успевает следить за работой лифта?

Впрочем, дискомфорт длился мгновение. Двери открылись, Громов увидел перед собой технический этаж. Здесь находился пульт управления нейрокапсулами и исследовательскими лабораториями.

— Тебе сюда, — Буллиган указал Максу на знакомую переговорную.

Комнату, которую оснастили всем необходимым оборудованием для общения с доктором Синклером через простой, визуальный, двухмерный интерфейс. Без подключения к виртуальной среде Эдена.

Макс подошел к двери, приложил руку к замку. Идентификация ДНК, линий на руке, замер давления и пульса, чтобы убедиться — рука действительно принадлежит Максу Громову, который жив и чувствует себя спокойно.

— Добро пожаловать, ученик Громов, — раздался спокойный голос «Дженни», интеллектуальной системы управления.

— Если не выйду через полчаса, спасайте, — пошутил Громов, входя внутрь.

Шеф Бюро помахал рукой ему вслед.

Дневник доктора Павлова

? июля 2054 года
Тюремный комплекс Джа-Джа Блэк
О. Исландия
Северный блок, реанимационный центр

Я видел странный сон.

Меня сильно обожгло. Но не снаружи, а внутри. Я чувствовал, как по моим венам разливается огонь.

Потом я упал в воду — теплую, розоватого цвета. Я мог дышать в ней, как рыба. Она заполнила мои легкие, но я не захлебнулся. Наоборот, появилось чувство легкости, невесомости. Жжение в венах прекратилось. Вместо него я начал чувствовать приятную свежесть и прохладу.

Сквозь воду струился свет, но я ничего не видел, кроме мелких пузырьков, кружащихся вокруг. Сверху или, может, сбоку донеслись тревожные голоса. Я даже засомневался, не звучат ли они внутри моей головы.

— Мистер Буллиган, сэр, вы уверены, что поступаете правильно? — спросил по-японски мужской голос, молодой, тонкий и очень нервный.

Видеть сон было очень интересно. Кажется, я очень давно не видел снов. Я даже не могу сказать точно, сколько именно я сплю. Очень, очень давно. Мне даже кажется, что всю жизнь. Хотя нет, постойте… Я помню роскошный дом с огромной спальней, где просыпался каждое утро. Я помню женщину в ярком шелковом платье. Ее длинные жемчужные бусы… Помню, как покупал их в антикварном магазине с зелеными витринами… Только никак не могу рассмотреть ее лица. Но она улыбается, все время улыбается. Она счастлива… Я помню девочку в легком клетчатом сарафане, которая подбегает ко мне и просит взять ее на руки. Это больше похоже на видение. Хотя, может быть, сейчас я проснусь именно в этом доме и начнется моя обычная нормальная жизнь?

Мысли текли в моей голове вязким, светлым, как прозрачный мед, потоком картинок. Я был отдельно от своих мыслей. Я созерцал их, но не чувствовал. В детстве у меня был калейдоскоп. Я любил смотреть, как цветные стекла внутри него образуют причудливые веселые узоры. Мне нравились эти узоры. Меня это успокаивало. Кажется, я всегда был довольно нервным.

Вдруг течение моего сознания было нарушено. Словно камень упал в реку. Заговорил другой мужчина. Резкий грубый голос, речь английская.

— Доктор Павлов почти отбыл свой срок. Мы достаем его всего-то на…

— На тридцать пять лет раньше, чем следовало бы! Мистер Буллиган, я по-прежнему настаиваю, что вы совершаете большую ошибку! — воскликнул молодой мужчина с нервным голосом снова по-японски.

Я уловил в его тоне определенную обреченность. Похоже, он говорит с боссом, которого до смерти боится. Но меня он, похоже, боится еще больше. Хм… Интересно, кто я? Кто бы ни был — знаю как минимум два языка, отличных от того, на котором думаю, — русского.

А еще — как эти двое снаружи понимают друг друга, разговаривая на разных языках? Тут я вспомнил: кажется, у меня была штука, которую называют «биофон», довольно дорогая, но удобная. Мне пришлось имплантировать специальный чип… Биофон переводит любую речь на понятный тебе язык. Должно быть, сейчас эта штука в моей голове просто не работает.

— Нимура, вы уже достаточно прикрыли свой зад, настрочив Фаворскому официальный протест против моего решения. Если что случится — вы ни в чем не будете виноваты. Все будут знать, что вы предвидели и предупреждали, но вас никто не послушал. Все. Успокойтесь!

— Когда он узнает… — не унимался молодой японец. — Его реакцию невозможно предсказать.

— Тихо! — осадил его англичанин. — Он может услышать.

— Мистер Буллиган, сэр…

— Нимура, замолчите.

Буллиган… Где-то я уже слышал это имя.

Перед глазами пронеслась неприятная, тревожная картинка. Я сижу в кабинете на втором этаже своего дома. Вдруг снизу доносится оглушительный грохот. Весь дом содрогнулся. Я слышу приглушенный топот ботинок на лестнице. Я ничему не удивляюсь. Кажется, я даже жду этих людей. Я готов…

Дверь распахивается.

На пороге молодой человек с пистолетом. За его спиной — отряд упредительной полиции.

— Доктор Павлов, вы арестованы, — сообщает вошедший.

— Можно узнать причину? — спокойно спрашиваю я.

— Незаконные эксперименты над людьми, — следует ответ.

— Вы не представились.

Тот, кто пришел меня арестовать, подносит к моему биофону идентификационный жетон. Я слышу ровный цифровой голос системы личной безопасности: «Специальный агент Бюро информационной безопасности Буллиган. Личность подтверждена».

Буллиган! Тот самый агент, что отправил меня в морозилку на пятьдесят лет!

Я не сплю!

Меня разморозили!

ID

Раздел: слэнг

Заморозка — речь идет о низкотемпературном обратимом анабиозе.

Разделы: система исполнения наказаний; медицина; медицинская техника

Низкотемпературный обратимый анабиоз — допущен к применению в 2019 году.

Первоначально применялся исключительно в медицинских целях для смертельно больных людей. Их тела погружали в «жидкий воздух», а затем постепенно охлаждали до температуры + 4 ˚С. Организм погружался в глубокий анабиоз. Его обменные процессы замедлялись в 50 раз, но не прекращались совсем. В этом состоянии останавливалось развитие раковых опухолей, тяжелых патологий внутренних органов и т. п. В состоянии анабиоза смертельно больные люди могли без риска для жизни ожидать снятия запрета на клонирование и трансплантацию собственных органов или изобретения нужного им лекарства.

Во время Нефтяной войны, с 2023 года, низкотемпературный обратимый анабиоз начали применять в качестве альтернативы тюремному заключению. Для вывода из НОА последние два года применяется термоджет.

Раздел: система личной безопасности

Идентификационный жетон — индивидуальный датчик представителя любой из государственных служб. Введен в 2037 году из-за участившихся случаев подделки электронных удостоверений. Имеет индивидуальную частоту, опознается системой личной безопасности гражданина хайтек-пространства. С момента контакта с представителем власти и идентификации его жетона «Большой брат» автоматически фиксирует данный контакт во избежание злоупотреблений и недоразумений при получении показаний, улик и т. д. Гражданин хайтек-пространства не обязан подчиняться представителю власти, если тот не имеет при себе идентификационного жетона.

* * *

Громов вошел в темный кабинет, сел в черное кресло. Перед

ним была пустая черная матрица медиамонитора.

— Здравствуйте, доктор Синклер, — сказал он, оглядываясь по сторонам.

Монитор включился. Некоторое время Макс видел только серо-белую рябь, потом по ней побежали белые символы, затем фон сменился на ярко-синий, режущий глаз, и наконец перед Громовым возник директор технопарка Эден. Он сидел в своем обычном «львином» кресле за старинным резным столом и выглядел слегка взволнованным.

— Здравствуй, Макс, — мягко сказал он. — Я правда очень рад тебя видеть. Это не фигура речи, я действительно чувствую радость! Благодаря твоей программе. Хорошо, что ты вернулся.

— Добрый вечер, доктор Синклер, — Громов ответил на приветствие довольно сдержанно. — Это не возвращение. Я не буду подключаться к вашей виртуальной среде до тех пор, пока не придумаю способа выходить из нее по собственному желанию. В любой момент. Гарантированного способа, понимаете?

— Понимаю, — директор технопарка улыбался, но при этом то и дело нервно прикасался к своим антикварным золотым запонкам. — Хорошо… У нас есть немного времени, пока все системы хайтек-пространства адаптируются к новому коду «Ио». Твоему коду. Мы можем поговорить совершенно безопасно. То есть все сказанное останется между нами. Гарантированно. Ты знаешь, что «Большой брат» временно отключен?

— Нет, — Макс покачал головой.

— Так вот знай, что в данный момент техническая возможность подслушать наш разговор через твой биофонный чип и записать его отсутствует, — сообщил директор технопарка.

— И что? — Громову стало не по себе.

— Я хочу предупредить тебя, Макс, — тон голоса доктора Синклера стал очень серьезным. — Ты все еще в очень большой опасности. Угроза твоей жизни сейчас ничуть не меньше, чем во время схватки с Джокером или в Буферной зоне.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Макс.

— Ты понимаешь, что произошло вчера? — директор Эдена подался вперед. — Ты мгновенно внедрил изобретение, которым отныне будет пользоваться каждый житель хайтек-пространства. По закону они обязаны тебе за это платить. Каждый раз, когда кто-то входит в Сеть — он автоматически переводит на твой счет по 0,005 кредита. В масштабах хайтек-пространства меньше чем за год выйдет колоссальная сумма. Кроме этого ты создал технологию, возможности которой почти безграничны. Прошедшие двое суток превратили тебя из пешки в ферзя, и за обладание твоей головой сейчас начнется настоящая война.

— Я оставил код открытым, — удивленно пожал плечами Макс. — Никто не должен платить…

— Жаль, что в твою голову не успели положить хотя бы основы патентного законодательства, желательно с автоматическим обновлением, — вздохнул доктор Синклер. — В прошлом году Торговая Федерация решила упростить себе получение денег. Теперь не требуется согласие пользователя на приобретение какого бы то ни было софта, данных и так далее. Кликнул — значит пользуешься. Кредиты слетают автоматически. У Хоффмана довольно странное чувство юмора — он назвал эту систему «Великий кассир». За год доходы софт-корпораций выросли втрое. Больше никаких демо-версий и пробных допусков, кликнул — плати.

— И что? — Макс нахмурился. — Я могу сделать исключение…

— Можешь, правда? — доктор Синклер улыбнулся. — А ты уже пробовал работать со своим собственным кодом?

— Нет, — вопрос доктора Синклера несколько озадачил Громова. — Думаете, не смогу?

— Ну… — директор Эдена задумчиво поглядел куда-то вверх. — Не берусь утверждать… Есть одна гипотеза… Но это только догадка. Тебе надо попытаться сделать что-нибудь, используя собственную кодировку, — тогда станет ясно.

— Что ясно?

— Хоть что-нибудь, — нервно рассмеялся доктор Синклер. — После ваших с Джокером дел Сеть изменилась. Как именно, пока никто не понимает. Но она… Хм… Даже не знаю, как сказать… Просто попытайся написать хоть что-нибудь самое простое и заставить «Ио» подчиниться… — доктор Синклер подмигнул Громову. — А пока вернемся к твоим будущим неограниченным финансовым возможностям. Чтобы «Великий кассир» исправно снимал со счетов хайтек-граждан денежки за каждый клик и не осталось возможностей для лазеек, Торговой Федерации потребовалась интеграция первого уровня, то есть непосредственно через «Ио», а уже оттуда — в кредитную систему. Беда в том, что «Великий кассир» не делает исключений ни для чего. Так что теперь открыт твой код или закрыт — уже неважно. Деньги будут поступать на твой счет каждый раз, когда гражданин хайтек-пространства входит в Сеть. Это аксиома. Полагаю, Алекс Хоффман уже посчитал, сколько они получат, если права на твой код перейдут к Торговой Федерации.

— Права не перейдут, — заверил его Громов. — Я придумаю, как сделать исключение для своего изобретения и оставить «Кассира» с носом.

— Боюсь, об этом лучше забыть. Я ведь, кажется, уже сказал, что Хоффман наверняка прикинул возможную прибыль. В лучшем случае он попытается выкупить у тебя патент на твое изобретение. Создаст корпорацию, которая будет им распоряжаться, и, возможно, назначит тебя главным софт-инженером, но…

— Я не собираюсь продавать патент на новый Сетевой код и вообще технологию, основанную на свойствах омега-вируса, — перебил его Макс. — Честно говоря, я вообще не думал, что буду с ней делать… Но продавать не намерен точно.

— В этом-то и проблема, — доктор Синклер тронул пальцем фигурку богини правосудия на своем столе.

— Я не понимаю, — Громов напряженно уставился на директора Эдена.

— Ты понимаешь, что для использования собственной технологии тебе понадобится огромная корпорация? — спросил доктор Синклер. — Софт, производство, защита, выход на рынок, организация всего процесса… На освоение и внедрение в массовое производство такой технологии, как твоя, нужны миллиарды кредитов. Ты не сможешь создать такую компанию в одиночку.

— И что? Я могу договориться…

— Никто не станет с тобой договариваться! — раздраженно перебил его доктор Синклер. — Изобретение уже есть! Им можно пользоваться! Собственных ресурсов, чтобы внедрить свою технологию и производить софт на ее основе, у тебя нет! За тобой нет ни крупной корпорации, ни политической силы, способной тебя защитить, заставить с тобой считаться! У тебя в данный момент вообще ничего нет, кроме гениальной головы, которая уже сделала свое дело! Ты победил Джокера и выдал разработку в открытый доступ! Группа из десяти менее гениальных, но более сговорчивых софт-инженеров сможет разобраться в твоем изобретении и придумать, где его можно применять! Понимаешь, к чему я веду? Или ты думаешь, Роберт Аткинс просто так закрыл код «Ио»? Почему, ты думаешь, он сделал так, чтобы управление квантовым компьютером и Сетью зависело от его собственной жизни? И даже это его не спасло! Торговая Федерация покупает только то, чего не может отобрать! Понимаешь?

— Пока не совсем, — Макс откинулся назад в кресле. — Вы намекаете, что меня могут убить, если я не соглашусь продать патент на свое изобретение?

— Прямо говорю, — кивнул доктор Синклер.

— Но зачем кому-то это делать?! — воскликнул Громов. — Ведь пока я жив, я могу изобрести еще что-то. Я могу развить

собственную технологию лучше и быстрее, чем это сделает кто-либо!

— Макс, ты что, до сих пор думаешь, будто те, кто принимает решения в нашем лучшем из миров, всегда в состоянии оценить тебя по достоинству? Все лучшее создается не благодаря, а вопреки. Ты хотя бы знаешь, что в 43-м году прошлого века президент IBM Томас Уотсон сказал: «Ни у кого не может возникнуть причин устанавливать компьютер дома»? Сам Эйнштейн утверждал, что летательные аппараты тяжелее воздуха невозможны. Доктор Ли де Форестер, отец телевидения, заявил: «Нет никаких указаний на то, что из атома можно получить энергию».

— Я не понимаю, зачем кому-то убивать меня, — упрямо повторил Макс.

— А зачем было убивать меня? — горько усмехнулся доктор Синклер. — Или ты думаешь, я по своей воле согласился участвовать в создании Эдена таким, каким ты его увидел, очнувшись?

— Но… — Макс сморщил лоб. — Но ведь вы живы. Иначе вы не могли бы…

— Да, только не знаю, где находится мое собственное тело, — доктор Синклер раздраженно стукнул ладонью по гладкой бордовой поверхности стола. — После того как Дэйдра МакМэрфи ввела мне модулятор обменных процессов, ускорив старение, и тем самым сделала так, что мое сознание не смогло вернуться в тело, — началось расследование. Оно было недолгим и формальным. Моих учеников очень скоро отстранили от участия в нем. Под предлогом неких генетических исследований нейрокапсулу вывезли из нашей лаборатории. Куда — я так и не узнал. Забавно, правда? Все это время меня заставляли делать то, что им было от меня нужно, держа в заложниках меня же самого! Гениальный план Дэйдры! Двадцать лет я пробыл цифровым привидением, не испытывая никаких чувств — в том числе дискомфорта по поводу своего состояния! Но после того как ты запустил «Моцарта», все изменилось. Я хочу вернуться в собственное тело! Я хочу снова стать человеком! Пройти собственными ногами по настоящей земле!

Громов задумчиво посмотрел на свои руки. Долго молчал, потом произнес:

— Странно… Я до сих пор не могу отделаться от подозрения, что все кругом ненастоящее. Будто попал во второй слой виртуальной реальности. Знаете, однажды мне приснился кошмар. Будто за мной гоняются мутанты из «Вторжения». Было так страшно, что я проснулся. И вдруг эти же самые мутанты

накинулись на меня. То есть мне только приснилось, что я проснулся. Понимаете? Я думал, что не сплю, а на самом деле все еще спал. Так и сейчас. Каждый раз, когда я просыпаюсь, — начинаю проверять, реально ли то, что меня окружает. Или, может быть, я все еще в нейрокапсуле, только программа поменялась? Виртуальная реальность, имитирующая мое пробуждение и настоящую жизнь. От этого с ума можно сойти! — Макс нервно рассмеялся.

Доктор Синклер сцепил пальцы рук и положил ногу на ногу.

— Ты злишься на меня, да? — спросил он Громова.

Макс посмотрел в глаза виртуальной проекции директора Эдена. Потом кивнул:

— Да. По вашей вине я чувствую себя как футбольный мяч. Вы положили меня в нейрокапсулу на два года, Джокер вытащил, Хьюго Хрейдмар передал через мой архив памяти омега-вирус, Джокер получил его, мне пришлось убить…

Макс осекся, у него едва не вырвалось: «Убить отца Дэз!» От этой мысли у него закружилась голова, в ушах поднялся шум, сердце забилось в три раза чаще. Громов вдруг понял, что, возможно, вчера на крыше Тай-Бэй Палас попрощался с Дэз Кемпински навсегда!

Доктор Синклер внимательно следил за эмоциональной реакцией Громова и настороженно спросил:

— Что с тобой?

— Ничего! — Макс сжал кулаки, отвернулся и сделал глубокий вдох.

На глаза навернулись слезы. Сожаление. Бессилие. Чувство настоящей потери. До него впервые в жизни дошел смысл слова «никогда». На Сетевых аренах все можно переиграть. Всегда был шанс сохраниться и пройти игровой момент заново. А в жизни… Макс ясно ощутил, что, возможно, больше никогда, никогда в жизни не увидит Дэз Кемпински!

Доктор Синклер отвел глаза. Потом вынул из ящика стола фотографию в рамке и повернул к Громову. Макс увидел, что на снимке изображена Дженни Синклер. На этой фотографии ей было лет шестнадцать, не больше.

— Это называется рок, — печально сказал он. — Когда Вселенная странным образом вмешивается в нашу жизнь. Когда ты вернул мне способность чувствовать — первым чувством, что вернулось ко мне, оказалась боль. Мне кажется, что уже поздно пытаться вернуть Дженни, но я все равно надеюсь. Может быть, теперь, после смерти Джокера, у меня будет шанс.

Громов внимательно посмотрел на доктора Синклера и холодно спросил:

— Чего вы ждете от меня?

Директор технопарка глубоко вздохнул. Он не привык просить о чем-то и уже давно забыл соответствующие интонации. Поэтому, когда заговорил, его просьба звучала как приказ:

— Найди мое тело. Пока системы безопасности хайтек-пространства еще не в полной мере адаптировались к изменившейся Сети, новому способу передачи и обработки информации есть шанс незаметно проникнуть в архивы Бюро информационной безопасности! Джэк Буллиган руководил созданием Эдена. Я уверен, что он точно знает, где находится моя нейрокапсула!

Громов долго смотрел на доктора Синклера. Было непохоже, что Макс думает или принимает решение. Он чувствовал что-то похожее на торжество или злорадство. Ему не нравилось переживать это чувство, но и избавиться от него Громов был не в состоянии. Будто злая обезьянья природа биологических инстинктов на мгновение взяла верх над душой — странной нематериальной субстанцией, которую подарила человеку цивилизация.

— Нет, — сухо сказал Макс. — Я не стану помогать вам, потому что не доверяю ни одному сказанному слову. Может, этот разговор — часть какого-то вашего нового плана в отношении меня? Откуда мне знать? Если корпорации, Бюро — кто там еще? — если они и правда все это время держали вас на коротком поводке, может, вы и сейчас выполняете их волю? Намеренно пугаете меня, чтобы заставить продать патент! Из-за вас мне сейчас трудно понять, где я нахожусь — в реальном мире или его виртуальной проекции. Я потерял… — тут Макс запнулся, не зная, как ему назвать Дэз. — Я потерял лучшего друга! Я не знаю, как мне жить дальше! Меня чуть не убили в Буферной зоне! Все, хватит! Хватит, доктор Синклер. Больше никаких ваших советов и просьб. Довольно.

Директор Эдена побледнел. Потом прикусил губу и постучал пальцами по столу. Снова тронул фигурку богини правосудия.

— Ладно. Хорошо. Я… — он запнулся, закрыл глаза и устало облокотился на спинку кресла. — Обещай мне только одно. Ты подашь заявку на участие в Олимпиаде по компьютерным играм. Обещаешь?

— Нет, — упрямо ответил Макс.

— Черт возьми! Я же пытаюсь защитить тебя! — воскликнул доктор Синклер, ударив ладонями по столу. — Ненавижу эту дурацкую подростковую манеру на все отвечать «нет», даже не задумавшись, о чем идет речь! Ладно… — директор с трудом перевел дух, пытаясь успокоиться. — Запомни тогда одно. Тебе

надо быть на виду. Все время на виду. Единственное, что тебя сможет спасти, — это камеры медиа, направленные на тебя двадцать четыре часа в сутки! Лучшее средство для этого — стать участником Олимпийских игр. Поэтому я тебя об этом попросил. И только!

Максим встал.

— Я не верю вам! Ни одному слову. И до тех пор, пока не создам независимую систему выхода из виртуальной среды Эдена, — сюда не вернусь.

Директор технопарка только развел руками:

— Боюсь, ты поймешь, что я был прав, за секунду до собственной смерти. Ты в опасности, масштаб которой даже не в состоянии оценить.

— До свидания, доктор Синклер, — Макс повернулся к плазме спиной и направился к двери.

— Будь всегда на виду! — крикнул ему вслед директор Эдена.

Громов не ответил. Он открыл дверь, вышел в темный коридор, активировал свой биофон и приказал электронному секретарю:

— Вызов мистера Буллигана.

Раздались гудки. Щелчок, а затем сердитый, лающий голос шефа Бюро информационной безопасности:

— Да, Громов?

— Я закончил разговор, — сказал Макс. — Можем лететь в Токио.

— И что тебе сказал наш любимый хитрый доктор Си? — спросил Буллиган.

— Поблагодарил за избавление от Джокера, — спокойно соврал Громов.

— И все? — недоверчиво спросил шеф Бюро.

— Все, — ответил Макс.

— Не может быть, — сердито проворчал Буллиган.

По его голосу Громов понял, что шеф Бюро ему не поверил, но, похоже, проверить его слова в данный момент не может. Значит, технические системы Бюро и правда еще не полностью адаптировались к новому способу кодировки и передачи информации. Где-то под сердцем у Громова появилась ноющая червоточина… Или, может, Буллиган просто соблюдает приличия. Неизвестно почему, но Бюро до сих пор продолжает делать вид, что не следит за каждым шагом граждан хайтек-пространства, а те в свою очередь притворяются, будто до сих пор верят в конституционные права трехсотлетней давности и свободу выбора. Эта игра Громова не удивляла и не возмущала. Он просто принимал ее правила. Хотя бы потому, что не мог представить —

как может быть по-другому. Когда тебя с семи лет начинают подключать к нейролингве, в качестве теста заливая в мозги курс всемирной истории, быстро начинаешь просто принимать мир таким, какой он есть. То есть — не идеальным. Он опять вспомнил дневник Аткинса: «Идея идеального мира может существовать только в очень ограниченном сознании. Реальный мир — это всегда подвижный, многомерный баланс. Ничто не исчезает и не появляется вновь. Любые перемены — трансформация энергии».

— Я хочу улететь сейчас! — неожиданно нервно выкрикнул Макс. — Я не буду засыпать в Эдене!

— Уф-уф! — фыркнул Буллиган. — Ну ладно… Как скажешь. Поднимайся в ангар. Квадролет готов к вылету.

Дневник доктора Павлова

? июля 2054 года
Тюремный комплекс Джа-Джа Блэк
О. Исландия
Северный блок, реанимационный центр

Я не ощущал ни времени, ни собственного тела. Резервуар с «жидким воздухом», где меня держали, представлял собой нечто среднее между гробом и аквариумом. Должно быть, большую часть суток я спал. Периоды пробуждения казались ничтожно короткими. Стоило мне на мгновение очнуться и открыть глаза, как я тут же снова впадал в дремоту, а затем в глубокий сон. Правда, день ото дня мне удавалось постепенно увеличивать время своего бодрствования.

ID
Раздел: медицина
Подраздел: медицинская химия
«Жидкий воздух» — высоконасыщенная, ионно-активная жидкая кислородно-азотная смесь. Человек, чьи легкие заполнены ею, может дышать точно так же, как обычным атмосферным воздухом. Предотвращает гибель живых клеток. Была разработана для глубоководных погружений, когда из-за большого давления использование обычного сжатого воздуха невозможно. В 2017 году впервые применена для сохранения живых микроорганизмов во время их доставки на Венеру.

Применяется также для погружения в низкотемпературный анабиоз. Человеческое тело полностью погружается в «жидкий воздух», затем смесь постепенно охлаждается до + 4 °С.

Вскоре я заметил, что в боксе рядом с моим резервуаром время от времени появляется человек в голубом медицинском костюме. Когда он увидел, что я смотрю на него сквозь воду, то улыбнулся и представился:

— Я доктор Жилинский, ваш реаниматолог, — он положил ладонь на крышку моего аквариума. — Надежно, как в материнской утробе! Скоро ваши жизненные функции полностью восстановятся, Алексей Романович.

Так я узнал свое имя.

В ожидании торжеств

21 августа 2054 года, 06:54:06
Токийский хайтек-мегаполис
Штаб-квартира Бюро
информационной безопасности

Хайтек-правительство намеревалось устроить грандиозные торжества в честь «Максима Громова — обычного школьника, который спас мир». Медиа взахлеб спорили — имеет ли хайтек-школа Накатоми право требовать, чтобы ее упоминали каждый раз, когда речь идет о Громове. Приобрел он свои исключительные познания в области софт-инжиниринга в Эдене, или победа над Джокером — всего лишь «единичное гениальное озарение»?

Мистер Буллиган доставил Громова в президентский люкс Nobless Tower. Передав нового супергероя заботам охраны и обслуживающего персонала, шеф Бюро отправился в штаб-квартиру Бюро, чтобы хоть немного поспать. События прошедших десяти дней — скандал с Эденом, атака Джокера, военный заговор — утомили Джека Буллигана до такой степени, что если бы ему позвонил сам Господь Бог, он бы не стал отвечать, пока не выспится, но электронный секретарь сообщил, что с шефом Бюро желает говорить Алекс Хоффман, Председатель Торговой Федерации.

— Да, сэр, — рявкнул Буллиган в ответ на вызов, поднимая голову с кожаного подлокотника своего дивана.

— Мистер Буллиган, если вы хотите получать свои неподотчетные фонды, сделайте так, чтобы я знал о Максе Громове все. Причем сегодня вечером, — прозвучала в ответ краткая инструкция. — Я хочу, чтобы к нему приставили специалиста по прогнозированию человеческого фактора. Лучшего! Если мне не изменяет память, личностный аналитик Аткинса еще жив…

— Ну-у… — задумчиво протянул Буллиган. — Можно, конечно, и так сказать… «Жив» — не совсем точное слово… Можно сказать — не до конца мертв…

— Так пусть составит исчерпывающий психологический портрет Громова! — рявкнул Хоффман и, судя по звуку, стукнул чем-то по столу. — Я намерен познакомиться с нашим героем до официальных торжеств в его честь. Мне надо знать, что он за человек.

— Если вы хотите, чтобы этим занялся именно личностный

аналитик Аткинса, то получить отчет к завтрашнему вечеру невозможно, — твердо сказал Буллиган. — Нам понадобится некоторое время, чтобы вернуть доктору Павлову способность думать. К тому же когда он узнает о смерти Аткинса, нет никаких гарантий…

— Делайте! — заорал Преседатель Торговой Федерации.

Голос Алекса Хоффмана был звонче и злее обычного. Он говорил так, будто в лице Громова увидел личного врага. Или, во всяком случае, соперника.

— Да, сэр, — угрюмо ответил Буллиган.

Когда Председатель отключился, шеф Бюро сел, потер шею и уперся локтями в свои колени.

— Павлин чертов… — проворчал он. Реплика была адресована Хоффману. — Не может пережить, что объявился герой покруче его самого. Так я и думал…

Дневник доктора Павлова

? июля 2054 года
Тюремный комплекс Джа-Джа Блэк
О. Исландия
Северный блок, реанимационный центр

Воспоминания о собственной жизни посещали меня как видения или сны. Я переживал разговоры с женой, игры с дочкой, иногда видел себя в каком-то исследовательском центре. Также я часто вспоминал Роберта Аткинса. Он являлся мне то пятилетним мальчиком, то подростком, то взрослым, бледным, чрезвычайно нескладным молодым человеком. Он был маленького роста, с узкими покатыми плечами, впалой грудью, неестественно длинной шеей и большой лопоухой головой. Его кожа выглядела пористой, рыхлой, ее покрывало множество гнойников. Редкие темно-рыжие брови, воспаленные веснушки, сальные волосы. Длинные, но слабые, как стебли пожухлой травы, руки. Даже очень дорогая, безупречно сшитая одежда сидела на нем безобразно, мешковато. Что и говорить — Роберт Аткинс выглядел ужасно. Он был не просто уродлив, а кошмарно уродлив. Однако что-то в нем все же вызывало во мне нежность… Или жалость? Или гордость?! Я не мог понять, почему так часто вижу этого человека и чем он для меня так важен.

Он боялся громких звуков, всполохов пламени, темноты. Он был таким нервным, что присутствие других людей повергало его в панику. Говорил быстро, четко, отрывисто, очень сложными

фразами, без запинки, но не меняя интонаций. Все на одной ноте, глядя на свои руки или в одну точку в пространстве.

— Я хочу самостоятельно спроектировать себе дом, — говорил он мне. — И жить там один. Один, понимаете? Никого больше видеть не желаю. Только так я могу сосредоточиться. Я как будто без кожи, понимаете? Я без кожи. Мне все больно. Каждый взгляд, жест, кривая улыбка. Почему я не такой, как все люди? Почему я изгой?

— Ты не изгой, ты гений, — отвечаю ему я. — Ты величайший мозг…

— Чушь! — перебивает он меня. — Я урод! Что-то во мне не так! — он тычет пальцем в свой висок. — Вот тут что-то не так. Как будто еще одно существо сидит внутри меня, а я только биологическая оболочка для него. Оно все время думает, думает, думает, изобретает, заставляет меня записывать, зарисовывать его изобретения. Не дает нормально спать, общаться с другими людьми, жить, как мне хочется! Я должен постоянно исполнять его волю!

Воспоминания, связанные с Робертом Аткинсом, почему-то всегда были неприятными. Болезненными. Я силился задержать их, сконцентрироваться, чтобы восстановить детали, — но картинка тут же исчезала или расплывалась.

Потом я увидел сцену суда. Меня обвиняли в незаконных экспериментах, повлекших за собой тяжелые увечья нескольких подростков. В чем суть моих экспериментов, я вспомнить не мог, но почему-то был очень спокоен. У меня было ощущение завершенного дела… Но воспоминание о том, что это за дело и почему я был так рад его закончить, все время ускользало от меня.

Кажется, мне грозило пятьдесят лет заключения, которые соглашались заменить анабиозом из уважения к моим достижениям в науке.

У меня был адвокат. Совсем молодой. Лет двадцати трех. Его звали… Черт, я не помню, как его звали. Он убеждал присяжных, что я великий ученый, что я оступился, не знал меры, но терять меня нельзя…

Потом я увидел его в своей камере, он тряс перед моим лицом какой-то бумагой:

— Доктор Павлов, я вас умоляю, скажите правду. Почему вы это делали?! Вы же не киношный маньяк. Вы нормальный человек. Почему? Почему?! Хотя бы намекните, что вас толкнуло? Почему вы начали экспериментировать с… — адвокат сунулся в бумагу. — Церотерозином!

— Предпочитаю называть его нейроактиватором.

— Неважно! — крикнул адвокат. — Вы можете объяснить, какого черта вас вообще понесло им заниматься?! Вы же прекрасно знали, что любые разработки в этой области запрещены! Со времен суда над корпорацией «Фрайзер», которая выпустила свой «Омни», якобы усиливающий интеллектуальные способности, и свела с ума два миллиона человек!

— Я приму любой приговор, но не буду рассказывать о причинах своих экспериментов, — сказал я и отвернулся.

Адвокат всплеснул руками:

— Вы понимаете, что умрете в тюрьме? А если даже я добьюсь замены заключения на заморозку — это еще хуже. Когда вы очнетесь после пятидесятилетнего сна — никого из ваших друзей и близких не останется в живых. Ваша дочь будет пожилой женщиной, которая вряд ли вспомнит ваше лицо! Пятьдесят лет — это целая жизнь. Я уверен, у вас были личные причины… Умоляю, расскажите о них присяжным. Если вам удастся вызвать у них сочувствие…

— Я не буду говорить.

— Черт! — адвокат сел напротив меня. — Вы совершаете ошибку, доктор Павлов. Очень большую ошибку. Если вас кто-то заставлял, шантажировал, угрожал вашей семье… А, да что я говорю. Мы уже на третий круг заходим. Поймите, как только приговор вступит в силу и будет приведен в исполнение — уже никаких апелляций. Никакого досрочного освобождения. Пятьдесят лет в стеклянном гробу.

Как только я вспомнил все это, в моей груди поднялась жгучая, надрывная волна. Неужели прошло пятьдесят лет? Мой срок закончился? Я почувствовал комок в горле и слезы на своих широко открытых, погруженных в биожидкость глазах. Моей жене было сорок пять! Значит, сейчас ей… девяносто пять! Если она, конечно, все еще жива! А моей дочери — шестьдесят! Она старше меня! Если, конечно, принимать в расчет фактический возраст. Ведь я за эти годы совсем не изменился, а они…

Раньше я не понимал смысла наказания через заморозку. Человек просто погружается в сон и никак не страдает. Но теперь я узнал, что расплата за преступление наступает позже. Когда ты просыпаешься и понимаешь, что остался один, твоих близких уже нет! Ты один в незнакомом новом мире и не представляешь, что делать! Абсолютный ноль!

Снаружи запищали датчики. Вбежала какая-то женщина, посмотрела на меня сердито и начала вертеть какие-то ручки на консоли управления. Состав жидкости неуловимо поменялся. Она стала более легкой, что ли. Я догадался, что мне увеличили концентрацию кислорода и снизили уровень нейрогормонов.

Кислород успокаивал, но мне не хотелось возвращаться в безмятежное, ровное, овощное состояние. Я упорно цеплялся за свое возбуждение. Оно помогало вспомнить множество событий, деталей, впечатлений. Но химия всегда сильнее нашей воли. Я задремал.

* * *

22 августа 2054 года, 16:30:12
Токийский хайтек-мегаполис
Отель Nobless Tower,
президентские апартаменты

Сон Громова был настолько крепким, что больше походил на смерть.

Неизвестно, сколько он проспал, но когда проснулся, не сразу понял, где находится, какое время суток и вообще — реально ли его тело. Или это все — очередной цифровой мираж?

Макс видел над собой круглый расписной потолок. Громов пригляделся и узнал героев популярной Сетевой игры «Хроники вампиров». Роспись была такой реалистичной, что Максу даже стало не по себе. Казалось, хищные бледные женщины с алыми губами и крыльями, как у летучих мышей, вот-вот стремительно бросятся вниз и растерзают лежащего на кровати в клочья.

Макс играл в «Хроники вампиров» раза два. И то не ради самой игры, занудный сюжет которой сводился к последовательному откапыванию и разорению вампирских гробниц, а чтобы посмотреть монументальные сооружения, воздвигнутые на ее пространстве. Архитекторы арены постарались на славу. Мрачные замки, развалины городов, сырые подземелья, дикие пещеры и невообразимые по красоте алые покои Королевы вампиров — Гекаты. Однако идея изобразить это царство ужаса на потолке спальни показалась Максу не слишком удачной.

Бросив последний взгляд на потолок, Громов поежился, вылез из постели и огляделся в поисках ванной. Вчерашний вечер он помнил смутно. Непреодолимая усталость свалила его еще в квадролете. Буллиган ненадолго разбудил Макса, чтобы тот смог подняться в апартаменты Nobless Tower, самого роскошного отеля хайтек-пространства. Громов запомнил только золотой лифт с огромными буквами VIP на дверях и бесчисленное количество прислуги в зеленой форме с замысловатым разноцветным шитьем.

В спальне было три двери. Макс открыл первую и обнаружил большую пустую гардеробную. Вторая дверь вела в просторную гостиную. Громов на мгновение застыл на пороге, разглядывая сложную круглую комнату с колоннами и старинной мебелью. С потолка свисала хрустальная люстра, украшенная множеством разноцветных миниатюрных стеклянных фруктов — маленькие сиреневые виноградные гроздья с тончайшими зелеными листиками, желтые груши, красные яблоки, оранжевые персики, голубые сливы… Каркас люстры изображал лозу с тончайшими слюдяными листьями, покрытыми множеством молочно-белых прожилок. Макс в жизни не видел такой искусной работы!

Люстра висела над большим овальным столом и отражалась в его полированной поверхности темно-вишневого цвета. Вокруг были расставлены резные стулья из такого же дерева. Разумеется, Макс понятия не имел, как оно может называться. Знания о породах дерева ему через нейролингву не закачивали. Возможно, если бы он учился на реставратора или антиквара… Громов закрыл глаза руками и крепко зажмурился, пытаясь прекратить хаотичный, скачущий с одного на другое по принципу свободных ассоциаций поток мыслей, который до невозможности напоминал стиль Сетевой информационной доски NOW WOW! которую Макс терпеть не мог за бессмысленный, неумолкаемый треск.

Он вернулся в спальню и открыл третью дверь. За ней оказалась ванная. Некоторое время Макс задумчиво смотрел на белый с серыми прожилками мрамор. Затем решительно прошел по нему к раковине, которая сияла такой чистотой, что чистить над ней зубы и мыть руки казалось почти преступлением. Очень плохим и бессовестным поступком уж точно.

Громов включил воду и уставился на искрящийся теплый поток, который шипел и пузырился, как дорогая натуральная минералка. От воды исходил едва уловимый запах мела. Да… Неподалеку от дома его родителей в лотек-пространстве была очень старая меловая шахта. Мать ходила туда, откалывала большие куски мела, складывала их в корзину, приносила домой, а потом толкла в большой ступке. Делала зубной порошок. Макс любил его вкус. Громов не стал выключать воду. Стоял, принюхивался к едва уловимому меловому аромату, шедшему от воды. Ему вдруг очень захотелось, чтобы родители увидели его, узнали, что он сделал… Воспоминания перестали быть приятными. Макс тряхнул головой, чтобы отогнать их, и выключил воду. Стал оглядываться по сторонам.

Огромная круглая ванна из цельного куска темно-красного мрамора. Стены украшены замысловатой цветочной мозаикой. Краны, крючки, полочки выглядят золотыми. Максу вдруг

захотелось укусить вешалку для полотенец, чтобы проверить — из чего она? Когда Громов учился в Накатоми первый год, как-то на уроке элементарной химии учитель Морозова сказала, что все металлы, какими бы замысловатыми составами их ни покрывали, оставляют на зубах неприятное ощущение. Все, кроме золота. Громову, конечно, ни разу не приходилось кусать настоящее золото, и он не верил, что оно и вправду не оставляет неприятного ощущения на зубах… Макс подошел к вешалке для полотенец и внимательно огляделся по сторонам в поисках камеры «Большого брата». Потом махнул рукой, сообразив, что если камера спрятана, ее все равно заметить не удастся. Привстал на цыпочки и осторожно попробовал зубами вешалку. Она была холодная, гладкая. Неприятного чувства не было. Макс попробовал укусить ее посильнее.

— Громов, что вы делаете? — неожиданно раздался за его спиной знакомый голос.

Макс от неожиданности больно ударился зубом о вешалку и отскочил в сторону.

Перед ним стоял доктор Льюис, одетый в черный костюм и вульгарный антикварный плащ из кожи крокодила. Морщинистое худенькое лицо эденского профессора киберорганики выражало недоумение.

— Я… я… — Громов попятился назад, вытирая вспотевшие от напряжения руки о свою пижаму. — Я… кусаю вешалку.

Доктор Льюис настороженно посмотрел на Максима, потом кивнул:

— Понятно… Как вы себя чувствуете? Флэш-бэков нет? — он покрутил пальцем у виска. — Картинки из прошлого, воспоминания, возникающие перед глазами как галлюцинации?

— Пока нет, — пожал плечами Громов. — Но я только что встал. Может быть, все впереди? — он развел руками и улыбнулся.

Доктор Льюис рассмеялся.

— Слава богу, — выдохнул он с облегчением. — Я уж подумал… — он снова покрутил пальцем у виска. — Но раз у вас сохранилось чувство юмора, все в порядке.

Тут Макс наконец перестал ощущать неловкость от того, что его застали кусающим вешалку, и строго спросил:

— А что вы здесь делаете? Как вы вошли?

Едва он закончил эту фразу, как его с ног до головы прошиб холодный пот. Громов нервно вскинул руку и легонько толкнул доктора Льюиса в грудь. Он сделал это прежде, чем в полной мере осознал причину своего жеста! Это было судорожное, инстинктивное желание проверить, не галлюцинация ли перед

ним!

Профессор киберорганики все понял.

— Господи боже… — доктор Льюис посмотрел на Макса с сожалением. — Мне так жаль… Чувство реальности так и не вернулось? Хотя… С другой стороны — что в наше время есть реальность?

Шутка профессора не имела успеха.

— Как вы вошли? — глухо спросил Громов, отстраняясь от доктора Льюиса.

— Меня послал доктор Синклер, — спокойно ответил тот. — Он хочет знать, все ли с вами в порядке. Не более. Я получил разрешение навестить вас у шефа Буллигана. Он велел охране пропустить меня. Я пытался позвонить, но ваш биофон отключен. Дверь в номер была открыта. Я постучал. Ответа не было. Я спросил охранников, выходили ли вы. Они ответили, что нет. Я позвал вас. Вы, должно быть, не слышали… Я постучал в ванную и позвал вас. Вы не отвечали. Я… я забеспокоился. Не могу объяснить рационально… Я ни о чем не думал, просто распахнул дверь. Потому что… — он нахмурился и отвернулся. — Неважно.

— Почему вы забеспокоились? — Макс склонил голову набок, не спуская подозрительного взгляда с профессора. — О чем вы подумали?

— Да ни о чем я не думал! — раздраженно воскликнул тот. — Если вам требуется объяснение моего беспокойства — посмотрите в зеркало!

Громов повернул голову и тут впервые увидел собственное отражение в большом, обрамленном мозаикой зеркале над раковиной. Разумеется, зеркало он видел и раньше, но собственное отражение почему-то не заметил… Оно там было, но Макс не стал — или не решился — смотреть на себя, а теперь увидел.

Лицо было очень бледным, почти серым. Под глазами темные круги. Ввалившиеся щеки, торчащие скулы. Потрескавшиеся губы. Черные волосы, торчащие в разные стороны. Лопнувшие сосуды на белках глаз, отчего те казались ненормально красными.

— Ваша нервная система целый год подвергалась очень серьезным нагрузкам в связи с… с поисками ключа к омега-вирусу… Гхм, — профессор нервно откашлялся. — А последние две недели так и вовсе… Как вспомню, откуда и при каких обстоятельствах забрал вас, — дурно становится. Вы использовали собственную трехмерную репликацию для изменения кода «Ио»! При полном стандартном нейронном подключении! С сохранением всех чувств! В данный момент никто не может сказать, какое влияние это оказало на ваш мозг.

Поэтому мы беспокоимся за вас!

Громов недоуменно пожал плечами, затем хмыкнул и спросил:

— Опасаетесь, не сошел ли я с ума?

— Ну не то чтобы прямо так… — доктор Льюис замялся, осторожно подбирая слова. — Просто думаю, что вы утомлены. Можно даже сказать — измучены. Ваша нервная система сильно истощена, и если срочно не принять меры, трудно даже предположить, к чему это может привести.

Макс заметил, что на пальце профессора красуется старинный перстень с огромным бриллиантом. Он показал на него и спросил:

— Приятные мелочи, которые можно себе позволить на вознаграждение, полученное за мою голову?

— Громов, бросьте! Я и раньше был довольно состоятельным человеком, — скривился доктор Льюис. — Вы же понимаете, что я не желал вам зла! Просто другого выхода выбраться из тюрьмы, кроме как соблазнить капрала Норрингтона большим кушем, у меня не было. А тут так удачно сложилось, что за доставку вас в Эден обещали простить все преступления, какими бы они ни были. Другого такого шанса я бы не получил. К тому же вы не можете отрицать, что мы появились в том подземелье очень вовремя. Еще бы чуть-чуть, и обеим вашим подружкам настал бы конец. Вас бы, разумеется, не тронули и все равно силой приволокли к доктору Синклеру, но предсмертные крики Дженни Синклер и Дэз Кемпински вы бы слышали в кошмарных снах каждую ночь до конца своих дней!

Макс раздраженно дернулся.

— Мне надо в туалет.

Профессор киберорганики поднял вверх руки в черных кожаных перчатках и попятился к выходу:

— Как скажете. Я буду ждать в гостиной. Закажу что-нибудь перекусить…

— Выйдите.

Что-то во взгляде и тембре голоса Громова заставило профессора повиноваться.

— Не надо сердиться, — доктор Льюис беспомощно развел руками и наконец покинул ванную комнату.

Оставшись один, Громов оперся руками о раковину и напряженно вгляделся в собственное лицо. Потом задумчиво произнес, прислушиваясь к звукам собственного голоса:

— Забавно… Я знаю, что это я, но почти себя не узнаю. Как такое может быть? Это я. Я.

Макс слушал свой голос и понимал — его он тоже не узнаёт.

Незаметно для сознания тело стало другим. Оно выросло, претерпело гормональные метаморфозы. А он ничего об этом не знал… Ужасное чувство.

Дневник доктора Павлова

? июля 2054 года
Тюремный комплекс Джа-Джа Блэк
О. Исландия
Северный блок, реанимационный центр

Как только я проснулся, мне сразу захотелось сесть, а еще лучше — встать и пройтись. Во мне было столько энергии, что казалось, я вот-вот взорвусь, если срочно не придумаю, куда ее деть. Как маленький ребенок, который начинает носиться кругами и вопить, только потому, что его переполняют жизненные силы.

Я попытался повернуться в своем аквариуме. Это было не так-то просто. Узкий стеклянный ящик явно не предназначался для какой-либо активности. Тогда я просто забил ногами в «жидком воздухе». Сработал датчик. На приборной панели рядом с моим резервуаром вспыхнула оранжевая лампочка.

Через несколько секунд вошел усталый и заспанный доктор Жилинский. Я улыбнулся ему и помахал рукой. Он ответил тем же и начал смотреть показания на мониторе.

— О! Вам уже пора выбираться из своего ящика, — сказал он и вздохнул. — Я-то надеялся, что выгружать вас надо будет только завтра. Думал, успею выспаться после дежурства. Не судьба. Ладно. Ждите, скоро я пришлю за вами медбратьев. Мне надо подготовить бассейн.

Доктор Жилинский подмигнул мне и вышел.

Бассейн? Что за бассейн?

* * *

Выйдя из ванной, Макс обнаружил на кровати костюм. Серый, с белой рубашкой, чрезвычайно дорогой. На полу стояла пара настоящих кожаных ботинок. У окна — корзина свежих роз нежного бело-зеленого оттенка.

— Громов, вам тут без перерыва доставляют подарки! — крикнул через дверь спальни доктор Льюис. — Думаю, к вечеру ваш номер будет похож на оранжерею! Только послушайте, что

говорят медиа!

Профессор киберорганики прибавил звук телетеатра, чтобы Макс мог слышать.

— Кто такой Макс Громов? — раздался серьезный голос Хелены Гайят, медиазвезды новостей. — Все информационные ресурсы наперегонки публикуют все новые и новые материалы о нем. Стрингерам, папарацци и даже хэдхантерам предлагаются немыслимые, фантастические суммы за любую информацию, биографические данные, снимки и видеозаписи любого качества о жизни четырнадцатилетнего школьника, бывшего ученика Накатоми Максима Громова. Подростка, который разоблачил доктора Синклера, всемогущего директора технопарка Эден, победил Джокера, предотвратил военный переворот и изменил код Сети. Каждый мужчина, женщина и ребенок в хайтек-пространстве желают узнать о нем всё и немедленно. Медиа удовлетворяют этот интерес как могут. Однако официальные сведения о Громове были крайне скудны, поэтому журналисты, аналитики, обозреватели и прочие создатели новостей восполняют их недостаток собственными домыслами.

Известный личностный аналитик Анджела Хайсмит выложила на своем личном Сетевом портале психологический профиль Громова, составленный ею на основе антропометрического анализа, а хайтек-школа Накатоми предлагает всем желающим ознакомиться с фрагментами записей камер слежения, установленных в школе, на которых есть Макс Громов. В Сети уже появились тысячи «дневников Громова». В редакцию NOW WOW! обратилось свыше двадцати тысяч человек, заявлявших, что они друзья или родственники Громова, или даже сам Громов, и готовы немедленно дать интервью, провести Сетевую конференцию, разоблачить хайтек-правительство. Практически все журналисты считают своим долгом заявить, что от пережитых испытаний Макс выглядит гораздо старше своих лет. Вот две фотографии. Слева снимок, сделанный два года назад в школе Накатоми, а справа фотография Громова, переданная нам сотрудником Nobless Tower, который пожелал остаться неназванным. Максим сфотографирован в момент прохода через холл отеля. Как можно заметить, Громов очень сильно вырос и похудел. Трудно вообразить, что эти черные усталые глаза — глаза четырнадцатилетнего мальчика. Лицо осунувшееся и еще более бледное, чем два года назад, когда Макс жил в токийском хайтек-мегаполисе, где практически не бывает солнца…

Доктор Льюис убавил звук и крикнул Громову:

— И так по всем каналам! Везде ваши фотографии,

видеозаписи, учебные протоколы из Накатоми! Умопомешательство. Все остальные медиазвезды забыты. Даже про Председателя TF Алекса Хоффмана ни слова! А ведь он сегодня выступал с речью в TFT по случаю уничтожения Джокера.

Макс закончил переодеваться и вышел из спальни.

— Алекс Хоффман? — переспросил он, застегивая пуговицы на жилете. — Автогонщик?

Доктор Льюис кивнул.

— Теперь он главный человек в хайтек-пространстве. Пока вы были в Эдене, тут многое изменилось.

Громов заметил, что на столе появились белая скатерть, тарелки и большие блюда, накрытые серебряными крышками.

— Это завтрак? — спросил он.

— Да, я же обещал его заказать, — улыбнулся доктор Льюис. — Кстати, — профессор почесал кончик своего носа, — тут кое-кто рвется с вами поздороваться. Пробились через все охранные кордоны.

— Кто? — Макс с волнением уставился на дверь.

Доктор Льюис активировал свой биофон и сказал охране:

— Пропустите, пожалуйста, гостей.

Тяжелые черные лакированные двери номера открылись и…

— Чарли! Тайни! — заорал Макс и бросился навстречу друзьям.

Чарли Спаркл стал еще длиннее и худее. Веснушки почти исчезли, а волосы приобрели красноватый оттенок, теперь его огненная шевелюра еще ярче контрастировала с молочно-белой кожей.

Тайни совсем не изменился. Во всяком случае, внешне. Он по-прежнему напоминал шар. Пиджак топорщился у него на груди, расползаясь в разные стороны. Макс подумал, что если пуговицы, которые Тайни неведомым образом смог застегнуть, оторвутся, то скорость их полета будет достаточной, чтобы кого-нибудь убить.

Но все это не помешало ему сдавить Громова в объятиях и вопить:

— Макс! Макс! Ты!

Громов обхватил обеими руками Чарли и Тайни.

— Где вы были?! Почему вы не звонили?! Почему так долго не давали о себе знать?! — кричал он.

— Ну ты даешь! — вопил в ответ Тайни. — Замочить Джокера! Софтом!

Некоторое время они прыгали, обнимались и просто вопили от радости, пока Чарли вдруг не задал вопрос:

— Макс, а где Дэз? Она приедет?

Громов покачал головой.

Спаркл густо покраснел и произнес едва слышно:

— Понятно…

Повисла неловкая пауза. Вошел официант и принялся расставлять тарелки, чашки, приборы.

— Ваш завтрак, сэр.

— Ну… Садитесь, — Макс показал на стол.

Друзья сели за стол, с опаской поглядывая на доктора Льюиса.

Под крышками оказались кастрюлька с овсянкой, горячие блины, настоящая пицца, несколько сортов джема, самый настоящий торт из мороженого, пластиковые палочки с нанизанными на них кусочками мяса, фруктов, сыра и квадратными сухариками.

Официант закончил раскладывать приборы, после чего неслышно и незаметно вышел.

Тайни схватил блин, затолкал его в рот и начал жевать.

Чарли привычным движением вынул из серебряного кольца жесткую белую салфетку, расстелил ее у себя на коленях. Спокойно положил овсянки в специальную фарфоровую плошку, взял кофейник и жестом предложил друзьям. Тайни поспешно сунул ему свою чашку.

Макс, который не ел уже несколько дней, к большому удивлению для себя, никакого аппетита не ощутил. Он механически повторил движения Чарли, положил себе каши, и, подумав, взял блин. Однако есть его не стал. Стол остался в полном распоряжении Тайни.

Молчание нарушил доктор Льюис.

— Я, пожалуй, вас оставлю, — сказал он. — У меня еще есть некоторые дела, а вечером… Я позвоню вам, Громов. Просто узнать, как вы устроились и как ваше настроение. Отдыхайте.

— До свидания, — сухо попрощался с ним Макс.

Как только за профессором закрылась дверь, Чарли тут же набросился на друга с вопросами:

— Что произошло? Куда вы делись из Эдена?! Я нигде не мог вас найти! Где Дэз?! Почему Джокер забрал ее и тебя?! Что вообще случилось?! Знаешь, у меня до сих пор есть чувство, что все кругом ненастоящее. Когда я очнулся в капсуле — это был такой кошмар!

Тайни нерешительно промямлил, трогая Макса за локоть:

— Вирус… Что это? Ну… который Джокер… ну это…

Громов удивленно посмотрел на Тайни:

— Так ты ничего не помнишь?

Тот покраснел и даже вспотел от волнения. Чарли ответил вместо Бэнкса:

— Вообще ничего! Разве что самые первые дни… Может быть, неделю. Это так странно! Как будто его в Эдене не было вовсе! Представляешь? Когда я его нашел — он меня не узнал! Потом с трудом вспомнил, как мы вместе ехали в автобусе! Когда я начал рассказывать ему про Кубок Эдена, про доктора Льюиса, про кафедру киберорганики — он вообще не понимал, о чем речь! Тайлер, ты узнал доктора Льюиса сейчас? — спросил Чарли у Бэнкса, который быстро и деловито жевал.

Тот мотнул головой.

— Хьюго Хрейдмар воспользовался репликацией Тайни, чтобы находиться в среде Эдена незамеченным, — коротко объяснил Громов. — Поэтому он ничего не помнит.

Чарли непонимающе нахмурился:

— Как это?

Тайни перестал есть и уставился на Громова, держа в зубах круассан.

— Сейчас расскажу, — вздохнул Макс и замолчал, размышляя, какую часть правды можно рассказать друзьям. Потом решил рассказывать все как было. Уж хотя бы потому, что ему ужасно хотелось выговориться. Пожалуй, только правду о Дэз Громов решил пока не раскрывать…

* * *

Когда Макс закончил свой рассказ, Чарли и Тайни некоторое время молчали, изумленно таращась на Громова.

Тайни был бледен и покрыт испариной. Его короткие волосы топорщились в разные стороны, как иголки у ежа.

— Невозможно, — пробормотал он наконец. — Трехмерную репликацию… мою… использовать как костюм?! Но почему я? — он поднял глаза и посмотрел на Макса так, что тому стало не по себе.

— Я не знаю, — пробормотал Громов в ответ. — Хьюго не сказал почему. Я думаю, это вышло случайно. Ты познакомился с нами, я помогал тебе, ты начал мне доверять. Вот Хрейдмар и решил использовать твою репликацию, чтобы все время находиться рядом со мной, наблюдать, как пройдет передача вируса. Ну… Заодно он сделал тебя звездой киберорганики! У тебя были лучшие оценки и самый перспективный проект.

— У меня не было ничего, — тихо ответил Тайни. — Я… спал два года.

Снова повисла тишина.

— А с вами что было? — спросил Макс, глядя на Чарли.

Спаркл посмотрел на люстру, прикусил губы, потом ответил:

— В общем, ничего особенного. За мной прилетел дедушка. Он перевез меня в нашу резиденцию. Я пытался найти вас с Дэз, но нашел только Тайни. Меня обследовала целая бригада врачей. Посоветовали двигаться и правильно питаться, — на лице Чарли мелькнула едва заметная саркастичная улыбка сноба. — Личностный аналитик сказал отцу, чтобы тот пригласил кого-нибудь из моих друзей. И я позвонил Тайни. Он согласился приехать. В общем, ничего особенного, — Чарли вздохнул. — Послушай, я все думал и никак не мог понять, почему Джокер забрал Дэз? Насчет тебя мне все понятно…

— Не было времени его хорошенько расспросить, — поспешно перебил Громов и сменил тему. — Вы уже думали, что делать дальше?

Голос неожиданно подал Тайни:

— Я в Эден вернусь, как только разрешат, — уверенно, даже с оттенком упрямства заявил он. — Мне все равно, как там учат. Главное результат.

Чарли покачал головой.

— Мне бы его уверенность, — заметил он, кивнув в сторону Бэнкса. — Я пока не знаю. Направил запрос в университет Норфолк, на отделение лингвистики. Получил положительный ответ. Но ехать пока не готов. Честно говоря, я целыми днями слоняюсь по парку или играю, не выходя в Сеть. Не могу… Личностный терапевт обещает избавить меня от фобии перед нейронным подключением, но не сразу.

— У тебя есть собственный модификатор киберпространства?! — изумился Макс.

— Ага, «Кор-5000», — похвастался Чарли. — Я купил недели через две после возвращения из Эдена.

— Ты же не любил играть, — Макс слегка оторопел. То, что Чарли Спаркл в состоянии купить себе тренировочное оборудование, какое не у всех профессиональных команд имеется, Громова не удивило. Но сама идея!

ID

Раздел: компьютерные игры

Модификатор киберпространства — устройство, которое позволяет индивидуально готовиться к игре без выхода в Сеть. В МКП можно загрузить игру и задать любые тренировочные параметры. Пройти игру в одиночку, задать любое количество противников. Возможно также загрузить записи уже состоявшихся игр и включиться в них в качестве дополнительного игрока

или же играть за одного из тех игроков, которые были на арене в момент записи. МКП позволяет моделировать различные линии поведения противника или конкурента. Топовые версии МКП снабжены встроенными анализаторами игровых ситуаций. Их всплывающие подсказки предлагают игроку различные варианты решений той или иной проблемы, оповещают об альтернативных способах прохождения, предупреждают о смертельной опасности.

Кроме всего прочего МКП позволяет игроку конструировать собственные уровни игры для личного пользования. Выкладывать в Сеть собственные уровни, созданные по мотивам лицензированных игровых арен, запрещено.

Спектротроник — самая дорогая опция МКП топовых версий. Позволяет останавливать игру, сохраняя подвижность и самостоятельность героя. К примеру, во время уличного боя, сделав стоп-кадр, игрок может быстро обежать всю игровую зону, рассмотреть и запомнить ее особенности, посмотреть расположение и экипировку противника.

Режим «Спектротроник» применяют при подготовке профессиональных геймеров для изучения тактики игры их будущих противников. В МКП загружается запись состоявшейся игры с их участием. После чего игрок, часто вместе с тренером, следует за персонажем своего будущего противника, запоминает и анализирует его личные особенности, манеру игры. К примеру, тактику и технику стрельбы, способ и время решения логических задач, личностные особенности — раздражительность, возбудимость, потерю самоконтроля и так далее.

— У меня не получалось играть, — уточнил Чарли, — а после возвращения из Эдена я решил, что это… весело. Я-то в отличие от Тайни игру за Кубок помню. И даже можно сказать, что мы его выиграли по-настоящему. Дело же на Сетевой арене происходило. Вернее, одна арена внутри другой… В общем, ладно, — он раздраженно помахал в воздухе рукой и поморщился. — Не могу об этом думать. Как только начинаю — откуда-то столько злости берется. Я даже представить не мог, что способен так злиться…

— Да, выиграли мы по-настоящему, — задумчиво протянул Макс. — Странно, доктор Синклер, я видел его после того, как попрощался с Дэз, посоветовал мне принять участие в Олимпийских компьютерных играх. Он почему-то считает, что я в

большой опасности.

Чарли встал из-за стола, переместился на низкий светлый диван со множеством черных, шитых золотом подушек с изображением головы Медузы Горгоны и оглядел номер.

— Никогда не бывал тут, — сказал он. — Даже мой отец не бывал.

— Внизу написано, что в пентхаузе разрешают жить только за государственные заслуги, — сказал Тайни, поедая джем ложкой из вазочки.

Громов вздохнул.

— Мне сказали, я буду жить тут до церемонии награждения. А потом… — он рассмеялся. — Наверное, снова сниму лайв-бокс где-нибудь на окраине Токио! Вроде того, что у меня был, а то и меньше. Стипендии-то теперь нет.

— Это вряд ли, — Чарли встал, подошел к стене и стал разглядывать висящие на ней картины. — Отец сказал, что скоро ты станешь одним из самых богатых людей в хайтек-пространстве.

— Я сделал код открытым и хочу, чтобы он стал бесплатным, — покачал головой Макс. — А то через месяц меня возненавидят все хайтек-граждане до единого.

— Бесплатным? Почему? — на лице Чарли появилось искреннее недоумение.

— Да, — вторил ему Тайни.

— Аткинсу не платили за его код. Это… — Макс замялся, пытаясь коротко сформулировать, почему он не хочет становиться самым богатым человеком в хайтек-пространстве.

— Твой дар человечеству? — с издевкой спросил Чарли.

— Напрасно, — покачал головой Тайни. — Мы все и так обязаны тебе жизнью. Ну… Так говорят.

— Пройдет неделя, и заговорят по-другому, — Макс вздохнул. — Скажут, что это все нарочно, кто-нибудь заявит, что я был в сговоре с Джокером и что все это было заранее спланировано. Уверен — будет именно так. Готов спорить на что угодно.

Чарли и Тайни переглянулись.

— Ты не веришь в людей, — сказал Чарли. — И правильно делаешь.

Громову перестал нравиться разговор, он встал из-за стола и приложил палец к разъему за ухом, переводя биофон в рабочий режим.

Секретарь мгновенно сообщила, что ему пришли голосовые сообщения. Макс поднял вверх палец:

— Я автоответчик прослушаю, ладно?

Спаркл кивнул и принялся разглядывать картины. Тайни бросил последний, прощальный взгляд на свою тарелку и тоже вылез из-за стола. Постоял посреди гостиной, потом сделал нерешительный шаг в сторону двери, которая вела в те комнаты, куда Макс еще сам не заходил.

Громов принял сообщения.

— Алекс Хоффман. Председатель Торговой Федерации, — сообщила электронный секретарь.

Раздался легкий треск.

— Добрый день, ученик Громов, — раздался бодрый, хорошо знакомый Максу голос Алекса Хоффмана. — Должно быть, вы отдыхаете. Спасать мир, наверное, чертовски тяжело… — раздался нервный неприятный смех. — Что ж, в наших силах только оценить ваш подвиг по достоинству. Отдыхайте, приходите в себя. Я собираюсь закатить в вашу честь такую вечеринку, что пережить ее будет под силу только настоящему супермену!

Снова противный, неестественный смех, затем щелчок, означающий конец сообщения.

Следующее сообщение было от Буллигана.

— Привет, Громов, — сказал тот обычным сердитым тоном. — Когда включишь свой биофон, постарайся его больше не выключать.

Снова щелчок. Электронный секретарь сообщила:

— Личность следующего отправителя не определена. Будете слушать?

— Да, — скомандовал Макс.

И тут в его ухе раздался голос Дэз.

— Привет, Макс. Сегодня была кремация… Не то чтобы я в порядке… Хотя, нет, скорее в порядке. Даже не знаю, зачем тебе позвонила.

Потом тихий вздох и щелчок. Сообщение закончилось.

Секретарь сообщила:

— Евгений Климов.

После небольшой паузы в ухе раздался приятный, очень взрослый, даже, можно сказать, старый голос:

— Здравствуйте, Громов. Счастлив быть распорядителем бала в вашу честь. Должен сообщить вам, что на этом балу президент хайтек-пространства Рамирес собирается вручить вам орден «Защитника хайтек-пространства» первой степени. Председатель Торговой Федерации Алекс Хоффман намерен от имени всех корпораций хайтек-пространства присвоить вам почетное звание «Спасителя мира». Глава комиссии по патентам и изобретениям

Катарина Ёлова торжественно передаст вашу карту-ключ от личного счета в Единой кредитной системе, на который отныне каждый житель хайтек-пространства должен будет отчислять по 0,005 кредита каждый раз, когда входит в Сеть, как того требует закон о пользовании глобальными изобретениями. Помимо всего прочего, я был бы рад предложить вам свои услуги поверенного в делах. Наверняка вы захотите приобрести дом, возможно, уникальный турбоконцепт или основать собственную компанию. Моя репутация безупречна. Вы можете навести справки. Буду рад помочь.

«Сообщения закончились», — сказала секретарь.

Громов обратился к Чарли:

— Ты знаешь Евгения Климова?

Спаркл наморщил лоб.

— Нет, никогда не слышал.

Макс сел.

— Он сказал, что его назначили моим поверенным. Говорит, я смогу купить дом и личный турбоконцепт, — Макс недоверчиво прикусил губу.

— Да хоть собственный остров! — рассмеялся Чарли. — Алекс Хоффман уже бесится по этому поводу.

Биофон Макса подал сигнал.

— Президент хайтек-пространства Рамирес, — сообщила электронный секретарь. — Соединение обязательно.

— Добрый день, Громов, — раздался в ухе официальный бодрый голос Рамиреса. — Я хочу лично принести вам благодарность от имени всех хайтек-граждан за спасение цивилизации, победу над Джокером и предотвращение военного переворота. Я благодарю вас не только как президент, но и как человек, отец двоих детей и гражданин.

— Спасибо, — коротко ответил Макс.

Сам он еще не успел понять, что, собственно, произошло. Круговерть событий захватила его настолько, что, находясь внутри нее, Громов не сознавал масштаба происходящего, поэтому теперь все эти благодарности от первых лиц хайтек-пространства казались ему чем-то странным, нереальным. Он не знал, что положено на них отвечать.

— Я звоню сообщить вам, что от имени всех граждан хайтек-пространства намерен преподнести вам право выбора любого свободного дома в RRZ «Эллада» вне зависимости от его исторического значения или рыночной цены. Государство подарит вам любой объект недвижимости, какой вы только пожелаете. Вы можете вылететь в Элладу в любой момент. У вас есть четыре дня до официального бала в вашу честь. Временным

поверенным в ваших делах я назначил Евгения Климова. У него безупречная репутация.

ID

Раздел: география

Зоны комфортного проживания — Resort Residence Zone (RRZ). Начали образовываться с 2045 года, спустя 20 лет после окончания Нефтяной войны, как товарищества арендаторов земли в курортных зонах, в качестве которых выступали наиболее богатые и влиятельные граждане хайтек-пространства. Исключение составляет лотек-анклав *Мавритания*.

RRZ — это территории без промышленного производства и скоростных магистралей. Формально могут относиться как к хайтек-, так и к лотек-пространству, имеют собственное автономное управление и административные границы. Находятся под строжайшим контролем Big Brother System (BBS), за исключением Микронезии. Передача биопараметров в базу BBS и вживление идентификационных чипов обязательно для всех проживающих и находящихся в RRZ вне зависимости от наличия хайтек-гражданства. В целях личной безопасности находящихся в Зоне количество камер BBS вдвое превышает стандартное.

Отличительная особенность — жесточайшее экологическое законодательство. Уровень жизни чрезвычайно высок. Делятся на классы по уровню комфортности, который определяется по совокупности экологических, климатических, ландшафтных и инфраструктурных параметров. Высший орган управления Зоны комфортного проживания — кондоминиум, общее собрание арендаторов. Его ответственный секретарь считается первым лицом RRZ.

В настоящий момент существуют следующие зоны комфортного проживания:

Класс Dream, * * * * * * *

К нему относится только одна зона — **Эллада**. Относится к хайтек-пространству. Занимает побережья Адриатического, Ионического, Мраморного морей, северо-восточное побережье Средиземного.

Класс Superior, * * * * * *

Мавритания (лотек-анклав) — занимает побережья Тирренского моря, западную часть Средиземного, а также все его африканское побережье от Суэцкого канала

до пролива Гибралтар, острова Сардиния, Сицилия, Искья, де Пальма (Майорка).

Зона сложилась из традиционно привлекательных, исторически и культурно значимых курортных территорий, которые тем не менее не обладали ни ресурсами, ни промышленным производством. По окончании Нефтяной войны эти территории в знак протеста добровольно заявили о присоединении к лотек-пространству (*см. Мишель Монпелье и «Клуб динозавров»*), чуть позже они отказались от пользования Сетью. Поскольку большая часть этих территорий входила в состав государств хайтек-коалиции и исторически принадлежала высокопоставленным гражданам — политикам, звездам, главам корпораций, — Мавритания за свой сепаратистский демарш не подверглась ни разрушению, ни разграблению и получила статус «Лотек-анклава» внутри хайтек-пространства.

Чрезвычайно развито сельскохозяйственное производство. Производят до 70 % потребительских товаров класса Dream и Superior. Данное производство не считается промышленным, поскольку товары изготавливают вручную. Экспорт — легальный примерно 30 %, контрабандный 70 % — один из основных источников дохода. Значительная статья дохода — туризм. На территории Мавритании находится большое количество памятников культуры, после войны объявленных достоянием хайтек-цивилизации.

Статус зоны Мавритания является предметом постоянных дискуссий в хайтек-правительстве, которое уже много лет требует официального присоединения Мавритании к хайтек-пространству. Этот вопрос является причиной множества коррупционных скандалов.

Калифорния — Калифорнийский полуостров и Гавайские острова, относится к хайтек-пространству.

Карибский рай — полуостров Флорида, полуостров Юкатан, Багамские острова, Большие Антильские острова, остров Куба, остров Ямайка, побережье залива Кемпаче и Карибского моря. Относится к хайтек-пространству.

Эль-Халиф — юго-западное побережье Персидского залива, насыпные острова, является частью непризнанного лотек-государства Арабский Халифат. Большая часть проживающих — лотеки.

Класс Lux, * * * * *

Северо-Африканская зона — **Марракеш** — северо-западное побережье Африки, Канарские острова. От Либерийского хайтек-мегаполиса-порта отделяется 500-километровой экологической полосой. Относится к хайтек-пространству.

Западно-Африканская зона — **Jungle Land**. От хайтек-мегаполиса Sun City отделена 1000-километровой экологической полосой. Занимает западное побережье Африки, Сейшельские и Коморские острова, охраняемые парки дикой природы «Кения», «Танзания», «Конго» (запрет на проживание в них людей введен в 2025 году). Входит в хайтек-пространство.

Австралайзия — «пенсионное государство» — южное побережье Австралийского материка, архипелаг Новая Зеландия. Огромная комфортная зона. Корпорации выкупают в ней «пенсионные ранчо» для наиболее ценных сотрудников, которые те получают по выходе на пенсию в качестве особого поощрения. Средний возраст жителей — 68 лет. Земля принадлежит Пенсионному Фонду хайтек-правительства.

Класс Extra, * * * *

Южное побережье полуострова Индия — **Аюрведа** — полуостров Гоа, юго-западное побережье Аравийского моря и юго-восточное побережье Бенгальского залива, остров Шри-Ланка. Центр индуистской медицины. Относится к хайтек-пространству.

Троя — занимает Южное побережье Черного моря. Хайтек-пространство. Ширина экологического пояса, отделяющего от Стамбульского хайтек-мегаполиса, всего 200 км.

Класс Comfort, * * *

Сиам — занимает побережье Сиамского залива, хайтек-пространство. Основной недостаток — близость к Буферной зоне.

Амазония — новейшая из всех существующих зон в хайтек-пространстве. Создана на берегах реки Амазонки в восстановившихся после войны джунглях. Инфраструктура пока не развита. Большое количество опасных для человека видов дикой флоры и фауны. Это не позволяет Амазонии получить статус «абсолютно безопасной зоны». Интенсивный торговый обмен с лотек-пространством. Дешевые продукты, стройматериалы, рабочая сила.

Скандинавия — хайтек-пространство, занимает побережья Ботнического залива, Северного и Балтийского морей, южную часть побережья Норвежского моря, а также лесные массивы в глубине территории. Основные недостатки — климат, близость к Московскому хайтек-мегаполису и Норвежской добывающей зоне, большое количество промышленных зон вокруг с очень малым радиусом экологической защиты.

Без класса

Микронезия — острова и атоллы Тихого океана, относятся к Буферной зоне. Единственная комфортная зона, где отсутствует кондоминиум. Неподконтрольна BBS. По этой причине популярна у политиков, медиазвезд и прочих хайтек-граждан, устающих от тотального круглосуточного контроля. Однако принадлежность к Буферной зоне определяет высокую криминогенную обстановку. Чрезвычайно развито морское пиратство. Не рекомендуется для проживания хайтек-гражданам, поскольку их личная безопасность и сохранность имущества не могут быть гарантированы.

Раздел: персоналии

Мишель Монпелье — философ, историк, общественный деятель. Резко выступал против Нефтяной войны, называя ее «самым омерзительным фактом в человеческой истории». Собрал большое количество сторонников среди преподавателей и студентов университетов по всеми миру, создал «Клуб динозавров» — тайное общество, целью которого был развал хайтек-коалиции. Пропал без вести за год до окончания войны. Предположительно, убит правительственными агентами.

«Клуб динозавров» — тайное общество, состоявшее из дипломатов, философов, звезд и других влиятельных людей, которые относились к Нефтяной войне так же, как и сам Монпелье, но не решались заявлять об этом вслух. Назван так потому, что Монпелье считал, что все порядочные люди обречены на вымирание. На членов «Клуба динозавров» велась настоящая охота.

Играя на земельных противоречиях, они сумели разжечь сепаратистский скандал в Европейском союзе, результатом которого стало отделение многих национальных, автономных территорий и возникновение лотек-анклава Мавритания на Средиземноморье. Желание многих лидеров военной хайтек-коалиции

поселиться на берегах Средиземного моря также сыграло на руку сторонникам Монпелье.

Деятельности «Клуба динозавров» посвящено огромное количество исследовательских работ, художественных и документальных фильмов.

— Э-э… — Громов даже не нашел, что ответить. — Благодарю вас, сэр.

— Не надо слов, будто ты сделал то, что должен, и на твоем месте любой поступил бы так же, — подсказал ему президент. — Ты совершил подвиг. Мы этого не забудем.

Макс подумал про себя: «Хотелось бы», но вслух говорить не стал.

— Отдыхай, — голос Рамиреса стал особенно сердечным. Таким тоном он обычно произносил обращения к нации о необходимости повышения цен на топливо, продукты или подъеме планки минимально допустимого уровня доходов. — Я надеюсь, что вскоре вы, Громов, станете одним из самых главных налогоплательщиков. Ведь возможности вашей технологии весьма обширны. Корпорация, которую вы, вероятно, пожелаете создать для ее использования, имеет все шансы на процветание.

— Э-э… Честно говоря, я пока не представляю, как создаются корпорации, — заметил Громов.

— Это ничего, — еще сердечнее произнес Рамирес, — я уверен, Торговая Федерация избавит вас от всех забот, предложив за ваш патент вознаграждение такого размера, что вы сможете полностью посвятить себя учебе и науке. Бизнес — это такая скука! Особенно для человека вашего возраста.

Громова прошиб холодный пот. Неужели доктор Синклер был прав?!

Евгений Климов

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

Просыпайтесь, дорогие обезьяне!

Сегодня 24 августа!!! До грандиозной вечеринки в честь нашего героя Макса Громова остаются считанные дни!

Солнышко уже встало и вот-вот начнет припекать ваши личики, ускоряя естественное старение кожи. Помните — те, кто хочет вечной молодости, никогда не загорают! Только сегодня по специальной цене вы можете получить «Эссенцию советов по сохранению красоты», всего двадцать простых советов, неукоснительное соблюдение которых позволит вам быть вечно молодыми! Всего за 50 кредитов! Предложение действует в течение одного часа!

Думаем, вам будет интересно, дорогие наши обезьяне, что еще вчера вечером Макс Громов, наш кумир и супергерой, вылетел в зону комфортного проживания Элладу вместе со своими друзьями Чарльзом Спарклом и Тайлером Бэнксом! Их сопровождает Евгений Климов, которого сам президент назначил Громову в помощники по супер-шопингу!

Оказывается, мы с вами, дорогие наши налогоплательщики, подарили юному гению право выбрать в Элладе (а это роскошное место) любой дом! Вне зависимости от его цены и исторического значения! То есть ежели мистер Громов захочет поселиться, скажем, в Кносском дворце, где, по легенде, обитал Минотавр, то Громову отдадут без звука Кносский дворец. Будем надеяться, что наш супергерой выберет все же что-нибудь более современное и комфортабельное. Проявит, так сказать, скромность.

Что до нашего мнения, дорогие обезьяне, то мы думаем, что Макс Громов, конечно, герой. Он спас нас всех от Джокера и все такое, но… Как бы это сказать поделикатнее… Дело в том, что теперь все мы каждый раз, когда пользуемся Сетью, обязаны за это платить, согласно закону о пользовании глобальными изобретениями. И не кому-нибудь, а нашему любимому Максу Громову. Сумма его доходов уже через год станет ну очень внушительной. То есть, поймите правильно,

почести Громову, бесспорно, оказывать надо. Но, по нашему мнению, они должны быть сугубо нематериальными! Можно присвоить ему звание «Спаситель человечества», или, скажем, «Хранитель всего сущего», или что-нибудь еще более цветистое на манер имен китайских императоров — «Кладезь мудрости, гений софт-инжиниринга, повелитель молний, бесконечность справедливости, сосуд вселенской доброты»… (желающие могут продолжить), НО! Зачем же дарить ему дом? За наш счет?! Мы ведь с вами, дорогие обезьяне, люди откровенно небогатые… Нет, еще можно было бы понять, если Торговая Федерация от своих щедрот отстегнула бы Громову дом. Кто-нибудь из семейства Спарклов, Наварро, Дебрикассар, Ивановых и прочих плутократов пожертвовал один из своих домов юному гению Громову. Мы бы тоже были только «за». В конце концов, Громов заслужил почести и подарки. НО! Опять же, возвращаясь к вопросу о доходах. Через годик, с той интенсивностью, с какой мы с вами, дорогие обезьяне, пользуемся Сетью, Громов сможет купить себе любой дом в любой части света на свои собственные деньги! Вернее, на наши деньги, которые мы уплатим ему за пользование его глобальным изобретением.

Заметим, дорогие обезьяне, что изобретение Аткинса, которое тот создал еще до принятия закона о глобальных изобретениях, было для нас совершенно бесплатным. То есть все мы пользовались Сетью сколько влезет и практически бесплатно. То есть перемещались мы по ней бесплатно, а покупали только доступ к той или иной информации… Ладно! Признаем, что каждый хоть что-нибудь стоящий Сетевой ресурс является платным. Суть в другом. Главное, что нам придется платить Громову за его изобретение, которое и официального названия-то пока не имеет. То есть «код Громова» — это, по мнению специалистов, никакой не код, а «система децентрализованного управления» — почитать занудные дебаты профессоров софт-инжиниринга на эту тему можно на нашем портале всего за 25 кредитов. Не то чтобы это было неправильно… За изобретения платить, конечно, надо… Иначе все гении бросят это трудное занятие и займутся чем-нибудь более доходным, чем технический и духовный прогресс. Никто с этим не спорит. Просто за Сеть платить никто не привык! Ну да ладно. В конце концов, всего сто

пятьдесят лет назад покупка питьевой воды тоже многим казалась дикостью.

Подождем, какой дом выберет себе Громов. Вообще-то выбор у него небогатый. В Элладе не так уж много пустующих домов, насколько нам известно. Впрочем, мы там никогда не бывали, как и остальные 99 % простых смертных граждан хайтек-пространства.

Вообще-то, иногда мысль о том, что 1 % хайтек-граждан владеют 70 % всей собственности, кажется нам несправедливой. Конечно, они платят громадные налоги, чтобы помогать всем остальным, финансируют образование и здравоохранение, заботятся о сохранности пенсионных вкладов. НО… Факты — упрямая штука. Никогда нам с вами, дорогие обезьяне, не поселиться в Элладе. Никогда!

Эх! Хотя была бы наша воля — мы бы, дорогие обезьяне, поселились вообще не в Элладе. Слишком уж пафосное и охраняемое это место. Нет, дорогие обезьяне, нам по душе Амазония! Вот где рай! Или Мавритания! Ну и что, что это лотек-анклав? Зато там живут самые красивые девушки! Зато там всегда теплое море и много рыбы! Там вкусная пицца на каждом углу! Там в мастерских можно накупить сколько душе угодно роскошной одежды и безделушек!.. Почему? Почему мы до сих пор сидим в душном хайтек-пространстве? Почему мы до сих пор не продали свое гражданство и не поселились где-нибудь в свободных и вольных пампасах? Простите, кажется, нас занесло. Извините, мистер Фаворский, если этот пассаж показался вашему ведомству крамольным. Мы ничего такого не имели в виду, просто мечтаем.

* * *

24 августа 2054 года, 10:32:12
Квадролет/RRZ «Эллада»

Поскольку делать Громову было нечего, а Тайни понравилось в Элладе, друзья решили не ограничиваться экскурсией по пустующим домам Эллады. Поместье Спарклов находилось неподалеку, и Чарли любезно пригласил всех в гости.

Правительство предоставило Громову сверхскоростной квадролет.

Внутри салона находились четыре мягких кресла, между ними столик. Панорамные пуленепробиваемые стекла по бортам.

Евгений Климов разливал чай.

К полной неожиданности для Громова, поверенный оказался молодым человеком лет двадцати пяти, высоким блондином со спортивной фигурой и веселыми голубыми глазами. Во время первого разговора по биофону Макс почему-то решил, что Климов — старик.

Поверенного можно было принять за медиазвезду или профессионального спортсмена. Однако жесты Климова, манера себя держать и одеваться сильно диссонировали с внешностью и возрастом. Солнце поблескивало на старинных золотых запонках, украшавших жесткие манжеты голубой рубашки поверенного, очевидно, довоенного производства, как и темно-синий костюм.

Вероятно, заметив, что друзья с удивлением его рассматривают, Климов сказал:

— Отец оставил внушительный гардероб. Нет нужды покупать по бешеной цене довоенное старье. Моя семья и так скопила его предостаточно. Хорошо, что в молодости мои предки были неравнодушны к модной одежде. Наш дворецкий все время ворчал, что такого количества барахла хватит потомкам до седьмого колена. Знаете, когда он это сказал, я сразу почувствовал в его словах пророчество. Они как-то очень по-особому прозвучали. Когда я приехал в Норфолк, у меня даже была форма, которую носил там мой отец когда-то.

— Вы закончили Норфолк? — оживился Чарли, наливая себе сливок в чай. — Я тоже туда поступил! Только пока не решил, поеду ли… Сначала я был твердо уверен, что не хочу возвращаться в Эден, но сейчас думаю… Если бы был способ выходить из его виртуальной среды по своему желанию, то, возможно, я бы туда вернулся. Мне нравилось быть в группе Айи Хико… А что было вашей специализацией в Норфолке?

— Поначалу лингвистика, а потом личностный анализ. Меня всегда завораживала разница между формальным и реальным смыслом сказанных слов, — мягко ответил ему Климов. — Правда, с последнего года обучения я перевелся в школу «Биогеника» и учился еще два года на отделении нейролингвистики — изучал биологические основы речи. Все ту же специфику — разница между «знаком» и его «значением».

— Как это? — не понял Чарли.

— Ну, скажем, смысл слова «свобода» в лотек- и хайтек-пространствах сильно отличается. Слово одно, а смыслы совсем разные, понимаете? — пояснил Климов. — Формальный язык как система знаков никак не связан с их смысловой составляющей.

Звуки живут отдельно, их смысл — отдельно, — он запнулся, нервно рассмеялся и махнул рукой. — Извините, это, наверное, слишком скучно для вас.

Громов смотрел на поверенного и не мог понять, что в нем не так. Перед отлетом, когда Климов уже сел в квадролет, Чарли весело сказал Максу: «Поздравляю, Бюро приставило к тебе агента». Макс это запомнил и никак не мог выбросить из головы.

Евгений Климов предложил рассказать о пустующих домах в Элладе, их историю. Этот рассказ занял все время полета. Иногда Макс и его друзья перебивали поверенного вопросами.

Оказалось, что в Элладе не так уж много пустующих домов. Всего четыре. По традиции, все поместья Эллады имели собственные имена.

Первое, «Дольче Вита», принадлежало Хелене Наварро, владелице корпорации Drinks, которая раньше была Председателем TF. Она жила в «Дольче Вита» очень давно, в молодости.

— Это совсем небольшой дом, — говорил Евгений Климов. — Очень женственный. В прямом смысле слова. Похож на ажурный торт. Белый, легкий. Целиком из искусственного сверхлегкого мрамора. Первый этаж поддерживают ажурные колонны. Резные потолки в арабском стиле. Орнаменты на мраморе — это очень красиво. Дом стоит на скалах, прямо у моря. Есть помост, выдающийся далеко в воду, с которого можно нырять, не боясь разбиться. Этот дом Хелене подарил отец, когда она закончила школу. Он предназначен для проживания одного человека. Там даже внутренних стен нет.

— Как это? — удивился Макс.

— Совсем нет стен? — вторил ему Тайни, деловито расправляясь с зефиром, коробку которого Евгений Климов предусмотрительно захватил в гастрономическом бутике отеля. За эту предусмотрительность Бэнкс почти мгновенно полюбил поверенного и расположился к нему всецело.

— Комнаты, вернее сказать, зоны отделены друг от друга шелковыми занавесями. Это красиво и способствует хорошей циркуляции морского воздуха, но крайне непрактично, — говорил Климов, разливая чай. — К тому же в этом доме кухонная мебель розового цвета, — он повернулся к Громову: — Вам положить сахар?

— Фу! — сморщился Макс. — То есть сахар — да.

— Два кусочка, три? — поинтересовался поверенный.

— Э-э… — Громов не понял. — А сколько это в каплях?

— О! Я не про химический подсластитель, — улыбнулся Климов. — Настоящий тростниковый сахар, коричневый, куски!

Он открыл серебряную сахарницу и продемонстрировал ее содержимое.

— Ладно, сколько вы обычно капаете подсластителя? — спросил Климов.

— Три капли, — ответил Макс.

— Значит, два кусочка, — улыбнулся поверенный, взял щипцы и аккуратно положил в чашку Громова два кусочка сахара. — Ой, нет. Три. Два куска — это для белого сахара.

Климов подцепил еще кусок, немного более темного цвета, и кинул в чашку Макса.

Громов стал помешивать чай ложечкой, с удивлением наблюдая, как растворяется сахар.

— Согласен с вами, розовая мебель — это на любителя, — спокойно продолжил поверенный, наливая чай остальным. — Следующий пустующий дом — «Камелот». Для одного человека он, мягко говоря, великоват.

— Это настоящий замок! Я там был! — оживился Чарли. — Высокие стены, внутри восемь этажей! Сложен из массивного камня!

— С другой стороны, — продолжил Евгений Климов, — вы ведь не всегда будете жить один, — поверенный многозначительно улыбнулся, — рано или поздно вы осчастливите своим вниманием какую-нибудь юную леди. Или, может быть, уже кого-то осчастливили? У вас есть девушка?

Макс подавился чаем и закашлялся. Чарли как-то странно, с подозрением посмотрел на него и протянул салфетку.

— Вы можете устроить штаб-квартиру своей будущей корпорации прямо в «Камелоте». Его размеры вполне позволяют, — спокойно закончил свою мысль Евгений Климов. — Третий пустующий дом — это «Эго».

— Он раньше принадлежал доктору Синклеру, — неожиданно сказал Тайни. — Я прочитал в Сети.

— К сожалению, «Эго» находится в совершеннейшем запустении, — вздохнул Евгений Климов. — С тех пор как доктор Синклер переселился в Эден, дом пустовал. Это прекрасный особняк, выстроенный на развалинах собора.

— Церкви? — удивился Макс.

— Собора Святого Стефана. От древнего здания сохранились кирпичные стены, подвал и дубовые арочные перекрытия. Очень красиво. Доктор Синклер восстановил витражи и винный погреб. Однако с тех пор прошла четверть века. Все это время в доме никто не жил. Я даже представить не могу, во что он превратился… Хотя некогда архитектор, построивший этот дом, даже получил специальную премию. Впрочем, для вас это скорее

всего не имеет никакого значения, — Климов вздохнул. — Четвертый пустующий особняк в Элладе — Рободом.

— Рободом продается?! — Макс подскочил и удержал себя на месте, вцепившись в подлокотники.

— Помнишь, ты когда-то пошутил, что купил бы только дом Аткинса?! — завопил Чарли.

— Там же музей, — с тихим недоумением пробормотал себе под нос Тайни.

— Да, но закрытый для посещения, — Евгений Климов многозначительно посмотрел на друзей. — В нем не бывал ни один журналист, сценарист или режиссер из числа снимавших фильмы об Аткинсе. Вам это не кажется странным?

— Всегда казалось, — кивнул Чарли. — По дому Аткинса можно совершить виртуальную прогулку на мемориальном портале, и не более того…

— Там нет мебели! — тут же радостно заявил Макс.

— Там все выдвигается из стен! — вторил ему Тайни.

— Он весь покрыт порошковым сплавом из четырех металлов — вольфрама, титана, хрома и стали, — устойчивое к любым повреждениям покрытие! — добавил Громов. — И еще он не боится воды! И сам по себе является мощнейшим компьютером! Там есть целая комната для симуляции любых ситуаций. Можно смоделировать все что угодно на манер Сетевой арены с полным эффектом присутствия!

Евгений Климов только кивал головой, слегка морщась, будто эмоции, бившие из Макса и Чарли ключом, были чем-то материальным и угрожали испортить безупречный костюм поверенного.

— Да-да, это все, бесспорно, так, — сказал он. — Однако есть кое-какие особенности…

Тут поверенный встретился с горящими глазами Макса и махнул рукой.

— Объяснять вам это бесполезно, — сказал он со вздохом. — Сами увидите. Что до меня — если бы вы спросили моего совета, — я бы рекомендовал вам взять «Камелот». Он самый большой, самый комфортабельный, в полной сохранности и готов принять вас хоть завтра…

— Недалеко от нас еще один пустующий дом, — вспомнил Чарли. — «Шоколадная плитка».

— Совершенно верно, — спокойно ответил Климов. — Но он не свободен. У него есть законный владелец, который, — поверенный шумно вздохнул, — когда-нибудь туда вернется… Но я могу устроить вам экскурсию туда. Если хотите. Там хранится замечательная коллекция живописи. Импрессионизм,

супрематизм, фэнтези-графика, киберкубизм…

Но Макс уже не слушал. Он только нетерпеливо дернул ногой, всем своим видом показывая, что решение принято.

— Я хочу Рободом!

— Сначала взгляните, — примирительно сказал Евгений Климов. — Кстати, вот и ваши будущие владения, — он показал вниз.

Макс прижался к окну. Под ним расстилалась лазурная морская гладь. Громов никогда в жизни не видел таких ярких красок. Изумрудная зелень на белых скалах, ажурный край берега, изрезанный множеством мелких бухточек, роскошные яхты, покачивающиеся на волнах.

Спаркл прижался к стеклу и показал пальцем на огромный белый дворец, мелькнувший внизу:

— Смотрите! Мой дом!

— Я никогда не был в зонах комфортного проживания, — тихо отозвался Макс, восторженно глядя на проносящиеся мимо рощи, острова, скалы, реки.

Евгений Климов спросил у Чарли:

— Ваш отец, мистер Спаркл, наверное, тратит целое состояние на атомные батареи для квадролета, если летает отсюда в Нью-Йорк?

— Он летает не так уж часто, — ответил тот. — Здесь живет моя семья — точнее сказать, родители. С восточной стороны дом дяди, но сейчас там бабушка с дедушкой. С западной стороны поместья — дом дяди по материнской линии.

— Это правда, что в комфортных зонах живут в основном женщины и дети? — спросил Тайни, с интересом рассматривая редкие крыши громадных особняков, утопающих в зелени.

Евгений Климов кивнул и добавил:

— Еще пенсионеры. Все, кто работают, вынуждены гробить свое здоровье в хайтек-мегаполисах, черт бы их побрал, изредка выбираясь в RRZ на отдых.

Макс заметил:

— Тех, кто может выбраться в RRZ, тоже не слишком много.

— К сожалению, — вздохнул Евгений Климов.

Поверенный посмотрел вниз, на проносящиеся мимо белые острова и яркое лазурное море. Его лицо стало мечтательно-грустным, будто он вспомнил что-то такое, о чем уже давно забыл, и вообще стал считать это сном или фантазией.

— Мой отец говорил, — тихо произнес он, — что до войны здесь все было совсем не так. Здесь были маленькие отели, пляжи, множество маленьких кабачков на берегу, где можно было съесть свежей, только что выловленной рыбы, сбрызнутой

оливковым маслом и пожаренной на углях, запить ее стаканчиком холодного белого вина, и это стоило сущую мелочь. Вечерами на набережных играла музыка, пары бродили вдоль моря, танцевали, целовались. Здесь был рай, куда хотя бы раз в жизни мог попасть каждый человек.

Чарли Спаркл опустил голову, будто услышал в этих словах упрек. Евгений Климов заметил это и мгновенно вернулся к своему обычному ровному доброжелательному тону и располагающей улыбке.

— Потом хайтек-коалиция заново перекроила мир и решила, что в этих местах будут жить только самые достойные, — закончил он.

Дневник доктора Павлова

29 июля 2054 года, 06:45:34
Тюремный комплекс Джа-Джа Блэк
О. Исландия
Северный блок,
секция интенсивной терапии

Мой резервуар с «жидким воздухом» с величайшей осторожностью погрузили в реанимационный электромобиль.

Доктор Жилинский отключил меня от всего оборудования, сказав:

— Транспортировка займет минут двадцать-тридцать. Уровень кислорода в жидкой смеси будет в норме. Но на всякий случай в реанимобиле имеется запасной баллон. Так что не волнуйтесь. Кислородного голодания мы ни в коем случае не допустим. Вас приказано привести в форму как можно скорее, так что мы стараемся.

Я не мог задать ему ни одного вопроса из тех, что меня мучили.

Мой срок истек? Уже прошло пятьдесят лет? Кто приказал «привести меня в форму как можно скорее»? И зачем?

Память возвращалась ко мне стремительно. Иногда даже становилось больно глазам от напряжения внутри черепной коробки. Огромные пласты информации всплывали один за другим. Я знаю все о человеческом мозге, поведении, инстинктах, влиянии ДНК-фактора, балансе нейрогормонов, воспитательном детерминировании, феномене «внутреннего зеркала» и прочих вещах, которые позволяют прогнозировать поступки человека в мельчайших подробностях. Я исследую креативные способности

подростков. Я личностный аналитик величайшего гения в истории — Роберта Аткинса. Я…

Внезапно все мое тело свела судорога. Аткинс!

Мне надо видеть его немедленно! Я должен встретиться с ним, потому что не успел сказать ему одну очень важную вещь! Я должен был сделать это до того, как меня заморозили! Я надеялся, что мне позволят с ним попрощаться, но меня отправили в Джа-Джа Блэк на день раньше, а Роберт так и не прилетел на последнюю встречу… Может быть, он узнал правду и не захотел меня видеть.

Я кричал и умолял перенести процедуру, но Буллиган мне отказал. В такой малости! Я просил у него всего один день! Я должен был увидеть Роберта! Я должен был сказать ему, что не стоит расставаться с Хеленой… Не надо бояться чувства, что возникло в его сердце вопреки генетике. Его собственные гормоны — фенилэтиламин, тестостерон, адреналин и допамин — вот ключ к тому, чтобы мой церотерозин начал действовать так, как должен. Чтобы стать нормальным навсегда, Роберт должен научиться любить, заботиться, чувствовать привязанность… Привязанность! Окситоцин закрепит действие нейроактиватора. Роберт перестанет чувствовать себя чужим на этом свете. Монстр в его голове уснет…

У меня зашумело в ушах. Сердце забилось с такой силой, что я почувствовал тесноту в грудной клетке.

Собственная жизнь проносилась перед глазами с бешеной скоростью. Теперь я точно знал, почему оказался в тюрьме. Я помню, за что. Но ни о чем не жалею. Я спас Роберта. Интересно, какой он сейчас? Может, меня разморозили потому, что ему снова требуется моя помощь? Может, он и Хелена до сих пор вместе? Я бы хотел увидеть их детей. Если они не унаследовали странной болезни Роберта — это было бы настоящим чудом. Чудом, которое я, наверное, не смогу объяснить, но объяснение меня сейчас не интересует. Я хочу увидеть их. Просто увидеть…

Подробности моей работы, научной деятельности, лекций, планов и стремлений не вызывали отклика в душе. Память фиксировалась на каких-то мелочах, ничего не значащих подробностях. К примеру, желтый цветок на моем окне. В моем кабинете был цветочный горшок с каким-то растением. Я поливал его, когда вспоминал об этом. В тот самый день, когда я ввел Роберту модулятор частот нейронных соединений — церотерозин, это растение вдруг зацвело. Оно все покрылось огромными ярко-желтыми цветами. Роберт заметил это и сказал: «Это не просто так. Я говорил тебе о законе квантовых случайностей? Ничего не бывает просто так. То, что мы называем

случайностями, — все звенья одного великого замысла, который, как мне кажется, я могу понять. Ты, наверное, решишь, что у меня опять приближается приступ, — он улыбнулся, — но это не так. Это не похоже на мои приступы. Это что-то другое. Я чувствую что-то, присутствие чего-то большего, чем мое сознание, чего-то исходного, первопричины. Понимаешь? Эта штука у меня в голове — не одна. Она… Она следует чьей-то воле. Я пока не понял, как именно осуществляется связь…» Я был недоволен. Я не любил, когда Роберт говорил о своем мозге как об отдельном существе, которое его якобы поработило и мучает. Подобные рассуждения ясно давали мне понять, что до полного здоровья Аткинсу еще очень далеко и радоваться успехам рановато.

Я вдруг почувствовал боль. Будто внутри лопнула струна, в глазах защипало. Неожиданно навалилось чувство потери.

— Роберт… — пробормотал я.

Нет! Нет, это мне только кажется. С ним все в порядке. Я же вылечил его. Я нашел лекарство. Я вылечил Роберта. Он, наверное, уже закончил создавать свою науку — квантонику. Он расскажет мне о ней. Уверен, он нашел способ доказать свой закон квантовых случайностей и теорию всеобщей относительности тоже.

Реанимобиль остановился. Я очнулся от своих воспоминаний и увидел, что нахожусь в просторном помещении. Большую его часть занимал прямоугольный бассейн с «жидким воздухом», он был открытым. Вдоль одной из стен были выставлены столики на колесах с медицинским оборудованием. У другой стены — кровать и ширма. За ней санузел. Я знаю. Кажется, я уже бывал здесь.

Медбратья начали аккуратно перемещать мой резервуар на специальный подъемник, который должен был погрузить меня в бассейн. Доктор Жилинский начал объяснять, что будет происходить.

— Алексей Романович, сейчас мы погрузим вас в бассейн с жидким воздухом. Концентрация кислорода там чуть меньше, но свойства жидкости те же, что и в вашем резервуаре. Мы откроем крышку, и вы осторожно покинете свой контейнер, но не будете всплывать на поверхность. На дне бассейна, возле того места, куда подъемник опустит вас, лежат специальные грузы для рук и ног. Наденьте их, чтобы не всплыть на поверхность раньше времени. Три часа вы должны двигаться не останавливаясь — плавать, ходить по дну бассейна. Делайте что угодно, но не покидайте «жидкий воздух» и не стойте на месте. Три часа постоянного, размеренного движения. Вроде пешей прогулки по горам. После этого, по моей команде, вы снимете грузы и ляжете

на подъемник, но будете держаться за специальный поручень, чтобы не всплыть. Мы опустим в бассейн трубки легочного экстрактора. Это аппарат, который быстро очистит ваши легкие от «жидкого воздуха». Вы почувствуете сильное удушье, вам захочется немедленно вынырнуть, подъемник быстро извлечет вас из бассейна на край. Вот здесь, видите? Учтите, первый глоток воздуха будет очень болезненным. Вам покажется, что это не воздух, а битое стекло. Будет очень сильная резь в легких, носоглотке и трахее, темнота в глазах, головокружение. Самый лучший способ побыстрее насытить легкие кислородом из атмосферного воздуха — это как можно громче закричать. Орите что будет сил до тех пор, пока не восстановится нормальное дыхание. Договорились?

Я кивнул.

* * *

24 августа 2054 года, 15:23:11
RRZ «Эллада»
Поместье Спарклов

— Я должен договориться с исполнительным секретарем кондоминиума о просмотре домов. Надо отключить охранные системы, получить гостевой ДНК-доступ, сведения о техническом состоянии… Хорошо бы найти инженера по безопасности, который на месте осмотрит основные агрегаты… — Евгений Климов разговаривал в большей степени сам с собой, но заодно информировал и Макса о предстоящих планах.

— Мне достаточно Рободома, — упрямо заявил Громов.

— Я вас слышу, — безупречно вежливо и доброжелательно ответил поверенный и добавил непреклонным тоном, — разумеется, сначала мы посмотрим Рободом, а потом все остальное. Предварительные согласования займут некоторое время…

— Мы побудем у меня, — перебил его Чарли Спаркл. — Доставьте нас ко мне домой, а потом заберете оттуда. Идет? Вы ведь у нас бывали? Помните, где это?

— Отличная мысль, — улыбнулся Евгений Климов. — Разумеется, помню. Ваше поместье на острове Крит.

— Точно, — Чарли вздохнул и посмотрел на друзей. — Я так волнуюсь. Честно говоря, даже предположить не мог, что когда-нибудь буду показывать вам свой дом!

Тайни шмыгнул носом и отправил в рот последнюю

зефирину.

Макс подумал, что тоже никак не предполагал полететь в самую закрытую из всех RRZ, в гости к Чарли. Он впервые подумал о том, что никогда не воспринимал Чарли как настоящего друга. Скорее просто проводил с ним время, потому что Чарли был не против, он сам сел рядом с Громовым на самом первом уроке в Накатоми — к смеху сказать, это была эргономика. Громов был абсолютно убежден, что после окончания школы каждый будет жить своей жизнью. Спаркл унаследует корпорацию, а Макс начнет искать, кому нужен начинающий софт-инженер, который подает надежды и согласен первое время работать почти бесплатно. К тому же Громов никак не мог забыть слова Дэз о том, что на втором году обучения, когда Макс уже заканчивал работу над «Моцартом» в первый раз, между ним и Чарли вспыхнула ссора. Обрывочные воспоминания о том, что Спаркл почти не разговаривал с ним и вел себя очень отчужденно, не давали Максу почувствовать дружеской теплоты по отношению к Чарли. Возможно, они просто оказались заложниками ситуации. Но Макс не мог забыть надменного, холодного выражения лица Спаркла, когда «видел» того в среде Эдена в последний раз.

Почему Чарли вернулся? Интуитивно Громов не верил в его искренность. Ему постоянно казалось, что за этим странным проявлением дружеских чувств стоит что-то другое. Чарли как будто чего-то ждет, как будто хочет что-то спросить, но в последний момент — не решается.

Насчет Тайни вообще все сложно и запутанно. Вроде как Макс испытывал к нему какую-то теплоту в связи с тем, что они пережили на Кубке Эдена. Но ведь это был не Тайлер Бэнкс! Лучшим другом Громова все это время был Хьюго Хрейдмар в облике Тайни! Настоящий Тайни — молчаливый паренек, который все время ест. Вроде бы он неплохой геймер, раз прошел «Вторжение», вроде бы интересуется бионикой… Но в его глазах нет холодного, ироничного огонька, который репликация Тайни неведомым образом получила от Хьюго Хрейдмара.

Громов шумно вздохнул, будто содержание кислорода в кабине квадролета разом уменьшилось вдвое, и расстегнул жесткий воротничок своей рубашки.

«Ничего настоящего вокруг! Ни-че-го!» — подумалось вдруг. Эта мысль пришла сама, ниоткуда.

Макс вспомнил кусок из интервью Аткинса, которое тот давал медиакомпании «Стелс».

«В нашем восприятии между виртуальной реальностью и фактической не стало никакой разницы. Мы настолько погружены

в себя, что другие люди — не более чем функции в нашей собственной проекции мира. Мы раздражаемся на них, когда они ведут себя не так, как нам хотелось бы, точно так же как раздражаемся на сбои в программах».

— Поместье Спарклов занимает примерно треть острова Крит, — с улыбкой сказал Евгений Климов, показывая вниз. — Для озеленения своей резиденции ваш дедушка, Чарли, морем доставил из лотек-пространства сто двадцать миллионов тонн плодородной земли. Орошение территорий потребовало строительства опреснительной установки, способной удовлетворить потребности небольшого города. Кроме того, он построил насосную станцию, которая гонит вглубь острова морскую воду. Миллионы кубических метров.

— Я знаю, — Чарли смутился.

— Зачем вам столько морской воды? — удивился Тайни.

Вместо покрасневшего Спаркла ответил Евгений Климов, мягким, уверенным голосом экскурсовода:

— Часть ее, добытая далеко от берега, с большой глубины, идет для наполнения громадных проточных плавательных бассейнов на территории резиденции. Всего их было десять. Одиннадцатый бассейн находился в личном SPA-комплексе резиденции. Воду для него подогревают и насыщают кислородом. Кроме того, там постоянно дежурят врачи, составляюшие для каждого члена семьи курсы необходимых процедур — целебных ванн, грязевых обертываний, масляных массажей, ароматерапии, массажа, иглоукалывания…

Чарли закашлялся и пробормотал:

— Моя мать проводит там большую часть дня…

— Семья Спарклов, состоящая из двадцати человек включая дедушек, бабушек и кузенов с обеих сторон — отца и матери, занимает территорию, по размерам равную целому кварталу хайтек-мегаполиса, где проживает около двадцати тысяч человек, — со странной радостной улыбкой и блеском в глазах продолжил Евгений Климов.

— Странно, — пробурчал Тайни, — мне всю жизнь говорили, что места для жизни на земле катастрофически не хватает, что планета перенаселена… А оказывается, в RRZ живет так мало людей… Двадцать человек? Всего? На треть острова?

— Если быть точным — сто пятьдесят с обслуживающим персоналом, — поднял вверх палец поверенный. — Только садовников в поместье Спарклов официально числится двадцать человек. Прислуга живет в двух довоенных отелях на берегу, в самой неудобной с точки зрения морских прогулок и купаний части острова. Каждый день слуги семьи Спарклов пешком

преодолевают расстояние от пяти до десяти километров, чтобы добраться до хозяйских домов или тех установок, за которыми они обязаны следить. Так? — ласково спросил Евгений Климов у Чарли.

Тот покраснел еще больше, бросив отчаянный взгляд на Громова. Макс пристально уставился на Евгения Климова. Зачем тот говорит Чарли все это?!

Спаркл справился со своим волнением и произнес тихим, очень злым голосом:

— Не я выдумал правила, по которым живет хайтек-пространство.

В ответ поверенный рассмеялся:

— Ну что вы, Спаркл! Я всего лишь простой гражданин хайтек-пространства, который уже несколько лет покупает и продает здесь дома. Поэтому все о них знает. К примеру, в ваш дом водопроводная вода для приготовления пищи и мытья поступает из артезианских скважин.

Чарли отвернулся и замолчал. В кабине повисло напряженное молчание. Только Евгений Климов был весел. Даже, пожалуй, чересчур.

Квадролет приземлился на лужайке перед домом.

Дверь открылась, пассажиры стали спускаться. Магнитные винты по инерции еще вращались, но не создавали шума. Только легкий гул и ветер.

— Палаццо в старом итальянском стиле, — сказал Климов Громову, показывая на огромный дом, стоявший на холме.

Дом был двухэтажным, выстроенным в форме полукруга. Его фасад украшали ажурные колонны. К входу вела лестница из белого мрамора. Она казалась невесомой, струящейся.

На ступенях стояла женщина в легком шелковом платье и солнцезащитных очках. Рукой она придерживала соломенную шляпу с большими полями, украшенную цветами и лентами.

— Мама! — Чарли помахал ей рукой.

Она не ответила.

Макс огляделся по сторонам. Кругом все зеленело и цвело. Пели птицы. Над головой сверкало ослепительно голубое небо и яркое солнце. Даже виртуальная среда Эдена не была столь прекрасной. Контраст с хайтек-мегаполисами был такой, словно они прилетели на другую планету.

— Что здесь было раньше? — спросил он Чарли.

— То же, что и сейчас, — ответил тот. — Я изучал историю этого места и пришел к выводу, что каждый новый завоеватель, от античности и до наших дней, кем бы он ни был — вождем дорийских племен или владельцем хайтек-корпорации, мечтал

тут поселиться. Здесь всегда живут те, кто покорил мир. Это место сберегли от огня всех мировых войн, потому что каждый, кто видел себя новым хозяином жизни, втайне мечтал взять его себе. Вот и весь секрет.

— Почему же в медиа ничего не рассказывают о жизни в зонах комфортного проживания? — недоуменно спросил Макс. — Все знают, что они есть, но почти никто и никогда их не видел. Только в сериалах телетеатра, но там и близко не показывают такой роскоши, — он показал рукой на дворец, утопающий в зелени лавра, апельсиновых и лимонных деревьев.

— Наверное, чтобы не раздражать те девяносто девять процентов населения хайтек-пространства, которым никогда в жизни сюда не попасть, — криво усмехнулся Чарли, бросив косой взгляд на Евгения Климова. — Я как-то слышал на одном из приемов, как Председатель Торговой Федерации сказал, что вся недвижимость в зонах комфортного проживания принадлежит одному проценту хайтек-граждан, которые успели к послевоенной дележке земли. Всем остальным надеяться уже не на что. Разве что арендовать землю за бешеные деньги у владельцев.

— Эй, герой! Неужели это Макс Громов собственной персоной?! — раздался сбоку бодрый голос.

Макс повернул голову и увидел отца Чарли — Фрэнка Спаркла, председателя совета директоров корпорации «Спарклз Кемикал». Его седые, сверкающие бриллиантовым блеском волосы были тщательно уложены. Мягкая хлопковая рубашка, белая с едва заметным мелким рисунком, и бежевые брюки делали его похожим на героев старых фильмов, снятых век назад.

Не обратив никакого внимания на сына, Фрэнк Спаркл подошел к Громову:

— Добрый день, молодой человек, — и улыбнулся так, что даже его холодные голубые глаза засветились добротой и участием. — Я счастлив и горд принимать в своих владениях лучшего представителя человеческого вида.

Макс и Чарли переглянулись. Напыщенная речь Фрэнка Спаркла звучала искусственно и до невозможности фальшиво.

— Спасибо, сэр… — пробормотал Макс и посмотрел на Чарли.

Тот сунул руки в карманы и отступил назад, склонив голову.

Отец повернулся к нему и произнес с насмешкой:

— Я счастлив, сын, что впервые в жизни могу гордиться хоть чем-то, связанным с тобой. У тебя отличный друг. Думаю, тебе стоит проводить с ним как можно больше времени. Идемте, Громов. Я хочу познакомить вас со своей женой.

Они подошли к ступеням, где их ждала мать Чарли.

Фрэнк положил руку на плечо Макса и сказал ей:

— Познакомься, Камилла, это и есть знаменитый Максим Громов. Друг нашего сына. Я уже говорил Чарли, что это, пожалуй, чуть ли не единственный случай в его жизни, когда я им горжусь. Какого замечательного друга он себе нашел! Да, Макс?

— Чарли сам замечательный друг, — заметил Громов, глядя на Камиллу Спаркл.

Чарли никогда ничего не рассказывал о своей матери. В частности, Макс совсем не ожидал, что она настолько красива. У нее были длинные рыжие волосы, уложенные в тяжелые блестящие локоны. Фарфорово-бледная матовая кожа, большие зеленые глаза, тонкие губы. Макс заметил, что Чарли очень на нее похож, только у него нет такой королевской осанки.

Камилла Спаркл улыбнулась Максу, поприветствовав его едва заметным кивком головы. Потом развернулась и пошла вверх по ступеням, к дому. Муж, сын и Громов со своим адвокатом последовали за ней. Макс попытался сообразить, сколько лет матери Чарли, но так и не смог. Выглядела она лет на семнадцать… Но этого не может быть!

— Мама чересчур увлекается косметологическим охлаждением, — вздохнул Чарли.

— Что это такое? — не понял Макс.

— Это значит, что у нее температура тела тридцать два градуса. Она холодная как лед, говорить почти не может, — раздраженно бросил через плечо Фрэнк Спаркл. — Но выглядит прекрасно! Совершенно не стареет последние двадцать лет.

Чарли в этот момент выглядел таким несчастным, что Максу захотелось его обнять и хоть как-то утешить. Он взял Спаркла за руку и крепко ее сжал. Тот ответил благодарным кивком головы.

Они поднялись в холл.

— Добро пожаловать в мой дом, — сказал Фрэнк Спаркл, поднимая руки и демонстрируя принадлежащее ему великолепие. — Уверен, что в скором времени вы, молодой человек, сможете стать нашим соседом. Нам всем теперь придется раскошелиться за пользование вашим кодом, — он противно рассмеялся и хлопнул Макса по плечу.

— Спарклы сами построили этот дом? — спросил он, отступая на полшага назад.

— Нет, мой прадед купил его задолго до войны, слава его памяти. Когда я выйду на пенсию, меня ожидает райский уголок. Если это, конечно, когда-нибудь случится, — мистер Спаркл бросил на сына уничтожающий взгляд. — Скажи, Чарли, ты когда-нибудь будешь в состоянии унаследовать корпорацию? Или же мне придется пожизненно тратиться на личностного аналитика,

чтобы тот научил тебя справляться со стрессом, мой дорогой невротичный сын?

Тот опустил глаза и густо покраснел. Макс глянул на Фрэнка Спаркла исподлобья и прикусил губы. Он и раньше, заочно, не питал к отцу Чарли никаких добрых чувств, и личное знакомство только усилило убежденность, что сэр Фрэнк Спаркл — напыщенный, убежденный в собственном всемогуществе, раздувающийся от чувства собственной значимости и превосходства над другими людьми «злобный кретин», как сказала бы Дэз.

«Надеюсь, Чарли никогда не станет таким», — подумал Макс, но познания о «воспитательном детерминировании», загруженные в голову Громова через нейролингву, мгновенно всплыли в полном объеме. И они предостерегали, что чем сильнее Чарли ненавидит отца, тем больше будет походить на него.

Тайни, про которого все забыли, неловко мялся в дверях, не решаясь войти. Наконец Фрэнк Спаркл его заметил.

— А это кто? — сердито спросил он у сына.

— Это Тайлер Бэнкс, мы вместе выиграли Кубок Эдена, — ответил тот, не решаясь поднять глаз.

— Бэнкс… Бэнкс… — Фрэнк Спаркл задумчиво поднял глаза вверх. — Не припомню такой фамилии. Какой корпорацией владеет ваш отец, Тайлер? — он сурово уставился на Тайни.

Тот вжал голову в плечи, было видно, что больше всего на свете он в данный момент мечтает раствориться в воздухе.

— Никакой, сэр… — пролепетал он еле слышно.

— Ну, это ничего, — отец Чарли растянул рот в людоедской ухмылке. — Вы, должно быть, профессиональный геймер, раз смогли выиграть Кубок Эдена даже в ситуации, когда мой сын мешается под ногами? — Фрэнк Спаркл рассмеялся, собственная шутка показалась ему удачной.

Мать Чарли в этот момент развернулась к присутствующим спиной и пошла прочь, не сказав ни слова.

— Чарли очень хороший игрок. Он добрался до командного бункера на арене «Завтра будет поздно». Мы только прикрывали его, сэр, — спокойно сказал Громов, — и победили благодаря ему.

Фрэнк Спаркл склонил голову набок. Похоже, ему показалось, что он ослышался.

— Вообще-то мы победили благодаря Дэз… — тихо заметил Чарли.

Фрэнк Спаркл всплеснул руками и недовольно насупился.

— Мы, Дэз… Побеждает всегда кто-то один, остальные просто удачно оказываются рядом. Все эти довоенные нюни про

командный дух, эффективность сотрудничества и так далее — полная чушь. Всегда есть один, который четко видит цель и желает ее достичь. Все прочие — или расходный материал, или балласт. Ладно. Мне некогда, — он повернулся к Максу. — Был рад личному знакомству с вами, Громов. Когда встретитесь с Алексом — постарайтесь присесть. Он ненавидит людей, которые выше его. Мне через час уже надо вылетать в Нью-Йорк. Торговая Федерация будет думать, как бы ей получше наградить вас, Максим. Я бы спросил ваше мнение, но все задумано как сюрприз. До свидания.

— До свидания, сэр, — ответил Громов, внутренне испытав громадное облечение от того, что общение с Фрэнком Спарклом закончено.

Тот помахал рукой Тайни и, не удостоив Чарли даже взглядом, удалился.

Как только он скрылся из виду, Бэнкс шумно выдохнул и посмотрел на Чарли с большим сочувствием.

Тот махнул рукой:

— Папа был сама любезность. Ради Макса. Обычно бывает гораздо хуже, — и вздохнул: — Бедная мама! Идемте, мои апартаменты в западном крыле.

Дневник доктора Павлова

29 июля 2054 года, 07:20:09
Тюремный комплекс Джа-Джа Блэк
О. Исландия
Северный блок,
секция интенсивной терапии

Я лежал на краю бассейна, судорожно ловя ртом воздух. Все тело била мелкая дрожь. Я был покрыт потом так, что капельки воды скатывались по коже, словно она намазана маслом. Все слизистые оболочки дыхательных путей горели и надрывались от боли. Но все же это было лучше, чем дикое, жуткое удушье, одолевавшее меня первые минуты, когда казалось, что еще вот-вот — и воздуха не хватит. Кошмар, что я вот-вот умру, был реальным! Я испугался за собственную жизнь так, что начал кричать. Я думал, мои связки лопнут от этого крика.

— Быстрее! Кислородную маску! Переложите его на каталку!

Голос доктор Жилинского с трудом пробивался через чудовищный гул, стоящий у меня в ушах. Их как будто локально заморозили жидким азотом. Хотелось приложить к ним что-

нибудь горячее, чтобы избавиться от этого жуткого могильного холода, расползавшегося от ушей к затылку.

Наконец мне на лицо надели силиконовую маску. По трубке пошел кислород. Резь в легких стала заметно меньше.

— Датчики! Быстрее! Крепите датчики! — орал доктор Жилинский.

Меня перекатили на каталку, подняли ее и быстро вкатили в бокс. Внезапно в груди возникла резкая боль, сильное жжение, словно там что-то взорвалось. Отпустившее было удушье вернулось с прежней силой. В глазах потемнело. Крики над моей головой таяли, будто я стремительно взлетал куда-то вверх.

— Дефибриллятор! Подключайте искусственное сердце! На счет «три»! Раз! Два!..

Крики стихли. Я увидел свет и сказал:

— С ума сойти. Никогда в это не верил.

Свет окружал меня со всех сторон. Он был очень плотным. Я чувствовал себя замурованным в этот свет, как яйцо черепахи в песке. Поднес свою руку к носу и спросил:

— Галлюцинация? Я умер? Что, в самом деле? Действительно свет? Не может быть. Должно быть просто сложная проекция. Я без сознания, боюсь умереть, поэтому перед глазами рисуется картинка, о которой все говорят.

Тут боковым зрением я уловил какое-то движение. Обернулся и увидел… свою жену. Рядом с ней стоял Роберт. Только он был маленький, трехлетний.

— Кора? — я сделал им навстречу шаг.

Они смотрели на меня ласково. Улыбались, но отступали назад.

— Кора! — крикнул я и бросился к ним, но свет подо мной вдруг провалился, и я полетел вниз, будто разом ухнул вниз с небоскреба.

Свет исчез. Я физически почувствовал удар и открыл глаза, судорожно вдохнув:

— А-а-ах!

— Порядок, — доктор Жилинский поднял вверх большой палец и подмигнул мне. — Всего одна клиническая смерть после разморозки в вашем возрасте — это несомненный успех.

Я попытался задать вопрос, что со мной случилось, но не смог. Навалилась вязкая, липкая усталость. Очень хотелось спать. Я не мог даже глаза держать открытыми.

* * *

Друзья прошли через длинную анфиладу залов, набитых антикварной мебелью, картинами и книжными шкафами. В одной из гостиных Макса, Чарли и Тайни встретила пожилая женщина в черном платье и белом переднике. Чарли, увидев ее, заметно оживился.

— Эмма!

— Здравствуйте, мистер Спаркл-младший, — ответила та, поглядывая на спутников Чарли.

— Это мои друзья, — пояснил ей тот. — Тайлер Бэнкс, Макс Громов. Ты, наверное, слышала?

— О! Я не смотрю медиа, но слышала… Это такая честь. Добрый день, сэр.

Макс почувствовал себя неловко.

Эмма протянула руку и взъерошила рыжие волосы Чарли.

— Я накрыла стол в патио. Проводить твоих друзей в гостевой домик?

— Нет, Эмма, мы ненадолго. Пообедаем и поедем смотреть дом для Макса, — улыбнулся Чарли. — Проводи их в столовую, а я сбегаю к себе, переоденусь, — Чарли помахал Максу рукой и исчез в длинном коридоре справа.

Громов и Тайни пошли следом за Эммой. Вышли на улицу и ступили на узкую дорожку из плотно утрамбованного красного песка.

— Я так рада, что вы приехали, — неожиданно сказала Эмма, обернувшись. — Бедному Чарли несладко тут приходится одному. Чарли как-то сказал, что вы, мистер Громов, из лотеков?

— Да, — кивнул Макс.

Эмма посмотрела на него с любопытством и доверием.

— Почему отец так его ненавидит? — спросил Громов.

Почему-то в данном случае такой вопрос показался ему уместным. Хотя в другое время он не решился бы его задать даже самому Чарли.

Эмма только покачала головой:

— Никто этого не понимает, а леди Камилла после смерти своего отца так зависит от мужа, что боится вступаться за сына. Как-то она сказала мне, что вытерпит все, лишь бы мистер Фрэнк не лишил Чарли наследства. Хотя в последнее время мне кажется, что она совсем не в себе. Мистер Фрэнк очень тяжелый человек. К счастью, он тут редко бывает.

— Но ведь Чарли единственный сын Фрэнка Спаркла, — заметил Макс. — Как же он может лишить его наследства?

— Увы, — вдохнула Эмма, — не единственный.

— Что это значит? — не понял Громов.

— У мистера Спаркла есть еще дети, кажется, двое. Он

недавно сообщил об этом леди Камилле. Чарли разве не говорил? Его отец кричал так, что я услышала даже на кухне. Если бы не брачный договор, который когда-то его заставил подписать дед Чарли по матери — Крейг Фергюссон… мистер Спаркл давно бы признал своих детей. Но он не может. Если сделает это — ему придется вернуть леди Камилле ее собственность и все проценты за пользование ею в течение пятнадцати лет. А это очень много. Очень! — Эмма вздохнула и добавила с улыбкой: — Но все же не так много, как корпорация «Спаркл Кемикал». Поэтому леди Камилла пока держится.

— Чарли не рассказывал мне об этом, — нахмурился Макс. — Правда, времени не было… Мы не виделись после Эдена. Чарли остался там один, нас… меня забрал Джокер.

— Он очень скрытный, — вздохнула Эмма. — Все держит в себе. Я очень боюсь за него, сэр. Очень хорошо, что вы оба приехали. Именно сейчас Чарли нужна поддержка друзей. Возможно, как никогда раньше. Я так радовалась, когда он уехал в Эден. А потом… — Женщина всхлипнула. — Когда узнала, что там было на самом деле… Боже мой! В голове не укладывается, как доктор Синклер мог сотворить такое!

— Д-да, да, — эхом отозвался Макс. — Я попытаюсь, правда, не знаю, чем могу помочь Чарли.

Тайни издал какое-то неопределенное, возмущенное ворчание.

— Отвлеките его от всех этих мыслей и скандалов, — посоветовала Эмма. — Гуляйте, разговаривайте, знакомьтесь с девушками.

— Вы знаете Чарли всю жизнь? — спросил Громов.

— С рождения, — кивнула Эмма. — Он мне как сын.

— А свои дети у вас есть? — поинтересовался Макс.

— Есть. Двое. Из-за них я здесь, — сказала Эмма.

— Как это? — не понял Макс.

— Вы разве не знаете? В Элладе никому не платят за работу, — улыбнулась Эмма. — Это слишком хорошее место. Сюда многим очень нужно попасть. Вопрос жизни и смерти. Люди готовы работать бесплатно, только за еду и жилье, лишь бы находиться здесь.

— Почему людям очень нужно сюда? — не понял Макс и тут же поймал недоуменный взгляд Тайни.

— По-моему, это очевидно… — пробормотал тот.

Эмма спокойно ответила Громову:

— Оба моих сына родились в Московском хайтек-мегаполисе. А там такой воздух и вода, что врачи предупредили меня — они не выживут. Легочная недостаточность. Слабый иммунитет.

Сказали, что надо переселиться в экологически благоприятную зону. Я подала прошение в благотворительный фонд RRZ, и мне разрешили перебраться в одну из комфортных зон при условии, что кто-нибудь из арендаторов здешней земли даст мне работу. Пожизненно, — Эмма печально улыбнулась. — Я попрощалась с мужем и уехала сюда навсегда.

Макс смотрел на нее и не находил слов, чтобы выразить свое отношение к сказанному.

— Я не знал… — пробормотал он. — Но ведь это… это незаконно!

— Законно все, на что люди соглашаются добровольно, — горько улыбнулась Эмма. — Зато мои дети остались живы. А тем ста двадцати женщинам, что претендовали на мое место, возможно, не повезло.

Макс был шокирован.

— Я никогда не слышал о благотворительном фонде RRZ и методах найма на работу в зоны комфортного проживания! Пожизненно! Бесплатно! Только за право находиться здесь! И ни слова в медиа! Почему та же ICA до сих пор не подняла никакого шума на эту тему? — возмутился он. — Ведь они до хрипоты судилась даже с медиазвездой Анжелиной, что та не имеет права скрывать количество своих пластических операций, чтобы не вызывать комплексов у девушек-подростков!

Эмма пожала плечами.

Тайни хотел что-то сказать, но передумал.

— Ну вот мы и пришли, — Эмма показала друзьям круглый дворик под плетеной крышей, увитой виноградом; вокруг пышно цвел ярко-розовый цикламен. — Это называется «патио», — она обвела рукой пространство. — Садитесь за стол, а я положу отбивные на угли, как раз к приходу Чарли они будут готовы. Я приготовила вам свежий сок — яблочный и апельсиновый, еще сделала настоящий лимонад. Не знала, что вы любите.

ID

Раздел: юридические корпорации

ICA — International Consumer's Association — Всемирная Ассоциация Потребителей. ICA многие расшифровывают также, как «Международная Ассоциация Сутяг». Живет за счет инициации многомиллионных исков к производителям товаров, услуг, медиазвездам, государственным службам. Ее агенты постоянно заняты выискиванием бюрократических, производственных, этических и прочих недостатков, которые фактически или потенциально

способны нанести физический, финансовый или моральный ущерб «потребителям», гражданам хайтек-пространства. Особенно ревностно ICA следит за соблюдением монопольного права. В хайтек-обществе нет однозначного отношения к ICA, поскольку ее обвинения часто бывают надуманными и очевидно сфабрикованными в исключительно корыстных целях. В то же время существование ICA способствует повышению качества товаров и услуг, выпускаемых корпорациями.

Раздел: юридические термины

Монопольное право — раздел хайтек-законодательства, регулирующий деятельность транснациональных корпораций. Основная задача: препятствовать созданию искусственного дефицита в любой отрасли с целью повышения цен и получения сверхприбыли, а также навязыванию потребителям своей продукции.

«Парашютный процесс» — иск ICA к корпорации Jet Sky против продавленного ею через Торговую Федерацию закона об обязательном снабжении всех работников и жильцов высотных башен хайтек-пространства парашютами производства Jet Sky на случай экстренной эвакуации. В результате иска обязательное владение личным парашютом было вменено только тем сотрудникам и жителям высотных башен, чьи офисы и квартиры находятся выше 10-го этажа — именно такая высота необходима, чтобы парашют успел раскрыться. Тем, кто живет и работает на 2–10-м этажах, было вменено в обязанность приобрести тросы для скоростного спуска с полным комплектом катушек, крепежа и страховочных ремней производства Jet Sky. Корпорация после долгих прений все же выплатила ICA 2 млн. кредитов.

Рободом

24 августа 2054 года, 17:05:12
RRZ «Эллада»
Поместье Спарклов

Тайни съел пять телячьих отбивных и переместился в гамак, прихватив с собой тарелку винограда.

Макс и Чарли остались за столом в предвкушении десерта.

— Я приготовила ваш любимый клубничный мусс, мистер Спаркл-младший, — сказала Эмма, подавая на стол хрустальные вазочки с чем-то очень аппетитным. В белом воздушном креме светились темно-красные прожилки клубничного джема.

— Спасибо, Эмма, — Чарли взял серебряную ложечку и отправил в рот первую порцию мусса. На его лице отразился детский восторг.

— В жизни ничего вкуснее не ел! — воскликнул Макс, попробовав десерт.

Тайни издал страдальческое мычание.

Эмма подала вазочку с муссом и ему.

Бэнкс собрался с духом и в три приема проглотил десерт, после чего блаженно закрыл глаза.

— Самая вкусная еда, какую я когда-нибудь пробовал, — едва дыша, сказал он.

Чарли подмигнул Эмме:

— Верь ему, он много всякой еды пробовал.

Та сочувственно посмотрела на Тайни.

— Может, что-нибудь для пищеварения, мистер Бэнкс? — и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Я принесу вам ферментную смесь.

Громов посмотрел на цветущий цикламен, потом на Чарли. Тот переоделся в розовую рубашку, легкий белый джемпер и светло-серые джинсы. Макс заметил, что манеры Чарли, скучающее, аристократичное выражение его лица, уверенные плавные движения — все точь-в-точь как у его отца. Странно, откуда столько ненависти между двумя столь похожими друга на друга людьми!

— Ты никогда не рассказывал о вашем поместье, — сказал Громов. — Во всяком случае, подробно.

— Ты мне тоже много чего не рассказывал, Макс, — уклончиво ответил Чарли. — К примеру, как ты попал в хайтек-пространство? Как, будучи лотеком, можно подготовиться к сдаче экзаменов в Накатоми? Что происходило между тобой и Дэз в

Буферной зоне?

Он посмотрел на Макса долгим изучающим взглядом. Тот отвел глаза.

— С момента возвращения из Буферной зоны я чувствую себя очень странно, — признался он. — Все вокруг кажется сном. Невозможным. Нереальным. Даже сейчас: я сижу, смотрю на этот стол, чувствую во рту вкус клубничного мусса — и боюсь проснуться. А еще усталость. Мне ничего не хочется делать. Если бы не этот Климов, я бы, наверное, так и остался в Nobless Tower. Лежал бы целыми днями на кровати… Нет, лучше на диване. Над кроватью там жуткая роспись. И ничего не делал. Просто смотрел в одну точку или спал.

Тут вдруг Тайни перестал часто дышать, как собака в жару, и сел.

— У меня тоже все время такое чувство, — сказал он. — Это флэш-бэк. Мы теперь обречены пожизненно бояться, что все вокруг ненастоящее. Обезьяний механизм усвоения негативного опыта. Если один раз попал в серьезный переплет с угрозой для жизни — будешь бояться подобного всю жизнь. Избавиться от такого страха практически нереально.

— Спасибо, обнадежил, — Чарли поклонился Бэнксу.

— Не за что, — ответил тот. — Кстати, Макс, ты собираешься принимать участие в Олимпиаде, как советовал тебе доктор Синклер?

— Нет, — мотнул головой Громов. — Ни за что.

— Но почему? — изумился Тайни. — У тебя есть все шансы! Если ты прошел «Вторжение» без оружия…

— Это совсем другое дело! — неожиданно резко перебил его Макс. — Был смысл. А просто так, ради игры… Нет, я не смогу.

Чарли и Тайни растерянно переглянулись.

— Просто мы думали… Мы надеялись… — Тайни подошел к Громову и сел на соседний стул. — В общем, мы хотели сказать тебе, что если ты все же решишь участвовать в играх, то, может быть, возьмешь нас в свою команду?

Теперь растерялся Громов.

— Если вы хотите участвовать в Олимпийских компьютерных играх, почему бы вам самим не подать заявки?

— У нас нет квалификации геймеров, чтобы участвовать. Кубок Эдена для нее не годится. Это локальные соревнования. Нас допустят только в качестве игроков команды основного участника. — Бэнкс с надеждой посмотрел на Макса.

— У меня официально тоже нет квалификации геймера, — заметил тот. — Я ни в одном чемпионате не участвовал.

— Ты другое дело! — горячо запротестовал Тайни. — Тебя

допустят без звука! Ты же герой!

Чарли покачал головой:

— Не дави на него. Сказал — не хочет — значит, не хочет. Может, как-нибудь в другой раз…

— Другой раз будет только через два года, — обиженно ответил Тайни. — Макс! Ну чего тебе стоит? Ты же все равно пока в Эден не собираешься возвращаться!

— Я не хочу участвовать в Олимпиаде, — тихо ответил Громов.

— Ну вот… — Тайни расстроенно надулся.

Чарли встал из-за стола и положил руку Максу на плечо:

— Не слушай его. По большому счету, не так уж хорошо мы бы там показались. Как ни крути, но Олимпиада — для профессиональных геймеров. Тех, кто играми живет. Нам с ними не справиться. Тем более без Дэз.

Вернулась Эмма.

— Ваше лекарство, мистер Бэнкс, — сказала она, протягивая Тайни стакан с жидкостью.

— Спасибо, — вздохнул тот.

Чарли откинулся назад в кресле и постучал по стакану, показывая Эмме, что хочет еще воды. Этот жест показался Громову чрезвычайно неприятным. Он даже на мгновение зажмурился и сделал резкое движение рукой, словно хотел стряхнуть с костюма крошки.

Эмма спокойно наполнила стакан Чарли водой из запотевшего графина со льдом.

— Я думаю, нам все равно нечего делать на Олимпиаде, — протянул Спаркл, уговаривая сам себя. — В этом году вроде собираются наконец ввести принцип жесткой физиоидентичности игрока, точно так же, как во «Вторжении». Тот же рост, вес, уровень физической подготовки.

— Они этого не сделают, — уверенно возразил Тайни. — Половина игроков в этом случае не сможет участвовать! К тому же как ты себе представляешь физиоидентичность, скажем, на арене «Сунь Укун — Царь обезьян»? Там персонажи — мартышки!

— Не знаю, — Чарли пожал плечами и отпил глоток воды. — Просто об этом уже не первый год говорят. Считается, что игра на физиоидентичных аренах выглядит более зрелищно, чем на тех, где игроки проходят прокачку при загрузке.

— Не знаю, — проворчал Макс. — Во «Вторжении» я каждую секунду проклинал эту чертову физиоидентичность! В любой другой игре ты при загрузке прокачиваешься до состояния крутого правительственного пехотинца и таскать на себе двадцать килограммов оружия, брони, боеприпасов и прочей ерунды не так

уж тяжело. А когда эти двадцать килограммов как в реальной жизни… Это жуть. Можно вынести только по необходимости. Ради удовольствия я бы во «Вторжение» не стал играть ни за что.

— Ну не знаю… Я играл… Но передвигался без брони, с одним огнеметом. Там оружия-то в принципе не надо. И даже бегать много нет необходимости. Главное — ходы найти правильные. «Вторжение» только кажется шутером. На самом деле это… квест, — заявил Тайни. — Я прошел игру целиком почти без пальбы еще до того, как поступил в Эден.

— Но согласись, что именно из-за принципа физиоидентичности игра не стала популярной и коммерческой, — продолжал настаивать Громов. — Насколько я знаю, «Фобос» едва смог восполнить расходы на создание арены, а сейчас поддерживает ее в рабочем состоянии больше для рекламы, чтобы демонстрировать совершенство разработки. Из любви к высокому искусству гейм-архитектуры, атмосферы, точности деталей… Но не ради денег. Там бывает человек десять в день от силы. Со всего хайтек-пространства! А дальше первого уровня вообще мало кто проходит, потому что боль там вполне реальная и ужас вообще запредельный от происходящего. Все как настоящее! Представляешь, тебя на самом деле такая тварь, как там бегают, зубами тяпнет или кислотой обольет… Б-р-р! Нет, производители арен никогда не согласятся на введение принципа физиоидентичности. Они же прибыль потеряют! Люди ведь платят за то, чтобы побыть кем-то, кем они не являются. А если ты все время остаешься самим собой, то какой смысл вообще играть?

Тайни тряхнул головой.

— Не согласен! — горячо запротестовал он. — Физиоидентичные игры интереснее! Именно потому, что труднее!

— Для меня нет, — просто ответил Макс, мысленно поражаясь, как Тайни вообще смог передвигаться на арене «Вторжения» с учетом полной физиоидентичности… Например, в вентиляционный люк, который ведет к стартовой площадке, он бы просто не пролез.

— Для меня тоже, — поддержал его Чарли. — Почему я должен напрягаться в игре, если реальный спорт терпеть не могу? Бегать, потеть… Жуть. Мне кажется, это ужасно пошло. Я считаю, его надо запретить, раз уж мы так боремся с обезьяньей природой человека. Спорт провоцирует гнев, конкуренцию, желание стать первым. Он не учит сотрудничеству. Даже командные игры. Просто более сложная степень организации конкурентной борьбы.

— При чем тут спорт? — проворчал Тайни. — Эден тоже был своего рода физиоидентичной ареной…

Биофон Макса подал сигнал вызова.

— Да, — ответил Громов.

— Это Евгений Климов. Я ожидаю вас на лужайке. Вы готовы увидеть Рободом?

— Да! Да! — Макс вскочил. — Мы уже идем!

Дневник доктора Павлова

29 июля 2054 года, 23:00:34
Тюремный комплекс Джа-Джа Блэк
О. Исландия
Северный блок,
бокс интенсивной терапии 12

Сквозь сон я почувствовал, что на меня кто-то пристально смотрит. Открыл глаза и увидел перед собой человека с очень суровым лицом, грубую кожу которого прорезали глубокие морщины. Он смотрел на меня в упор. Глаза маленькие, но очень цепкие. Плотно сжатый рот. На нем был коричневый костюм.

— Здравствуйте, доктор Павлов, — сказал он. — Вы меня узнаете?

— Специальный агент Буллиган? — спросил я, отстраняя его рукой. — Не надо подходить ко мне так близко.

— Теперь я директор Бюро информационной безопасности, — ответил тот, отходя в сторону.

— Поздравляю, — я отвернулся.

Помолчав немного, все же задал вопрос:

— Какой сейчас год?

Буллиган открыл крышку своего вирстбука, показал мне календарь:

— Двадцать девятое июля две тысячи пятьдесят четвертого года.

— Пятьдесят четвертого? — я вздрогнул. — То есть прошло всего… всего пятнадцать лет?!

— Да, не так уж много, — кивнул Буллиган.

Я встревожился. С чего Бюро вдруг решило разморозить меня на тридцать пять лет раньше?

— Что-то с Робертом? — мой голос предательски дрогнул.

Буллиган начал переминаться с ноги на ногу, между его бровями возникла глубокая складка.

Мне стало не по себе. Я повторил:

— Что с Робертом?

Буллиган скривил рот и вытер свою короткую, жилистую шею

белоснежным платком.

— Роберт Аткинс умер четырнадцать лет назад. В две тысячи сороковом году.

У меня затряслись губы, руки, и не было никаких сил унять эту дрожь. В груди стало очень тяжело, будто на меня навалили бетонную плиту весом в тысячу тонн. На мгновение потемнело в глазах. Я моргнул и почувствовал, как по щекам покатились слезы. Неужели все было зря?! Неужели я совершил то, за что получил пятидесятилетний срок, напрасно?! Я принес в жертву несколько совершенно невиновных людей… подростков… зря… Все было зря! Невозможно!

— Ч-что? — я с трудом смог выговорить слово.

Буллиган сделал глубокий вдох.

— Это был несчастный случай. Он поехал на горнолыжный курорт в Мавритании и решил спуститься по дикому склону. Перелом шейных позвонков. Мгновенная смерть. Его спуск спровоцировал сход лавины. Снег заглушил сигнал маяка. Мы нашли тело только через две недели. Никаких шансов спасти…

Если бы взглядом можно было сжечь, то Буллиган рассыпался бы кучей пепла, не успев договорить.

— Роберт?! Поехал кататься на сноуборде?! Это доска для катания? Физический спорт? По дикому склону?! — Мне показалось, что я вижу кошмарный сон. Абсурдный притом. — Бред… Большей нелепости, чем Роберт и сноуборд, вообразить нельзя. Он за всю жизнь ногами реально, физически, прошел километров десять от силы!

— Тем не менее это так, — тихо возразил Буллиган. — После того как вас отправили в Джа-Джа Блэк, Роберт очень… Как бы это сказать… Он был не в себе. Его расстройство, — Буллиган повертел пальцем у виска, — усугубилось. Он почти год не покидал Рободом, а потом поехал в Альпы, никого не предупредив. Даже Хелену Наварро, — шеф Бюро многозначительно посмотрел на меня. — Это была колоссальная потеря для хайтек-пространства. Ему устроили государственные похороны. Во всем хайтек-пространстве была неделя траура. Если вы думаете, что это не был несчастный случай… Поймите, Роберту Аткинсу никто не желал смерти. Наоборот. Торговая Федерация, военные, Эден — все были заинтересованы в том, чтобы Роберт прожил как можно дольше. Но, к сожалению, его здоровье… — тут Буллиган неожиданно перешел в наступление. — Как вы могли продолжать эксперименты в области евгеники, зная, что они запрещены? Как вы могли бросить Роберта? Как вообще допустили возможность, чтобы вас отправили в морозилку на такой срок?!

Я оторопел. Тирада Буллигана попала в точку. Я почувствовал вину. Жгучее чувство, будто кто-то царапает меня острыми когтями изнутри.

— Не помогло… — пробормотал я и закрыл лицо руками. — Не помогло…

— Что? — Буллиган склонился надо мной. — Что вы сказали? О чем вы?

— Ничего, — я вдруг ощутил себя очень старым, немощным, умирающим.

С трудом перевернулся на бок, отвернувшись от Буллигана. Повисла долгая пауза. Наконец я нашел в себе силы спросить:

— Так зачем вы меня разморозили?

Буллиган ответил спокойно и по-деловому:

— Нам нужна ваша помощь. Вы добились большого успеха в расширении когнитивного предела у одаренных подростков и прогнозировании их поведения. В данный момент в хайтек-пространстве появился мальчик, потенциал которого, по мнению доктора Синклера, значительно превосходит способности Роберта Аткинса. Это не предположение. Дело в том, что в ходе беспрецедентной хакерской атаки Сеть, созданная Аткинсом, была уничтожена. Нам угрожал технологический апокалипсис. Однако этот мальчик, Максим Громов, создал программу, которая вылечила не только Сеть, но и людей, подключенных к ней в этот момент, от не вполне изученного, но чрезвычайно опасного вируса, способного существовать как в цифровой среде, так и в биологической.

— И что же вы хотите от меня? — мой собственный голос был мертвым, лишенным всяких эмоций.

— Чтобы вы наблюдали за ним и… направляли его, — сказал Буллиган. — Создавали у него нужную внутреннюю мотивацию для работы.

Я повернулся и посмотрел на шефа Бюро. У меня появилась мысль…

— Так вы говорите — этот мальчик гений?

— Без всяких сомнений, — уверенно подтвердил тот.

— И вы назначите меня его личностным аналитиком?

— Вряд ли я смогу сделать это официально, — тот покачал головой. — Слишком многие очевидцы вашего процесса еще живы… Возникнет большой скандал, а это помешает нашим планам. Вы будете наблюдать за ним.

— Как, вы сказали, его зовут? — переспросил я.

— Максим Громов.

— Откуда он?

— Из Восточно-Европейского лотек-пространства. Попал в

хайтек по программе переселения одаренных детей.

— Сколько ему лет?

— Через месяц будет четырнадцать. Кстати, вам придется сделать пластическую операцию, потому что ваше освобождение — секрет даже для агентов Бюро.

— Если мне сделают операцию, почему нельзя сделать меня личностным аналитиком Громова официально? — пробурчал я.

— Потому что сразу возникнет множество вопросов, откуда вы взялись. «Большой брат» автоматически начнет составлять видеодосье о вашей жизни и… ничего не найдет в своих архивах. Возникнут вопросы, проблемы и в результате скандал. У нас тут все люди посчитаны и оцифрованы.

— Но вы ведь как-то шифруете своих агентов, — я не мог понять, в чем проблема. — Вы ведь даете им новые документы, кредитную историю, биографию. С регистрацией во всех соответствующих базах.

— Агенты маскируются под малозаметных, обычных людей. «Большой брат» не станет формировать видеоархив на персону ниже 4-го ранга. А на вас станет. Личностный аналитик Макса Громова — это автоматически второй ранг. Выше только сам Громов, президент и Алекс Хоффман. Ну… еще сотня-другая достойнейших. Он будет искать в своих архивах все записи, где когда-либо мелькало ваше лицо. И, разумеется, после пластической операции ничего не найдет. Поднимет тревогу. Так что…

Буллиган явно не собирался предоставлять мне какой-то выбор. Я отвернулся и глухо спросил:

— Что с моей женой?

— Ах да… ваша жена… — Буллиган смутился. — Видите ли… Она… Она скончалась… В прошлом году. А дочь… Она уехала. Мы не знаем ее точного местонахождения. Она продала хайтек-гражданство сразу по достижении совершеннолетия и покинула пределы…

— Замолчите! — заорал я. — Уйдите!

У меня вдруг начался приступ удушья. Я захрипел. Буллиган испуганно метнулся к двери.

— Доктора Жилинского! — закричал он. — Быстро!

* * *

24 августа 2054 года, 18:30:12
RRZ «Эллада»
Рододом

Рободом стоял на вершине холма. Подняться к нему можно было только пешком. Дорога обрывалась у подножия. Пришлось оставить турбоконцепт Чарли, на котором друзья приехали, у ворот.

— Он намного меньше, чем выглядит на фотографиях, — несколько разочарованно заметил Макс, когда подошел к дому Аткинса. — Но все равно потрясающе! Идеальный металлический куб!

— Вас не смущает отсутствие окон? — спросил Евгений Климов, всем своим видом показывая, что не разделяет восторгов Громова в отношении Рободома.

— Зачем окна, когда секции стен сдвигаются целиком? — Макс подбежал к Рободому. — Это же трансформер! Можно сделать сколько угодно окон и балконов! И каждый день менять их местоположение. Вы только посмотрите! Металлическое напыление не потемнело, не повреждено! Ни свет, ни ветер, ни дождь ему нипочем! Дом как новенький!

Поверенный в делах сердито покачал головой.

— Жить там невозможно, — уверенно заявил он.

— Почему? — спросил Тайни.

— Скоро сами увидите. Объяснять бесполезно, — Евгений Климов сердито насупился.

Они подошли к одной из стен. Она выглядела точно так же, как и все остальные, — большие прямоугольные панели, плотно пригнанные друг к другу.

Евгений Климов вынул смарт-карту и осмотрел стену.

— Где же это? — спросил он вслух, крутя головой.

— Что вы ищете? — поинтересовался Макс. — Знак эволюции?

— Именно, мне сказали, что он указывает местонахождение замка, — кивнул Евгений Климов. — Только я, к сожалению, забыл спросить секретаря, как выглядит этот самый знак.

— Двойная спираль, — подсказал ему Громов. — Ею обозначали непрерывное развитие с доисторических времен. Рукоятки жезлов египетских богов выполнены в такой форме. Эту традицию переняли практически все народы. Скипетры правителей почти всегда имели спиралевидную форму. Интересно, правда? Символ возник задолго до того, как люди узнали, что он обозначает. Ведь спираль ДНК была открыта только в 1953 году Джеймсом Уотсоном совместно с Криком и Уилкинсоном.

— Спасибо, к сожалению, я не могу похвастаться таким объемом знаний, закачанных через нейролингву, — Евгений

Климов посмотрел на Громова несколько странно — не то с уважением, не то со скукой. — Поэтому работаю скромным поверенным в делах. А кстати, вот и символ. Это он?

Макс, Чарли и Тайни увидели светлый выпуклый знак в форме двойной спирали, выполненный из гладкого блестящего металла.

— А где ДНК-сканер? — Климов еще раз оглядел дверь.

Макс показал на место разрыва одной из спиралей:

— Вот тут. Аткинс изобразил разрыв на одной из цепей, но объяснения этому не дал.

Макс посмотрел на Чарли, потом на Тайни. Перевел дыхание, сделал шаг вперед и на мгновение замер.

— Я открываю дом Аткинса, — произнес он еле слышно. — Не могу поверить…

Едва Макс коснулся разрыва на спирали — раздался мелодичный сигнал. Металлическая пластина с рисунком выдвинулась и мягко отъехала в сторону.

Макс сделал шаг вперед, чтобы войти, как вдруг сверху ударил луч света и перед ним возник…

— Аткинс! — ахнули за его спиной Чарли и Тайни.

Громов с усилием моргнул. Открыл глаза, но Роберт Аткинс по-прежнему стоял перед ним!

— Зачем вы сюда явились? — сказал он без тени дружелюбия. — Вас никто не звал.

Когда первый шок прошел, Макс заметил, что по телу Аткинса пробегает легкая рябь, как бывает с фигурами в телетеатре, когда возникают какие-то помехи в передаче сигнала.

Громов вытянул руку и… просунул ее сквозь тело Аткинса. Рука прошла насквозь.

— Это голограмма, — уверенно сказал Макс.

За его спиной раздалось два вздоха облегчения.

— Я так сразу и подумал, — заявил Тайни. — Просто удивился.

— А я чуть заикой, признаться, не стал, — Чарли сделал шаг вперед. — Особенно после всех этих предисловий насчет странностей Рободома. Почему его никому не показывают и так далее. Теперь ясно, что вы, Климов, имели в виду…

Голограмма Аткинса стояла неподвижно и смотрела на гостей очень зло.

— Он сканирует наши личности, — объяснил друзьям Евгений Климов. — Как только получит и обработает данные из Сети, сформирует свое отношение. Полагаю, не надо говорить, что это мнение будет насквозь конформистским.

— Почему? — не понял Тайни.

— Но он же компилирует его на основе мнения большинства, анализируя уже имеющиеся высказывания. Создать собственную точку зрения программа не может, в этом ее главное отличие от человека. Не мне вам объяснять, — Климов пожал плечами. — Хотя способ компиляции, которым пользуется Альтер, весьма интересный… Аткинс заложил в программу свойства своего характера и свою манеру реагировать на те или иные вещи. Внешне она ведет себя абсолютно идентично ему. Для разработки образа Аткинс в течение полутора лет подробно фиксировал на специальные камеры свои ежедневные действия. Все — манеру говорить, жесты, привычки, способы выражения эмоций. Он назвал его «Альтернативным Аткинсом» — сокращенно «Альтер». Роберт работал над виртуальной копией собственного сознания, искусственной копией своего собственного интеллекта. Мозги можно сломать, пытаясь понять, что это такое. «Альтер» — неоконченный проект. Голограмма — визуальная проекция генеральной программы Рободома. Проблема в том, что она интерактивная и адаптивная. Вроде той, на которой работает «Ио», но с другими задачами. Кажется, так, — Климов потер лоб, у него вырвался нервный смешок. — Признаюсь честно, я понятия не имею, о чем говорю, просто повторяю заученные фразы, как попугай!

— Но ведь это же гениально! Это как живой памятник! — воскликнул Макс. — Все могут увидеть Роберта Аткинса таким, каким он был при жизни!

— Гхм… — Евгений Климов кашлянул в кулак и многозначительно выгнул бровь. — Вообще-то именно по этой причине — потому что, глядя на Альтера, можно понять, каким был Аткинс в жизни, — голограмму никому не показывают.

Голограмма мигнула и повернула голову в сторону Громова. Ее глаза стали черными и пустыми. Макс поежился. Виртуальный призрак Аткинса выглядел жутковато.

Альтер на мгновение исчез, чтобы появиться между поверенным в делах и Громовым, пристально уставившись в глаза Макса. Тот видел лицо «живого памятника» в нескольких сантиметрах от своего собственного.

— Ты думаешь, ты долбаный гений, да?! — неожиданно истерично заорал Альтер. — Думаешь, ты изобрел что-то выдающееся? Ты думаешь, что теперь ты лучше других людей? Можешь запросто явиться в мой дом, ходить тут, распоряжаться? А я скажу тебе — пошел вон! Никто не будет тут жить! Никогда!

От неожиданности Громов отскочил назад и налетел на Тайни. Альтер мгновенно переместился вслед за ним.

— А ты, жирный, что тут забыл? — напустился он на

Бэнкса. — Ты-то вообще ничего примечательного в жизни не создал! Ты недостоин даже стоять на пороге Рободома!

Тайни спрятался за спину Макса и зажмурил глаза. Альтер пристал к Чарли:

— А тебе-то чего тут надо? Ты, наследник убийц? Чего молчишь? Даже твой отец считает тебя тупицей! Он уже сказал, что сомневается, можно ли передавать тебе корпорацию «Спарклз кемикал». Боится, что ты все угробишь!

Чарли отшатнулся от злого полупрозрачного лица голографической проекции.

— Это можно как-нибудь выключить? — поинтересовался Макс у Евгения Климова.

Тот отрицательно мотнул головой и удовлетворенно ответил:

— Теперь вы понимаете, почему я настоятельно рекомендовал вам выбрать в качестве места проживания «Камелот»? Рободом, несмотря на всю свою историческую ценность, абсолютно непригоден для жизни! Любой нормальный человек сойдет с ума в течение суток от общения с Альтером! Его ведь не просто так прячут от медиа! Роберт Аткинс, без сомнения, был величайшим ученым в истории. Однако в жизни проявлял себя… гхм… не самым приятным образом…

Громов рассматривал голограмму Аткинса с удивлением. Роберт выглядел гораздо старше, чем на всех известных фотографиях. Более того, было очевидно, что все изображения создателя Сети подвергались основательной цифровой корректировке. Даже на не слишком четкой мерцающей голограмме было видно, что у Аткинса бледная, рыхлая кожа с расширенными порами и множество красных воспаленных прыщей по всему лицу, выражение которого было весьма странным. Глаза жили как будто отдельно от всего остального. Их выражение, злое, умное, сосредоточенное, всегда оставалось одинаковым.

Редкие рыжие волосы Аткинса торчали в разные стороны. Голова была чрезмерно большой по отношению ко всему остальному хилому телу. Покатые плечи, грудная клетка, будто вдавленная вовнутрь, сгорбленная спина, длинные слабые руки, напоминающие веревки.

Жесты голограммы были дерганными, нервными, лишенными какой бы то ни было логики.

— Вы сказали, что генеральная программа Рободома берет информацию о нас из Сети? — поинтересовался Чарли. — Но как она оформляет ее в связную речь? Да еще эмоционально окрашенную!

Евгений Климов поднял вверх руки:

— Понятия не имею.

Громов осмотрелся вокруг. Альтер переместился к нему, но, к всеобщему удивлению, ничего не сказал. Просто стоял и наблюдал за Максом.

— Он вас не раздражает? — поинтересовался Евгений Климов, кивнув на Альтера.

— Наоборот, — Макс улыбнулся. — Он же не живой! Как он может раздражать? Просто забавный элемент интерьера.

В ответ Альтер издал мерзкий технический звук, от которого мороз продрал по коже, и исчез.

Внутри Рободом был абсолютно пустым. Полый металлический куб. Макс опустил голову и внимательно начал разглядывать знаки на квадратах, из которых состоял пол. Потом встал на один из них и сказал:

— Лестница!

В это же мгновение часть квадратов поднялась из пола, образовав лестницу.

— Галерея второго этажа! — скомандовал Макс.

Из стены справа мгновенно выдвинулась телескопическая секция, которая разворачивалась до тех пор, пока не образовался пол. Громов прошел по нему, потом произнес:

— Кабинет!

Из левой стены выдвинулся куб с точкой входа. Часть его трансформировалась в кресло.

Евгений Климов, Чарли и Тайни в изумлении следили за его действиями снизу.

— Интересно, почему Аткинс, вернее, проекция, тьфу… В общем, Альтер ему не мешает? — спросил Климов у Чарли. — Никому прежде генеральная программа Рободома не разрешала тут хозяйничать… Любопытно…

Спаркл пожал плечами.

Макс обошел кабинет кругом, восторженно проведя рукой по возникшей конструкции:

— Невероятно…

Потом он вернулся к лестнице, спустился вниз и произнес:

— Убрать все.

Секции моментально начали складываться и убираться в стены. Меньше чем через минуту в помещении снова не было ничего. Пустой полый металлический куб без дверей и окон!

— Дом-робот, совершенный трансформер и… суперкомпьютер одновременно! — восхищенно произнес Макс, с благоговением рассматривая темно-серые металлические стены.

Чарли Спаркл явно не разделял его восторга.

— Тут свихнуться можно, — сказал он. — Что, по всей

видимости, с Аткинсом и случилось…

Рядом с ним моментально возник Альтер:

— Что ты сказал, идиот?! Я не сумасшедший! Просто меня достало жить в мире пораженных вирусом глупости!

Затем он переместился к Максу и неожиданно спокойно спросил:

— Тебе правда нравится мой дом?

Голос прозвучал неожиданно мягко, даже вкрадчиво.

— Да, — ответил Громов. — Я считаю его лучшим домом на всем белом свете. Совершенство.

Альтер горделиво выпрямился:

— Я создал тут все сам. Все. До последнего шва. До единой микросхемы.

Затем он медленно обошел Громова кругом и презрительно спросил:

— Думаешь, ты гений, равный мне?

— Это пишут в Сети, — спокойно ответил Макс. — Я так не считаю.

Альтер сделала еще круг:

— Хочешь жить в доме Роберта Аткинса, так?

— Почту за честь, сэр, — так же спокойно сказал Громов.

Евгений Климов, Чарли и Тайни наблюдали за происходящим, разинув рты от изумления.

— Ладно… Приходи еще. Посмотрим, — с этими словами голограмма исчезла.

Входная дверь открылась с легким жужжанием.

— Это значит, нам пора уходить? — поинтересовался Чарли.

— Похоже, что да, — кивнул Макс.

Друзья выбрались на свет. Тайни встряхнулся, как мокрая собака.

— Ну и жуть! — сказал он.

Громов удивленно посмотрел на него:

— Да? А по-моему, чудо когнитивного инжиниринга. Если бы я не увидел этого своими глазами — никогда бы не поверил, что существует искусственный интеллект с визуально-речевым интерфейсом такого уровня!

ID

Раздел: когнитивные способности человека

Когнитивные технологии — от лат. cognitio — «знание, познание». Информационные технологии, созданные специально для развития интеллектуальных способностей человека. Направлены на развитие воображения, тренировку способности к построению

ассоциативных рядов. Возникли в конце XX века для решения проблемы несоответствия биологических ресурсов мозга стремительно растущим объемам информации.

Когнитивный предел — оценка способности человека к познанию. Самые одаренные и талантливые люди способны усвоить и применить не более 13 % поступающей к ним информации. При помощи нейролингвистических технологий уровень простого запоминания может быть повышен до 30 %, но способность к применению полученных знаний при этом повышается совсем незначительно — на 2–3 %.

К. п. обычных людей еще ниже — примерно 6–7 %. К. п. считается одним из главных недостатков человеческого мозга. Проблему к. п. весьма эффективно решил доктор Синклер, высвободив ресурсы мозга за счет сведения к минимуму физиологических процессов организма.

Когнитивный инжиниринг — разработка искусственных интеллектуальных систем, способных к познанию и адаптации полученных знаний. Изначально возник как попытка создать технологию, способную увеличить когнитивный предел человека. Тесно связан с нейролингвистикой.

Однако в настоящее время специалисты по к. и. заняты прикладным аспектом данной науки — разработкой искусственного интеллекта, который обладал бы всеми достоинствами человеческого, но не имел бы его недостатков.

Главным достижением считается искусственный интеллект «Арес» — главный компьютер оборонной системы хайтек-пространства. Второй проект Аткинса в этой области — Рободом — не завершен.

Евгений Климов подошел к Громову и спросил:

— Простите, вы не могли бы лично для меня перевести сказанное? Уверен, ваши друзья поняли, о чем идет речь, но мне тоже интересно, что за штука с нами разговаривала, — он показал в сторону Рободома.

— Дом, — уверенно ответил Макс, — с нами говорил дом.

— Дом? — Евгений Климов прищурился.

— Рободом не жилище, — пояснил Громов. — Это суперкомпьютер! Аткинс жил внутри собственного компьютера, понимаете? Голограмма — визуальная проекция искусственного

интеллекта! Генеральной программы Рободома!

— Я все равно ничего не понял, — сдался Евгений Климов. — Только лишний раз убедился, что Роберт Аткинс, упокой Господь его гениальную душу, был, мягко говоря, странным человеком. Что за дикая фантазия жить внутри компьютера?

Чарли начал медленно спускаться с холма, задумчиво бормоча что-то себе под нос. Макс это заметил, догнал Спаркла и вопросительно уставился на него. Тайни тоже поспешил к ним.

— Ты что-нибудь понял? — спросил он Чарли.

— Кажется, да, — ответил тот. — В Эдене меня зачислили в проектную группу Айи Хико. Мы занималась доработкой ID и усовершенствованием нейролингвы. Когнитивный инжиниринг не был нашей основной специализацией, но о нем часто шла речь. Как-то Айя Хико сказала, что Аткинс был в одном шаге от создания полноценного искусственного интеллекта, способного к самостоятельному познанию и применению накопленных знаний. Может быть, она видела это? — он показал в сторону Рободома.

— Ты можешь сказать мне, хотя бы примерно, как эта штука работает? — жадно поинтересовался Макс. — Я понял, что Аткинс использовал для написания генеральной программы Рободома тот же принцип, что и для «Ио». Но как ему удалось добиться эффекта полноценного присутствия и реагирования генералки?! Я не понимаю, даже представить не могу, как такое возможно.

— Я думаю… — Чарли прикусил губу. — Скорее всего, Аткинс применил что-то вроде «самокопирования». Речь — основа интеллекта. Если Аткинс хотел скопировать свой собственный интеллект, он, естественно, создал интерфейс на основе своей же речи, включая манеру и контексты. Вероятно, он долгое время записывал себя, чтобы его личный словарь полностью перешел в базу данных программы. Затем задал множественность возможных функций применения слов. Примерно так же, как сделал доктор Синклер при создании «Дженни», генеральной программы управления средой Эдена. Он постоянно дополнял ее различными контекстными модулями, вариантами употребления одних и тех же слов — модуль чувства юмора, к примеру. Помнишь, как доктор Льюис удивился, когда «Дженни» вдруг пошутила? Я думаю, Аткинс использовал свои личностные особенности для создания контекстных модулей. Все дело в них. Понимаешь?

— То есть, по сути, генеральная программа Рободома — это то же самое, что «Дженни» или «Арес», но с характером? — Макс вытаращился на Чарли совершенно круглыми глазами.

— Не думаю, — ответил Спаркл. — Вероятно, он просто придал речевому интерфейсу оригинальность. Эденская

генералка «Дженни» благодаря своим контекстным модулям могла шутить, а Рободом умеет оскорблять. Ты заметил, в каком контексте Альтер употребляет информацию, полученную о нас из Сети?

— Да уж! — фыркнул Тайни.

— Одного я не понял, — продолжил Чарли, — почему Альтер позволил тебе хозяйничать в доме? Почему он выполнял твои голосовые команды? Вряд ли Аткинс программировал его так, чтобы любой желающий мог управлять Рободомом.

— Если честно, я и сам этого сначала не понял, — признался Макс. — Просто увлекся процессом и начал говорить команды! А Рободом вдруг стал их исполнять. Думаю, дело в гостевой ДНК-идентификации…

— Чушь, — сердито перебил его Евгений Климов, державшийся чуть поодаль, но внимательно слушавший разговор друзей. — Многие бывали здесь с таким же гостевым доступом. Рободом даже не думал их слушаться! Он вообще не реагировал на их появление. Альтер открывал, сканировал личности гостей и отключался, после чего Рободом самоблокировался. Не только физически. Включался генератор помех, подавляющий любые попытки дистанционного проникновения в его систему. Здесь что-то не так. Не могу понять, что именно, но советую вам держаться подальше от Рободома. Это чрезвычайно странное место.

Громов остановился и отчеканил:

— Я все равно возьму Рободом. Я решил.

Спаркл схватил Максима за локоть:

— Ты уверен?!

— Абсолютно, — ответил тот.

— Наверное, все гении одинаково чокнутые, — всплеснул руками Чарли.

— И не говори, — эхом отозвался Тайни.

Спаркл забежал вперед Громова.

— Но ты хотя бы посмотришь «Камелот»? — спросил он с тревогой.

— Посмотрю, но только чтобы вы от меня отстали! — рассмеялся тот.

Дневник доктора Павлова

30 июля 2054 года, 07:11:54
Буферная зона
Клиника доктора Просперити

Мои двигательные функции еще не восстановились, поэтому временно я передвигался в инвалидном кресле. Ходить пока не мог, только плавать.

Мы прилетели в Буферную зону, на один из самых закрытых и охраняемых островов.

— Командор Ченг здорово охраняет этот остров, — сказал Буллиган, показывая на сторожевые вышки и боевые катера. — Доктор Просперити приносит ему немалый доход.

Влажный и горячий тропический воздух, насыщенный морскими испарениями, оказался очень подходящим для меня. Чувство сухости в дыхательных путях сразу пропало.

Белый песок, пальмы, голубая вода, огромное небо с нежным сиреневатым оттенком — последний раз я видел это… наверное, в прошлой жизни.

Агент Нимура, тот самый, что протестовал против моей разморозки, подсказывал мне, как управлять инвалидным креслом. По дорожке, вымощенной кусками плитки, мы двигались к двухэтажному белому зданию.

Навстречу нам выбежал медбрат, высокий, черный, с татуированным лицом. Он поздоровался с нами сдержанным кивком и сказал:

— Доктор Просперити ждет вас в своем кабинете.

По специальному пандусу я въехал на ступеньки и оказался в просторном холле. Мимо прошел человек в белом халате, залитый в органосиликон, как сосиска в оболочку. Невозможно было даже пол его определить — мужчина это или женщина.

— Что вы тут делаете с людьми? — спросил я у медбрата. — Страшно представить.

Тот не ответил.

Он привел нас в просторный кабинет. Часть его занимала библиотека в стиле позапрошлого века — огромные книжные шкафы, деревянный резной стол. Остальное пространство было заставлено различной медицинской аппаратурой. Я заметил большой экран из органопластика для вывода объемного изображения тканей, а также горизонтальную матрицу для голографического изображения в натуральную величину любых объектов.

Открылась неприметная дверь в дальнем углу кабинета. Оттуда вышел человек, которого я мгновенно узнал.

— Как, вы все еще живы? — первое, что вырвалось у меня, когда я увидел пластического хирурга, который стал великим еще до Нефтяной войны. Я смотрел телешоу, как он делал операции, после которых люди становились действительно красивыми. Помню, это меня каждый раз удивляло. Вроде бы человек тот же

самый и недостатки его тоже на месте, а стало красиво… В смысле, притягивает глаз, хочется рассматривать и любоваться.

Доктор Просперити, как его теперь звали, лысый, в тонких, чудом держащихся на кончике носа очках, загорелый, похожий на высохшую мумию, едва заметно улыбнулся.

— Здравствуйте, доктор Павлов, — сказал он, протягивая мне руку. — У меня была мысль, что рано или поздно вы окажетесь на моем операционном столе. — Просперити с усмешкой кивнул в сторону Буллигана: — Правительство не подумало, когда назначало вам срок, что ваши услуги могут понадобиться им раньше, чем он истечет?

Шеф Бюро проявил необыкновенную сдержанность.

— Ваша правда, доктор Просперити, — сказал он, недовольно хмурясь. — Правительство не подумало.

Хирург осторожно ощупал мое лицо и спросил:

— Хотите быть похожим на кого-нибудь конкретного, или вам все равно?

Вместо меня ответил Буллиган:

— Нам нужно просто другое лицо. Молодое. Не старше тридцати лет. Желательно не слишком красивое, но и не уродливое. Такое…

— Незапоминающееся? — перебил его Просперити. — Какие я обычно делаю вашим спецагентам?

— Да, что-то вроде этого, — кивнул Буллиган.

— Через десять дней выйдете отсюда другим человеком, — без тени иронии сказал мне доктор Просперити. — Сейчас вас подготовят к операции, и мы начнем. Когда последний раз ели?

— Пятнадцать лет назад, — ответил я.

— Хорошо… Аминокислотная диета? — последний вопрос был адресован Буллигану.

Тот кивнул.

— Коктейли со вкусом шоколада, — Буллиган улыбнулся. — Сам люблю иногда пропустить парочку. Но настоящего гамбургера им все равно никогда не заменить.

— Честно говоря, я сомневаюсь, что вам удастся изменить меня полностью, — я видел свое отражение в стеклянной дверце книжного шкафа. — А как же рентгеновское сканирование? Когда меня клали в заморозку, «Большой брат» уже умел в исключительных случаях определять личность по круговому снимку челюсти.

Хирург взял меня за нижнюю челюсть и повертел лицо из стороны в сторону.

— В принципе, я могу вырастить вам другую челюсть из ДНК-идентичных материалов, пересадить кость и закрепить на ней

ваши собственные мягкие ткани. Тогда уж точно никто вас не узнает, — сказал он. — То же самое сделаю с костями носа.

— Не надо! — я даже подпрыгнул от испуга, представив эту операцию.

Доктор Просперити неожиданно зашелся мелким сухим смешком и подмигнул мне.

— Не нужно сомневаться в моих возможностях, — он подмигнул мне еще раз. — Потому что я могу сделать из вас хоть чернокожую женщину средних лет и даже существо, каких нет в природе.

— Извините, — я почувствовал комок в горле, — если показался вам грубым.

Доктор Просперити подошел к одному из книжных шкафов и показал на корешок книги в красном кожаном переплете.

— Я вас прощаю из уважения к этому, — сказал он. — Догадываетесь, что это?

— Понятия не имею, — ответил я.

— Это ваша книга, «Теория наследственности. Генетика поведения». Я напечатал Сетевой текст, чтобы читать в привычном виде. Рад, что вы вернетесь к своим экспериментам. В некотором роде мы с вами очень похожи. Я исправляю людям внешность, доставшуюся им по наследству, вы пытаетесь улучшить содержимое их черепной коробки, попавшее туда также в результате игры генов. И оба мы сознаем, что человеческий вид далек не то что от совершенства, а даже от собственных радужных представлений о себе.

— Ну… — я замялся. — Честно говоря, у меня никогда не было такой цели…

— Я думаю, пора начинать! — внезапно перебил меня шеф Буллиган. — У нас довольно много работы. За эту неделю вам, доктор Павлов, еще предстоит загрузить в свою голову все, что нам известно о Максе Громове, чтобы у вас было представление, с кем вы имеете дело. Первое знакомство с нейролингвой обычно протекает болезненно. Головные боли, слабость, тошнота — все вместе довольно неприятно.

— Буллиган, — я укоризненно посмотрел на него. — Посмотрите на меня. Я пережил клиническую смерть, сижу в инвалидном кресле, через два часа мне перекроят все тело. А вы — про неприятности от головной боли!

— Извините, — проворчал шеф Бюро. — Я просто предупредил.

— Спасибо, — я посмотрел на красный корешок своей книги.

Вероятно, у доктора Просперити остался чуть ли не единственный экземпляр моей работы. После того как мне

вынесли приговор, весь мой Сетевой портал был стерт. Любопытно будет взглянуть на свой собственный труд спустя столько лет и пережив все, что со мной случилось…

— Я вас покидаю, — Буллиган недовольно проследил за моим взглядом. — Мне надо присутствовать на торжествах в честь Максима Громова и спасения человечества. А вы, — он показал пальцем на книгу, — даже не думайте! Евгеника под запретом до сих пор! Когда я вернусь, то надеюсь увидеть перед собой Евгения Климова, двадцатипятилетнего поверенного в делах.

ID

Раздел: бионика

Евгеника — от греч. eugenes — «благородный, хорошего рода» — учение о наследственной природе способностей человека, путях улучшения генотипа. Его основателем считается Фрэнсис Гамильтон. В 1883 году он опубликовал работу об улучшении пород растений, животных, а также «социальном управлении эволюцией человека». Однако идея искусственного социального отбора лучших представителей человеческого вида не нова. Первый известный вариант евгенического устройства общества предложен Платоном в 339 г. до н. э.

Величайшим наследием евгеники является практика генетического консультирования родителей. Однако само учение находится под запретом со второй половины XX века, поскольку исходит из презумпции изначального неравенства людей и превосходства одних над другими. Противоречит основополагающим принципам демократии.

Концепция евгенического устройства общества — сформирована *Платоном*. Основные принципы: 1. Не следует растить детей с дефектами или рожденных от неполноценных родителей. 2. Хроническим инвалидам и жертвам собственных пороков должно быть отказано в медицинской помощи. 3. Моральных выродков следует казнить без жалости. 4. Необходимо поощрять временные свободные союзы избранных мужчин и женщин, чтобы они оставляли высококачественное потомство в целях общего улучшения породы.

Данные принципы официально осуждены Комиссией по этике как противоречащие принципам гуманизма хайтек-общества.

Евгеническая генная инженерия — искусственная рекомбинация и замена «ущербных генов» у плода. Все эксперименты в этой области официально запрещены, поскольку доказано, что характер человека является результатом сложной генетической комбинации и последствия искусственной рекомбинации генов в последующих поколениях предсказать невозможно.

Просперити скрестил руки на груди.

— Веди себя проще, Джек, — сказал он. — Мы работаем уже много лет, и я ни разу тебя не подводил. Некоторых твоих агентов вообще сшивал по кускам… Причем выращивая недостающие или сильно поврежденные части.

Буллиган немного потоптался на месте, издав негромкое мычание.

— Извините, доктор, — пробурчал он. — Просто я ужасно нервничаю… Если честно, сильно сомневаюсь, что наша попытка… м-м… будет удачной. Слишком мало времени…

Мне второй раз стало не по себе.

— Что вы будете со мной делать в случае провала? — спросил я.

— Ничего, — пожал плечами шеф Бюро. — Вы будете работать в аналитическом отделе, наблюдать Громова дистанционно.

Он сунул руку в карман пиджака.

— До свидания, доктор Просперити. До свидания, доктор Павлов.

— Пока, Джек, — хирург склонился надо мной, присматриваясь к ушным раковинам.

— До свидания, Буллиган, — ответил я.

Шеф Бюро ушел.

Когда его шаги в коридоре затихли, Просперити спросил меня:

— Почему вы решили ему помогать? Надеюсь, не ради бесплатной пластической операции?

Я пожал плечами.

— Не хотите отвечать? — хирург усмехнулся. — Ну тогда я буду предлагать варианты, а вы кивните, когда попадется правильный.

Я кивнул.

— Ваши исследования были подчинены какой-то определенной практической цели, — сказал хирург, надевая на глаз биосканер. — Это было как-то связано с Робертом Аткинсом, да? Не шевелитесь сейчас… — Он ощупал мои надбровные

дуги. — Аткинс был болен, так? Для меня это было очевидно. Ему требовалось лечение… — Просперити провел пальцами по моим скулам. — И вы пробовали различные варианты. Использовали других подростков как подопытных кроликов… Чтобы спасти Роберта… Он ведь умер всего через год после вашей заморозки, значит, дело было плохо… Очень плохо, не так ли?

Я машинально кивнул.

— Как вы догадались о болезни Роберта?

Доктор Просперити рассмеялся:

— Форма его черепа не выдерживала никакой критики с точки зрения вашей же евгенической теории! Я уже не говорю о его походке. Дисплазия нижних конечностей. Хорошо залеченная, выправленная. Я сам несколько раз делал подобное. На чем держались его кости? На штифтах? Или постепенно вливали «жидкие кости»?

— «Жидкие кости», — собственный голос показался мне чужим. — Раствор отвердевал и…

— Не надо объяснять, — перебил меня Просперити. — Суть его болезни мне уже ясна. Угу. А этого, второго, Громова, называют новым Аткинсом, да?

— Кажется, — отозвался я.

— И вы надеетесь уберечь его вместо Роберта, — хирург говорил утвердительным тоном.

— Мне пока ничего толком не известно о Громове, — сухо ответил я.

Доктор Просперити зарядил автоматический шприц ампулой, вставил короткую иголку.

— В одном Буллиган определенно гений, — усмехнулся он, — он виртуозно умеет манипулировать чувствами людей.

— Что вы имеете в виду?

— Сейчас будет немного неприятно, — предупредил Просперити, протирая мне лицо дезинфицирующей салфеткой. — Буллиган использует ваше чувство вины, чтобы заставить работать на Бюро. Судя по тому, что вы согласились на такую операцию… Ваша вина велика. Интересно, в чем она состоит…

Он начал быстро, будто швейной иглой, обкалывать мое лицо. Уколы были похожи на укусы пчел — быстрые и чрезвычайно болезненные.

— Что это? — спросил я.

— Комплекс кислот. Он приведет в порядок подкожный слой. Оперировать на обвисших мышцах нет никакого смысла. Вы же должны стать двадцатипятилетним. Ну, доктор Павлов, откройте мне тайну смерти Аткинса. Я никому не скажу. Просто любопытствую. Эта тайна уже четырнадцать лет не дает мне

покоя.

— Я бы сам не прочь узнать тайну его смерти, — я нервно дернул плечом.

— Ах вот оно что… Громов — ваш пропуск в мир живых… — Просперити улыбнулся каким-то своим мыслям, но сообщать их вслух не стал.

Новое задание Идзуми

6 августа 2054 года, 10:00:51
Токийский хайтек-мегаполис
Штаб-квартира Бюро
информационной безопасности

Инспектор Идзуми явился в штаб-квартиру Бюро на полчаса раньше назначенного времени.

— Шеф Буллиган будет вовремя, — заверил инспектора референт Мамука. — Его квадролет уже в пределах Токийского хайтек-мегаполиса. Пройдите, пожалуйста, в зону ожидания.

Он показал инспектору на небольшой холл перед кабинетом Буллигана. По краям стояли диваны. Перед ними столы с медиамониторами. Угол занимали буфет-холодильник и «чайкофемашина».

Мамука взял трехъярусный поднос с ячейками для док-топов и принялся аккуратно выкладывать металлические цилиндры справа налево, сортируя по времени поступления и степени важности.

Вызов в штаб-квартиру Бюро Идзуми не удивил. Скорее напряг. Инспектор уже успел получить премию «независимых медиа» за «разоблачение Эдена» и звание «Полицейский года» от редакции портала «Реальные преступления».

В тот самый момент, когда позвонил Буллиган, Идзуми представлял себе, как будет валяться на песке в Микронезии и потягивать ром из половинки кокосового ореха. Поэтому, услышав «мы намерены оказать вам высокое доверие», Идзуми сначала с надеждой поинтересовался, не может ли Бюро оказать высокое доверие кому-нибудь другому, затем попытался убедить Буллигана, что простой полицейский инспектор такой чести недостоин… Все было тщетно. Шеф Бюро информационной безопасности был непреклонен. Он потребовал, чтобы Идзуми явился к нему и узнал, какое суперзадание ему предстоит исполнить.

— Китосаки меня не отпустит! — уцепился за соломинку инспектор, проклиная биофонный чип, через который голос шефа Бюро со всеми своими «предложениями доверия» проникал прямо в мозг.

— Я уже говорил с ним. Вы командированы в мое распоряжение минимум на полгода, — Буллиган перекрыл Идзуми все пути к бегству.

— Не знаю, куда себя деть от счастья… — проворчал Идзуми.

Мечты о Микронезии, песке, роме со льдом и безделье распались, как нестабильный атом углерода.

Вспоминая этот ночной разговор, инспектор чувствовал, что ему хотят поручить нечто трудное, невыполнимое и малоприятное.

Решив извлечь хоть какое-то удовольствие из утреннего визита в Бюро, Идзуми принялся разорять запасы кофейного зерна в автомате Буллигана. Когда шеф появился в офисе, инспектор уже успел выпить четыре чашки вприкуску со сладкими криспами.

— Рад видеть вас, Идзуми, — сказал Буллиган и даже изобразил некое подобие улыбки на своем свирепом лице.

Инспектор кивнул, спешно прожевывая остатки криспов и стряхивая крошки со своей формы.

> **ID**
>
> **Раздел: искусственные продукты питания (жарг. «жвачка»)**
>
> **Криспы** — ноу-хау корпорации «0 калорий». Хрустящая мелочь различной формы из искусственной клетчатки, которой можно придать любой цвет и вкус, в том числе сложный (вкус чипсов со сметаной, луком и укропом или свежего круассана с вишневым джемом и т. д.). Криспы не усваиваются организмом, но считаются полезными для здоровья, так как их употребление стимулирует моторику желудочно-кишечного тракта. На упаковке криспов всегда должна быть предупреждающая надпись: «Это не продукт питания! Не содержит калорий!»

— Следуйте за мной, — распорядился шеф Бюро.

В кабинете Буллигана была потайная дверь. Без ручек и видимых замков. Идзуми даже не успел понять, как именно шеф Бюро ее открыл.

За дверью оказался еще один кабинет. Глухой, без окон.

— Стены волнонепроницаемые. Ни одно из ныне существующих технических средств не сможет вытянуть ни звука, — заверил Буллиган.

Два дивана друг напротив друга, между ними плоская медиаматрица, вроде телетеатра, но прозрачная.

Буллиган сел на диван, указал Идзуми место напротив, затем вынул из своего вирстбука оптик и вставил в слот медиаматрицы.

Перед Идзуми возник улыбающийся трехмерный Алекс Хоффман, Председатель Торговой Федерации.

— Это краткое досье на Хоффмана, — сказал Буллиган. —

Составлено нашими агентами. Пожалуйста, послушайте.

— Да знаю я историю Хоффмана! — отмахнулся Идзуми. — Если вы, конечно, не раскопали доказательств, что он инопланетянин… Кстати, Буллиган, я давно хотел вас спросить: а Х-файлы существуют на самом деле? У вас есть подразделения, занимающиеся инопланетянами и всякими паранормальными явлениями?

Буллиган побагровел. Его ручищи сжались в огромные кулаки. Идзуми глубоко вдохнул, ожидая, что сейчас шеф Бюро выгонит его со скандалом к чертовой матери. Интуиция подсказывала Идзуми, что чертова мать вполне может обитать где-то в Микронезии, на солнечном атолле, и возможно, она даже явится ему в ароматных парах местного рома… Эти мысли так ясно читались на лице инспектора, что Буллиган быстро разгадал его маневр и выказал редкостное для себя спокойствие:

— Не корчите из себя идиота, Идзуми, — сказал он почти дружелюбно. — Не поможет. Вам предстоит копаться в подробностях проекта «Кибела» до тех пор, пока не будут определены все, кто имел к нему отношение.

— Не понял. — Идзуми нахмурился. — Дело, кажется, закрыто? Генерал Ли в Джа-Джа Блэк, Дэйдру МакМэрфи и Айрин ищут… Или вы думаете, я смогу поймать эту парочку? И заставить сдаться при помощи табельного электрошока? Попытавшись воззвать к их совести?

ID

Раздел: основные термины

Гражданин — официально признанный житель хайтек-пространства. Может обладать правом собственности и рассчитываться через Единую кредитную систему. Имеет идентификационный номер, право пользования Сетью и социальными благами, находится под защитой хайтек-правительства. Биометрические параметры внесены в базу данных «Большого брата».

Хайтек-гражданство является отчуждаемым правом. То есть обладатель может продать его на свободном рынке любому желающему, кроме совершивших какие-либо преступления против хайтек-пространства — военные, уголовные, информационные и т. д.

Апатриды — лица, лишившиеся хайтек-гражданства вследствие его продажи или по решению суда.

Не-граждане — лица, никогда не имевшие хайтек-гражданства.

Идзуми дотронулся до малюсенького пистолета, что стрелял электропулями — шариками с электрическим зарядом. Между собой полицейские ласково называли это грозное орудие правосудия «плевательницей».

Из горла Буллигана вырвалось едва слышное рычание.

— Мы считаем, — медленно, с расстановкой проговорил он, — что Алекс Хоффман участвовал в заговоре военных, и больше того — финансировал разработку и производство установки «Кибела». Я понимаю, что вы уже старый и не помните, чему вас учили в академии. Наказанию подлежат все участники преступления: архитектор замысла, исполнитель и финансист.

— Идейного вдохновителя забыли, — скромно заметил Идзуми. — Это, конечно, хорошо, что вы намерены довести дело до конца и взять Алекса Хоффмана за… гхм… — Инспектор кашлянул в кулак. — Только вот, как вы правильно заметили, я уже старый. Мистер Буллиган, если вы не хотите, чтобы засыпалось такое светлое и важное начинание, как пинок под зад Торговой Федерации, ни за что не давайте мне это крутое дело! Я провалюсь, подставлю себя и вас, под пытками моментально сознаюсь в том, что этот разговор имел место…

Тут терпение шефа Бюро информационной безопасности лопнуло с колоссальным треском.

— Хватит со мной пререкаться, Идзуми! Заткнитесь и смотрите досье! Это приказ!

Он включил медиаматрицу и откинулся назад, сложив руки на груди. В такой позе он напоминал нечто среднее между быком и Кинг-Конгом. Идзуми понял, что обязан подчиниться, если хочет когда-нибудь выйти на пенсию и вообще до нее дожить. В памяти инспектора всплыл отвратительный пункт хайтек-конституции о том, что любой хайтек-гражданин, отказавшийся исполнять государственные распоряжения, может лишиться хайтек-гражданства за «нежелание участвовать в системе коллективной безопасности».

ID

Раздел: конституция

Система коллективной безопасности (СКБ) — подразумевает, что любой гражданин обязан выполнять приказы Бюро информационной безопасности, если оно будет нуждаться в его услугах, а также незамедлительно сообщать агентам Бюро о любой информационной угрозе, которая стала им известна. СКБ также называют «системой взаимного наблюдения» или «системой самонаблюдения общества».

Побежали кадры «Большого брата», копии документов, куски из медийных программ. Молодой громкий голос радостно рассказывал, что все это значит.

— Алекса окрестили «самым молодым хозяином мира», «Александром Македонским наших дней» и «самым желанным женихом в истории человечества», — вещал он. — Его карьера уже стала легендой благодаря огромному количеству мыльных опер, фильмов, документальных и художественных книг, посвященных Хоффману. Каждый житель хайтек-пространства может рассказать биографию Алекса хотя бы в общих чертах. Своим рождением нынешний «хозяин мира» обязан специальной программе амнистии для молодых женщин. Его мать, восемнадцатилетнюю Ирену Хоффман, арестовали в Нью-Йоркском хайтек-мегаполисе за контрабандную перевозку алкоголя и табака из лотек-пространства. Ей грозило лишение хайтек-гражданства и пять лет каторжных работ — рейдов в лотек-пространство на разбор городских завалов и сбор материалов, пригодных к утилизации.

Перед глазами Идзуми возникла трехмерная фигура тощей бледной девушки с испуганным лицом. Драный вязаный свитер был ей отчаянно велик. К торчавшим из-под него шортам пристегнута кобура. Высокие сапоги-чулки со множеством карманов, доходившие ей до середины бедер, обтягивали тонкие ноги. На левом бедре болтались пустые ножны от охотничьего ножа.

Ирена Хоффман согласилась на участие в демографической программе, чтобы избежать наказания. Она подписала обязательство родить ребенка и передать на воспитание «Следующему поколению». Однако после рождения сына не смогла с ним расстаться.

Суд счел обязательства Ирены перед правительством частично исполненными и освободил от каторжных работ. Однако хайтек-гражданства все равно лишил. Ирена перешла в класс «людей-невидимок», апатридов — бесправных изгоев, лиц без гражданства, которым запрещалось занимать рабочие места, требующие квалификации. Ни социальной, ни медицинской помощи. Ничего.

Детство Алекса Хоффмана прошло в кошмарной нищете. Он учился в муниципальной школе, которая не имела приставки «хайтек». Его одноклассниками были дети точно таких же апатридов или лотеков, официально работающих в хайтек-пространстве. За счет государства там давали только самые общие знания и необходимые навыки — читать, считать, пользоваться Сетью, кредитной системой, краткие сведения об

истории, экономике и географии. В муниципальных школах учили всего три года, начиная с семи лет. После них можно было рассчитывать разве что на профессиональные курсы — то есть стать водителем такси, оператором станков, промышленным альпинистом, кем-то, кто выполняет работу, не требующую образования. Или же… спортсменом. Реальный, физический спорт как развлечение все еще сохранился в хайтек-пространстве, хотя рекрутов в спортивные клубы предпочитали набирать из лотек-пространства. Это было гораздо дешевле, не говоря уже о том, что бегали, прыгали и дрались лотеки не в пример лучше хайтек-граждан.

Однако Алекс Хоффман стал исключением. В качестве специализации он выбрал «испытание турбокаров», получил квалификацию «гонщик» и уже в пятнадцать лет стал самым молодым чемпионом «Формулы-1001». Хоффман был пилотом первого сверхзвукового болида, первым испытал турбоджет — гибрид турбокара и самолета, выиграл двадцать пять гонок подряд.

Благодаря эффектной внешности и склонности к романтическим авантюрам — вроде ныряний в акульей бухте за розовыми жемчужинами для любимой девушки — Алекс Хоффман стал медиазвездой второй величины. Настоящую же славу ему принес поступок, растрогавший зрителей популярного вечернего ток-шоу в телетеатре до слез. Копию этой программы жители хайтек-пространства скачали из Сети двадцать миллионов раз. Алекс Хоффман рассказал зрителям историю своей матери, затем вынул из кармана белый запечатанный конверт и сказал: «Дорогая мама. Ради меня ты отказалась от хайтек-гражданства. Ты выбрала бесправную жизнь, уготованную всем апатридам, но не бросила меня. Была уборщицей, чистильщицей рыбы, мусорщицей — хваталась за любую работу, чтобы мы могли прожить еще день. Ты пожертвовала собой, чтобы я сидел здесь сегодня. Но я счастлив, что сегодня у меня наконец достаточно денег, чтобы сделать тебе подарок. Это, конечно, самое малое, что я могу. Я купил тебе хайтек-гражданство. Теперь ты снова полноправный член общества». Алекс вскрыл конверт и показал всем полный набор идентификационных документов, а также склянку с чипом, который предстояло вживить его матери. Зрители заплакали от умиления. В Сети поднялась буря обсуждений относительно моральной стороны программы специальной амнистии для женщин и положения апатридов. Сетевые порталы тут же купили у Ирены Хоффман право публиковать ее подробную биографию с фотографиями и записями из домашнего видеоархива. Имя гонщика Алекса

Хоффмана узнали и запомнили абсолютно все. Несколько месяцев его приглашали во все политические медиа-шоу, посвященные проблемам лиц без гражданства. Настал его звездный час.

Алекс не замедлил воспользоваться известностью. Он организовал собственное телешоу — «Поиски газа». Под эту затею ему удалось получить от TF Media деньги на настоящую геологическую экспедицию.

Алекс погружался в морские глубины, высаживался в Антарктиде, карабкался по скалам. В шоу участвовали девушки и юноши — «геологи». Между ними завязывались романтические отношения. Однако экспедиция — дело трудное, и «возлюбленных» периодически приходилось спасать. Прекрасные стройные девушки с длинными волосами то и дело проваливались в расселины, увязали в трясине, падали в реки с пираньями, их засыпали лавины, кусали осы, похищали мародеры… Мужчины рисковали жизнью, чтобы спасти своих спутниц. Дрались насмерть с крокодилами, пиратами Буферной зоны, друг с другом время от времени. Иногда кто-то даже погибал непосредственно в прямом эфире. Пары сначала создавались, потом драматически ссорились, скандалили и расставались. Появлялись другие девушки, новые геологи…

Приключенческое шоу Алекса Хоффмана пользовалось колоссальным успехом. Одних сувениров с его портретом было продано почти на миллиард. Рабочий материал шоу — кадры, не вошедшие в передачу, — люди скачивали через Сеть, сделав Алекса миллионером. Но этого ему было мало. Шоу «Поиски газа» шло в течение трех лет. До тех пор пока однажды Хоффман… действительно не нашел газ!

Считалось, что разведанных месторождений такого масштаба в мире уже не осталось. Все газовые ресурсы израсходованы. Медиа тут же объявили, что восемнадцатилетний Алекс Хоффман нашел последнее из них. Ученые долго и жарко спорили между собой, могут ли быть открыты еще месторождения, и пришли к выводу, что нет. Дескать, это образовалось из конденсата, выдавленного ближе к поверхности пластами земли, осевшими после полной откачки нефти. Остаточные пары или что-то в этом роде.

На «остаточных парах» Хоффман основал корпорацию World Gas и довольно быстро «уговорил» две другие компании, которым принадлежали остатки месторождений, присоединиться к нему. На следующий день все жители хайтек-пространства узнали, что отныне цены на газ вырастут в три раза. И это было только начало. Десятки корпораций попали в кабальную зависимость от

поставок World Gas. Им пришлось расплачиваться с Хоффманом своими контрольными пакетами.

Вскоре Алекс, которому едва исполнилось двадцать лет, заявил о своем желании сместить Хелену Наварро, владелицу корпорации Drinks, занимавшую пост председателя TF шестнадцатый год подряд. Медиа упорно продолжали называть Хелену невестой Аткинса, хотя с момента гибели гениального физика прошло уже четырнадцать лет.

Хоффман добился своего. «Его желание во всем и всегда быть первым однажды погубит вас всех, — сказала Хелена Наварро, уходя в отставку. — Гонщик останется гонщиком».

Это все.

Медиаматрица погасла.

Идзуми развел руками и покачал головой.

— Мистер Буллиган, сэр, — вкрадчиво произнес он. — Здорово, конечно, что вы считаете, будто я способен заниматься такими крутыми делами, как охота на Алекса Хоффмана… Да вот беда — сам я так не считаю. Посмотрите на меня: я выкуриваю пачку сигарет в день — и не спрашивайте, где их беру. Мне почти пятьдесят, я не умею толком обращаться со всем этим цифровым барахлом, что нас окружает. Я старая рухлядь и не гожусь для серьезной работы. Это факт. С Синклером мне просто повезло, да и с Дэйдрой МакМэрфи тоже. Мальчишки-подростки сделали всю работу за меня. Ваш агент и Громов свернули Апокалипсис, а я просто мимо проходил в удачный момент. Нет, мистер Буллиган, я не смогу прижать Хоффмана. Можно даже не мечтать. К тому же…

Инспектор кашлянул в кулак.

— Что? — прищурился Буллиган.

— У меня есть… Точнее, у меня была семья. Они живут отдельно. Я немного слышал о методах Торговой Федерации. В Буферной зоне такое рассказывают — ночью не уснешь.

— Вашу семью будут охранять, — заверил его Буллиган. — Больше того, если вы согласитесь нам помогать, Бюро оплатит обучение вашего сына в любой хайтек-школе по его выбору. Даже если это будет Накатоми или Байок-Скай, или даже Норфолк. Цена не имеет значения. Даже Эден!

— Нет уж, в Эден я своего сына не пустил бы точно, — проворчал Идзуми.

— Даже если он, зная всю правду о технопарке Синклера, все равно захотел бы там учиться? — приподнял бровь Буллиган.

— Точно, — кивнул инспектор. — Ни за что. Пусть бы мне даже пришлось запереть его в подвале. Не надо на меня так смотреть. Я признаю, что мои взгляды на жизнь морально

устарели уже лет эдак на двадцать-тридцать. Поэтому вам и не имеет смысла со мной связываться.

Буллиган нахмурился. Некоторое время он задумчиво стучал своими толстыми, похожими на соевые сардельки пальцами по подлокотнику дивана, потом задумчиво произнес:

— Нет, Идзуми, вам не убедить меня в необходимости подбора другой кандидатуры. Вы и только вы будете заниматься Хоффманом.

— Почему?! — не выдержал инспектор. — Нет, ну объясните мне, почему, имея в своем распоряжении сотни молодых агентов, нафаршированных имплантантами, обученных, смышленых и здоровых, вы выбираете меня?! Старого, больного, не слишком умного полицейского инспектора?!

— Идзуми, порой мне кажется, что вы просто любите комплименты, — проворчал Буллиган. — Я выбрал вас, потому что… Ладно, если начистоту — я ненавижу Торговую Федерацию и мир, который она создала. Да, это факт. Я ненавижу Алекса Хоффмана за то, что он считает, будто ему позволено распоряжаться Бюро как собственной службой безопасности, раз TF оплачивает наши расходы. Я считаю, что Хоффман должен быть наказан или по крайней мере официально обвинен. Наравне с Дэйдрой МакМэрфи и генералом Ли. Но мне нужен помощник. Человек, который ненавидел бы Торговую Федерацию так же сильно, как я сам. Человек, которого Хоффман не сможет купить. Я знаю только одного такого человека — это вы, Идзуми.

— Почему это меня нельзя купить? С чего вы взяли? — сказал Идзуми с оттенком шутливой обиды в голосе. — Честно говоря, я бы не отказался от прибавки к пенсии…

— Вы не поддались на уговоры доктора Льюиса, когда тот просил вас не раскрывать тайну Эдена, — перебил его Буллиган. — А ведь доктор Синклер и корпорации, что зависят от его исследований, заплатили бы любую цену за свой секрет.

— Думаю, они бы просто прикончили меня. Выхода не было, — продолжал отнекиваться Идзуми. — Мистер Буллиган! Поймите — я обычный человек! И если уж говорить начистоту, мне было жуть как страшно все это время! Я боялся как… Слов таких нет, чтобы описать, как я боялся! Боялся, что Джокер взорвет нас всех к чертовой матери, что Дэйдра и генерал Ли выпустят этих своих мелких тварей, которые превратят меня в послушного андроида, — жуть! Я сделал то, что сделал, потому как был уверен, что все равно сдохну! А сейчас… Хотите честно? Я до смерти боюсь связываться с Алексом Хоффманом. Я не желаю, чтобы Дэйдра МакМэрфи пустила меня на биоматериал для своих опытов! Я даже думать боюсь, что она сделает с моим

сыном, если я соглашусь помогать вам!

— Хватит ныть, Идзуми! — гневно перебил его Буллиган. — Я обеспечу охрану вашей семье! Я дам вам в помощники своего лучшего агента — Роджера Ли по прозвищу «Подлюга»! Он отлично разбирается в «цифровом барахле», как вы выразились! Разговор окончен! Докажите, что Хоффман виновен, — и вам станет нечего бояться.

— Подлюга? — растерянно всплеснул руками Идзуми. — Наверное, он действительно хороший мальчик, раз его так называют…

ID

Раздел: демография

Меры по стимуляции рождаемости — предмет ожесточенных социально-политических споров в хайтек-обществе.

В 2030 году рождаемость в хайтек-пространстве упала до рекордно низкой отметки — 1 новорожденный на 100 смертей. Средний возраст хайтек-граждан достиг критического порога — 60 лет (во многом из-за движения неохиппи, добровольно покидавших хайтек-пространство из-за личного неприятия итогов Нефтяной войны, средний возраст членов которого был 20–40 лет). Правительство поспешно приняло закон, по которому каждая официально зарегистрированная семья должна была произвести минимум двоих детей, иначе оба супруга лишались права на пенсионное обеспечение. Эти меры ситуацию не исправили, а только породили ряд других проблем. В частности, мощный отток пенсионных вкладов из государственной пенсионной системы в другие инвестиционные компании. Только за первую неделю 35 % пенсионных счетов хайтек-граждан перешли под управление негосударственных фондов. Закон «о двух детях» был отменен уже в 2031 году, поскольку стало очевидно, что его существование может привести к краху всей пенсионной системы хайтек-пространства. Следом власти предприняли попытку вменить всем хайтек-гражданам женского пола деторождение в обязанность. Однако эта инициатива провалилась еще на стадии обсуждения идеи, вызвав небывалую волну протеста. В 2032 году в ходе бурных Сетевых конференций между хайтек-правительством и гражданами было принято неожиданное решение — признать материнство профессиональной деятельностью,

требующей определенной квалификации и состояния здоровья. Соответствующий закон принят в 2033 году. Так возникли два существующих ныне института — традиционное родительство и профессиональное.

Родительство традиционное — неотъемлемое право всех хайтек-граждан. Каждый, кто собирается его реализовать, обязан пройти курс подготовки, получить необходимые медицинские, педагогические и психологические навыки. По окончании курса выдается сертификат. Его наличие обязательно для активации социальных программ. Родитель, осуществляющий воспитание ребенка, считается работающим.

Родительство профессиональное — специальность, требующая высокой квалификации. Возможны два варианта применения.

Первый: профессиональное материнство. Женщина заключает контракт с хайтек-правительством на рождение определенного количества детей и их воспитание. Ввиду высокой оплаты и

социальной важности данной профессии престижность профессионального материнства весьма высока. Этот вид деятельности требует специального образования, ДНК-сертификата и получения лицензии.

Профессиональные матери имеют право на беспошлинный импорт рабочей силы из лотек-пространства на должности уборщиков, поваров, домашних работников. Самой известной и богатой профессиональной матерью в хайтек-пространстве является Алекса Финниган — мать тридцати одного ребенка (5 троен, 6 двоен, 2 пары идентичных близнецов). Второе место делят Наталья Иванова и Кейкуси Эйто — по 30 детей, на третьем месте — Або Райс, Марта Грюннебах, Падме Руж, Мария Громко — по 29 детей.

Среднее количество детей у профессиональной матери — 15.

Донор биоматериала для профессиональной матери должен предоставить ДНК-сертификат. Мир профессиональных матерей получил широкое отражение в кинематографе и литературе. В частности, неофициальное соревнование профессиональных матерей по части «престижности» полученного донорского материала. Донорами обычно становятся медиазвезды, ученые или деятели искусства.

Второй вариант: воспитательство. Профессиональный родитель может принять на воспитание сирот из лотек-пространства. Когда количество находящихся на воспитании детей превышает 5 человек — воспитательская семья переходит в статус воспитательской фирмы.

Существуют также специальные программы, позволяющие увеличить количество детей в хайтек-пространстве.

Программа специальной амнистии для молодых женщин — в ней могут принять участие здоровые женщины, которым нет 30 лет, осужденные за любое преступление, кроме терроризма и серийных убийств. Они освобождаются от наказания, если согласятся участвовать в демографической программе. Количество детей, которых они обязаны родить и передать на воспитание в «Следующее поколение», определяется исходя из состояния их здоровья и тяжести совершенного преступления.

Родительская миссия «Красного креста» — программа по переселению сирот из лотек-пространства в хайтек-пространство, передача их на воспитание в «Следующее поколение». Неоднократно обвинялась в похищении детей, однако ни одно из обвинений не было доказано.

Программа для одаренных детей из лотек-пространства — программа, по которой одаренные дети из лотек-пространства могут дистанционно готовиться к экзаменам и поступать в любую хайтек-школу через Сеть. Нелегальность доступа в этом случае амнистируется автоматически — независимо от исхода вступительных экзаменов. В случае поступления им выделяются специальные гранты на обучение и проживание в хайтек-пространстве. Хайтек-гражданство присваивается каждому ребенку с момента его официального зачисления в хайтек-школу. По этой программе в хайтек-школу Накатоми поступил Максим Громов, бывший ученик Эдена, создатель нового кода Сети, человек, победивший Джокера — хакера, который долгое время считался врагом хайтек-правительства № 1.

Благодаря всем перечисленным мерам к 2050 году количество хайтек-граждан в возрасте до 20 лет увеличилось до 40 % от общего населения. В сочетании с новыми образовательными технологиями

демографический кризис был преодолен.

Раздел: корпорации

Подраздел: государственные корпорации

«Следующее поколение» — корпорация, созданная для воспитания сирот. Старшие дети ухаживают за младшими под присмотром и руководством взрослых. Так достигается максимальное приближение к условиям естественной семьи. До 50 % воспитанников «Следующего поколения» выбирают в качестве специализации профессиональное родительство или же остаются работать в «Следующем поколении».

Алекс Хоффман

26 августа 2054 года, 08:45:12
Нью-Йоркский хайтек-мегаполис
TFT, Северная башня,
резиденция Алекса Хоффмана

Зеркальные башни TFT, Северная и Южная, отражали сиренево-алый рассвет над Нью-Йоркским хайтек-мегаполисом. Их крыши соединял мост, сделанный в виде надписи, настолько огромной, что ее было видно с моря за много-много километров. «Конкуренция — это грех». Слова Джона Дэвисона Рокфеллера стали девизом Торговой Федерации — совета крупнейших корпораций хайтек-пространства.

Огромный парк вокруг TFT маскировал самый совершенный оборонный комплекс в мире. Под изумрудно-зелеными газонами и цветущими деревьями находился военный бункер. Его построила военная корпорация «Микадо» для защиты штаб-квартиры TFT с земли, воздуха, воды и Сети.

Идиллический, геометрически правильный парк при желании почти мгновенно мог превратиться в ракетно-зенитный комплекс, способный как отражать, так и наносить удары, противопехотный заслон в случае нападения повстанцев или же противотанковую ловушку в случае полномасштабной войны. Каждый сантиметр площади был частью гигантского военного трансформера, пробиться через который не смогла бы ни одна армия. Уничтожить его могла бы, пожалуй, только ядерная бомба. Но даже в случае ядерной атаки у обитателей башен был шанс уцелеть. Бункер под ними мог принять две тысячи человек. На всякий случай в подземных ангарах оставили технику для прокладки тоннелей. Люди смогли бы прорыть себе выход куда угодно, в любое безопасное место или к самолету, что смог бы их эвакуировать.

Военный инженер Иван Карпов получил пожизненное содержание от Торговой Федерации за проектирование оборонного комплекса TFT.

Воздушное пространство башен было закрыто для полетов. Даже личный квадролет Председателя приземлялся на площадке за пределами парка. Затем «самого могущественного человека на Земле» доставляли в его офис по специальной ветке метро.

Пятьдесят третий этаж Северной башни, резиденция Председателя TF, являлся самым охраняемым объектом на территории TFT. Год назад Торговую Федерацию возглавил Алекс

Хоффман — медиазвезда и двадцатилетний владелец корпорации World Gas, что вызвало всеобщий шок. Медиа разразились потоками аналитических материалов о проблеме засилья тинейджеров в бизнесе, политике и шоу-бизнесе.

* * *

Алекс Хоффман сидел перед огромным плазменным экраном в своем кабинете. Он был один. Ни помощники, ни секретари, ни другие члены Правления TF не должны были присутствовать при его разговоре с доктором Синклером.

Однако прежде чем встретиться лицом к лицу с директором Эдена, Алекс решил немного подстраховаться и вызвал к себе Отто Крейнца, главного технического эксперта Сети. Тот должен был, во-первых, доходчиво объяснить автогонщику, как будет происходить общение с Эденом, во-вторых, попытаться простыми словами изложить суть изменений, случившихся в Сети.

— Совместно с учениками доктора Синклера мы починили и перезапустили конвертер сигналов, находящийся в технопарке, чтобы данные могли переходить из цифрового вида в аналоговый и обратно, — говорил Крейнц, то и дело поправляя очки.

Они спадали, потому что главный технический эксперт сильно осунулся за время десятидневного «Сетевого кризиса» — так медиа окрестили чудовищную атаку Джокера.

— Учитывая сложность перевода информации из одного формата в другой — возможны легкие искажения и запаздывание сигнала. Задержка может быть до трех секунд. Может, и больше. Конвертер… гхм… не совсем стабилен. Я надеюсь, сбоев не случится, но все может быть, — добавил технический эксперт.

— Послушайте, Крейнц, я ничего в этом не понимаю. Просто скажите, доктор Синклер придет по Сети в мой компьютер или он будет сидеть в Эдене и общаться со мной в режиме видеоконференции? — перебил Отто Председатель TF.

Крейнц настолько оторопел от тупости вопроса, что не сразу сообразил, как отвечать.

— Разумеется, второе… — пробормотал он. — Доктор Синклер не может покинуть пределы Эдена. Вы будете общаться с ним, как и с любым другим собеседником, находящимся в нескольких тысячах километров от вас.

— Это все, что я хотел узнать, — Хоффман продемонстрировал Крейнцу свою фирменную жемчужную улыбку. Перламутровые зубы Председателя TF ослепительно сверкнули. — Кстати, вот еще, Крейнц, вы можете мне как-нибудь

просто и доходчиво объяснить, что случилось с Сетью после того, как Громов изменил код работы «Ио»? Признаться, из вашего доклада я ни черта не понял.

Крейнц кротко опустил голову и постучал пальцем по губам, соображая, как можно описать произошедшее еще проще, чем он сделал это в докладе для Торговой Федерации. Относительно технологического кретинизма Алекса Хоффмана ходили легенды, но Отто и представить не мог, что дела обстоят настолько плохо.

— Ну… — эксперт развел руками и посмотрел в потолок. — Главная задача компьютера, управляющего Сетью, — обрабатывать колоссальное количество информации. Для этого можно использовать один суперкомпьютер или же создать кластер…

— Что? — не понял Хоффман.

— Систему из нескольких соединенных между собой компьютеров, каждый из которых будет выполнять небольшую часть задачи, а вместе они сделают ее целиком, — пояснил Крейнц.

— А-а, ясно. Это как суперпрофессионал и команда, — сообразил Алекс.

— Да, примерно так, — с облегчением вздохнул Крейнц. — Так вот, раньше использование закрытого кода Аткинса делало «Ио» суперпрофессионалом, который один знает, что делать другим, и просто раздает им указания. А теперь Сеть — это один гигантский кластер, в котором каждый компьютер выполняет свою часть задач, не ожидая команды от «Ио». Сеть по-прежнему работает со скоростью света, но если вся информация сначала передавалась на «Ио» в обязательном порядке, а уже потом шла к месту назначения, то теперь периферийные серверы могут передать ее, минуя «Ио», по тому маршруту, который сами сочтут оптимальным. Поэтому, если вас интересует, отключился «Большой брат» — его софт был создан с расчетом на то, что вся информация все равно поступает на один сервер, а теперь ему необходимо доставить программный модуль, который будет направлять данные специально на «Ио». Такие же проблемы со всеми централизованными системами — кредитной, оборонной и так далее. Потому что теперь «Ио» — точно такой же игрок в команде, как и все остальные, только с большими возможностями.

— Так в чем преимущество кода Громова, я не понял? — наморщил лоб Хоффман.

— Теперь уничтожить Сеть возможно только одним способом — обесточив все территории, где она есть, или уничтожив серверы физически. Причем все, — принялся терпеливо

разъяснять Крейнц. — Мы пока сами не вполне понимаем, каким именно образом… В общем, софт Громова придал Сети черты живого организма. В том смысле, что система может самостоятельно организовываться, понимаете?

— Нет, — мотнул головой Хоффман.

Крейнц снова задумался, выискивая какую-нибудь емкую метафору.

— Вот, к примеру, — начал он, — возьмем человеческий организм. И вы, и я выросли из одной-единственной клетки. Она делилась и делилась до тех пор, пока не получился полноценный человек, только маленький. Из одной и той же клетки получались другие клетки с принципиально новыми свойствами — клетки глаза, клетки печени, клетки мозга и так далее. И все из одной-единственной изначальной клетки! Это возможно благодаря тому, что синтез белка в спиралях РНК происходит каждый раз по-разному…

— Я знаю про геном, — недовольно перебил его Хоффман. — Какое отношение это имеет к Сети?

— Код Громова — это тоже своего рода геном, — сказал Крейнц. — Видите ли, теперь в каждом из компьютеров Сети сидит относительно небольшая программа — «Моцарт». Если сравнивать с биологией, то он вроде генератора первичных матриц РНК, ну таких спиралей, с которых клетки считывают информацию, во что им превращаться. «Моцарт» как бы «знает», что такое Сеть целиком, являясь при том универсальным коммуникатором. Если взять компьютер, на котором установлен «Моцарт», и подключить его к нескольким новым, то он автоматически организует их в оптимальную, с точки зрения передачи данных, Сеть, его генеральная программа создаст софт для каждого из новых компьютеров в зависимости от его возможностей. Понимаете? — главный технический эксперт Сети посмотрел на Хоффмана с надеждой, если не с мольбой.

Лицо Председателя TF отобразило немыслимое усилие мозга, пытающегося понять, о чем речь. Потом Алекс тряхнул своими темными блестящими кудрями и мотнул головой.

— Ладно, будем считать, что до меня дошло. Мальчишка создал геном Сети? С его помощью можно превратить любую кучу просто компьютеров в такую же Сеть, что у нас есть, да?

— Ну, примерно… С большой натяжкой, — согласился Крейнц. — «Моцарт» — адаптивная программа. Он будет создавать новую Сеть с учетом условий среды, задач и даже особенностей эксплуатации. Это геном… Геном искусственного интеллекта, высокоорганизованного компьютерного разума. Да, наверное, так.

Алекс Хоффман оторопел и напрягся:

— Не понял. Вы что, хотите сказать, что теперь эта штука будет жить своей жизнью?

— Нет, пока нет. У Сети нет воли, чтобы жить собственной жизнью. Мы ставим задачу. К примеру, следить за качеством уборки улиц. Это задача. Она вводится. Но как ее исполнять, Сеть решает сама. Сейчас она создает первое поколение адаптивных программ, чтобы восстановить связь между всеми системами хайтек-пространства…

— Что значит «первое поколение»? — Хоффман напрягся еще больше, меж его бровей легла глубокая складка.

— «Моцарт» как генеральная программа создает софт для решения текущих задач, — терпеливо объяснил Крейнц. — Когда эти задачи будут решены — возникнут следующие. Но они же не на пустом месте появятся, правда? Они будут связаны с прошлым причинно-следственной связью. Поэтому первое поколение программ создаст на основе себя же второе поколение, которое будет наилучшим образом приспособлено к системе в целом.

Хоффман поднял брови и сердито выдохнул:

— Господи боже… Мне все это не нравится, и точка. Вы уверены, что у мальчишки не было никакого собственного замысла, когда он все это затеял? Может, это какая-то уловка? Чего он добивается?

Крейнц замахал руками и горячо возразил:

— Нет! Я уверен на сто процентов, что в момент схватки с Джокером Громов не думал ни о чем, кроме спасения людей! Я уверен.

Хоффман зажмурил один глаз и посмотрел на главного технического эксперта Сети с большим сомнением.

— Если он такой же гений, как Аткинс, то вполне мог бы просчитать все возможные выгоды для себя. Возможно, он намеренно…

— Нет, — Крейнц жестко перебил Председателя TF. — Намерения Громова были исключительно альтруистическими.

— Ой ли? Доказательства есть? — усмехнулся Хоффман.

Крейнц не успел ответить, потому что плазменный экран включился и на нем появился доктор Синклер. Он стоял в своем кабинете рядом с «львиным» креслом. На столе с удобством расположился орангутанг Юджин и деловито перебирал бумаги.

— Добрый день, господа, — сказал директор Эдена и персонально приветствовал Крейнца: — Привет, Отто. Хорошо, что ты здесь. Если Алекс… Можно, я буду называть вас просто Алекс? — спросил он Председателя TF.

Хоффман кивнул.

— Так вот, если Алекс не возражает, я бы попросил тебя, Отто, остаться и послушать, о чем пойдет речь. Вполне возможно, что тебя это тоже касается, — закончил директор технопарка.

— Добрый день, доктор Синклер, — ответил Крейнц.

— Здравствуйте, доктор Синклер, — Хоффман встал и протянул руку к экрану, имитируя рукопожатие. — Я не возражаю, инженер Крейнц может остаться.

Директор Эдена ответил ему сдержанным кивком.

— Я явился в назначенное время, Алекс, — сказал он. — И совершенно случайно услышал окончание вашего разговора. Относительно намерений ученика Громова. Я благодарен тебе, Отто, что ты начал так яростно защищать нашего юного гения от любых подозрений.

Доктор Синклер посмотрел на Председателя TF долгим осуждающим взглядом.

Алекс всплеснул руками:

— Простите, доктор Синклер! Но я бизнесмен! Если кто-то вдруг становится миллиардером, а Громов им станет уже через пару месяцев, то, уж простите, я никак не могу поверить, что это произошло исключительно благодаря фортуне.

Директор Эдена сел в свое «львиное» кресло, положил ногу на ногу, а руки на колено.

— Позвольте, я расскажу вам одну занимательную историю про альтруизм, Алекс, — сказал он. — Она довольно длинная, но многое объясняет. Когда-то очень давно, когда ученые только-только закончили расшифровку генома человека, они с удивлением обнаружили, что мы всего лишь на 1 % генов отличаемся от бактерий миксококков. Когда они стали наблюдать за колонией этих бактерий и их социальным поведением, то обнаружили очень интересный факт. В неблагоприятных условиях, вроде недостаточного питания, холода, нашествия других бактерий, миксококки объединялись в так называемые «плодовые тела». Гигантские скопления, похожие на грибы. Они делали это с единственной целью — выработать споры, которые смогут пережить любые трудности и, когда те пройдут, возродить колонию миксококков. Но вот загвоздка: только некоторая часть миксококков способна дать эти споры. Все остальные по сути приносили себя в жертву, становясь питательным материалом для тех, кто производит споры. Но было некоторое количество бактерий, которые в результате неведомой генетической мутации превратились в паразитов. Они поедали своих сородичей, но споры не вырабатывали. Экспериментируя с одной и той же колонией, без вливаний извне, ученые обнаружили, что спустя несколько тысяч экспериментальных циклов количество

паразитов возросло настолько, что колония уже не смогла дать споры и погибла. Вы не находите ничего общего с нашей собственной историей?

— Пока не улавливаю, — Хоффман сложил руки на груди.

— Я вам подскажу, — доктор Синклер нахмурился, — ген альтруизма является рецессивным. Количество его носителей уменьшается от поколения к поколению.

— Все живое обречено на вымирание? — пожал плечами Хоффман. — Вы это хотите мне сказать?

— Нет, дослушайте историю до конца, — доктор Синклер не сводил тяжелого взгляда с Председателя TF. — Тогда ученые взяли новую колонию миксококков и отделили «альтруистов» от «паразитов». И знаете, произошла удивительная вещь. Уже в следующем поколении колонии, состоявшей из одних «альтруистов», появились «паразиты», причем их количество было огромным. Понадобилось всего десять экспериментальных циклов, чтобы колония утратила способность к размножению и погибла. Теперь вернемся к колонии, состоявшей из одних «паразитов». Казалось, что они обречены на вымирание сразу. В рамках одного поколения. Но случилось нечто удивительное. «Паразиты» не только возродили в себе способность к самопожертвованию, но и обрели новую — ту, которой у них никогда не было. Они дали споры. Из этой колонии был получен необыкновенно устойчивый к изменениям среды штамм, который назвали «Феникс». Его споры выдерживали заморозку, высокую температуру, могли ожидать подходящих условий сотни лет. А вот еще одна интересная деталь. Странным образом следующие поколения «Фениксов» обладали иммунитетом к «паразитам», своим прямым предкам.

Повисла пауза. Сбитый с толку Алекс Хоффман развел руками:

— И что? Если это каким-то образом доказывает, что у Громова не было корыстных намерений, то вам лучше объяснить. Потому что я, конечно, узнал много нового, но на свой вопрос ответа так и не получил.

Доктор Синклер улыбнулся:

— Я затеял этот рассказ исключительно ради того, чтобы мои слова в защиту Громова были чем-то подкреплены. Видите ли, Алекс, я считаю, что разделение мира на хайтек-пространство и лотек-пространство было сродни делению одной колонии на «паразитов» и «альтруистов», потому как большая часть порядочных людей покинула хайтек-пространство. Оставшиеся не нашли в себе сил отказаться от благ цивилизации. Их не интересовало, какой ценой они обретены. Так вот, я считаю, что

Макс Громов, у которого, как вы правильно заметили, нет и не может быть врожденной склонности к альтруизму, тем не менее проявил его в самом чистом виде. Точно так же, как это сделали «Фениксы». Это модификация поведения под влиянием жесткой необходимости. Волей судьбы вышло так, что цивилизацию задумал уничтожить Джокер, а изобретателем технологии, способной это предотвратить, оказался тринадцатилетний мальчик, Максим Громов. У него просто не было шанса не стать героем. Иначе бы он погиб вместе со всеми нами. Я готов поклясться на чем угодно, что никакого корыстного замысла у Громова не было, да и быть не могло. Вряд ли в тот момент он смог оценить перспективы созданной им технологии.

Алекс Хоффман откинулся на спинку кресла.

— Красивая теория, доктор Синклер, но, по-моему, она абсолютно ничего не доказывает. К тому же, насколько мне известно, Громов — лотек. Если принять в расчет это обстоятельство, то в свете вашей истории ситуация начинает выглядеть еще более подозрительной. В результате его действий мы имеем нечто весьма непонятное, «са-мо-ор-га-ни-зую-щее-ся», — повторил он по слогам за Крейнцем, — и к тому же способное к развитию. Я уже не говорю о том, что за пользование этим «нечто» жители хайтек-пространства должны будут платить. Меньше чем за год набежит такая сумма, что ради нее многие были бы рады «проявить способности».

— Громов сбежал от родителей, лотеков по убеждению, у которых был единственным сыном, добивался хайтек-гражданства, отлично представляя себе организацию нашего общества, — возразил доктор Синклер. — По-моему, эти поступки являются доказательством высокой степени личного эгоизма. К добровольному самопожертвованию этот мальчик не способен. Но обстоятельства сложились так, что для спасения собственной жизни он должен был остановить глобальную катастрофу. Его альтруизм — результат личного выбора. Приобретенное свойство. Возникло раз — он будет применять его и дальше.

— То есть он герой поневоле? — в тоне Хоффмана прозвучала явная ирония. — Ну так я же с самого начала вам это говорю! Парень просто оказался в нужное время в нужном месте. Однако, учитывая последствия его геройского поступка, лично я сомневаюсь, что он оказался там случайно.

Доктор Синклер сердито насупился, вздохнул и решил сменить тему.

— Ладно, Алекс, я полагаю, что этот разговор не имеет смысла. Вы останетесь при своем мнении, а я при своем. Зачем вы хотели меня видеть? Причем так срочно, что один из моих

любимых учеников, Отто Крейнц, был вынужден работать круглосуточно, дабы наладить связь между Эденом и внешним миром.

Хоффман выпрямился и положил руки на стол.

— Я хочу знать, каковы перспективы применения созданной Громовым технологии. Как он ее называет? Биософт?

— Вообще-то «биософтом» он называет нечто иное, то, что разработал еще в Накатоми. Именно эта разработка позволила мне понять масштабы его одаренности, — ответил доктор Синклер.

— Эта разработка имеет связь с «Моцартом»? — подал голос Отто Крейнц. — Я спрашиваю из чистого любопытства, доктор Синклер. Вы можете не отвечать.

— Имеет, причем самое прямое. «Моцарт» — просто более объемная и универсальная версия той первоначальной разработки, — директор Эдена сказал об этом с едва заметной грустью. — Иногда мне даже обидно, что из моих собственных исследований на эту тему он не взял ничего.

Хоффман подался вперед:

— Значит, Громов все-таки изобрел биософт, так?

— В самом общем смысле слова — да, — ответил доктор Синклер с некоторым раздражением. — А почему вы так настойчиво этим интересуетесь?

— Просто думаю, как назвать корпорацию, которая будет осуществлять внедрение и развитие этой технологии, — с улыбкой ответил Алекс. — Ведь мы же не можем допустить, чтобы настолько гениальное изобретение выстрелило только раз, правда? Поэтому я и пригласил вас, доктор Синклер, чтобы вы рассказали мне о возможных сферах применения биософта. Больше того, я намерен оказать давление на хайтек-правительство, чтобы вам как можно скорее вернули все ваши «мозги», — Хоффман издал противный смешок, — то есть учеников, и вы могли приступить к исследованиям в области биософта.

Алекс сверкнул своей фирменной улыбкой.

— Как вам мое предложение?

Доктор Синклер посмотрел на орангутанга Юджина, который сворачивал кораблик из листа бумаги. Потрепал обезьяну по голове и еле слышно пробормотал себе под нос:

— Все как я и предполагал…

Хоффман перестал улыбаться.

— В смысле? Что предполагали?

— Да так… — задумчиво ответил доктор Синклер. — Ничего особенного. Я был уверен, что вы захотите создать корпорацию.

— Я назову ее «Биософт», — радостно сообщил ему Алекс Хоффман.

Доктор Синклер посмотрел на свои руки и спросил, выгнув бровь:

— А Громов уже согласился продать вам патент?

— Это же чистая формальность! — отмахнулся Алекс. — Зачем мальчишке патент? Само по себе владение правами ничего не дает. Для создания корпорации такого уровня нужны триллионы кредитов. Подозреваю, что их у него нет. А у меня есть. Не бойтесь, я возьму парня в долю. В обмен на полное право распоряжаться его технологией. Это наш стандартный механизм защиты инвестиций…

— Это ваш стандартный механизм отъема интеллектуальной собственности, — криво усмехнулся доктор Синклер.

— Да не обижу я вашего ученика. Все будет честно. Я заплачу столько, сколько это изобретение реально стоит… — попытался убедить его Хоффман.

— Его изобретение бесценно, — заметил директор Эдена.

— Вы так считаете? — в тоне Председателя TF появился сарказм. — Тогда почему никто не может мне сказать, каковы области его применения и как это практически будет выглядеть? Какое производство надо налаживать? На какие рынки сбыта ориентироваться? Вот я и позвал вас в надежде прояснить хоть что-нибудь.

Директор Эдена обменялся долгим взглядом с Отто Крейнцем. Потом посмотрел на Алекса, очевидно, раздумывая, что сказать.

— Видите ли, — произнес он наконец, — эта технология бесценна, потому что ее возможности безграничны. Начиная с создания примитивных программ по искусственному моделированию нейронных связей и заканчивая искусственным эволюционным скачком. Поэтому лично я категорически против того, чтобы в дело вмешивалась Торговая Федерация. А если быть предельно откровенным — то я имею в виду лично вас, Алекс. Я считаю, что Макс Громов должен вернуться в Эден, чтобы совместно со мной и другими учеными определить возможные сферы применения биософта и выбрать для практического внедрения те из них, которые способны реально улучшить человеческую природу.

Алекс Хоффман побелел от гнева.

— Доктор Синклер, — металлическим голосом произнес он, — вам, надеюсь, известно, что технопарк Эден на сто процентов финансируется Торговой Федерацией? Или вам память отшибло после перезагрузки?

Отто Крейнц вздрогнул и вцепился в подлокотник своего кресла.

Однако директор Эдена воспринял выпад Хоффмана совершенно спокойно.

— Я не думаю, что путь угроз будет продуктивным, Алекс, — сказал он с усмешкой. — Ваша предшественница Хелена Наварро была куда более образованна и понимала, что отношения технопарка Эден и Торговой Федерации представляют собой прочный симбиоз. Вы даете нам деньги на то, чтобы мы решали ваши проблемы. Неужели вы не понимаете, что существование хайтек-пространства всецело зависит от разработок Эдена? Потому что без новых технологий хайтек-цивилизация — ничто, — доктор Синклер щелкнул пальцами в воздухе и… исчез.

Картинка на экране превратилась в поток белых символов на синем фоне, а из колонок раздался ужасный треск. Через секунду все стихло. Плазма погасла.

Хоффман грохнул кулаком по столу:

— Он меня послал! Этот чертов… — Председатель TF замялся, не зная как обозвать доктора Синклера, — чертов «солитер» меня послал! Да как он смеет?!

Крейнц кашлянул в кулак.

— Я могу идти, сэр? — спросил он подчеркнуто вежливо.

— Нет, — рявкнул Алекс. — У вас хорошо получается объяснять мне всю эту высокотехнологическую муть. Что за нейронные программы, про которые говорил Синклер? Или как их там?

— Искусственное моделирование нейронных связей? — уточнил Крейнц.

— Да, оно самое, — Хоффман плюхнулся обратно в свое кресло.

— К сожалению, я специалист в области софт-инжиниринга, — развел руками Отто и виновато улыбнулся, — а то, что вы спрашиваете, относится скорее к бионике. Я боюсь дать вам неверную информацию. Вам лучше пригласить кого-нибудь другого.

— Тогда идите к черту, Крейнц, — сердито проворчал Алекс Хоффман.

Главный технический эксперт Сети склонил голову и поспешно исполнил приказ Председателя TF — убрался из его резиденции с максимально возможной скоростью.

Некоторое время Алекс сидел неподвижно, потом активировал свой биофон и сказал:

— Сообщение на голосовой ящик абонента «Апокалипсис 231». Алло. Это я. Надо встретиться. Только не в Сети. Там теперь

небезопасно. Буду ждать тебя в Микронезии. Навигация по условленной частоте. Определишь мое местоположение — сразу дай знать. Я отключу маяк.

ID

Раздел: бионика

Секвенирование — чтение ДНК.

Сплайсинг — способность первичных клеток к модификации. Способность одних и тех же генов к созданию различных по своим свойствам белков является причиной видового и внутривидового многообразия живых существ.

Сплайс-инжиниринг — от англ. splice — «соединять концы» — искусственный сплайсинг с целью получить первичную матрицу РНК, имеющую заданные свойства.

* * *

26 августа 2054 года, 15:37:23
Микронезия
Атолл Бутаритари

Атолл Бутаритари — скопление мелких скалистых островков в форме полумесяца, возникший благодаря кораллам. Алекс Хоффман с замиранием сердца следил, как его личный квадролет садится на крохотный, относительно ровный пятачок земли.

Хоффман зажмурился, мысленно умоляя судьбу, чтобы программное обеспечение для квадролетов от «Марин-Тек» оказалось действительно таким надежным, как обещает их реклама. Взять с собой пилота Председатель TF не решился, поскольку ему предстояла весьма компрометирующая встреча.

Наконец автопилот благополучно посадил летную машину. Алекс с облегчением выдохнул и вытер капельки пота со лба.

Выбравшись из квадролета, Хоффман зажмурился от яркого солнца, которое отражалось в водах Тихого океана мириадами всполохов. Совсем близко от Председателя TF из воды выскочила летучая рыба, оставила за собой маленькую радугу из брызг и исчезла. Алекс подошел к краю и заглянул в бирюзовую лагуну. Коралловая стена уходила вертикально вниз. Председатель TF заметил двух огромных сиреневых медуз и присел на корточки, чтобы их лучше рассмотреть. Они были похожи на тех, что чуть не убили одного из операторов его шоу «Поиски газа» во время погружений в Красном море.

Внезапно океан содрогнулся, будто в глубине произошло землетрясение. Алекс отскочил назад к квадролету.

Прямо перед ним в одно мгновение всплыл военный крейсер класса наутилус, черная «ракета» с турбореактивным двигателем производства военной корпорации «Микадо».

Наверху открылся люк. Появилась женщина громадного роста в черном кожаном комбинезоне и зеркальных очках, закрывавших половину ее лица. Порыв ветра растрепал ее длинные свалявшиеся волосы ярко-голубого цвета. Она пробежала по носу ракеты и легко спрыгнула на берег.

— Ух ты, — только и смог сказать Алекс, хлопнув в ладоши. — Привет, Дэйдра. Можешь снять очки, «Большой брат» временно в отключке.

Женщина сняла очки. Злые фиолетовые глаза смотрели на Алекса выжидающе.

— Брось дуться, Дэйдра, — сказал тот, источая дружелюбие, — я не сержусь из-за «Кибелы». Был хороший момент, ты могла его использовать. Кто же знал, что появится чертов юный гений Громов и все испортит? Жаль генерала Ли. Такой бесславный конец карьеры. Трибунал и заморозка. Жуть.

Алекс отпустил в адрес Бэнши свою фирменную жемчужную улыбку, которая сделала его медиазвездой.

Дэйдра МакМэрфи немного успокоилась. Ее напряженные мышцы расслабились, поза стала более естественной.

— Здравствуй, Алекс, — сказала она наконец.

Голос у нее был неприятный, сиплый и очень старый.

— Что с твоим модулятором голосовых частот? — спросил Хоффман, показывая на горло.

— Я его отключила, — Дэйдра нервно дернула шеей. — Зачем ты меня позвал?

— Хочу, чтобы ты рассказала мне о перспективах разработки этого Громова. Сегодня Крейнц прямо дифирамбы ему пел, говорил, как это гениально. Синклер же отказался говорить со мной о возможных путях применения биософта. Вот я и подумал — может быть, ты меня просветишь? Я во всех этих научных делах не так чтоб очень… — Алекс улыбнулся и приблизился к Бэнши на полшага.

Ярко-красные губы профессора МакМэрфи скривились в презрительной усмешке, она отстранилась от Хоффмана со словами:

— Надо было убить мальчишку, пока он еще лежал в нейрокапсуле. Джокер не получил бы омега-вирус, Синклер — «Моцарта». Мы бы спокойно запустили «Кибелу», и все бы получилось. Но тебе ведь хотелось побыстрее, не правда ли,

Алекс?

— Убить мальчишку ты еще успеешь, Дэйдра, — Хоффман молитвенно сложил руки и склонился перед Бэнши. — Или твоя сестра, Айрин. Полагаю, она уже придумала для него какую-нибудь ужасно… ужасно оригинальную смерть. Долгую и мучительную. Однако сейчас я хочу всего лишь узнать — для чего можно использовать эту его долбаную технологию биософт. Расскажи мне. Ты же корифей бионики! Синклер сказал что-то про программы нейронных связей или нейронные программы… Не помню. Что это?

Бэнши нахмурилась. Потом вытащила из-за пояса громадный охотничий нож.

— Ой, — Алекс испуганно отошел, сложив руки за спиной. — Я надеюсь, это не для меня?

Дэйдра посмотрела на него долгим насмешливым взглядом:

— Пока нет.

Потом сделала резкое, неуловимое движение рукой. Алекс услышал только свист. Нож упал метрах в десяти от него.

— И что это было? — спросил Хоффман, приподняв брови.

— Пойди и посмотри, — спокойно ответила Дэйдра.

— Ладно… — Алекс попятился, не спуская с нее глаз.

Подошел к ножу, поднял его и… увидел, что на лезвии висит кусочек сухой водоросли, рассеченный пополам!

— Ее несло порывом ветра, — объяснила Бэнши.

— Ух ты… — Алекс с опаской протянул ей нож.

Дэйдра убрала его обратно в ножны и сказала:

— Чтобы научиться так делать, мне понадобилось три года. Получение навыка и его шлифовка. Плюс постоянная практика. Знаешь зачем? Хотя откуда тебе знать-то… Сейчас объясню. Когда ты учишься что-то делать, пытаешься освоить какое-то действие, твои нервные клетки начинают образовывать соответствующие связи между нейронами. Чем активнее тренировки — тем интенсивнее образование связей. Когда связи становятся устойчивыми — у тебя появляется навык, возможность совершать то действие, которому ты учился, не задумываясь. Чем сложнее действие, тем больше времени занимает формирование устойчивых нейронных связей. Они существуют, пока ты продолжаешь делать то, ради чего они образовались. Перестаешь практиковаться — связи разрушаются, навык уходит. Так вот — чтобы твои клетки сообразили, какие именно связи надо создать, требуется очень много времени. Надо тренироваться день за днем, пока связь не установится и действие не станет автоматическим. Одна из возможностей технологии Громова — произвольное формирование этих самых чертовых связей.

— Как это? — не понял Алекс.

Бэнши снова вынула нож и вложила его в руку Алекса.

— Попытайся попасть вон в тот камень, — она показал ему небольшой выступ примерно в трех метрах от них.

— Нет, у меня не получится, — запротестовал Хоффман.

— Правильно, сразу не получится. А теперь представь, что есть программа — универсальный коммуникатор, способный переводить цифровой сигнал в электрический импульс, понятный твоим нервным клеткам, и принуждать их к строительству нужных связей. Ты подключаешься к компьютеру через специальное коммуникационное устройство, скажем, более совершенную модель синхронизатора мозговых волн, и загружаешь себе программу строительства нейронных связей, идентичных моим, как раз тем, что отвечают за метание ножей.

Некоторое время Хоффман молчал, таращась на Дэйдру круглыми глазами и лишившись дара речи.

— То есть… То есть можно создать такой софт, который можно будет устанавливать прямо в человеческие мозги? И любой дурак сразу после его загрузки сможет делать то, чего раньше не умел?!! — завопил он.

— Нет, — терпеливо поправила его Дэйдра, — можно написать такой софт, который заставит твои нервные клетки создать нужные связи. Потом немного потренироваться, чтобы адаптировать возникшие цепочки к своему организму. Но процесс тренировки будет несравнимо короче, чем при естественном обучении. В разы. В десятки раз. Разумеется, сложность действия имеет большое значение. Скажем, собрать и разобрать оптическую винтовку любой задавший своим клеткам цель сформировать нужные связи сможет практически с первого раза. Полный идиот со второго. Водить турбокар получится, скажем, с третьей тренировки. Освоить кунг-фу получится примерно за полгода. Есть важное ограничение. Обучение посредством нейронных программ возможно только там, где речь идет о физических, часто повторяемых действиях. То есть сделать человека хирургом нельзя. Спасателем тоже. Потому что их задача меняется от раза к разу. Нейронными программами можно обучать только тем действиям, где решающее значение имеет мышечная память, ясно?

Но Хоффман ее уже не слышал. Его лицо светилось радостью и даже, можно сказать, счастьем.

— Боже мой… — пробормотал Алекс. — Я даже представить себе не могу, сколько это денег.

— Нейронные программы — самый примитивный из возможных путей применения технологии, основанной на

свойствах омега-вируса, которую создал Громов, — Бэнши смерила Председателя TF презрительным взглядом, но тот уже был не в состоянии выйти из своей эйфории.

— Неужели возможно что-то еще? — спросил он, сияя.

— Разумеется, — Бэнши шмыгнула носом. — Можно создать новый геном. Совершенное существо. Абсолютно неуязвимое. Способное адаптироваться к любой среде, кроме открытого космоса. Можно вмешаться в геном человека, наделив его теми свойствами, которых он никогда не имел. Задать их на уровне цепочек РНК. Можно изменять генетическую информацию даже у взрослых людей! Разумеется, все это требует исследований, чрезвычайно длительных и дорогих, принципиально нового оборудования, какого не существовало раньше, возможно, еще одного квантового компьютера, способного секвенировать множество цепочек одновременно и с большой скоростью…

— Мне лично ничего этого не надо, — радостно перебил ее Хоффман. — Нейронные программы! За ними будущее!

— Дослушай меня до конца, Алекс, — Бэнши топнула ногой. — Если тебя интересует практическая сторона дела, то, как ты думаешь, кто из богатейших людей мира откажется от совершенной РНК-матрицы для своего потомства? При наличии достаточно тонкого передающего оборудования программа типа «биософт» сможет менять информацию на уровне строительства гена! Кто не захочет, чтобы его ребенок от рождения был здоров, фантастически красив и интеллектуально совершенен? За это заплатят любые деньги! Ты дашь начало новой расе людей!

— Вау, — коротко сказал Алекс. — К этому мы тоже придем. Но начать надо с чего-то более простого, что можно запустить в производство еще до конца этого года. Интуиция подсказывает мне, что это нейронные программы, — он лучезарно оскалил зубы. — Я уверен! Спасибо, Дэйдра! Был рад тебя повидать! — Хоффман бросился к своему квадролету. — Передавай привет Айрин! Я позвоню тебе очень скоро! Мы станем такими богатыми, как никто в истории! Я… Мы… Все будут хотеть биософт! Это будет не просто корпорация, империя!

Бэнши раздраженно бросила ему вслед:

— Кретин…

Алекс замер на ступеньках квадролета и обернулся.

— Ты что-то сказала? — спросил он, спокойно взглянув в сиреневые глаза Дэйдры.

Бэнши закусила нижнюю губу.

— Олимпиада, — сказала она. — Я сказала про Олимпиаду. Видела твое имя в составе участников. Ты всерьез думаешь, что Председателю Торговой Федерации подобает носиться по

виртуальным аренам, как простому мальчишке? Я понимаю, что ты молод, Алекс, и тебе хочется поиграть, но…

— Брось, Бэнши! — отмахнулся Алекс. — Это сделает меня ближе к простым людям. Они увидят, что самый могущественный человек на свете на самом деле обычный парень, которому нравится побеждать. Я всегда был отличным геймером, — он подмигнул доктору МакМэрфи. — Поэтому я намерен не просто «поиграть», как ты решила. Я собираюсь выиграть. У меня отличный тренер — Спайдер. Мечтал я, конечно, об Инферно, но не смог его найти. Что заставило его примкнуть к Джокеру, до сих пор не пойму. Золотой мальчик, наследник миллиардов, чемпион… Ладно, черт с ним. Я купил троих лучших игроков себе в команду. За меня будет играть сама Алиса Лиддел! Абсолютная чемпионка Олимпиады 2048 года.

— У тебя в команде агент Бюро?! Причем агент в статусе хэдхантера?! — вытаращилась на Алекса Бэнши. — Ты что, сошел с ума?! Только не говори мне, что твоя тренировочная база находится на территории TFT и соединена с общими коммуникационными сетями!

— Ну-у… — Алекс замялся. — А где я еще должен был разместить свою тренировочную базу? Мне так удобней…

— Черт! — кулак Бэнши со свистом рассек воздух. — То есть агент Бюро может находиться рядом с тобой день и ночь, выходить во внутреннюю сеть TFT и копаться в ваших базах данных, как в собственном списке музыкальных файлов?! Алекс, ты… Ты… — в голосе Дэйдры клокотала такая ярость, что из ее горла начал вырываться сиплый свист, от которого шел мороз по коже.

— Дэйдра, почему ты не имплантируешь себе нормальные голосовые связки? Или включи свой нейромодулятор, — попросил Алекс, сморщившись.

Дэйдра дотронулась до горла, активируя нейромодулятор. Когда она заговорила снова, ее голос стал низким, ясным, бархатным.

— Потому что это невозможно! Нейромодулятор улавливает звуковые вибрации, превращает их в речь, делает мой голос любым — высоким, низким, тихим, громким, но сами вибрации производят те связки, что у меня есть. Поменять их нельзя. Они связаны с таким количеством нейронов…

— Я ничего не понял, — остановил ее жестом Алекс. — В общем, ты не можешь сделать себе другой голос по-настоящему. Какая-то электронная штука у тебя в горле говорит вместо тебя.

Дэйдра кивнула, глядя на Алекса не то с ненавистью, не то с презрением.

— Я не разбираюсь в технике, — тот поднял руки. — Но зато у меня отлично выходит руководить людьми. Ты знаешь, что у меня самый высокий показатель социального интеллекта во всей базе данных по тестам? Я самый коммуникабельный человек на свете!

— Ты самый лучший манипулятор на свете, — проворчала Дэйдра. — Что ты собираешься делать с Громовым?

— Ну… Для начала предложу ему миллиард кредитов за патент. Я уважаю закон. Если он и правда такой умный, как все говорят, — тут же согласится и начнет наслаждаться жизнью. Если нет… — Алекс вздохнул. — Предложу два. Ну, в общем, я готов подвинуться до пяти. Я очень хочу соблюсти закон. Я не такой, как болтает Хелена Наварро. Я… Я… Хороший.

Алекс улыбнулся так, будто позировал сотне фотографов.

— Ты хочешь, чтобы он на тебя работал? — спросила Дэйдра.

Ее электронный голос оставался ровным, приятным, нейтральным. Бледное, идеально гладкое фарфоровое лицо, созданное доктором Просперити, — неподвижным. Но Алекс все равно почувствовал исходящее от Бэнши волнение.

Хоффман действительно обладал уникальным талантом — животным чутьем, потрясающей, мощной интуицией, фантастическим даром угадывать потаенные желания и страхи людей. И сейчас он точно знал… хоть и не мог в это поверить… Дэйдра боится! Она боится, что Алекс найдет общий язык с Максом Громовым!

Праздник

26 августа 2054 года, 17:12:43
Токийский хайтек-мегаполис
Отель NoblessTower,
президентский люкс

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

Ой, дорогие обезьяне! Спешите прямо сейчас, немедленно, всего за 15 кредитных единиц раньше всех остальных увидеть эксклюзивные кадры из башни «Парламент-Скай», где идут последние приготовления к балу в честь нашего супергероя, которому мы все обязаны жизнью, Максима Громова! Для оформления зала, где пройдет церемония награждения… Обезьяне! Громову вручат такое количество наград, что он с кресла встать не сможет, если все эти ордена наденет! И это все заслуженно! Так вот, мы сбились. Для оформления зала использовано две тонны цветов! Хайтек-правительство скупило по этому случаю все живые цветы в Токийском мегаполисе, включая, наверное, фиалки в горшках, которые некоторые из вас до сих пор, по довоенной привычке, выращивают у себя на окне.

Рабочие уже раскатали красные ковровые дорожки. В прошлом году нам удалось заснять дыры, которые в них проела моль. Посмотреть дыры вы можете вот тут. В нашем архиве. По доброте душевной разрешаем сделать это совершенно бесплатно. Сейчас нас заверили, что ни в коем случае нашему спасителю Громову не подсунут побитой молью дорожки! Президент Рамирес взял это под личный контроль!

Мы с вами, дорогие обезьяне, сиречь налогоплательщики, также успели серьезно обогатить лотек-анклав Мавританию, купив у них дорогущее шампанское. Поскольку нет времени искать довоенные бутылки, чтобы разлить в них этот божественный напиток, — шампанское привезут в бочках. Как его будут разливать оттуда — мы лично с трудом себе представляем… Но тем больше поводов заплатить 100 кредитов за просмотр прямой Сетевой трансляции праздника в «Парламент-Скай»! Покупайте именно нашу

трансляцию, потому что наши камеры расположены на самых выгодных местах. Мы покажем больше медиазвезд и корпоративных боссов, чем все остальные! Больше того! Мы и только мы получили эксклюзивное право на трансляцию картинки из холла дамского туалета — вы сможете посмотреть, как Наташа Климова, Пуля Минг, Анжела Брайт и другие супермедиазвезды поправляют макияж! Вы сможете рассмотреть содержимое их косметичек и прикинуть его примерную стоимость! Только сегодня прямая трансляция из «Парламент-Скай» за 100 кредитов! Завтра, в день церемонии, мы поднимем цены. Покупайте заранее!

По примерным подсчетам, чествование Громова, которое он, без всяких сомнений, заслужил, обойдется нам с вами, дорогие обезьяне, в десять миллионов кредитов. То есть, разумеется, Торговая Федерация уже распорядилась покрыть ту дыру в бюджете, которую проделал этот праздник жизни, но это означает уплату компаниями дополнительных бюджетных взносов в этом году! А что это значит? Это значит, что наш с вами подоходный налог, который идет в копилку бюджетных взносов, возьмут и повысят. Разумеется, это будет не слишком много, может, сто, может, двести кредитов сверх обычной суммы, — но все же… Конечно, десять миллионов кредитов — не такая уж большая цена за спасение мира… Но помнится, когда мы были маленькими, Человек-паук и Супермен спасали мир бесплатно, а Бэтмен так и вовсе за свои собственные деньги. Может быть, поэтому нам чудится что-то неправильное в материальном вознаграждении гения Громова?

Кстати, только что пришло сообщение! Прелестно… Макс Громов только что, буквально несколько минут назад, получил в официальное владение Рободом!!!

Что же это творится, дорогие обезьяне? Сначала наш супергерой перекроил на свой лад творение величайшего гения в истории, а теперь и вовсе поселился в музее Аткинса… Хм… Странный какой-то герой этот Громов… Как у него рука поднялась заграбастать дом самого Роберта Аткинса?! Самый полный архив о жизни которого вы можете купить на нашем портале всего за 1500 кредитов. Все, что только может быть известно о Роберте Аткинсе, — у нас есть. Все его научные труды, записи публичных выступлений, фотографии, даже сэйв-

геймы игр, в которых он принимал участие! Вот уж кто был настоящий гений! Чистый! Великий! Бескорыстный! Он позволил всем жителям хайтек-пространства пользоваться своей разработкой бесплатно! А что Громов? Мало того, что теперь мы все будем вынуждены платить ему за каждый выход в Сеть, так еще и десять миллионов на его праздник потратим и бесценный исторический памятник просто так отдадим. Не знаем, как вы, дорогие обезьяне, но вся наша редакция чувствует весьма болезненное ущемление в области чувства справедливости. Прямо нарастает оно с каждой секундой… Прямо мощный когнитивный диссонанс у нас возник.

Ладно, сейчас давайте поговорим о ценах на топливные элементы для турбокаров. Направим свою негативную энергию на другой объект. Нехорошо порицать героя за то, что он принимает награды. Мог бы, конечно, и отказаться, чтобы не нагружать лишний раз налогоплательщиков… Но чувствуется, Максим Громов не из породы бескорыстных альтруистов.

В общем, наш президент Рамирес сообщил вчера, что топливные элементы подорожают в среднем на 100–150 кредитов в зависимости от емкости. М-да. В таких условиях только банкеты Громову закатывать… Ой, тьфу-тьфу. Бьем себя по рукам. Ни слова сомнения в герое. Про топливные элементы. Они подорожают. Это факт…

* * *

Евгений Климов взял на себя оформление всех бюрократических формальностей, связанных с покупкой дома. Чарли и Тайни решили задержаться в поместье Спарклов, чтобы освоить «Кор-5000», но обещали приехать на церемонию награждения. В Nobless Tower Макс вернулся один и проспал восемнадцать часов подряд.

Проснувшись, он предусмотрительно повернулся на бок, перед тем как открыть глаза. Взял с тумбочки кибер-ключ от Рободома, повертел в руках, медленно произнес:

— Мне подарили дом Аткинса… — погладил ключ рукой и положил обратно на тумбочку.

ID

Раздел: устройства

Кибер-ключ — оптический диск цилиндрической формы в титановом корпусе. Подтверждает право собственности на объект недвижимости, хранит всю информацию о нем и его владельце.

* * *

Номер Громова, как и предполагал доктор Льюис, через два дня походил на гибрид оранжереи и магазина подарков.

Макс медленно прошел между рядами коробок. Взял наугад одну из них. Открыл. Там оказался набор силиконовых контактов «Сони» последней модели, который еще не успел поступить в продажу, и открытка.

— Наша компания искренне благодарит вас за спасение человечества, — прочитал Громов. — Спасибо.

Он отложил коробку.

Захотелось есть. Громов поискал глазами лэп-нот, чтобы посмотреть меню.

Лэп-нот обнаружился рядом с буфетом, за кучей мелких коробок. Макс тронул пальцем экран. Выбрал нужную иконку.

ID

Раздел: устройства

Лэп-нот — примитивный компьютер, обычно крепится на стену. Внешне представляет собой сенсорный экран с пиктографическим меню. Обычно используется в качестве дешевого интерактивного справочника с функцией передачи данных. Городские лэп-ноты — это одновременно справочники, терминалы оплаты различных услуг, вызова государственных служб — полиции, пожарных, спасателей, такси, устройства для передачи коротких печатных сообщений.

— Оладьи, омлет…

Глаза рассеянно скользили по строчкам. «Запредельное торможение — естественная реакция нервной системы после вынужденной мобилизации», — вспомнилось из курса элементарной бионики. Макс понял, что не сможет сосредоточиться даже на выборе блюд и нажатии нужных кнопок, поэтому вызвал официанта.

Через пару минут в дверь постучали. Вошел маленький толстенький человечек в форме служащего отеля и улыбнулся во весь рот. Его свежее румяное лицо резко контрастировало с

бледной, уставшей физиономией супергероя.

— Добрый день, — радостно сказал он. — Счастлив оказать вам хоть маленькую услугу, и умоляю — никаких чаевых! Мы все обязаны вам жизнью, мистер Громов.

— Э-э… Спасибо, — пробормотал Макс, он так и не смог привыкнуть, что каждый встречный благодарит его за спасение жизни. — Принесите мне, пожалуйста, всего по чуть-чуть, — попросил Макс, показывая весь список возможных блюд для завтрака. — Полные порции не надо. И еще… У вас есть клубничный мусс?

Лицо официанта выразило сильнейшее замешательство.

— Клубничный мусс? — переспросил он. — Я узнаю на кухне… А что это?

— Нет, нет, не надо, — запротестовал Громов. Он до вчерашнего дня тоже не подозревал о существовании клубничного мусса. — Давайте завтрак.

Официант кивнул, потом нерешительно уточнил, показывая на часы:

— Вы точно хотите завтрак? Для вас мы, конечно, приготовим специально… Возможно, вы до сих по живете по эденскому времени… Но вообще-то уже заканчивается обед. Я бы даже сказал, приближается ужин.

Макс посмотрел на часы.

— Да, в самом деле. Принесите тогда что-нибудь, — Громову вдруг стало лень даже говорить. Он махнул рукой: — Что-нибудь, — и грохнулся на диван.

Официант испуганно закивал головой:

— Что-нибудь. Сейчас. Не больше двадцати минут.

Макс помахал ему рукой.

Все двадцать минут в ожидании заказа Громов просидел неподвижно, глядя в одну точку. Он не встал, когда в номер вкатили два изящных столика и начали накрывать на стол. Официанты бросали в его сторону испуганные взгляды. Макс был как робот, из которого вынули аккумуляторы. Он не мог пошевелиться, ему было лень говорить, он даже моргал через силу, когда глаза начинали уставать от напряжения.

Румяный официант подскочил к нему.

— С вами все в порядке, мистер Громов? Может, пригласить доктора Льюиса? Он сказал, чтобы мы звонили ему, если вы… если вы почувствуете себя не очень хорошо.

— Не надо, — с усилием выговорил Макс. — Я просто очень устал. Поем и снова лягу спать. Не волнуйтесь за меня.

— Конечно, конечно! — официант замахал руками. — Мы все вам так обязаны…

Служащие отеля ушли, оставив Громова одного наедине с исходящими паром тарелками.

Макс сел за стол и подал голосовую команду:

— Новостной канал.

Медиамонитор на стене включился и… Громов подавился куском пирога, который только успел отправить в рот. Первое, что он увидел, — себя самого с куском пирога в руке, разглядывающего собственное изображение на экране. Внизу экрана бежала строка: «Эксклюзивная трансляция из гостиной президентского люкса Nobless Tower, где Макс Громов ожидает торжеств в свою честь. Только на нашем канале!»

Раздался голос диктора:

— Как мы видим, наш герой, измученный спасением человечества, наконец проснулся и решил перекусить. Посмотрим, что подали ему на обед. Начнем с дальнего конца стола. Суп… пицца… паста… жареная рыба… Ого! Посмотрим, сможет ли он все это съесть. Аппетит у парня что надо. Кажется, он нас заметил. Напомню, что Громову не успели сказать, что наш канал получил права передавать прямую трансляцию из его гостиной в обмен на частичную компенсацию расходов по передаче Максиму в собственность Рободома. Как вы знаете, «наградная статья» проделала заметную дыру в бюджете хайтек-пространства. Медиа пытаются внести посильный вклад в ее латание. Так вот, Максим, похоже, только что узнал, что из его гостиной ведется прямая трансляция. Сказать этого ему не смогли, потому что он крепко спал, а до этого, еще раньше, летал на квадролете Бюро в Элладу выбирать себе дом. Что ж, Рободом Аткинса — это очень амбициозный выбор. Теперь мы знаем, что личностно Громов намерен позиционировать себя как равного Роберту Аткинсу. Это очень смелое решение, на мой взгляд. Очень агрессивное, я бы сказал. Молодость, мощь, напор…

В это мгновение Макс действительно испугался, что сошел с ума и все происходящее ему только кажется. Громов вылез из-за стола и прошел по гостиной. Это тут же показали на экране. Причем сначала с одной точки, потом с другой. Макс огляделся, пытаясь найти эти камеры.

Одна была закреплена под потолком, другая возле окна. Громов подошел к ней и резким движением отлепил от стены. Силиконовая подушка щелкнула. Камера осталась в руке Макса. Он развинтил ее и вынул элемент питания.

— Что он делает?! — завопил от ужаса диктор. — Это нарушение условий контракта с хайтек-правительством! Мы и так ограничили зону наблюдения из уважения к подвигу Громова! Кто-нибудь — скажите ему! Громов! Не трогайте камеры!

Миллиарды людей хотят знать, что вы там делаете! Гостиная — это же не ванная и не спальня! Это в рамках медиаэтики!! Хотя даже великие медиазвезды, такие как Анжела Брайт, позволяют своим поклонникам смотреть на них в ванной! Люди имеют право знать!..

Но Макс продолжал сосредоточенно разбирать камеры, время от времени глядя на экран, чтобы понять, с каких точек его все еще снимают. Таким образом ему удалось найти все камеры, целых пятнадцать штук. Зрители могли видеть, как Макс потянулся за последней из них, снял, и по экрану медиамонитора побежала серо-белая рябь. Камер больше не осталось. Кучка разобранных устройств лежала на столе рядом с тарелкой Макса.

Громов взял ближайшую из коробок подходящего размера, открыл ее — внутри оказался шлем для вождения мотокарта. Вынул подарок, прочитал открытку, сказал вслух ее отправителю: «Спасибо», и начал горстями перекладывать в пустую коробку остатки камер, туда же смел питательные элементы от них. Встал, подошел к двери, открыл ее и выставил коробку в коридор. Охранники, дежурившие по обе стороны от двери, отдали Максу честь.

— Спасибо, — сказал он. — И не пускайте сюда больше никого из медиа, хорошо?

Один из охранников повернулся к Максу и, не глядя на него, четко оттарабанил:

— Простите, сэр! Но мы подчиняемся только приказам шефа Буллигана! Таковы правила!

Громов махнул рукой:

— Хорошо, я понял.

— Простите, сэр! — снова гаркнул охранник и добавил едва слышно: — Нам пришлось пустить медиа, пока вас не было.

— Понятно, — вздохнул Макс.

— Я думаю, они вернутся, — заметил второй охранник, тоже не поворачиваясь к Максу, продолжая стоять навытяжку и таращась прямо перед собой.

Первый вернулся в исходную позицию и едва слышно прошептал:

— Спасибо вам, сэр, что спасли нам жизнь!

— Пожалуйста, — вежливо ответил Громов.

Вернувшись в номер, он посмотрел на стол, оглянулся вокруг, затем взял свою тарелку, сложил в нее еду и ушел в спальню.

Сев на подоконник, Макс посмотрел вниз.

Со сто пятидесятого этажа Nobless Tower открывался умопомрачительный вид. Ночью Токийский хайтек-мегаполис переливался сотнями оттенков самых разных сигнальных огней.

Яркие розовые ленты по краям автобанов, зеленые огоньки посадочных площадок, голубые маяки полицейских машин и дельтапланов, мелкие желтые звездочки на куполах патрульных дирижаблей и воздушных шаров, медленно плывущих над городом. Темно-красные огни скоростных поездов мелькали так быстро, что были едва заметны для глаза. Оранжевое обрамление высотных зданий. Мертвенный серо-зеленый тусклый свет окон. Белые лучи мощных прожекторов вдалеке, над военным штабом «Микадо».

Световую рекламу перестали использовать уже давно. Это считалось бессмысленным расходом электричества. Ее заменили щиты с рисунками, которые делали флуоресцентной краской. Даже при малом количестве света картинки сияли в темноте. Иногда получалось жутковато. В темноте светились глаза или какая-нибудь надпись.

Миллиарды огней, миллионы зданий… Искусственная среда обитания человека, сложившаяся всего за пару сотен лет, поражала. Странно, но Макс любил ее гораздо больше, чем леса и болота тех мест, где он родился. Дикая природа всегда представлялась ему чем-то враждебным, постоянным источником опасности. Морозы, дожди, дикие животные, ядовитые насекомые и змеи! Макс никогда не понимал высоких бессмысленных слов о «природной мудрости». Все, что он видел в детстве, — это бесконечный и бессмысленный процесс пожирания одних существ другими только ради того, чтобы промучиться еще один день под палящим солнцем или в жуткий мороз, или без питьевой воды, или задыхаясь от туч мелких кровососов, роящихся над болотами. Сколько Макс себя помнил — он боялся леса, переменчивой погоды, раскатов грома, волчьих стай, громадных ос и слепней… Гибель живого вокруг, растерзанные волками зайцы, замученные насекомыми детеныши никогда не вызывали у него жалости или сострадания. Это было чем-то обычным. Тем, что само собой разумеется. Все слабое и больное должно погибнуть, превратиться в корм или питательную среду для тех, в ком больше жизненной силы. Таков закон дикой природы. И этот закон был для Макса абсолютно справедлив, потому что он никогда не знал другого! По этой же причине он не понимал Дэз. Почему она не хочет жить в хайтек-пространстве? За что она борется? В чем смысл того, что она делает? Зачем?

На все эти вопросы у Макса не было ответов. События последних двух недель сделали с его внутренним миром примерно то же самое, что делает блендер с овощами. Все представления Громова о жизни были раскрошены на мелкие кусочки и перемешаны в кашу.

Громов отставил тарелку и прижался лбом к холодному органопластику, поджал колени и обхватил их руками. Стало холодно. Щемящее чувство тоски давило изнутри. Макс сделал глубокий вдох, чтобы не заплакать. Перед глазами ясно встала картинка из «Никсон Холла». Дэз режет сетку вокруг арены и кричит, чтобы Макс бежал к ним. Потом они с Дженни вдвоем удерживают охрану Никсона, пока Громов вытаскивает с арены маленького мальчика. Макс закрыл глаза. Он даже имени этого паренька не запомнил!

Громов активировал свой биофон.

— Дэз Кемпински, — сказал он.

— Абонент вне зоны действия, — последовал ответ.

— Оставить сообщение, — скомандовал Макс.

Раздался гудок.

Громов попытался унять дрожь в голосе.

— Дэз, мне так много нужно тебе сказать, — с трудом произнес он. — Я ведь ничего толком не успел тебе сказать. Завтра меня будут награждать за то, что я убил Джокера. Но я не горжусь этим! Это… это трагическая случайность! Я сделал это по необходимости. Потому что не было другого выхода! Прости, прости! Просто череда случайностей! Дэз! Пожалуйста, назначь мне место встречи! Когда угодно, в любой части света. Я приеду. Мне нужно сказать тебе… Я… Я… — Макс с силой сдавил собственный кадык, чтобы тот не дрожал. — Прости меня. Позвони мне.

Его била мелкая дрожь. Сильный озноб.

Макс слез с подоконника, забрался в постель, накрылся одеялом и уткнулся в подушку. Хотелось плакать, но не было сил.

Раньше Громов никогда не чувствовал себя одиноким. Точнее сказать — он всегда был один, но никогда этим не тяготился. Возможно, потому, что просто не знал иного состояния. Поступив в Накатоми, он пять лет общался только с Митцу и Чарли. Причем исключительно в школе, в перерывах между уроками или в обед. Потом приезжал домой, выполнял задания, читал, играл, бродил по Сети, потом засыпал. Утром начинался новый день. Макс не видел никого, кто бы жил иначе. Он считал свою жизнь обычной, нормальной, как у всех, может быть, даже чуть лучше — ведь талант, способность выдерживать железную дисциплину Накатоми давали Максу некоторое преимущество перед другими. Не зря личностный аналитик Мамбата каждый год в своем отчете специально отмечала, что Макса отличает необыкновенная стрессоустойчивость и «пластичность психики — способность подчиняться системе не деформируясь, сохраняя собственное “я”»… Но потом появилась Кемпински, и все изменилось. Громов

узнал, а вернее, почувствовал, что такое друг. Другой человек, которому он не безразличен! Макс даже не осознавал, до какой степени это чувство было ему дорого! До тех пор, пока не простился с Дэз в Буферной зоне. Да и то понял не сразу, а только сейчас, спустя несколько дней.

Громов свернулся калачиком и натянул одеяло на голову.

— Она вернется, — сказал он сам себе, засыпая.

Усталость в который раз спасла его от долгих переживаний.

* * *

28 августа 2054 года, 16:15:08
Токийский хайтек-мегаполис
Отель Nobless Tower,
президентский люкс

Громов неподвижно сидел на высоком табурете в гостиной перед старинным напольным зеркалом, выпрямив спину и уставившись в одну точку. Макса можно было принять за восковую фигуру кинозвезды прошлого века. Роскошный черный фрак, белая рубашка с затейливым воротником, узкие, тщательно отглаженные брюки, ботинки из настоящей кожи, начищенные так, что, казалось, в них можно увидеть собственное отражение.

Вокруг порхала свита медиазвезды Алехандро Шика, который прославился тем, что одевал и причесывал других медиазвезд.

— Восхитительно!

— Умопомрачительно!

— Прелестно!

Макс их не слушал. Он даже не смотрел на собственное отражение.

Сам Алехандро Шик расхаживал позади Громова, театрально размахивал руками.

— Конечно, у вас на редкость породистое лицо, — говорил он Максу. — У вас благородные черты. Высокие рельефные скулы, правильный овал, прямой тонкий нос, выразительные черные глаза, в которых видна мысль! Поэтому я убрал ваши волосы назад. Лоб должен быть виден. Ведь вы спасли человечество собственным интеллектом, а не силой мускулов. Я исходил из этого, разрабатывая концепцию вашего внешнего облика. В благодарность за спасение человечества в целом и меня лично я подарил вам фрак из своей собственной коллекции антикварной одежды…

Двадцать камер по персональному разрешению президента

Рамиреса снимали происходящее, транслируя картинку для телетеатра и Сети. Жители хайтек-пространства желали видеть, как супергерой, победитель Джокера и разработчик нового кода Сети, которым они все отныне будут пользоваться, готовится к балу в свою честь. Президент мягко отчитал Громова за пренебрежительное отношение к простым людям, которые имеют право знать, как проводит время супергерой, которому они все обязаны своей жизнью.

— Уже через год на счет ученика технопарка Эден Макса Громова, создателя нового кода Сети, поступит столько средств, что он, без сомнения, войдет в сотню самых богатых людей хайтек-пространства! — захлебываясь от восторга, говорила дикторша в телетеатре. — Но это, конечно, самое малое, что мы все должны этому мальчику! Ведь он спас всех нас. Он рисковал жизнью, чтобы одолеть Джокера! Уму непостижимо, как ему это удалось!

Макс чувствовал себя так, будто его с головой залили в органопластик. Разумеется, он не мог видеть миллионов глаз, пристально разглядывающих его через Сеть и другие медиа, но странным образом ощущал их присутствие. Макс подумал: увидят ли его родители? Конечно, в их доме нет точки доступа, ведь они лотеки по убеждению. Никаких цифровых устройств, никакого контакта «с миром предателей и убийц»… Но, может, кто-то из менее принципиальных соседей покажет им запись?

А Дэз? Видит ли его Дэз?

При мысли, что Кемпински может увидеть все эти помпезные приготовления, фрак, Алехандро Шика с его дурацкой пудрой, Громову стало нехорошо. Виски сдавило, появились тошнота и неприятное чувство в животе.

Биофон Громова передал команду режиссера прямой трансляции:

— Максим, будьте любезны, улыбнитесь! Что вы сидите как манекен?! Вы же супергерой! Миллиарды жителей хайтек-пространства следят, как вы готовитесь к балу в вашу честь! Пожалуйста, ведите себя радостно, непринужденно. Пошутите с Алехандро!

Макс посмотрел на Шика, но тот так вдохновенно рассказывал про форму Максовых бровей, цитируя при этом Овидия, что перебить его Громов не решился.

— О, господи… — раздался в биофоне Макса раздраженный вздох режиссера. — Готовьте рекламу! Через тридцать секунд пойдет реклама! Большой пятиминутный блок! Громов, попытайтесь за это время хоть немного оживиться! У нас всех тут такое чувство, что мы ваш памятник снимаем!

Макс ничего не ответил. Ассистентка Шика прошлась по его лицу легкой пуховкой для пудры, при этом она широко улыбалась в камеру и даже не смотрела на Громова.

Дверь личных апартаментов Макса открылась. Вошел шеф Бюро информационной безопасности мистер Буллиган. Хлопнул в ладоши и потер руки.

— Ну что, парень, готов получить самые большие почести в истории человечества? Клянусь позвоночной грыжей, никогда не видел ничего более пафосного, чем то, что сейчас готовят для тебя!

Макс пожал плечами.

— Что-то у тебя вид кисловатый для супергероя, — нахмурился Буллиган.

Алехандро Шик тут же вставил реплику:

— Я сделал все, что зависело от меня, мистер Буллиган. Громов прекрасно выглядит, у него великолепная прическа, белые зубы, он отлично одет, ему все это идет — но улыбаться вместо него не в моих силах! Сделайте что-нибудь!

Мистер Буллиган сердито отмахнулся от Шика. Шеф Бюро информационной безопасности подошел к Громову и посмотрел в зеркало. Ясные, холодные серые глаза Буллигана встретились с грустными, усталыми, внимательными глазами Макса.

— В чем дело, парень? — спросил мистер Буллиган, потом показал на свиту Шика. — Они тебя утомили? Убрать их отсюда?

Макс кивнул. Буллигал сделал знак Нимуре. Тот, вместе с тремя другими агентами, моментально выдворил Шика со всеми его подручными.

— Как вы смеете? У нас еще полчаса в эфире… — возмущался тот, уходя.

Громов опустил глаза.

— Я в порядке. Просто… — он обвел глазами пространство президентского люкса, заваленное цветами и подарками. — Не могу поверить, что это все настоящее. Все как будто не со мной.

— У тебя просто шок. Ты еще не оправился от произошедшего в Эдене. Последние две недельки выдались те еще, — Буллиган улыбнулся. — Ты молодец. Подумай, что чертова уйма народу жаждет сказать тебе «спасибо». Они готовились к этому празднику. Клянусь, никогда в жизни не видел, чтобы в честь кого-либо закатывали такую вечеринку! Будет столько медиазвезд, главы корпораций, президент! Не отказывай людям в удовольствии поблагодарить тебя, Макс. Улыбайся им. Принимай все, что происходит, как должное. Ты заслужил.

Уголки губ Громова слегка дрогнули и поползли вверх.

— Хорошо, мистер Буллиган, — сказал он. — Просто я

надеялся, что Дэз…

— Да, мне тоже жаль, что твоя подружка не приехала, — мистер Буллиган кашлянул в кулак. — Честно говоря, мне стоило большого труда замять расследование в отношении нее… Есть подозрения… Ну да ладно. Может быть, ей лучше некоторое время тут не показываться. Пока все уляжется, позабудется, а это случится очень быстро, уверяю тебя. Сенсации, какими бы громкими они ни были, не живут долго. Скоро она сможет вернуться.

Макс вздохнул и снова улыбнулся. Лицо его стало почти радостным.

— Кстати, — шеф Буллиган протянул руку и дотронулся до уха, пристально глядя на Громова.

Тот сообразил, что надо отключить биофон, чтобы его речь не была слышна. Как только Макс его дезактивировал, директор Бюро склонился к нему и едва слышным шепотом сказал:

— Сюда едет Алекс Хоффман. Он собирается говорить с тобой наедине, в кабинете этих апартаментов. Он оборудован глушилками, не пропускающими никакой сигнал. Подслушать или подсмотреть, что там происходит, невозможно. Я на сто процентов уверен, что знаю, чего хочет от тебя Алекс. Мой тебе совет: хочешь спасти мир еще раз — не продавай Алексу свой патент. Сколько бы он ни предложил — не продавай. Только не ему.

Буллиган посмотрел на Максима очень серьезно.

— Но я…

Шеф Бюро приложил палец к губам и ушел, оставив Громова в полнейшем замешательстве.

Дневник доктора Павлова

1 августа 2054 года, 19:07:21
Буферная зона
Клиника доктора Просперити

Я ничего не видел, не мог пошевелиться, дышал через тонкие трубки, вставленные в нос. Ощущение было жуткое — как будто заживо погребенный.

В ухе раздался голос доктора Просперити.

— Слышите меня? Прижмите язык к нёбу, если слышите. Ага… С добрым утром, доктор Павлов. Я вживил вам биофонный чип и всю прочую ерунду, чтобы «Большой брат» без труда смог идентифицировать вас как Евгения Климова. Буллиган пообещал

закончить создание вашей базы данных к сегодняшнему вечеру. Сможете беспрепятственно въехать в хайтек-пространство и поселиться в RRZ «Эллада». Мне пришлось полностью удалить верхние слои кожи на глубину мимических морщин, вы сейчас находитесь в биоактивной белковой среде. Плюс получаете большие дозы гормонов. Мы вводим их вам вместе с воздушной смесью через легкие. Глаза у вас пока закрыты специальной пленкой, чтобы прижилась новая роговица. Я изменил вам цвет радужной оболочки на голубой. Отторжения быть не может — все биоматериалы ДНК-идентичны. Вам также заменили волосы, изменив их цвет, густоту и длину. Покрыли зубы новым слоем эмали, чтобы они выглядели сообразно возрасту. Ах да, наверное, надо напомнить — вам снова двадцать пять лет. Я также укрепил хрящи вашего позвоночника и коленных суставов, исправил ваш сколиоз. В общем, все, что касается вашего внешнего облика, — безупречно. Полная реновация. Придется немного потренироваться вести себя соответственно визуальному возрасту. Послезавтра, когда восстановится кожа, вас подключат к нейролингве. Постарайтесь усвоить, чем живут ваши теперешние сверстники. Буллиган сказал, что сделает вас специалистом в области нейролингвистики с дополнительной степенью по бионике. Нахватайте из Сети модных словечек, просканируйте рейтинг проблем, занимающих хайтек-общество. Учитывая сложность задания — вам недостаточно выглядеть на двадцать пять, вам надо стать двадцатипятилетним. Иначе маскировка не сработает. Я вас отключаю. Мне надо ввести вам модулятор обменных процессов, чтобы ускорить заживление. Лучше это делать, когда вы спите. Всякое волнение вызывает выброс ненужных гормонов. Вы должны понимать, насколько это мне мешает.

* * *

28 августа 2054 года, 17:45:15
Токийский хайтек-мегаполис
Отель Nobless Tower,
президентский люкс

Алекс Хоффман вошел в номер. Улыбка, что озаряла его лицо, была, без сомнения, одной из лучших за всю его карьеру медиазвезды. Он подошел к Громову, протягивая руки, и без единой запинки произнес тщательно подготовленную фразу:

— От имени и по поручению Торговой Федерации позвольте

выразить благодарность за спасение цивилизации от краха, за вашу победу над одним из самых непримиримых и опасных врагов хайтек-общества!

Он схватил руку Громова и энергично встряхнул.

— Спасибо, — сказал Макс. Он попытался высвободить свою ладонь, но не смог. Хватка у Председателя TF была железная.

Алекс некоторое время разглядывал Громова, не отпуская его руку, и пришел к выводу, что мальчишка совсем не прост и выглядит гораздо старше своего возраста. Хоффман отметил, что глаза у Макса слишком внимательные и грустные для четырнадцатилетнего. Звериная интуиция Алекса неожиданно не сработала. Обычно его первое впечатление от человека, полученное за считанные секунды в самом начале знакомства, было исчерпывающим. И что совсем удивительно — всегда верным и полным.

— Я бы хотел узнать подробности из первых уст, — Хоффман показал на дверь кабинета. — Конечно, это злоупотребление положением. К тому же я похищаю вас у ваших зрителей, которые наблюдают за вами, — Алекс поднял глаза и помахал рукой в камеры. — Но я надеюсь, они меня простят, когда я скажу, что Торговая Федерация приняла решение не снимать дополнительных налоговых отчислений из их заработной платы до конца этого года. Все расходы по торжествам компании покроют из своих скромных прибылей. Вы, конечно же, в курсе, что, согласно Московскому пакту доброй воли, корпорации отказались от получения прибыли в любой области свыше двадцати процентов, — Хоффман сложил руки над головой и снова улыбнулся камерам. — Я, Алекс Хоффман, был апатридом большую часть жизни и знаю, как трудно заработать себе достойную жизнь, поэтому всегда буду на стороне простых граждан хайтек-пространства!

Он повернулся к Громову, бережно, но настойчиво взял его за локоть.

— Пойдемте. Обещаю, наш разговор много времени не займет. Самое большее через полчаса я верну вас вашим зрителям. Хотя мне кажется, вы и сами не прочь побыть пару минут в уединении. Слава — хоть и сладкое, но все же бремя. Мне ли не знать.

Алекс почтительно, даже, пожалуй, преувеличенно вежливо, пропустил Макса вперед.

Когда они оказались в кабинете, лицо Хоффмана изменилось. Теперь он смотрел на Громова строго. Сел в кресло у окна, предложил Максу занять второе. Потом тронул свое ухо, в точности как это делал Буллиган. Громов послушно отключил

свой биофон, потом сказал:

— Эта комната волнонепроницаема.

— Лучше подстраховаться, — Хоффман положил ногу на ногу и подался вперед. — Итак, ты самый одаренный парень на свете, может, даже более умный, чем сам Аткинс, — сказал он, буравя Громова пристальным взглядом.

— Я этого никогда не говорил, — скромно заметил Макс.

Алекс не увидел ни страха, ни агрессивности, которая является признаком того же страха, только глубоко спрятанного. Это его насторожило. Хоффман решил перейти сразу к делу:

— Ты знаешь, каковы возможные области применения твоей технологии?

Громов посмотрел в потолок, пожал плечами и ответил:

— В общем, они довольно широки. Трудно сразу оценить.

— Ты представляешь, какие мощности нужны, чтобы начать активное практическое применение твоего изобретения? — Хоффман склонил голову набок.

— Нет, не считал, — Макс произнес это с некоторой иронией. — Но думаю, мне удастся найти инвестора.

— Сомневаюсь, — отрубил Алекс, откидываясь назад. — Вложения требуются колоссальные, а гарантии никакой. Может, ваше изобретение всего лишь одноразовый выстрел? Может, оно ценно с точки зрения науки, но коммерческого интереса не представляет? Как экспедиция «Следопыт», стартовавшая в 2020 году. Все были так воодушевлены, прикидывали, как скоро мы сможем летать на Марс и Венеру… И что? Последний радиосигнал пришел в 2031-м — с Марса, а потом «Следопыт» исчез. Все деньги — пф-ф! — исчезли. А их было немало. И столько надежд…

Он развел руками и вопросительно уставился на Макса.

— И что же делать? — спросил Громов таким тоном, будто они с Хоффманом читают по ролям сценарий пьесы для телетеатра.

Алекс выдержал паузу. Макс спокойно ждал, пока Председатель TF наконец скажет, зачем пришел.

— Я предлагаю только выгодные сделки, — произнес тот. — Ты продаешь мне патент на биософт за миллиард кредитов и двадцать процентов компании, которая будет создана для практической реализации всего, что только можно изготовить на основе твоей выдумки. Ты мне патент, я тебе готовую компанию и миллиард кредитов сверху.

— Двадцать процентов компании? — уточнил Громов.

— Это очень много, — заверил его Хоффман. — Ты будешь самым богатым софт-инженером в мире.

— А выплаты? То, что люди платят за пользование Сетью? Если я продам патент — они тоже перейдут к вам?

— Вот это я понимаю. Это разговор, — Алекс улыбнулся. — Разумеется, мы это обсудим. Я не претендую на всё… Скажем, после продажи патента ты будешь получать восемьдесят процентов выплат через нашу систему «Великий кассир». Правда, она гениальна? А оставшиеся двадцать… Из них мы сформируем инновационный фонд имени тебя. Любой человек сможет воплотить свое изобретение в жизнь на эти деньги. Как тебе? А?

Алекс внимательно следил за лицом Громова, но никак не мог понять, что с тем происходит. Было такое впечатление, что тот либо вообще не понимает, о каких значительных суммах идет речь, либо ему это настолько все равно, что он уже этим разговором утомился. Однако Макс произнес нечто такое, чего Хоффман никак не ожидал. Даже не предполагал.

— Патент останется у меня, — отчетливо и твердо произнес он без тени эмоций. — Объявлю открытый тендер на партнерство в моей компании, оставив за собой контрольный пакет с большим покрытием — пятьдесят пять процентов. Всего будет три инвестора. По пятнадцать процентов каждому. Вы можете участвовать в тендере наравне со всеми остальными. Кроме того, я собираюсь сделать исключение в вашей гениальной системе… «Великом кассире». Напишу отдельный скрипт и добьюсь разрешения на его установку. Пользование Сетью будет бесплатным, как и раньше. Для всех.

Хоффман застыл. Его пальцы с силой сжали подлокотники кресла.

— Кто тебя поддерживает? — наконец с усилием выговорил он. — Доктор Синклер?

— Не думаю, что есть разница, — спокойно ответил Макс.

— Мне кажется, ты не понимаешь, о чем идет речь, — сказал Алекс, но в его тоне не было уверенности. — Да, сейчас ты герой, но это может легко измениться… Ты даже не представляешь, как легко.

— И что вы со мной сделаете? — Громов улыбнулся Хоффману.

Алекс встал. Никогда в жизни он не чувствовал большей ярости и большего унижения. Этот мальчишка, Громов, нищий выходец из лотек-пространства, лишил его проекта «Кибела», а теперь отказывается отдать патент, которым все равно не сможет распорядиться!

— Мое предложение действует до завтрашнего утра, — процедил сквозь зубы Председатель TF. — Если ты не дашь ответ до десяти часов… Увидишь, что случится.

Как только он ушел, Макс перешел в спальню, активировал свой биофон и дал команду:

— Доктор Синклер.

Соединение с Эденом происходило несколько дольше, чем обычное, из-за проблемы кодировки сигналов.

— Здравствуйте, ученик Громов, — раздался наконец знакомый голос. — Ну как? Готовы к триумфу?

— Добрый вечер, не вполне, — честно признался Макс. — Доктор Синклер, я передумал. Я приму участие в Олимпийских играх. Что мне надо сделать?

— О… Надо полагать, Алекс навестил тебя? — спросил директор технопарка с едва заметной иронией в голосе.

— Угу… Вы были правы.

— С вами, гениальными подростками, всегда так, — вздохнул доктор Синклер. — Не поверите до тех пор, пока палец в рану не вложите.

— Что? — не понял Макс. — В каком смысле?

— Неважно. Это такая старинная присказка. Ее употребляли задолго до войны. Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас. Слава богу, что в результате ты все же решил последовать моему совету. Я сегодня же внесу тебя в список основных игроков. Ты будешь выступать за технопарк Эден. Не возражаешь? Другого способа заставить комиссию принять тебя, когда отбор уже закончен, нет. Тебе понадобится три игрока в команду. Можешь набрать по своему усмотрению. Кого угодно. Только учти — чем дольше ты в игре, тем больше у тебя времени, когда ты в относительной безопасности. Тем больше времени будет у твоих сторонников, чтобы развалить дело. Поэтому ты должен не просто участвовать. Чтобы выжить — тебе придется побеждать.

— Вы хотите сказать, что я должен стать чемпионом Олимпийских игр?! Но это невозможно! Я даже не профессиональный геймер! — воскликнул Макс.

— Зато у тебя высокая степень внутренней мотивации, — заметил с некоторой иронией доктор Синклер. — Ты запустил «Моцарта», не имея диплома системного инженера. Просто потому, что тебе пришлось. Необходимость — великая вещь. Желаю тебе удачи.

— Доктор Синклер!..

Но директор технопарка отключился.

Макс вцепился в подлокотники кресла и стукнулся затылком об его спинку, издав неопределенный гортанный звук — нечто среднее между рычанием и стоном. Потом встал и вышел из кабинета.

Едва он оказался в зоне гостиной, его биофон сообщил о

звонке.

— Привет, герой! — раздался бодрый голос Евгения Климова. — У вас есть собственный дом в Элладе, как насчет личного турбоконцепта? Только представьте — новейший, самый крутой в мире турбокар! Нет! Даже турбоджет! В единственном экземпляре! Для вас одного! Угадайте, откуда я звоню? Я в мастерской Энтони Ломбардо! Святая святых всей турбокар-промышленности! У него есть потрясающий концепт! Он назвал его «Фантом»! Знаешь, почему? Потому что это совершенный турбоджет! Вершина, омега, замыкающее звено, последняя и наивысшая ступень эволюции турбокаров! Турбокар, который может летать! Он взлетает на скорости всего лишь триста километров в час, ему нужна полоса длиной не больше пятидесяти метров, он может взлетать даже с поворота! У него есть антирадар! Он покрыт зеркальным напылением! С функцией затемнения! Плавное переключение этой функции! От полной видимости до режима «фантом» — машина может становиться практически невидимой! Громов, вы даже представить себе не можете это чудо! Он весь такой… Он как ртуть! Он переливается, он сверкает, он как будто дрожит! Энтони отдает его вам по специальной цене! Он готов ждать денег столько, сколько потребуется! Ну, пока на ваш счет за пользование Сетью не набежит нужная сумма… Сумма, конечно… гхм… внушительная… Но все равно Энтони почти дарит вам турбоджет, который был делом всей его жизни! Энтони Ломбардо работал над ним десять лет! Это произведение искусства! Энтони видит в этом возможность поблагодарить вас! Вам надо оплатить только его себестоимость! За свою работу, дизайн и эксклюзивность мастерская Ломбардо не возьмет ничего! Просто скажите «да»! Я знаю, что делаю! Вы будете жалеть всю жизнь, если не согласитесь на предложение Ломбардо!

— Да, — сухо и коротко произнес Макс.

— Вот и отлично! — воскликнул Климов. — Поздравляю! Вы только что купили «Фантом»! Величайший турбоджет из всех существующих на свете! Ломбардо не продал его даже Алексу Хоффману! Хотя тот давал за него «пустой чек»! Энтони мог вписать любую сумму, какая ему заблагорассудится! Алекс — гонщик, он мечтал владеть этим турбоджетом с того момента, как Ломбардо начал его строить! Представляете? Алексу Хоффману, Председателю Торговой Федерации, этот турбоджет не достался, а у вас он будет! Невозможно вообразить такое! Завтра я поеду на Либерийские верфи. Думаю, в тамошних ателье можно найти неплохой наутилус авторской работы. Такой, который будет действительно достоин такого героя, как вы. Сразу после

церемонии, как только вы получите все официальные регалии, — сможете наслаждаться жизнью, достойной спасителя человечества! Я создам для вас персональный рай! Черт, для полного счастья вам будет не хватать только титула чемпиона Олимпийских игр! Все остальное, о чем только может мечтать человек, у вас будет. У вас будет абсолютно все!..

— Спасибо, — вздохнул Макс и подумал о Дэз.

Неужели она не приедет? Неужели даже не позвонит? Никогда?..

Громов тряхнул головой. Слово «никогда» было едким и жгучим, как сушеный красный перец, который привозят из Амазонии. От него щипало в носу и глазах. От него в груди все сжималось и хотелось поскорей выпить стакан холодной воды, а потом дышать ровно и глубоко, жадно втягивая в себя свежий, чуть влажный воздух.

* * *

14 сентября 2054 года, 13:12:55
Токийский хайтек-мегаполис
Штаб-квартира Бюро
информационной безопасности

Идзуми понуро стоял за спиной шефа Буллигана и смотрел, как к ним быстрым, уверенным шагом приближается молодой человек в темных очках и облегающем костюме из кожи. Инспектор видел такие костюмы только раз, в блокбастере про мотогонщиков довоенной эпохи.

Молодой человек улыбался, сверкая здоровыми белыми зубами с жемчужным напылением, которые отражали солнечный свет и сияли так, что на эту улыбку временами становилось больно смотреть. В руке он держал защитный шлем.

Идзуми сердито запахнулся в свой мятый синтетический плащ, прикрывая старую, засаленную, сильно поношенную форму полицейского инспектора и несвежую рубашку.

— Медиа создали миф, что агент Бюро должен быть незаметным и не выделяться в толпе, — проворчал инспектор. — А у вас прямо Голливуд.

Шеф Бюро не ответил. Он протянул Роджеру огромную сухую ладонь.

— Здравствуй, Роджер! — тонкие, такие тонкие, что могло показаться, будто их нет вовсе, коричневые губы Буллигана растянулись в улыбке.

— Привет, шеф, — нагловато ответил тот, отвечая на рукопожатие, затем повернулся к Идзуми: — А это, должно быть, тот самый доблестный инспектор Интерпола, что раскрыл все тайны доктора Синклера?

— Снимите очки, — недовольно проворчал Идзуми. — Я не могу говорить, когда не вижу глаз собеседника.

— Простите, — голос Роджера был исполнен сарказма.

Подчеркнуто вежливым движением он снял очки, чуть подался вперед, демонстрируя инспектору свои нахальные блестящие серые глаза, а потом подмигнул.

Идзуми кисленько улыбнулся в ответ, сложил руки на груди и спросил:

— Можно узнать, Ро-о-джер, — протянул он, — почему вас прозвали Подлюгой?

Агент рассмеялся, запрокинув голову назад и тряхнув шапкой густых, блестящих темных волос с медным отливом. Инспектор заметил, что некоторые пряди Роджера выкрашены в серебристо-седой цвет.

— Подлюгой меня прозвали коллеги-неудачники, — спокойно ответил агент. — Когда я стал самым богатым хэдхантером Бюро, не все смогли это пережить. Им кажется, что на моем месте должны быть они. Тогда будет справедливо. Только вот я думаю, что я на своем месте, а они — на своем. И это по-настоящему справедливо. Потому что это факт.

Он окинул Идзуми насмешливым, оценивающим взглядом.

Буллиган поднял вверх руки.

— Брейк! — сказал он, прекращая словесную пикировку между Роджером и инспектором, затем обратился к Идзуми. В тоне шефа Бюро послышались извиняющиеся нотки. — Инспектор, вы должны понять… В Бюро существует очень большая конкуренция между агентами старой выучки, которым сейчас за сорок, и молодыми — теми, кто учился с использованием нейролингвы и прочих образовательных технологий, которые позволяют… м-м… — Буллиган замялся, подбирая слова.

— Которые позволяют просто залить в собственные мозги чужой опыт и считать себя умнее старших, не пережив и не испытав даже десятой доли того, что испытали те, кто этот опыт накопил? — подсказал Идзуми. — Я понимаю, сэр, что вы хотите сказать.

Роджер нахмурился и сделал шаг назад. Его открытое улыбающееся лицо в одно мгновение превратилось в непроницаемую восковую маску.

— Хватит! — рявкнул Буллиган. — Вы оба! Прекратить

пререкаться! Чтобы я больше ни звука не слышал на тему конфликта поколений «до нейролингвы» и «после»! У вас есть задача! И вы оба, совместно, используя реально накопленный опыт, — Буллиган кивнул в сторону Идзуми, — и самые крутые из существующих когнитивных технологий, — шеф показал на Роджера, — должны добыть мне голову Алекса Хоффмана! То есть доказательства его причастности к разработке проекта «Кибела»! Так что за мной, в аналитический отдел! Оба! Быстро!

Дневник доктора Павлова

4 августа 2054 года, 10:34:21
Буферная зона
Клиника доктора Просперити

Я содрал очки и контакты с рук, несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь унять тошноту. Подключения к нейролингве оказались для меня пыткой похуже боли от сожженной по всему телу кожи. Доктор Просперити намеревался превратить меня в двадцатипятилетнего блондина точно к сроку.

— Еще инъекцию, доктор Павлов? — поинтересовался агент Нимура.

Доктор Просперити покачал головой:

— Нет, больше нельзя. Замедлится процесс роста кожи.

— Сделайте мне укол! — прохрипел я.

— Невозможно, — хирург подошел к прозрачной матрице, куда выводились показания от пятидесяти шести различных датчиков на моем теле. — Мы должны успеть в срок. Если вы не успеете что-то просмотреть — это можно сделать после. Но если к десятому числу не вырастет кожа…

Чувство было такое, что я вот-вот вывернусь наизнанку. Виски разрывало от боли, желудок надрывали спазмы, сердце колотилось так, что я едва мог дышать, хватая воздух ртом.

— Угроза инсульта, — заметил один из ассистентов доктора Просперити, постучав ногтем по одному из указателей на матрице. — Уровень внутричерепного давления…

— Помолчите, — сердито оборвал его хирург и обратился к Нимуре: — Вы можете как-то сократить объем закачиваемой в его голову информации?

Нимура покачал ушастой головой:

— Аналитики и так делают все возможное. Они монтируют данные «Большого брата», оставляя только самое главное…

— Неужели информации о Громове так много? — с

сомнением поморщился доктор Просперити.

— Нет, но есть другая проблема, — Нимура показал на календарь. — Евгению Климову двадцать пять лет. Значит, события как минимум последних двадцати он должен помнить. Он должен знать, как выглядят хайтек-школы Норфолк и Биогеника, где он, по легенде, учился. Он должен ориентироваться в событиях культуры, политики и спорта. Он должен…

— Бросьте, — перебил его хирург. — Если вы спросите меня, что произошло за последние двадцать лет в культуре, политике и спорте, я вам не отвечу. Потому что мне дела нет до этих вещей. Вы можете ограничиться только данными по его профессии — нейролингвистике. Все остальное его могло просто не интересовать.

— Маскировка должна быть идеальной! — возразил Нимура. — Иначе Громов его очень быстро раскусит! Надеюсь, вы понимаете, что мы имеем дело с чрезвычайно умным подростком!

Я немного отдышался и вступился за Нимуру:

— Они правы. Чтобы Громов мне доверял — мы должны говорить на одном языке. Я имею в виду ментальную составляющую. Необходимо подружиться с ним. По-настоящему. Мне придется запихать себе в голову весь культурный слой, в котором он живет, чтобы понять, как он думает, и полноценно прогнозировать его поведение. Между ним и Аткинсом есть колоссальная разница. Подросток из тридцатых годов и подросток из пятидесятых — отличаются друг от друга на целую эпоху. Поэтому вы должны придумать средство, чтобы я мог… Восстанавливаться во время сна. А пока, — я повернулся к своему помощнику, — увеличьте содержание анаболика в белковой смеси… на десять процентов. Это не затормозит процесс роста кожи и, может, немного притупит головную боль.

Доктор Просперити скрестил руки на груди, нахмурился и уставился в пол. Некоторое время он напряженно думал.

— Я поговорю с биохимиками, попрошу их смешать какой-нибудь гормональный коктейль, который одинаково бы подходил и для физического восстановления организма, и для реабилитации мозга после каждой основательной прожарки, которой вы его подвергаете.

С этими словами он ушел.

Нимура вопросительно посмотрел на меня:

— У вас есть силы продолжать сегодня? Или…

— Пока не знаю, — ответил я. — Отвезите меня к морю. Может, мне станет лучше на воздухе.

Нимура послушно начал переводить все приборы,

прикрепленные к моему креслу, в автономный режим.

— Непросто таскать на себе целый реанимационный кабинет, — мрачно пошутил я.

— Ничего, скоро вы его сбросите, как змея старую кожу, — пообещал агент.

Он включил мотор моего кресла, встал на подножку и аккуратно вырулил из лаборатории.

Мы проехали через клинику и двор к длинному прогулочному пирсу, который тянулся до самого края кораллового рифа, образовавшего остров Просперити.

На деревянной платформе, в самом конце пирса, в каталках уже сидела парочка мумий вроде меня. Одна мумия в бинтах, вторая в комбинезоне — резервуаре для питательной белковой пены, которую использовали для быстрого восстановления кожных покровов. Обе мумии тупо таращились на воду.

Мы заняли место в уголке, за одним из крайних столбов. Я тоже тупо уставился на волны, разглядывая стайку рыб, кормившихся у края рифа.

— У вас уже сложилось какое-нибудь мнение о Громове? — спросил Нимура. — Информацию о нем вам давали в первую очередь.

— Видите ту рыбку? — я показал на сине-желтую рыбу-бабочку. — Как, по-вашему, мы можем прогнозировать ее поведение, не зная, какая здесь вода, когда бывают приливы и отливы, какая пища для нее тут имеется, какие повадки у ее стаи?

— Нет, не можем, — Нимура подошел к самому краю и заглянул в воду, потом повернулся ко мне. — Вы хотите сказать, что без данных о культурной и социальной среде Громова не можете сказать о нем хоть что-то определенное?

— Могу сказать, что у него два уха, два глаза, рост метр семьдесят, а будет приблизительно метр восемьдесят пять, вес килограммов шестьдесят пять и большие способности к программированию.

— Ясно, — усмехнулся Нимура. — Доктор Павлов, я хочу сказать вам… Мистер Буллиган предупредил меня, что вы скорее всего рассчитываете вести какую-то свою игру. Что вы, вероятно, преследуете собственные цели, помогая нам. Возможно, захотите узнать больше о смерти Роберта, кто в этом виноват и так далее. Одним словом, если у вас есть подобные планы — вы можете просто сказать нам, что вам нужно, и любая ваша просьба будет удовлетворена.

— А вы знаете, кто убил Роберта? — спросил я чуть насмешливо. — И готовы сказать об этом мне? У вас есть доказательства?

— Смерть Роберта Аткинса стала ударом для нас всех, — Нимура кашлянул в кулак. — И она осталась тайной. Скажу вам откровенно. В этом вопросе мы тоже рассчитываем на вас. Что вы сможете понять мотивы его поведения. Почему он поехал в горы, почему решил спуститься по склону… Чем он жил последний год? Ведь он практически не покидал Рободом.

— Роберт спроектировал и построил Рободом именно для того, чтобы его не покидать, — буркнул я. — Это было единственное место, где он чувствовал себя комфортно. В безопасности.

Нимура чуть помолчал. Потом начал нерешительно мяться с ноги на ногу. Наконец решился спросить:

— Скажите… Правда, что Роберт собирался жениться на Хелене Наварро?

Я зажмурился от боли, пронзившей левую сторону моей груди, как раскаленная игла. Спустя секунду боль отступила, словно иголку вынули.

— Нет. Они были просто друзьями, — ответил я. — Хелена заботилась о Роберте.

— Но… Она же сама сказала, что…

— Если бы Хелена не жалела Аткинса, возможно, у них что-то и получилось бы, — сказал я. — Но она жалела, а Роберт не хотел, чтобы его жалели. Извините, Нимура, мне трудно говорить… Физически.

— Да-да! — встрепенулся агент. — Простите, что пристаю с вопросами. Дайте мне знать, когда захотите вернуться в клинику.

Он отошел чуть в сторону и сел на край платформы, свесив ноги.

Я смотрел на воду, потом на узкую полоску горизонта, у которой сходились небо и океан.

Времени до встречи с Громовым оставалось совсем мало.

* * *

28 августа 2054 года, 20:15:21
Токийский хайтек-мегаполис
Башня «Парламент-Скай»,
зал государственных торжеств

Праздник в честь героя напоминал нечто среднее между многотысячным митингом, концертом и средневековой коронацией. Макса усадили за стол на высоком помосте, где он должен был принимать разнообразные дары и выслушивать

дарителей. Чтобы те могли высказаться, рядом со столом Громова соорудили трибуну. Политики, медиазвезды, главы корпораций по очереди поднимались и произносили пафосные благодарственные речи.

Иногда за стол Макса кто-то подсаживался и что-то ему говорил. Что именно, Громов уже не слушал. В другом конце огромного зала поставили сцену. Медиазвезды развлекали гостей пением, танцами и различными динамическими инсталляциями.

Макс крепко зажмурился и прижал ладонями веки. Глаза болели и слезились от направленных на него прожекторов. Громову очень хотелось увидеть рядом хоть одно знакомое лицо — Чарли или Тайни. Но из-за света Макс не видел ничего, кроме черных пустых объективов направленных на него камер. Время от времени по ушам начинал бить чей-то голос, многократно усиленный мощнейшими динамиками.

— Ждешь не дождешься, когда момент наивысшего торжества в твоей жизни закончится? — раздался сзади насмешливый голос Хоффмана.

Алекс сел рядом с Максом и широко улыбнулся. Громов заметил, что жизнерадостная сверкающая улыбка Председателя Торговой Федерации существует отдельно от его лица. Вне зависимости от ее ширины и лучезарности глаза остаются злыми.

— Я пережил то же самое на церемонии своей инаугурации, — продолжил Хоффман, щурясь от яркого света. — Скоро все закончится. Все выскажутся, сложат к твоим ногам положенные дары, и назавтра жизнь продолжится, как была. Не принимай все это слишком серьезно.

— Если завтра они все обо мне забудут и дадут возможность спокойно жить, я буду только рад, — ответил Макс.

— Это тебе только кажется, — Хоффман подмигнул ему. — Слава — самый тяжелый наркотик. Вызывает мгновенное привыкание и хроническую зависимость.

— Я к этому не стремился, иначе подался бы в медиазвезды, — заметил Макс.

— Поговорим через несколько дней, — Хоффман снова улыбнулся.

Впереди мелькнула чья-то тень. Максу показалось, что это был инспектор Идзуми, который внимательно следил за ним и Алексом.

— Я не продам вам патент, — неожиданно для себя сказал Макс, глядя Хоффману в глаза. — Сумма и проценты значения не имеют. Это мое окончательное решение.

— Что ж… — мгновение улыбка еще держалась на лице Алекса. — И очень глупое! — зло выпалил он, встал и исчез за

стеной света, которая скрывала от Макса происходящее в зале.

До него долетал только гул тысяч голосов, хохот, завывания рок-групп на сцене, звон бокалов. Все это казалось ненастоящим. Будто он спит и видит сон или зашел на Сетевой портал премии «Кенни», где всем желающим за сотню кредитов предоставлялась возможность почувствовать себя победителем. Выбрать наряд, макияж, выйти на виртуальную сцену перед огромным залом, произнести торжественную речь, держа в руках тяжелую статуэтку. Создатели портала гарантировали «реальные ощущения».

Макс оторвал от кисти винограда пару ягод, положил их в рот и не почувствовал никакого вкуса.

— Ты плохо выглядишь даже сквозь грим, — раздался голос доктора Льюиса. — На твоем месте я бы подумал о диагностике.

Профессор киберорганики, в довоенном смокинге с огромным бриллиантовым орденом на лацкане, сел рядом, на то же место, где сидел Хоффман.

— И вы здесь? — Макс прищурился, пытаясь согнать пелену с уставших глаз.

— Разумеется, — доктор Льюис внимательно смотрел на Громова. — Чего хочет Хоффман? Требует продать патент Торговой Федерации?

— Почему это всех так волнует? — Макс попытался прикрыть глаза рукой. — Черт… Могли бы дать темные очки или свет в зале включить! Я никого не вижу из-за этих прожекторов!

— Зато тебя всем хорошо видно. Люди ведь пришли посмотреть на героя, — доктор Льюис подмигнул Максу. — А насчет твоего вопроса — почему все так волнуются, — по-моему, все очевидно. Никто не хочет, чтобы ты повторил судьбу Аткинса. Яркую, но очень короткую.

Доктор Льюис положил руку на плечо Макса и кивнул в сторону Алекса Хоффмана:

— Я слышал, Ломбардо продал тебе «Фантом»? Алекс этого не переживет.

— Это всего лишь турбокар, — отмахнулся Громов.

— Во-первых, это не турбокар, а турбоджет. Во-вторых, «Фантом» — «Мона Лиза» в мире концептов. Ломбардо делал его полжизни, а Хоффман стал гонщиком в надежде, что сможет его испытать. «Фантом» — детская мечта Алекса. И единственная вещь на свете, которая ему не досталась. Он будет очень зол. Даже больше, чем из-за твоего отказа продать патент.

Профессор киберорганики встал и, перед тем как исчезнуть за плотным кольцом света, сказал:

— У тебя появился враг, Макс. Гениальность не сможет тебя

защитить, уж хотя бы потому, что Хоффман не в состоянии понять ее масштаб. Будь осторожен. Последуй совету Синклера — прими участие в Олимпиаде. Медиа сделают твою жизнь невыносимой, но только так ты сможешь ее сохранить.

Его последние слова утонули в звуках гимна хайтек-пространства. На трибуну поднялся президент Рамирес и произнес свое знаменитое:

— Сограждане!..

* * *

28 августа 2054 года, 23:55:16
Токийский хайтек-мегаполис
Отель Nobless Tower,
президентские апартаменты

Макс вошел в спальню, содрал с шеи галстук и с ненавистью швырнул его в угол. Повернув голову, заметил, что на экране сообщений, прикрепленном к стене, горит надпись: «Напоминаем, что вы должны покинуть номер не позднее 11:59:00. Учтите это, планируя время на сборы».

Громов посмотрел в сторону гостиной, заваленной подарками.

— Как я все это отсюда вывезу? — спросил он сам себя.

Потом устало махнул рукой, забрался на кровать и лег лицом вниз, засунув руки под подушку.

— Выключить свет, — скомандовал он.

Номер тут же погрузился в темноту. Макс смотрел на огни мегаполиса за окном. Потом протянул руку, чтобы отключить свой биофон, но тот подал сигнал.

— Вам звонят. Алекс Хоффман. Председатель Торговой Федерации, — произнес электронный секретарь.

— Алло, — ответил Громов.

— Поздравляю с покупкой «Фантома»! — выпалил ему в ухо Алекс и нервно рассмеялся. — Надеюсь, ты сможешь с ним управиться. У тебя хотя бы права на вождение турбокара есть?

— Есть, — сухо ответил Макс, — спасибо, что поздравили.

— Поверить не могу, что Ломбардо отдал его тебе! В рассрочку! Без всяких гарантий оплаты! Должно быть, старик так перепугался за свою жизнь, что ты для него все равно что Христос.

— Кто? — не понял Макс.

— Ясно, историю религий тебе через нейролингву не

закачивали, — Алекс снова рассмеялся. — А я вот даже в церковь ходил в детстве. Там кормили бесплатными обедами.

— Здорово, — вздохнул Громов.

— Даю тебе последний шанс принять верное решение и продать патент, — зло проговорил Хоффман.

— Я же сказал — он не продается, — устало ответил Макс.

— Ну, хорошо, — голос Хоффмана стал металлическим, — по крайней мере, теперь ты будешь знать, что сам являешься виновником всех своих несчастий. Ты, должно быть, восхищаешься Аткинсом, раз купил его дом…

— Намекаете, что я могу с ним скоро встретиться? — Макс перевернулся на спину.

— Вряд ли вы с ним увидитесь… Я не верю в загробную жизнь, извини, — ответил Хоффман и добавил: — Набирайся сил, процесс будет долгим…

— Процесс?

Но Алекс отключился, не ответив.

Макс глубоко вздохнул и спросил вампиров на потолке:

— И это называется быть героем? Народным любимцем?

Обвинение ICA

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

СЕНСАЦИЯ! ВОИСТИНУ СЕНСАЦИЯ!

Обезьяне! Не успели высохнуть винные пятна на скатертях после грандиозной вечеринки в «Парламент-Скай», посвященной Максиму Громову, как последовало чудовищное разоблачение!! А мы ведь подозревали, мы предупреждали… Учтите это, когда будете решать, кому платить за самые свежие и точные новости. Кстати, только сегодня по случаю такой фантастической скандальной новости годовая подписка продается с 10 процентной скидкой! То есть не 1500 кредитов, а всего 1350! Только один день!

А теперь внимание! Новость года! Только что генерал Ли, находящийся в Джа-Джа Блэк в ожидании собственной заморозки, сделал сенсационное заявление! Он передал представителю ICA доказательства сговора между Максимом Громовым и Джокером! Генерал Ли, герой Нефтяной войны, подаривший победу хайтек-коалиции, сказал: «Мальчишка сам, лично передал Джокеру омега-вирус. Как вам всем известно, Громов — лотек! Он попал в хайтек-пространство крайне подозрительным образом! Я лично и военное ведомство неоднократно требовали закрытия программы по переселению якобы одаренных детей из лотек-пространства! Они попадают к нам уже в сознательном возрасте и становятся верными помощниками повстанцев. Я уверен, что Громов с самого начала был агентом Джокера в Эдене. Больше того, я убежден, что все случившееся — тщательно спланированный спектакль. Громов и Джокер действовали заодно. Мальчишка добыл вирус и передал Джокеру, чтобы тот смог повредить Сеть, созданную Аткинсом. Громов заменил его код своим собственным, получив тем самым гарантированный источник дохода. Куда пойдут эти деньги, как вы думаете? Я лично уверен, что в лотек-пространство для подготовки новых атак! Целью заговорщиков изначально было уверить хайтек-граждан, будто Джокер уничтожен и нашей цивилизации больше ничего не угрожает. Они рассчитывали, что мы поверим в это и утратим бдительность. Тогда Джокеру будет

легче нанести следующий удар»… Вот что сказал генерал Ли, дорогие обезьяне! По этой причине его погружение в низкотемпературный анабиоз отложено на неопределенный срок. Вдруг он понадобится как свидетель обвинения?

По-моему, из слов генерала все предельно ясно. Хм… Ладно, это не имеет отношения к главной новости дня!

А новость такая: ICA и Интерпол подали независимые ходатайства о признании Максима Громова подозреваемым и начале официального расследования!

Вот как быстро все меняется, дорогие обезьяне! Еще вчера он был супергероем. Все мы от чистого сердца, со слезами благодарности и умиления на глазах говорили ему «спасибо» за спасение наших жизней! А сегодня оказывается, что нас обвели вокруг пальца! А мы, наивные, добрые, доверчивые обезьяне, — поверили! Купились как малые дети!

Если обвинение будет доказано — Громову грозит лишение хайтек-гражданства, а значит, всего имущества, всех званий, патентов, привилегий и бессрочная заморозка!

Из прочих новостей.

Вчера вечером некий референт Евгений Климов, сексуально выглядящий типчик, — зашел в кондитерскую купить сэндвич. Климов получил на сдачу билет блиц-лотереи и… выиграл мега-джек-пот!..

Полная информация об этом событии скоро появится на нашем портале. Подписывайтесь на эксклюзивную линию! Всего за 500 кредитов вы получите доступ к самым интересным, пикантным желтым снимкам и записям… Сможете показать их своим знакомым и всегда быть в центре внимания всего за 500 кредитов!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВЛАСТЬ МЕДИА

Происшествие

Дневник доктора Павлова

30 августа 2054 года, 07:11:54
RRZ «Эллада»
Дом «Шоколадная плитка»

Секретарь кондоминиума, которая ласково попросила называть ее «просто Нора», добросовестно показала мне мой собственный дом.

— Знаете, мистер Климов, почему его называют «Шоколадной плиткой»? — спросила она, сверкая зелеными глазами и загадочно улыбаясь неестественно красными губами. Тот случай, когда глянцевые косметические татуировки называют чрезмерными.

Маскировка, созданная мне доктором Просперити, была совершенной. Нора действительно верила, что перед ней стоит двадцатипятилетний блондин с яркими голубыми глазами, который самым непростительным образом похож на известного альпиниста — Артура Хельдвига, которому пять лет подряд присваивали титул «Секс-символ в статусе иконы».

— Потому что он похож на шоколадку? — я пожал плечами.

— Как вы догадались?! — изумилась просто Нора. — И правда. Дорожки в саду, лакированные балки, стеновой кирпич — все похоже на шоколад. К этому дому хочется подойти и откусить кусочек, — она жадно клацнула зубами, так что я отшатнулся от испуга.

— Очень меткое название, — мне не терпелось поскорее завершить экскурсию, но просто Нора явно задалась целью показать каждый закуток в доме и рассказать как можно больше нелепиц, которые, очевидно, придумывала прямо на ходу.

К примеру, про спальню моей дочери она сказала, что тут был зал для собраний тайного общества генетиков. Гипсовые ангелы на потолке — якобы его эмблема. Хотя я сам лично привез этих ангелов с мавританского блошиного рынка и собственноручно приклеил на потолок при помощи молекулярного клея.

Про мой кабинет просто Нора таинственным шепотом заявила, будто тут каждую ночь является мой же собственный призрак и подолгу что-то пишет от руки в старинном бумажном блокноте. Этот блокнот якобы является различным людям, и они

читают там различные странные вещи о себе. Рассказывая небылицы, секретарша кондоминиума норовила прижаться ко мне — от испуга.

Но хуже всего были ее попытки меня разговорить.

— Скажите, каково это — выиграть в блиц-лотерею? — спрашивала она, заглядывая мне в глаза и хлопая длиннющими угольно-черными ресницами.

— Неожиданно, — отвечал я. — Ничего не успеваешь понять.

— Что вы планируете делать с такой кучей денег? — просто Нора даже покраснела от волнения.

— Пока не думал. Купил этот дом, дальше посмотрим, — я сердито насупился, пытаясь дать ей понять, что такие вопросы мне не слишком нравятся. Но, похоже, Нора была не из тех людей, что понимают намеки.

— У вас есть семья? — спросила она и затаила дыхание.

— В смысле жена?

— И это тоже, — быстро проговорила секретарша кондоминиума, пытаясь изобразить безразличие.

Я решил немного подшутить над ней.

— Пока нет. Но если мне понравится быть очень богатым, думаю познакомиться с какой-нибудь богатой наследницей или вдовой из числа соседей. Боюсь, моего выигрыша на всю жизнь может не хватить. Надо подстраховаться. Вы случайно не знаете, есть в округе подходящие невесты? С большим… капиталом. Или наследством. Или отступными, полученными от мужа при разводе?

Бледные щеки Норы вспыхнули от возмущения.

— Понятия не имею, — процедила она сквозь зубы.

На этом расспросы прекратились.

Когда мы закончили осмотр второго этажа, я утомился от присутствия Норы настолько, что осторожно взял ее за локоть и повел к выходу.

— Большое спасибо, просто Нора, я все понял. Вы на славу потрудились. Вам пора. Мне не терпится остаться одному и повидаться с призраком великого доктора Павлова.

— Ах, мистер Климов! Я еще не показала вам винный погреб! Там так романтично!

Секретарь протестовала, пытаясь вырваться и все же утащить меня в погреб, но я проявил твердость и довел ее до двери, выставил наружу и сказал:

— Прощайте.

— До свидания, — Нора обиженно захлопала ресницами. — Обращайтесь ко мне со всеми вопросами, что у вас возникнут! Вплоть до найма садовника!..

Это она кричала уже из-за двери, которую я весьма нелюбезно захлопнул у нее перед носом.

Быть похожим на Артура Хельдвига оказалось несколько сложнее, чем я думал.

Меня заморозили до запуска нейролингвы, поэтому загрузка данных через Сеть оказалась новым опытом. В первый раз ощущения действительно были неприятные. После того как загрузка завершилась, я почувствовал слабость, головокружение и тошноту. Чуть позже возникла странная иллюзия, будто у меня чешется мозг. Под черепной коробкой извилины странно зудели. Я не мог понять этого нейронного эффекта, а доктор Просперити оказался слишком занят, чтобы объяснить. Буллиган только пожал плечами и сказал, что ровным счетом ничего в этом не понимает и что когда ему довелось первый раз воспользоваться нейролингвой — то было такое чувство, что затылок вот-вот расколется от боли.

— Наверное, это у всех по-разному происходит, — сказал он.

В общем, как бы то ни было — теперь я знал о Громове практически все. Я отсмотрел все записи «Большого брата», имеющие отношение к этому мальчику.

Впечатление складывалось крайне противоречивое.

Дело в том, что я не видел перед собой супергероя, или гения, или кого-то в этом роде. Совершенно. Непохоже, что Громов одержим какой-либо идеей. Мне он показался несколько «деревянным». Я пока не разобрался — лишен ли он самих человеческих эмоций как таковых или же просто способности их полноценно выражать.

Я мысленно запретил себе сравнивать Громова с Робертом. Ведь Роберт в большей степени — мое личное творение, а Макс — истинное природное чудо, результат непредсказуемой хаотичной игры человеческих генов. Хотя, что я говорю? После работы доктора Си, адаптации омега-вируса и нескольких циклов стирания-восстановления памяти — о какой природности может идти речь?

Громов выглядел и действовал как манекен. По сравнению с Аткинсом он был очень красивым и явно привлекал к себе внимание девочек. Во всяком случае, та белокурая геймерша, Дэз Кемпински, бегающая быстрее лошади, очевидно, испытывает к нему какие-то чувства. Вряд ли исключительно дружеские. А он не замечает. Или не хочет замечать. Кажется, что он в броне. Нарочно отделился от всего мира непробиваемым слоем личного пространства.

Я сказал об этом Буллигану, он пожал плечами и заявил:

— За пятнадцать лет многое изменилось, доктор Павлов.

Подростки, выросшие в эру нейролингвы, сильно отличаются от тех, которых помните вы. Благодаря новым образовательным технологиям они уже к пятнадцати-шестнадцати годам могут выполнять работу, на которую их родители были способны только к тридцати. Это в лучшем случае, потому что объемы профессиональной информации в любой сфере удваиваются каждый год и не каждому под силу справиться с этой лавиной. Не просто запомнить, а еще и научиться применять. Демографическая программа сильно изменила хайтек-пространство. Если вы заметили — тут остались только старики вроде меня и молодежь в районе двадцати. Среднее поколение словно отсутствует. Так вот — чтобы такие, как Громов, могли выполнять работу взрослых, им приходится довольно рано прощаться с иллюзиями детства. Все школьники его возраста выглядят замкнутыми, отчужденными и в какой-то степени бесчувственными. Это всеобщее явление. Громов всего лишь типичный представитель собственного поколения.

Я не нашел, что ответить Буллигану, поскольку не владел нужным объемом информации. Однако мое мнение в отношении Громова нисколько не изменилось. Он не гений. Он обычный человек. Может быть, чуть более наблюдательный, чем остальные. Омега-вирус попал к нему случайно. Над «Моцартом» работал сам доктор Синклер. Громов всего лишь соединил эти два не принадлежащих ему открытия и получил свою технологию. Однако ни о какой повышенной одаренности это, на мой взгляд, не говорило, а только о том, что «вселенная его любит», как выразился бы Роберт.

— В этом мальчике нет ничего особенного, — уверенно заявил я Буллигану после того, как его агенты загрузили в мою голову архив целиком. — Вам нечего его бояться. Пока ему самому лично ничего не угрожает, он даже думать не станет, как причинить вам какой-либо вред. Он аполитичен, лишен врожденного стремления к справедливости, желания быть лидером, жажды признания. Он как простейший организм — пока ему лично ничто не угрожает, остается инертным. Понимаете?

— Не торопитесь с выводами, — посоветовал мне Буллиган. — Попытайтесь установить с ним контакт. К сожалению, сейчас как раз возникла ситуация, когда этому «роботу», как вы изволили выразиться, угрожают, да еще как. Поэтому мы бы хотели заблаговременно выяснить, каких сюрпризов от него можно ожидать.

* * *

30 августа 2054 года, 08:01:51
RRZ «Эллада»
Рободом

Макс решил сразу перебраться в собственный дом. Чарли почему-то расстроился. Всю дорогу до Рободома он пытался объяснить Громову, что тот мог оставаться в поместье Спарклов сколько угодно.

— Как ты будешь там жить? — сокрушался он. — Генеральная уборка Рободома предполагает чистку и отладку всех его механизмов. Все было без контроля — что хард, что софт. Неизвестно, как он будет себя вести! И потом, этот ужасный Альтер… Ты бы мог повременить хотя бы пару дней, пока не научишься им управлять!

— Он меня не раздражает, — ответил Макс.

Турбокар им пришлось бросить у подножия холма, на вершине которого стоял Рободом, потому что там заканчивалась дорога.

— Чарли, твой отец вполне ясно сказал, что не желает видеть меня в вашем доме, когда вернется. Ты хочешь, чтобы он лично вышвырнул меня вон? — Макс решил прибегнуть к последнему аргументу.

— Я бы мог поговорить с ним! — Спаркл недовольно пыхтел, толкая перед собой тележку с деталями, которыми Громов намеревался дополнить оснащение Рободома.

— Хватит того, что я пользуюсь деньгами с твоего счета, — Макс вез точно такую же тележку, как у Чарли.

Тайни с третьей партией «железа» отстал от прочих и плелся где-то далеко позади.

При всем своем совершенстве творение Аткинса было построено пятнадцать лет назад и нуждалось в некоторой модернизации. Это если очень мягко выражаться.

— Чарли, я, правда, очень тебе благодарен… — продолжал Громов. Колесо его тележки наехало на камень. — Если бы не ты, я даже не знаю, как пережил бы все это. Наверное, мы должны начать готовиться к Олимпиаде… Доктор Синклер обещал подыскать нам тренера, но это будет довольно трудно сделать, поскольку стоящие уже разобраны и закреплены за другими командами.

— Можем пока с сюжетами игр начать знакомиться, — Чарли улыбнулся. — Игры сложнейшие, Макс. Уж поверь, мы попробовали… «Сунь Укун — Царь обезьян» — нечто… настолько многомерное… И там все по большому счету зависит от основного игрока. То есть от тебя. Как ты успеешь научиться

бегать по лианам и драться в свободном падении, чтобы одолеть врага и не разбиться об землю, я не представляю. По-моему, этим надо всю жизнь заниматься, чтобы в первую сотню попасть… А команд — больше трехсот! Все основные игроки — профессиональные геймеры! Их матчи транслируют «Экстра Реальность» и еще несколько Сетевых каналов круглые сутки. Их игра — это… высокое искусство. Да что я тебе рассказываю.

Громов насупился и налег на ручки своей тележки.

Рободом пустил их внутрь.

Голограмма Аткинса сердито уставилась на тележки, потом спокойно сунулась внутрь, как привидение, просканировав их содержимое.

Вынырнув из груды деталей, голограмма скорчила презрительную физиономию:

— Лучше бы меня спросили, что заказать. Зря только кучу кредитов выбросили. Во всем этом силиконе нет никакой нужды. Насчет элементарного железа лучше бы побеспокоился. Систему охлаждения можно было бы заменить целиком и спутниковую антенну помощнее установить. Все остальное — одна косметика.

— Не скажи, — возразил Макс. — После того как я это установлю, ты перестанешь мигать. Еще я намерен увеличить количество твоих графических полигонов в десять раз. Визуально будет иллюзия плотного тела.

Голограмма сунула руки в карманы и сгорбила плечи.

— Зачем? — с вызовом заявила она. — Моя полупрозрачность — часть эстетической концепции Рободома.

Макс оглядел серые мрачные стены, покрытые композитным сплавом четырех металлов. Внутри Рободом представлял собой полый куб. Потолочные лампы давали синеватый мертвящий свет, в котором все лица казались усталыми, измученными, бледными, а глаза приобретали нездоровый блеск. Пол состоял из большого количества металлических квадратов размером примерно тридцать на тридцать сантиметров. Большая часть квадратов была отмечена слегка выпуклыми пиктограммами из светлого полированного металла. Похоже, их делали тем же самым способом, что и знак эволюции на дверях.

— Открой мне кладовую, куда можно сложить железо, — попросил Громов генеральную программу управления домом.

Один из блоков выдвинулся, открыв нишу с металлическими полками. Сам блок тоже оказался пустым. Его пространство было разделено на квадратные секции для хранения.

Макс подкатил туда тележку. Чарли и Тайни сделали то же самое. Макс начал перекладывать детали на полки. Правда, не все. Некоторые он выкладывал на пол вдоль стены.

— Почему Аткинс решил жить внутри компьютера? — спросил Макс.

Голограмма сложила руки на груди и взмыла в воздух, повиснув ровно в середине пустого куба, который представлял собой Рободом в обычном, «сложенном» состоянии.

— Это концептуальное решение, — заявила она. — Аткинс не был обычным человеком, и его мотивация не может быть осмыслена рядовым обезьянином.

— То есть ответа на вопрос у тебя нет? — с иронией отозвался Макс.

Голограмма парировала:

— Сначала научись задавать правильные вопросы! — с яростью напустилась она на Макса. Похоже, способ формирования лучей позволял ей проявляться только в свободном пространстве Рободома. Переместиться в кладовку визуальная проекция генеральной программы не могла.

— Что ты называешь «правильным вопросом»? — поинтересовался Громов.

— Правильный вопрос — это тот, на который можно дать одновариантный ответ, — заявила голограмма. — К примеру, спроси меня, где лежат швейные иглы.

Макс отложил в сторону криоконденсатор и вышел из кладовки.

— Швейные иглы? — переспросил он. — Что это?

Аткинс начал отвечать, но звук пропал. С голограммой начало происходить что-то странное. Помехи становились все сильнее, визуальная проекция начала дергаться. Внезапно голограмма исчезла, свет погас, внутреннее пространство Рободома погрузилось в темноту.

— Что это с ним? — раздался в темноте испуганный голос Чарли.

— Понятия не имею, — ответил Макс. — Давайте положим коробку на пол и попытаемся на ощупь добраться до кладовой. Хорошо, что я догадался захватить фонарь.

— Надеюсь, кладовка открыта, — сказал Тайни. — А то плохи наши дела… Похоже на системный сбой. Если Рободом отключился, значит, дверь заблокирована. Будет не выйти.

— Не нагнетай, — вежливо попросил его Чарли.

Макс на ощупь добрался до кладовой. По счастью, двери остались открытыми.

— Уй! — Громов сильно ударился об одну из полок, когда наклонялся к тележке, чтобы найти фонарь.

Наконец ему с большим трудом удалось его отыскать в куче проводов.

Включив свет, Макс пошарил лучом по стенам.

— Жаль, я не успел спросить его, где ручное управление, — сказал он. — Должен же быть способ перезагрузить систему вручную.

— Но почему он отключился? — Тайни втянул голову в плечи. — Есть хотя бы версии, почему это могло случиться?

— Понятия не имею, — пожал плечами Макс. — Случиться могло все что угодно. От системного сбоя до простого короткого замыкания в старой проводке.

— Сначала он потребовал, чтобы мы спросили про иглы, а как только услышал вопрос — отрубился. Может, это ловушка? — предположил Чарли.

— Сильно сомневаюсь, — пробормотал Макс. Он посветил фонарем на пол. — Смотрите, тут почти на каждом квадратике — пиктограмма. Думаю, надо поискать что-нибудь похожее или напоминающее… В общем, не знаю. Что-нибудь, что наводило бы на мысли о пульте ручного управления.

Поскольку у друзей был один фонарь на троих, все трое шли рядом, внимательно разглядывая картинки на полу. Некоторые из значков соответствовали тем, что все жители хайтек-пространства привыкли видеть на панели управления при загрузке в Сеть. Но были и другие, преимущественно обозначавшие какие-то предметы — лестницу, стол, табуретку, даже ваза для цветов была. Были иероглифы.

— Это упрощенное токийское письмо. Тридцать четыре знака. Сформировано в 2030-м, — сказал Чарли. — Скорее всего, для введения контекстных команд. Только… Черт. Мы не успели пройти, в каком ключе его использовал Аткинс. Помню что-то про многовариантность выбора и максимальную приближенность к воздействию речи на человеческий мозг, когда смысл складывается не столько из формальных значений, сколько из контекста.

— Интересно, что это? — Тайни ткнул пальцем в квадратик с пиктограммой, которая обозначала атом.

Макс присел и тронул картинку рукой. Она была округлой, хорошо отшлифованной. Попытался нажать на ядро. Ничего не произошло. Громов пожал плечами:

— Что бы это ни было — не открывается.

Они пошли дальше.

Луч света выхватывал из темноты различные изображения: ботинок, записная книжка, микрофон, телескоп…

— Чего тут только нет! — выдохнул Чарли. — Я представить себе не могу, как можно было все это спроектировать и собрать!

— Рободом пробыл в спящем режиме пятнадцать лет, —

задумчиво сказал Макс. — Было бы странно, если бы он запустился без сюрпризов.

— Гхм… — Тайни кашлянул в кулак. — Без сюрпризов? Позвольте напомнить, мы тут одни, замурованы внутри металлической штуковины с толстенными стенами, от которой ни у кого нет и не может быть ключа. Кстати, у меня не работает биофон. А ваши?

Макс проверил свой. Чарли тоже схватился за ухо.

— Наверное, внутренний ретранслятор сигнала отключился, а стены не пропускают никаких волн, — предположил Громов.

— Я надеюсь, мы отыщем эту дурацкую кнопку перезапуска раньше, чем у фонаря разрядится батарея, — несколько нервно сказал Тайни.

— У тебя клаустрофобия? — спросил Чарли, слегка подтолкнув Бэнкса локтем.

— Раньше не было, но после этого непременно начнется, — проворчал тот в ответ.

Друзья осмотрели уже половину знаков на полу, двигаясь от стены к стене, но ничего похожего на обозначение пульта ручного управления пока обнаружить не удавалось. Макс почувствовал легкую панику. На лбу выступил пот, язык покалывали мелкие иголочки, руки похолодели. Друзья перестали разговаривать. Они напряженно всматривались в картинки на полу.

Макс попытался активировать квадраты с изображением Солнца, неизвестного уравнения, чего-то похожего на рычаги, знака бесконечности, карты мира, отвертки, гаечного ключа, руки, буквы «Е»… Все тщетно.

— Нам осталось всего четыре ряда квадратов, — предупредил его Чарли.

— Вижу, — Громов нахмурился.

Картинки попадались все реже. Большая часть квадратов крайнего ряда была пустой. Макс медленно водил ярким световым лучом по полу, изо всех сил стараясь ничего не упустить.

— Может, это? — Чарли присел и тронул рукой странную картинку с мордочкой собаки.

Никакой реакции не последовало.

Макс почувствовал, что Тайни забила мелкая дрожь.

— Не паникуй, — попросил он Бэнкса. — Мы обязательно придумаем, как перезагрузить Рободом.

— Н-не уверен, — тихо отозвался тот. — А вдруг это все же ловушка? Я слышал, будто Аткинс сказал, что никто и никогда не будет жить в его доме и не сможет им пользоваться.

— Чушь, — уверенно заявил Макс. — Аткинс говорил, что

время — мировая константа, пространство линейно и не искривляется, а энергия — это состояние материи и без массы не существует. Вряд ли с таким подходом к мирозданию можно привязаться к материальному объекту.

— Не понял, — Тайни тряхнул головой. — Ты что сейчас сказал? Из какой области хотя бы? И при чем здесь Рободом?

Вместо Громова ответил Чарли:

— Рободом не мог быть ему дорог до такой степени, чтобы он решил сюда больше никого не пускать. Слышал, что Аткинс считал путешествия во времени фантастической галиматьей? Он утверждал, что материя возникает, эволюционирует, накапливает энергию, достигает сверхтяжелого состояния, схлопывается, становясь «черной дырой», потом взрывается, возникает квазар, и все начинается сначала. Пространство же линейно, никаких искривлений в нем нет и быть не может. Все вместе это означает, что все сущее находится в бесконечной цепи эволюции-перерождения и возврат в предыдущие состояния невозможен по определению. Слышал его афоризм про огурец?

— Что путешествие во времени — это такая же чушь, как превращение спелого огурца в то же самое семечко, из которого вырос весь побег?

— Да, — кивнул Чарли, — Аткинс говорил, что мы можем увидеть только другое семечко и на основании этого наблюдения сделать вывод, из чего вырос огурец. Но пытаться увидеть именно его же в состоянии именно того самого семечка — это полнейший абсурд. Материя успела много раз переродиться, изменить свои свойства, и никакого возврата в прошлое не может быть. То же самое правило действует и в отношении попыток увидеть будущее. Все равно что, глядя на семечко, пытаться увидеть спелый огурец, выросший из этого же самого семечка. Поэтому прошлого уже нет, а будущего еще нет. Всегда есть только настоящее. В связи с этим привязываться к материальным объектам глупо. Он даже исторические здания считал мертвым грузом, символами без смысла. Рободом, полагаю, не исключение. Вряд ли Аткинса интересовала его дальнейшая судьба. Ну… после того, как хозяина не станет.

— Я ничего не понял, — проворчал Тайни, наклоняясь, чтобы тронуть знак, который изображал бегущего человека. — Но если, по-вашему, все это говорит о том, что Аткинс не мог выдумать фокус, чтобы специально запереть нас здесь, оставив умирать от жажды и голода, — то я готов поверить на слово.

Он натолкнулся на Громова, который неожиданно остановился.

— Все. Квадраты закончились, — обескураженно произнес

Макс.

Луч света уперся в последнюю картинку с большой греческой буквой «лямбда». Для уверенности Макс наклонился, потрогал ее.

— Бесполезно… — вырвался у него вздох.

Чарли прислонился спиной к стене и медленно сполз по ней, вцепившись длинными пальцами в свои рыжие волосы.

— И что теперь делать? — спросил он.

— Предлагаю подумать над этим в темноте, — голос Громова слегка дрогнул. — Надо экономить батарею фонаря.

— Х-хорошая мысль, — слегка заикнулся Тайни, лицо которого побелело и покрылось микроскопическими капельками пота.

Макс не знал, сколько они просидели в темноте. Может, несколько минут, а может быть, несколько часов. Мрак вокруг странным образом менял ощущение времени.

У Тайни сдали нервы. Он подбежал к двери и начал колотить в нее руками и ногами, крича:

— Эй, кто-нибудь! Выпустите нас отсюда! Вызовите спасателей! Разрежьте стену!

Дневник доктора Павлова

30 августа 2054 года, 10:23:12
RRZ «Эллада»
Дом «Шоколадная плитка»

Я шел к дому Роберта.

Ноги шли сами, повинуясь мышечной памяти, по тонкой, едва заметной тропинке. Эта тропинка была так важна для меня, что даже через пятнадцать лет я ее помнил. Прямо между кустами жимолости до старой кривой акации, затем напрямик через земляничную поляну. Я наклонился и увидел россыпь мелких алых бусинок, укрытых под зелеными листьями. Нарвав пригоршню земляники, я привычным движением положил ягоды в рот. Зажмурился от удовольствия, а открыв глаза, увидел решетку заграждения вокруг бывших владений Роберта.

У подножия холма, где заканчивается дорога, стоял турбоконцепт «Лотос-1000» дымчато-серого цвета, с именным номером «Чарльз Спаркл» и открытым багажником.

Я подумал: Макс только что приехал с друзьями. Должно быть, они выносят из машины вещи. А может, просто забыли обо всем, изучая Рободом. Роберт всегда с гордостью говорил, что сам до сих пор не знает всех возможных функций получившейся у

него «цифровой крепости».

— Если такое можно спроектировать самому из простого, доступного всем технохлама, представляешь, что бы я сотворил, будь у меня достаточно ресурсов, денег и времени? — смеялся он. — Я просто сделал нужные кирпичики, спроектировал их содержимое, а затем сложил дом. Хочешь познакомиться с моей генеральной программой? Технология не новая — все функции на едином кремниевом чипе, как у «Ареса», но визуальная проекция интерфейса тебе точно понравится.

Он подмигнул мне. Тогда я первый раз увидел Альтера, так Роберт назвал свою голограмму. Выглядело это все, на мой врачебный взгляд, ужасно. Получилось, что Аткинс целыми днями разговаривает с программой, у которой его собственное лицо и манеры! Пожалуй, из всех странных идей Роберта эта была самой странной. Вероятно, поэтому сам Аткинс был от нее в бешеном восторге. Когда я спросил его, зачем все-таки было делать голографическую проекцию похожей на себя, он ответил:

— Если со мной что-нибудь случится, тебе на память останется Альтер.

Сердце колотилось как бешеное, пока я поднимался по бордовой, плотно утрамбованной дорожке к входной двери. Вот и знаковый блок с двойной спиралью. Я присмотрелся и нашел на соседнем блоке едва заметный отпечаток моей ладони. Перед глазами ясно встала картинка из прошлого.

— Дай руку, — сказал мне Роберт.

Я протянул ему конечность, он схватил ее и сунул в лоток с краской.

— Ой! — только и успел сказать я.

Роберт вытащил меня на улицу и приложил мою руку к стене рядом с дверью. Остался отпечаток.

— Краска люминесцентная, — сказал он. — Теперь ты даже в полной темноте будешь знать, где звонок.

Через пятнадцать лет отпечаток моей ладони все еще был заметен. Возможно, кто-то другой, не подозревающий, что отметина есть, и не увидел бы ее, но я помнил. И даже если солнце и дожди уничтожили бы след совсем — я бы все равно нашел «звонок».

Я остановился перед дверью, попытался успокоиться. Мое волнение было слишком сильным и могло вызвать у Громова интуитивные сомнения. Возможно, он видел меня рядом с Робертом на фотографиях или в видеозаписях и теоретически мог запомнить… Да о чем я? Даже если Громов часами изучал мои фотографии — он все равно не сможет меня узнать. Доктор Просперити сделал чудо меньше чем за месяц, создав иную

физическую обочку для моего «я». От прежней остались только рост и ДНК. Я сам до сих пор пугаюсь, видя свое отражение. Каждый раз вздрагиваю, думая, кто этот человек, как он проник в мой дом и так далее.

Не знаю, сколько глубоких вдохов и выдохов мне пришлось сделать, чтобы руки перестали дрожать. Я мысленно спросил себя, готов ли к встрече с Альтером, — и понял, что не готов и никогда не буду готов. Конечно, Альтер не узнал меня при первой короткой встрече и не смог бы узнать, но… Некоторые изобретения Роберта внушают мне странный, почти мистический ужас. Альтер в том числе. Особенно Альтер.

Наконец я кое-как справился с собственными нервами и приложил руку к звонку. Все в порядке, я здесь уже был. Ничего не случится… Рука предательски дрогнула.

Прошло несколько секунд, но привычного звука гонга так и не раздалось. Я был удивлен. Приложил руку еще раз. Снова никакой реакции.

С досады я стукнул по стене ногой, отвернулся и сделал несколько шагов вниз, оглядывая окрестности. Раз турбокар Спаркла здесь, значит, они где-то рядом.

Может они запустили игровой симулятор и меня не слышат? Я постучал. Прислушался. Постучал громче.

— Эй! Вы там?! — крикнул я без особой надежды. Стена дома слишком толста и прочна.

Вдруг изнутри донесся какой-то странный звук. Приглушенные удары, словно кто-то колотит чем-то по металлу. Звук был едва различим…

* * *

Чарли сидел у стены.

Кромешная темнота вокруг вызвала в его памяти жуткие воспоминания о первых часах после пробуждения в Эдене. Спаркл не мог заставить себя пошевелиться. Он сидел сжавшись в комочек, неподвижно, закрыв глаза. Впрочем, в этом не было особой нужды. Темнота вокруг абсолютна.

Когда Тайни уставал кричать, зловещую тишину нарушали только мерные шаги Макса, который ходил туда-сюда уже много часов. Время от времени он включал фонарь и обследовал стены, пытаясь отыскать чертов пульт ручного управления, и все время повторял:

— Не может быть, чтобы его не было совсем. Не может быть…

Иногда Громов вслух задавался вопросом, что могло

случиться с Рободомом.

— Это все случилось после того, как я начал спрашивать, зачем Аткинсу эти иглы, где он их взял и так далее, — говорил он. — Почему? Почему? Голограмма ведь сама настояла, чтобы мы спросили про иглы… Значит, в этом был какой-то смысл. Это все не случайность. Это намеренно. Но зачем? С какой целью?..

Тайни уже не обращал внимания на это бормотание.

— Откройте! Выпустите! — орал он, кидаясь на дверь как на злейшего врага.

Сил у него почти не осталось, он слегка пошатывался. С красного лица градом катился пот.

Вдруг Макс замер. Ему показалось, что снаружи донесся какой-то звук.

— Тайни, тихо! — крикнул он.

Чарли вскочил. Бэнкс замер. Макс включил фонарь и направил его на дверь.

Снаружи определенно кто-то был! Сквозь толстенную стену Рободома доносился стук!

Макс бросился к двери, Чарли следом за ним.

Друзья втроем начали колотить по двери и орать изо всех сил:

— Мы здесь! Мы застряли! Рободом отключился! Мы тут заперты!

Вдруг Громов схватил Чарли и Тайни за одежду и резко дернул назад.

— Тихо! — крикнул он.

Друзья в недоумении уставились на него.

— Толщина стены, — осипшим голосом произнес Макс, — больше двух метров. Внутри начинка, проводка, изоляция… Тот, кто снаружи, не разберет ни слова из наших криков. Давайте просто стучать. Все вместе, синхронно. Для одной игры я закачивал себе через нейролингву специальный звуковой шифр. Удары соответствуют буквам. Короткие удары без пауз — точки, длинные удары с паузами — тире. Три точки — S, три тире — O. Чтобы получилось SOS, надо три коротких удара, три длинных и снова три коротких. Давайте! Вместе!

Он поднес кулаки к двери, замахнулся. Чарли и Тайни сделали то же самое.

Все трое начали мерно стучать кулаками. Гулкий звук прокатился по металлическому корпусу.

«Три коротких, три длинных, три коротких. Три коротких, три длинных, три коротких…» — крутилось в голове у Громова. Больше он ни о чем не думал.

— Тихо! — Макс прекратил стучать и прислушался. —

Кажется, нам что-то кричат. Слушайте.

Он сложил руки чашкой, прислонил к стене и, затаив дыхание, приник ухом.

То же самое сделали Чарли и Тайни.

— Уравнение? — спросил вслух Макс, глядя на Спаркла. — Ты тоже это слышал?

Чарли кивнул.

— А еще что? — напряженно спросил Тайни. — Вы разобрали, что за уравнение?

Макс запрыгал на месте от нервного напряжения.

— Уравнение… уравнение…

Вдруг Громов схватил лежащий на полу фонарь и побежал к противоположной стене дома.

— Что?! Ты понял?! — прокричал ему вслед Тайни.

* * *

30 августа 2054 года, 11:00:02
RRZ «Эллада»
Рободом

Удары, доносившиеся изнутри Рободома, стали гулкими и ритмичными. Три частых удара, три с паузами, снова три частых. Это что-то напоминало. Я никак не мог вспомнить, но уже понял, что внутри находятся люди. И они, похоже, заперты!

— Эй! — крикнул я и постучал по двери со своей стороны. — Я вас слышу! Что произошло?

Однако изнутри продолжали доноситься все те же ритмичные удары.

Внезапно меня осенило. Это же сигнал SOS! Старый, примитивный шифр, я даже не помню, как он называется! Знаю только, что во время Нефтяной войны моряки с затонувших подлодок стучали по корпусу именно так в надежде, что сигнал поймает чей-нибудь эхолокатор!

Я прислонился к двери и три раза со всей силы стукнул по ней ногой, чтобы люди внутри знали — их слышат.

Мысли запрыгали с лихорадочной быстротой. Кто знает, сколько Громов и его друзья уже сидят там, внутри? Может быть, пару часов, а может быть, неделю.

— Так… так… — забормотал я. — Если Рободом отключился, его надо перезапустить. Как это сделать?

Я пытался вспомнить, что говорил по этому поводу Роберт.

— Перезагрузка… перезагрузка…

Крепко зажмурив глаза, я постучал себя кулаком по лбу. Как же это было? Когда он мог сказать об этом?

Когда первый раз показывал мне Альтера? Нет… Тогда я был настолько озадачен и озабочен его странной мыслью сделать голограмму точной копией себя, что не стал расспрашивать о внутреннем устройстве Рободома.

Вспоминались какие-то мелочи. Что Рободом собран на кремниевых уноплатформах. Роберт их модифицировал, использовав что-то из кремниевой фотоники… Кажется, так. Черт! Я вообще ничего в этом не понимаю! Неужели придется звонить Буллигану? Но вызвать сюда специалистов Бюро — это значит раскрыть себя перед Громовым. Он мгновенно догадается, что мое появление не случайность, потому что таких совпадений просто не бывает. В этом случае я точно не смогу заставить этого гения помочь мне разобраться в истинных причинах смерти Роберта.

Стук изнутри продолжал доноситься. Казалось, что даже мое сердце начало биться в том же ритме — три коротких удара, три длинных.

Я начал ходить возле дома из стороны в сторону, вспоминая каждый день и час, проведенный в Рободоме. Роберт не мог не сказать мне, как перезапускается генеральная программа. Если Рободом — компьютер, он должен как-то включаться и выключаться! Возможно, где-то в разговорах он упоминал, но я мог не запомнить, потому что устройство Рободома меня тогда интересовало в последнюю очередь. Я был занят созданием лекарства для Роберта, меня беспокоило только его состояние!

Глухие удары внутри дома стали чаще и, кажется, отчаяннее. Три коротких, три длинных, три коротких, три длинных…

— Может, просто вызвать спасателей? — спросил я сам себя.

Нет, нельзя! Надо думать, надо пытаться вспомнить! Если я смогу подсказать им, как выйти, — это будет хорошим началом. Люди всегда доверяют тем, кто их выручил. Я должен вспомнить! Надо вспомнить…

Вспоминалось все что угодно, кроме того, что было нужно. Как Роберт учил Альтера тайным знакам. Скажем, начать выпроваживать надоевшего гостя. Тогда Альтер привязывался к посетителю со страшной руганью, вытаскивая из Сети разные «желтые» факты из его жизни. Вообще Роберт ужасно ругался. Когда у него что-то не получалось или его кто-то критиковал — оставалось удивляться, где он набрался жутчайшей брани, которую принимался немедленно извергать на головы своих оппонентов.

Однажды он прочитал в Сети критическую статью профессора

Аверберова, нещадно громившую знаменитое уравнение Аткинса E = nh/L, которым он опровергал основной постулат теории относительности, будто скорость света постоянна. Чтение статьи сопровождалось таким потоком ругани, что общий смысл замечаний Роберта можно было только угадать. Кажется, он говорил, что только осел не понимает, что без массы нет энергии, а частицы неизбежно теряют массу, пролетая через космические объекты, за счет того, что мельчайшие их составляющие — «мамы» и «папы», как он их называл, — захватываются другими частицами, нуждающимися в них.

— Свет — материя! Эфир! Материя! — орал Роберт, прыгая на месте, топая ногами и швыряясь предметами. — Первовещество!

Внезапно меня осенило! Уравнение! Комбинация клавиш на полу! Нет отдельного пульта управления! Пол дома и есть ручное управление! На случай выхода из строя голосового!

Я подбежал к двери и закричал:

— Уравнение Аткинса! Нажмите нужные квадраты!

Я орал изо всех сил, надрывая горло. Должно быть, меня было слышно на многие километры вокруг. Но сквозь двухметровые стены Рободома звук мог и не пробиться…

ID

Раздел: квантоника

Эфир — световой поток. Аткинс считал свет первоматерией, состоящей из самых мелких частиц — продуктов распада фотонов и нейтрино. *См. «мамы»* (*инь*)и *«папы»* (*ян*). Существование этих частиц Аткинс доказал исключительно математически, анализируя замедление и «угасание» светового потока по мере удаления от источника излучения. Экспериментально существование более мелких частиц не доказано. Оборудование, способное их зафиксировать, не изобретено.

«Мамы» (инь) — первоэлементы, на которые распадаются нейтрино. Равны 1/64 нейтрино. Образуют гравитационные силовые поля.

«Папы» (ян) — первоэлементы, на которые распадаются фотоны. Равны 1/64 фотона. Образуют электромагнитные силовые поля.

* * *

— Уравнение Аткинса! — бросил через плечо Макс. — Энергия равна массе вещества, помноженной на постоянную Планка, делить на космологическую постоянную: «n» умножить на «h», делить на «L». Замедление света по мере удаления от источника! Я думаю, это код перезагрузки! Ищите квадраты с нужными буквами! «Лямбда» здесь! «Е» я видел где-то в середине! Нужны еще «n» и «h»!

Громов и Спаркл бегали из стороны в сторону, высматривая нужные буквы на полу.

— Одну нашел! — крикнул Макс. — Тайни, иди сюда!

— Вот вторая! — вторил ему Чарли.

Громов побежал в кладовку и вытащил оттуда тяжеленный вентиляционный блок.

— Нас всего трое, а квадратов четыре, — пояснил он, — нажимать же надо все одновременно. Ну, мне так кажется… — добавил он не слишком уверенно.

Громов положил вентиляционный блок на букву «Е». Тайни встал на «n», Чарли на «h», а сам Макс побежал и встал обеими ногами на знак «L».

— И что теперь? — спросил Чарли, озираясь по сторонам. — Сказать волшебное слово?

Не успел он договорить — включился свет. Но не обычное, мертвенно-белое освещение Рободома, а красные аварийные фонари.

— Смотрите! — Тайни вытянул руку, показывая куда-то вверх.

Там возникла голограмма. Но она была красного цвета и обозначалась контурными лучами, без прорисовки деталей одежды или внешнего облика.

Раздался характерный системный треск. Гудки, шум.

Голограмма медленно вращалась в воздухе. Потом подняла руки, между ними побежала строка. Макс прищурился, вглядываясь в стремительно проносящиеся символы.

— Это и есть токийское контекстное письмо? — спросил он Чарли.

— Похоже, но… Я ничего не могу разобрать, — отозвался тот.

Макс смотрел на бегущие красные символы, ярко светившиеся в темноте.

— Он использовал его в качестве языка программирования, — уверенно сказал он. — На нем написана генералка Рободома.

— Рободом — цифровой компьютер, — возразил Чарли, — конктекстный язык программирования возможен только в аналоговой среде.

— Возможно, Аткинсу каким-то образом удалось соединить…

Макс не успел закончить фразу. Визуальная проекция генеральной программы перестала вращаться и медленно спустилась вниз.

— Назовите год, число и время, — раздался электронный голос.

Чарли поспешно вскинул руку и крикнул:

— Две тысячи пятьдесят четвертый, тридцатое августа, одиннадцать часов, десять минут, восемь секунд!

Следующий вопрос заставил всех вздрогнуть:

— Назовите пароль для входа в систему.

Голограмма неподвижно стояла посередине помещения.

Макс неуверенно произнес:

— Квантоника?

— Пароль неверный, — последовал ответ. — У вас осталось две попытки.

Тайни подпрыгнул на месте и простонал:

— О, хренотень!

— Пароль неверный, — повторила голограмма. — У вас осталась одна попытка.

Друзья испуганно притихли, переглядываясь друг с другом. Чарли взъерошил руками волосы и присел на корточки. Бэнкс стал похож на гипсовую статую. Он боялся даже вздохнуть. В этот момент Громов понял, что угадать верный пароль им с последней оставшейся попытки точно не удастся, и ляпнул наугад первое, что пришло в голову. Просто так.

— Игла?

Голограмма мигнула и исчезла, свет погас. Мгновение была чернильная темнота, потом начали загораться потолочные лампы.

— Выполняется перезагрузка, — раздался знакомый недовольный голос Аткинса. — Можете пока сходить погулять. Там какой-то чувак стучит в дверь. Сходите узнайте, кто такой и чего ему надо. Недосчитаетесь своего турбоконцепта, я не виноват.

Дверь с легким шипением отодвинулась в сторону.

Друзья бросились к выходу и столкнулись с Евгением Климовым, который испуганно смотрел на них.

— С вами все в порядке? — тревожно спросил он. — Что случилось?

Макс жмурился от яркого дневного света. Чарли и Тайни не сговариваясь бросились к ближайшим кустам. Макс с удивлением отметил, что у него соответствующей физиологической потребности нет… Это показалось ему странным. Очень.

— Сутки взаперти внутри пустой металлической

коробки… — извиняющимся голосом сказал Макс Климову. — Хорошо, что вы проходили мимо, а то вообще неизвестно, когда бы нас нашли. Рободом внезапно отключился, заблокировав выход. Как вы узнали про уравнение? Что Рободом перезагружается этой комбинацией клавиш?

— Я бывал тут, — уверенно ответил Евгений, — еще до того, как Роберт…

Громов недоверчиво посмотрел на своего поверенного — белокурого парня с голубыми глазами, без единой морщины на лице.

— Я был совсем маленьким, — поспешно пояснил тот. — Моя семья приезжала в гости к соседям Аткинса на пару месяцев. Как-то мы пробрались сюда, чтобы посмотреть дом-робот. Аткинс был в хорошем настроении и показал нам, как все работает.

— Аткинс? Показывал дом соседям? — левая бровь Громова недоверчиво приподнялась.

— Правда, потом настроение у него испортилось и он нас прогнал, — поспешно заявил Климов. — На следующий день прислал в подарок чип биогейт, но никто из родителей так и не решился его имплантировать. Но храню как память. Извините за случайный каламбур, — Климов нервно рассмеялся.

— Чип биогейт? Он существует? — Макс смотрел на своего поверенного все с большим изумлением.

— Да, — улыбнулся тот, — могу показать.

Вернулись Чарли и Тайни.

— Аткинс подарил Евгению чип биогейт, — сказал Макс. — Представляете? Это не фантастика.

— Вроде комиссия по этике запретила развивать это направление бионики, — неуверенно сказал Тайни.

— Да, — кивнул головой Климов, — я храню раритетный, экспериментальный образец. На Сетевом аукционе за него можно состояние получить.

Евгений рассмеялся. Было в этом смехе что-то ужасно неестественное, очень тревожное. Макс почувствовал, как внутри него нарастает напряжение.

ID

Разделы: бионика, кибертехнологии

Биогейт чип — разработка этой технологии осуществлялась параллельно с биофонными чипами. Предполагалось, что чип биогейт будет предоставлять своему владельцу более широкие возможности, чем простая телефонная связь. С их помощью можно было выходить в Сеть, осуществлять передачу данных,

управлять цифровыми устройствами, настроенными на личный, уникальный код владельца. Фактически технология биогейт позволяла интегрировать все цифровые устройства в единое целое с их владельцем. Однако в ходе экспериментов обнаружилось, что чипы типа биогейт оказывают отрицательное влияние на нервную систему человека. Их носители страдали от сильных головных болей, постоянной слабости, неврастении. Эксперименты были запрещены после того, как у троих добровольцев из контрольной группы начались процессы демиелинизации в том участке мозга, куда был имплантирован чип. Комиссия по этике осудила «бессмысленные попытки превратить человека в киборга» и закрыла все исследовательские лаборатории, которые участвовали в программе «Биогейт».

Биофонные чипы были признаны более безопасными и получили всеобщее распространение.

Раздел: анатомия

Миелин — вещество, выполняющее роль оболочки нервных волокон. Работа мозга без него невозможна. У новорожденных младенцев миелиновая оболочка слишком тонка. Функции организма — зрение, психофизиологические реакции, ходьба, рефлексы, способность к обучению и т. д. — входят в силу постепенно, по мере роста младенца и укрепления миелиновой оболочки нервов, формирующих центральную и периферическую нервные системы.

Демиелинизация — постепенный распад миелина, который приводит к последовательной утрате функций организма, от сложных (когнитивные способности, память) к простым (движение), и в итоге к полному параличу центральной и периферической нервных систем.

Повисла неловкая пауза.

— Спасибо, что помогли нам… — сказал Макс. — Как вы… Как вы узнали, что мы здесь?

Чувство тревоги скребло его грудную клетку изнутри.

Евгений посмотрел на Громова слегка обиженно.

— Я поехал искать вам адвокатов, помните? — сказал он. — Нашел. Вернулся. В поместье Спарклов сказали, что вы уехали в Рободом и до сих пор не возвращались. И я поехал сюда, вот и все.

— Угу… Еще раз спасибо… — Громов сунул руки в

карманы. — Угу…

— Я нашел вам адвоката, — повторил Евгений.

Макс на мгновение завис. Страх никогда не выбраться из кромешной темноты вытеснил из его сознания тяжелые мысли об иске.

Климов выдержал паузу и важно, с расстановкой произнес:

— Эрнесто Эскобар.

Чарли подпрыгнул и хлопнул Громова по плечам:

— Супер! Макс! Это же просто отлично! Это значит… Эскобар не проиграл ни одного дела против ICA!

Громов кивнул и едва смог выговорить:

— Круто. Спасибо… — протянул Климову руку, тот пожал ее. — Да, спасибо.

— Кстати, я снял дом по соседству. Вернее сказать, президент Рамирес позвонил в кондоминиум Эдена и попросил, чтобы мне разрешили там временно пожить. Все равно дом пустует, а находится неподалеку от вас, — Климов улыбнулся. — «Шоколадная плитка». Чарли, вы знаете этот дом?

— Ух ты! — вздохнул Тайни. — Поздравляю.

— Спасибо, — Климов улыбнулся ему.

Чарли Спаркл наморщил лоб.

— «Шоколадная плитка»? — он задумчиво посмотрел наверх, пытаясь что-то припомнить. — Там какая-то история связана с этим домом… Я забыл. Эмма рассказывала, но я забыл. Вроде по какой-то причине его нельзя продавать. О боже, Эмма!

Чарли поспешно отошел в сторону, дотронулся до своего уха, активируя биофон.

— Эмма, здравствуй. Со мной все в порядке. Представляешь, Рободом заглючило, мы оказались заперты внутри! Сигнал там не проходит. Биофоны не работают. Целые сутки просидели. Да. Не волнуйся! Со мной все хорошо. Я скоро приеду домой. Папа вернулся? Да… Я понял… Макс? — Чарли посмотрел на Громова. — Мы пока не решили. Эмма, я не буду обсуждать это с тобой. Извини.

Спаркл вернулся к друзьям.

Евгений Климов хлопнул в ладоши и пожал плечами.

— Я кое-что помню про Рободом. В детстве он произвел на меня громадное впечатление. Честно говоря, я мечтал когда-нибудь еще хоть раз сюда вернуться.

— Вы можете зайти, — Макс нерешительным жестом пригласил поверенного пройти. — Я присоединюсь к вам через минуту. Мне надо проводить друзей.

Чарли закашлялся, потом вытаращился на Громова совершенно круглыми глазами:

— Ты что, хочешь туда вернуться? Ты хочешь там остаться?! Только не говори, что решил ночевать тут! Это дом-убийца!

— Тихо, он все слышит, — ответил Макс с улыбкой.

— Кто? — не понял Чарли.

— Дом, — Громов мгновение смотрел на Спаркла серьезно, потом рассмеялся. — Не волнуйся, Чарли, — Макс кивнул в сторону дома, — как видишь, есть люди, которые помнят, как эта штука работает.

Спаркл недовольно поморщился:

— Странный он вообще-то тип. Мне это еще во время первой встречи в глаза бросилось. Вроде бы совсем молодой, а разговаривает как мой дедушка. И все жесты такие же… Откуда он вообще взялся? Почему все время трется возле тебя?

— Может, его мама работала в пенсионном доме и этот парень вырос среди старичков? — пошутил Тайни.

— Тем не менее он помог нам выбраться, — напомнил Макс. — Поезжайте. Если что — позвоню.

— Ладно, — Чарли махнул на него рукой. — По крайней мере, теперь мы знаем, что если тебя долго нет и сигнал биофона отсутствует — значит, надо брать плавильный лазер и ехать вырезать тебя из этой консервной банки.

— Пока, — Тайни обнял Громова за плечи.

Макс некоторое время смотрел, как его друзья спускаются с холма, потом развернулся и направился к дому.

Процесс Громова

9 сентября 2054 года, 11:23:01
Нью-Йоркский хайтек-мегаполис
«Башня правосудия»,
зал предварительных слушаний № 1

Гигантский зал, предназначенный для публичных слушаний, был набит представителями медиа так, что ни один из присутствующих не мог пошевелить локтями, не задев соседа. Тысячи журналистов говорили одновременно, стоя перед камерами. Могло показаться, что они хором произносят один и тот же текст.

— Официальное обвинение в адрес Громова пока звучит так: «Злонамеренное использование/создание форс-мажорной ситуации с целью личного обогащения», — орала Патриция Иванова, обозреватель «Мира новостей». — Формулировка обвинений Интерпола пока уточняется. Судебная комиссия по приему заявлений сочла фразу о сговоре между Громовым и Джокером не подкрепленной никакими косвенными доказательствами. В ближайшее время Интерпол доработает свое исковое заявление и подаст его снова.

Рядом с Патрицией надрывался Хунг Пин, ведущий рубрики «Скандалы» на канале «Хайтек 1».

— Очевидцы утверждают, что, когда к Громову подошли судебные приставы и вручили ему повестку, по которой он должен был явиться на сегодняшние слушания, Максим счел это шуткой. Свидетели, оказавшиеся рядом с ним, утверждают, что он огляделся, пытаясь понять, какая из камер «Большого брата» в данный момент записывает материал для правительственного телешоу «Вот так неожиданность!»

Громче всех раздавался визгливый, въедливый голос Алисы Барской, журналистки из редакции NOW WOW!

— Такого скандала не было уже давно! Даже попытка генерала Ли совершить военный переворот не вызвала такого возмущения у простых хайтек-граждан! Мы столкнулись с обманом, который подрывает веру всех и каждого в людей! Мы на мгновение поверили, будто может быть на свете герой, который способен думать обо всех и каждом, жертвовать своей жизнью ради общества. Однако этот миф рассеялся, оставив в каждом из нас чувство потери. Горькой досады. Прощания с приятной иллюзией.

Сбоку, оттесненный более бойкими коллегами в угол, жался

Филипп Крофт, ведущий новостей Сетевого канала «Мир игр и софта», который, хмурясь, бормотал в свою камеру:

— Вызывает недоумение массовая истерика по поводу высказываний генерала Ли. С чего вдруг все и сразу ему поверили? Во-первых, Громов раскрыл планы генерала относительно захвата власти. То есть у Ли есть весьма весомый повод ненавидеть Макса. Во-вторых, выгоды генерала Ли от подобного заявления очевидны. Это позволило ему избежать заморозки. Расследование по делу Громова относительно его намерений при замене кода Сети может продлиться годы. А попытка доказать его сговор с Джокером, как нам кажется, и вовсе займет десятилетия работы технических экспертов из «Нет-Тек». Все это время генерал Ли будет находиться в Джа-Джа Блэк, причем на привилегированном положении. Его авторитет среди тюремного персонала чрезвычайно высок. Из неофициального источника стало известно, будто бы военная корпорация «Микадо» уже готовится подать апелляцию и потребовать провести дополнительное расследование относительно вины генерала Ли. Сам он, как известно, ее полностью отрицает. Однако вот появилась судья Пи и требует тишины…

Макс сидел на трибуне для обвиняемых, закрываясь рукой от яркого света сотен камер, направленных на него.

Судья Пи обвела зал строгим взглядом и сказала:

— Шум, выкрики, вообще любые действия, мешающие проведению предварительных слушаний, автоматически приведут к тому, что все представители медиа будут удалены из зала! Останутся только камеры! Все поняли?

В зале мгновенно установилась тишина.

Макс сидел, опустив глаза.

Обвинитель ICA, жирный, мокрый от пота, со слипшимися кудрявыми волосами, одетый в жуткий малиновый костюм из плотного шелка с голографическим эффектом свечения, орал Громову в лицо, брызгая слюной, краснея, бледнея, дергаясь от гнева. Он вел себя так, будто Макс отнял у него последние кредиты, оставив без средств к существованию.

— Признайте! Вы воспользовались ситуацией намеренно! Больше того — вы ее создали! Вы и Джокер были заодно! Вы специально уничтожили Сеть Аткинса и его квантовый компьютер «Ио»! Вы сделали это, чтобы мгновенно внедрить собственную разработку! Согласно нашим законам, теперь каждый, кто пользуется вашим кодом для пользования Сетью, обязан платить за ее использование вам лично, Громов! На ваш транзитный счет в Комитете по патентам и изобретениям каждый день поступает по несколько миллионов кредитов! Такого везения просто не

бывает! Вы намеренно воспользовались кризисной ситуацией! Больше того, мы подозреваем, что вы намеренно ее спровоцировали, передав Джокеру омега-вирус!

— Я… я просто спас мир… — пробормотал Макс в ответ, не зная, как еще объяснить свои действия.

Зал взорвался возмущенными криками. Обвинитель зашелся диким, неестественным хохотом:

— Спасти мир! Вы слышали это?! Он хотел спасти мир! Вот умора! Боже мой! Громов! Признайтесь, что хотели нажиться на общечеловеческом несчастье! Вам просто подвернулся удобный случай, и вы его использовали!

Руки Громова сжались в кулаки, он страшно пожалел, что находится не на Сетевой арене, где можно просто вытащить RPG и расстрелять монстра ракетами. Гнев был настолько сильным, что Максу показалось, будто у него вот-вот полопаются сосуды внутри головы.

Судья Ндзяо Пи нажала кнопку цифрового гонга. Его резкий оглушительный звон заставил публику в зале притихнуть.

— К порядку! — она застучала молотком. — По итогу предварительных слушаний я признаю обвинение ICA в адрес Максима Громова юридически обоснованным и приказываю Комиссии по монопольному праву начать разбирательство. Максим Громов, до окончания разбирательства и вынесения приговора суда вы официально находитесь в состоянии подсудности. У вас есть фиксированное место проживания в хайтек-пространстве?

Макс судорожно вцепился рукой в подлокотник кресла. Он не мог говорить. Он вообще перестал понимать, где находится.

— Отвечайте, Громов! — требовательно произнесла судья Пи.

Неожиданно в зале раздался голос Евгения Климова.

— Ваша честь! — выкрикнул он. — Рободом в RRZ «Эллада» был зафиксирован в качестве места постоянного проживания Максима Громова до того, как ICA и Интерпол потребовали ареста Максима. Я собрал полный комплект всех необходимых документов. Они в док-топе 12/RRZ E/2345. Вы можете запросить подтверждение немедленно!

Судья Пи недовольно посмотрела на поверенного, но дала распоряжение секретарю:

— Проверьте.

Секретарь — чернокожий парень лет пятнадцати — быстро через Сеть отправил судебный запрос и получил ответ.

— Подтверждено, — кивнул он.

Судья Пи обратилась к Громову:

— Громов, подпишите протокол предварительных слушаний

и подписку о состоянии подсудности, в которой вы обязуетесь не покидать пределы хайтек-пространства. У вас есть что сказать по процедурному вопросу?

Макс встал. Зал притих. Громов повертел головой из стороны в сторону, сжал совершенно мокрые от пота ладони в кулаки. Потом сел и покачал головой.

— Мне нечего сказать, — глухо произнес он.

— Вот и хорошо, — судья сурово взглянула на него.

Неожиданно справа от трибуны для обвиняемых раздался шум.

Вбежал человек в синей форме курьера по перевозке важной информации. Из тех, что полномочны доставлять важные письма куда угодно и вручать в любой момент, хоть на сцене главной кинематографической премии «Кенни», если адресата награждают в этот момент. Курьер молча положил перед судьей Пи конверт с эмблемой технопарка Эден и протянул док-топ для подписи.

Судья подписала курьеру свидетельство о доставке и на глазах у всего зала вскрыла конверт. Представители медиа заволновались.

— Это официальное уведомление от Олимпийского комитета, — произнесла судья Пи с некоторой досадой. — Согласно ему мы можем проводить расследование, судебные слушания, но вынести Громову приговор возможно только после того, как он перестанет быть участником Олимпийских компьютерных игр. Технопарк Эден воспользовался своим правом выставить свою команду вне зависимости от наличия геймерской лицензии у ее участников.

Она бросила в сторону Макса уничтожающий, презрительный взгляд.

— Неплохая уловка, — судья потрясла в воздухе конвертом. — Но она вас не спасет, Громов. Я не думаю, что вы сможете долго продержаться на Олимпиаде против профессиональных геймеров.

По залу прокатился дружный смех.

Судебный пристав поднес Громову док-топ, на крышке которого стоял номер его дела.

На экране был текст подписки о состоянии подсудности. Макс взял электронную ручку и попытался поставить подпись, но был в таком шоке, что его руки отчаянно тряслись. Он кое-как расписался на электронном документе, но матрица выдала красное сообщение: «Подпись не валидна!» Судебный пристав обновил бланк и снова сунул монитор Громову. Тот попытался еще раз, и снова неудачно.

— Вдохните и выдохните, — сурово порекомендовал ему судебный пристав.

Два глубоких вдоха помогли ему унять дрожь в руках. С третьего раза он подписал бланк. Док-топ выдал зеленое сообщение: «Подпись валидна».

Судья Пи позвонила в гонг и сказала:

— Предварительные слушания считаю закрытыми! Всем покинуть зал! Громов, вы обязаны уведомлять инспектора по надзору, которого вам назначат, о всех своих перемещениях! — сказав это, судья Пи грохнула молотком. Это значило, что заседание окончено.

Макс едва смог встать на ноги, он был не в состоянии вымолвить ни слова. Сквозь толпу к нему с немыслимым усилием пробился Евгений Климов. Он помог Максу спуститься с трибуны.

— Все будет нормально. Этот абсурд не может длиться долго, — бормотал поверенный, поддерживая Громова, помогая тому идти.

Макс старался ни на кого не смотреть. Он судорожно цеплялся за локоть Евгения Климова, думая только об одном — как выбраться из осаждающей его своры медиарепортеров.

— Поздравляю вас с выигрышем в лотерею, — пробормотал Громов, озираясь по сторонам, как загнанный в ловушку волк.

— Спасибо, — Климов попытался закрыть Макса от вспышек камер.

Судебные приставы с трудом прокладывали им дорогу в толпе.

— Громов, скажите, что вы чувствуете?! — орали напиравшие со всех сторон журналисты.

— Вы ведь рассчитывали стать героем!

— Вы действительно считаете, что спасли мир?!

— На какой прием вы рассчитывали?!

— Вы обижены, что вместо награды получили судебное разбирательство?!

— Какие цели вы на самом деле преследовали, уничтожая компьютер Аткинса?!

— Почему вы решили, что в состоянии спасать мир?!

— Вы действительно были в сговоре с Джокером?!

— Суд над вами поколебал вашу веру в справедливость?!

— Вы разочаровались в людях после всего случившегося?!

Дневник доктора Павлова

9 сентября 2054 года, 23:45:21

Токийский хайтек-мегаполис
Штаб-квартира Бюро
информационной безопасности

Я повторно просматривал запись предварительных слушаний в «Башне правосудия», расхаживая туда-сюда перед телетеатром. От гнева хотелось схватить кого-нибудь из агентов Бюро, например Нимуру, и придушить.

— Кто устроил всю эту травлю? — отрывисто спросил я, изо всех сил пытаясь не сорваться на крик. — Из того, что вы рассказали о Громове, ясно следует, что никаких корыстных целей он не преследовал! Да и не мог! Это не в его характере!

Нимура ответил сразу, не задумываясь:

— Мы уверены, что кампания против него развернута по заказу Торговой Федерации. Их причастность к проекту «Кибела» нам пока не удается доказать. Однако есть множество косвенных признаков, указывающих на это. Я полагаю, что они пообещали генералу Ли так или иначе вытащить его из тюрьмы, если он возьмет всю вину за попытку переворота на себя. Вот и стараются. Кроме того, разработка Громова способна принести колоссальную прибыль. Алекс Хоффман требовал от мальчика продажи патента. Угрожал, если тот не согласится. Мы уверены, что процесс Громова — это исполнение угроз Председателя TF.

— Но доказать это вы, разумеется, не в состоянии, — печально заключил я.

— Нет, конечно. Иначе шеф Буллиган нашел бы способ защитить Громова.

— Почему он ему помогает? — я повернулся в сторону Нимуры и выполнил приседание. Просто потому, что так захотелось.

— Мне кажется, шеф Буллиган личностно расположен к Громову. Кроме того, во время всех этих событий с Джокером, Эденом, «Кибелой» директор Бюро постоянно был рядом с Громовым. Он уверен в его невиновности на все сто процентов.

Я прогнулся назад, растягивая одеревеневшие мышцы:

— Тот, кто это затеял, — я показал в сторону медиапроектора, где по третьему или четвертому разу повторяли одно и то же из «Башни правосудия», — не представляет, какие неприятности своими собственными руками может создать для хайтек-пространства!

— В смысле? — не понял Нимура.

— Скажите, пожалуйста, какое действие общества по отношению к гению будет самым неверным? — спросил я.

Нимура тянул с ответом. Потом неуверенно спросил:

— Непризнание?

— Нет, — я помахал в воздухе рукой, — это гений вполне в состоянии пережить. Истинный гений настолько увлечен собственными теориями, измышлениями и фантазиями, что признание других его мало заботит.

— Отсутствие вознаграждения? — еще раз попытался Нимура.

— Опять мимо! — я подпрыгнул на месте, взмахнув руками. — Гений легко переживает отсутствие денег и бытовой дискомфорт. Это не имеет для него большого значения. Он ведет себя одинаково в любых условиях.

— Тогда что? Я все равно не угадаю, — сказал Нимура с раздражением в голосе.

Похоже, внутренне он претендовал на гениальность, но понимал, что ничего подобного у него нет. Страдал и мучился от этого.

— Так что же общество не должно делать с гениями? — повторил он свой вопрос. — Извините, что переспрашиваю, просто вы как будто отвлеклись.

— Что? А-а… — я очнулся от задумчивости. — Я хотел сказать, что общество может творить с гениями все что угодно. Они все переживут. Но есть одна вещь, которую общество делать не должно категорически. Хотя бы из инстинкта самосохранения. Оно не должно выбрасывать гения из своей среды, вынуждать его становиться асоциальным. Потому что в этом случае у гения не будет иного выхода, кроме как направить собственную интеллектуальную мощь против общества. Как вы думаете, Нимура, на что способен сильно разозленный Громов? Каковы возможности его технологии, если использовать ее в антигуманных целях?

Ответом мне стала тишина. Дыхание агента сбилось, он нервно щелкнул пальцами. Потом сказал:

— Лично я не уверен в невиновности Громова. В пользу генерала Ли говорят два факта. Парень лотек — это раз. Джокер напал на Эден, чтобы его вытащить, — это два. Вы пока слишком мало знаете, доктор Павлов, чтобы рассуждать о мотивах поступков этого мальчика.

— Обстоятельства вынуждают его изобретать необычные формы поведения, — уверенно возразил я, — несвойственные ему. Сами посудите — он всего-то хотел закончить хайтек-школу и стать софт-инженером. У него в мыслях не было влезать во все эти катаклизмы. Шок, который он сейчас переживает, — лучшее доказательство моей правоты. Могу поспорить, что после свалившихся на него обвинений он вообще начнет избегать всего

связанного с софт-инжинирингом…

* * *

10 сентября 2054 года, 21:12:02
RRZ «Эллада»
Поместье Спарклов

Евгений Климов привез Громова в поместье Спарклов из Нью-Йоркского хайтек-мегаполиса поздно вечером. После предварительных слушаний в «Башне правосудия» Макс хотел сразу отправиться в Рободом, однако его поверенный настоял, чтобы Макс несколько дней провел под присмотром друзей. По счастью, Фрэнк Спаркл задержался где-то в Микронезии на неопределенное время, Максу не пришлось с ним встречаться. Мать Чарли, Камилла Спаркл, вообще не проявляла никакого интереса к происходящему. Она даже не вышла поздороваться. Не смогла прервать SPA-процедуры по сохранению своей белоснежной молодой кожи.

— Как хорошо, когда Чарли остается в поместье за главного. Всем так спокойно. Люди перестают бояться и расцветают на глазах, — сказала Эмма. — Если бы директора «Спарклз Кемикал» узнали об этом, может, у Чарли появился бы шанс… Не думаю, что мистер Фрэнк на работе ведет себя иначе, чем дома.

Сам Евгений Климов в поместье Спарклов не остался. Выпив чашку бергамотового чая с молоком, он собрался в Лондон-Парижский хайтек-мегаполис на встречу с адвокатами.

— Намерения у ICA серьезные, — сказал он. — Одним защитником не обойтись точно. Придется нанимать целое бюро или обращаться к юридической корпорации. Надеюсь, батарей хватит дотянуть до Лондона без посадки.

— Почему вы мне помогаете? — настороженно поинтересовался Макс.

Поверенный недоуменно приподнял брови:

— А как же может быть иначе? Когда все это закончится и вы наконец получите причитающиеся вам деньги, патент, возможно, компанию — я пришлю счет. Не маленький. Предупреждаю сразу, — поверенный погрозил Максу пальцем. — Теперь вам спокойнее? — в его голосе прозвучала некоторая ирония.

— Гораздо, — согласился Громов.

— С учетом ваших перспектив вы очень выгодный клиент, — улыбнулся Евгений Климов. — Я согласен пойти на некоторый риск сейчас в надежде на солидный куш в будущем.

Он подмигнул Громову, попрощался и ушел.

Чарли, узнав о том, что Евгений Климов собирается улетать немедленно, приказал выдать пилоту новые атомные батареи для квадролета из отцовских запасов.

— Я скажу отцу, что Макс за них заплатит, как только Эскобар даст пинка ICA. Полагаю, «Великий кассир» к этому времени успеет изрядно пополнить Громовский счет, — весело сказал Спаркл.

Максу стало стыдно. Он вспомнил лиловые кровоподтеки на лице Чарли, с которыми тот однажды вернулся в Накатоми с каникул, проведенных дома. Вряд ли тому удастся спокойно поговорить с отцом про атомные батареи для квадролета, выданные в долг другу, который находится в состоянии подсудности…

* * *

Эмма подала ужин в гостиную Чарли. На улице было прохладно. С моря дул сильный ветер. Чарли и Тайни выглядели встревоженными. Никто не мог найти подходящей темы для разговора. Расспрашивать Громова о его впечатлениях никто не решился. Чарли мял салфетку. Тайни аккуратно выбирал мелкие кости из куска рыбы. Наконец Бэнкс не выдержал зловещей тишины и неуверенно промямлил:

— Моя мама говорила, что в любой, даже самой плохой ситуации можно найти что-то хорошее…

Чарли закашлялся.

Тайни отчаянно покраснел, но все же продолжил:

— Взгляни на это по-другому, Макс. Да, обвинение ICA — это, конечно, неприятно…

— А обвинения генерала Ли еще неприятней, — заметил Чарли, наступая Тайни на ногу под столом.

Бэнкс убрал ногу, чуть помолчал, а затем решительно продолжил:

— Зато ты принял решение участвовать в Олимпиаде! Это же здорово! Если ты выиграешь, про иск ICA все сразу забудут. Сам подумай — они судились почти со всеми медиазвездами без исключения. Их обвинения мало кто принимает всерьез. Я думаю, тебе надо просто забыть обо всем этом на время. Евгений Климов — отличный помощник. Он нанял для тебя лучших адвокатов. Они составят терабайты документов, подадут протесты куда только возможно, организуют поддержку в медиа, будут заседать во всяких комиссиях… Ты можешь просто забыть о процессе и

готовиться к играм. Это тебя здорово отвлечет, а там, глядишь, все и закончится. Ты ведь не виноват. Рано или поздно суд тебя оправдает по всем пунктам, а сейчас ты должен об этом просто забыть. У Чарли новейший симулятор игровых арен! Лучше, чем у некоторых профессиональных команд. Тебе понравится! Чумовая штука!

— Не хочу. Не сегодня, — раздраженно ответил Громов.

— Модификатор киберпространства, можно отрабатывать игровые ситуации, аналитический блок, рандомный выбор миссий без выхода с уровня, — торопливо забормотал Тайни. — Давай! Втянешься, станет лучше. Давай! Сейчас!

Макс тупо смотрел перед собой, потом нехотя поднялся с места.

Чарли и Тайни переглянулись, спешно побросали салфетки и бросились к двери, пока Громов не передумал.

Чарли отвел под тренировочный центр большую гостиную в своей части дома. Макс неохотно вошел.

«Кор-5000» занял комнату целиком. Оптические блоки памяти вдоль стен, резервный генератор, несколько точек подключения, двухмерная матрица для тренера, который мог наблюдать за действиями игроков, не подключаясь к симулятору. В центре — огромный шар в титановой оболочке с хромированным логотипом производителя. «Мозг» системы, способный воспроизводить цифровую среду всех существующих на данный момент игровых арен хоть с полной физиоидентичностью, хоть без таковой.

По углам комнаты стояли четыре кресла. Каждое со своей точкой входа.

— Мое место, — Тайни показал на кресло в левом углу у двери. Кресло и небольшая тумба рядом, с ящиком для набора контактов.

С кресла Бэнкса были сняты подлокотники.

Чарли остановился возле своего кресла — левого, у окна.

Макс понял, что кресло справа — для него.

— А это для четвертого игрока, — Чарли показал на последнее пустое место. С пульта управления еще не была снята защитная пленка.

Повисла пауза.

— Я надеюсь… — Спаркл вздохнул, — она вернется.

Макс и без уточнения понял, что четвертое кресло для Дэз.

— Не уверен, — сухо произнес он.

Макс подошел к креслу, протянул руку к ящику с контактами для подключения к цифровой среде и… тут с ним случилось нечто весьма странное. Прежде такое с ним было лишь раз, в

детстве, когда на него напала рысь. Макс застыл, покрылся испариной, в ноги ударила мелкая дрожь, словно они вот-вот сорвутся с места и унесут Громова как можно дальше от этого места.

— Нет… — пробормотал он, попятился назад и… рванулся бежать!

Глаза Тайни и Чарли, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит.

Громов выскочил на улицу, будто за ним гналась толпа мародеров с охотничьими ножами, и помчался в темноту, все дальше и дальше от дома, напролом через кусты, закрывая лицо руками от веток деревьев.

— Макс! Макс!! Куда ты?! — Чарли бросился догонять Громова. Бэнкс тоже побежал, но очень скоро запыхался и отстал.

Макс бежал до тех пор, пока были силы. Их хватило, чтобы добраться до берега моря. Там он без сил свалился на песок, перевернулся на спину и начал судорожно хватать ртом холодный воздух, глядя на черное, усыпанное звездами небо.

Высокие волны бились о скалы с яростным грохотом, выбрасывая вверх столбы брызг. Зеленоватый свет луны отражался в этих фонтанах.

— Макс! Макс!

Голос Чарли едва перекрывал шум прибоя и вой ветра. Он выбежал на берег, увидел Громова, бросился к нему и упал рядом на четвереньки. Из груди Спаркла вылетал только хрип.

Макс сел. Обхватил руками свои колени. Чарли отдышался, тоже сел и положил руку на плечо Громова. Того трясло так, будто кругом сорокаградусный мороз!

— Макс! Что с тобой?! — Чарли встревожился не на шутку. — Макс! Ответь мне!

Громов глядел в одну точку, не реагируя на присутствие Спаркла. Его лицо в ярком лунном свете выглядело ужасно. Чарли отшатнулся. Никогда раньше он не видел столько злобы и отчаяния в одном человеке!

— Макс… — он потянул Громова за рукав. — Очнись. Эй!

Громов попытался разомкнуть плотно сжатые челюсти. Это получилось не сразу. Зубы начали немедленно клацать друг о друга.

— Н… н… Ненавижу! Их всех!

Слова сорвались с его губ как пули.

Чарли заметался, не зная, что ему делать и говорить. Потом все же собрался и мягко попросил:

— Пойдем домой, Макс. Тебе надо успокоиться. Завтра уже все будет по-другому. Тебе надо поспать. Ты не в себе.

Громов не тронулся с места. Тогда Чарли сел с ним рядом,

прижался к другу боком и обнял его за плечи, согревая собственным теплом.

Луна переместилась на другой край неба, начался прилив, а Чарли все сидел неподвижно рядом с Максом до тех пор, пока не почувствовал, что каменное от мышечного напряжения тело Громова немного обмякло. Только тогда Чарли повторил свою просьбу:

— Пойдем в дом, Макс. Холодно.

Громов молча поднялся и, шатаясь, побрел назад. Спаркл следовал за ним до самой гостевой спальни, которую Эмма приготовила Максу. Громов лег в кровать, закрыл глаза и уснул.

Чарли в своей комнате в этот момент чувствовал себя так, будто все его кости превратились в желе. Усталость валила с ног. Но он все же нашел в себе силы, чтобы сделать один звонок…

* * *

Не спрашивая согласия Максима, Чарли вызвал врача.

Доктор Николаев много лет следил за здоровьем всех членов семьи семейства Спарклов. Он осмотрел Громова, произвел полное сканирование его организма переносным резонатором, сделал несколько тестов на анализаторе биоматериала, после чего уверенно заключил:

— У вас сильное нервное истощение, молодой человек. Уровень серотонина в клетках критически низок. Вы пережили несколько эпизодов психологического шока за очень короткое время. Один за другим. Ваша нервная система не справляется с нагрузкой. Да еще к тому же масса тела очевидно недостаточна… Я выпишу вам препарат, снимающий тревогу и стимулирующий аппетит. Это нейромедиатор…

— Я не буду ничего принимать, — резко ответил Громов. — Никаких лекарств.

— Но… — врач приготовился возражать.

— Мне нужны мои собственные, естественные биологические реакции, — упрямо настаивал Макс. — Любые нейромедиаторы снижают способность к интуитивному восприятию.

— Э…

Доктор Николаев посмотрел на Чарли, затем снова на Громова, задумчиво постучал по губам. Затем спросил:

— У вас есть свободное время? Много свободного времени? Целые дни?

— Сколько угодно. Я под судом, — язвительно напомнил ему Макс.

— Тогда можно прибегнуть к консервативному методу лечения, — доктор Николаев нахмурился. — Нам надо повысить уровень кортизола — это адаптогенный гормон, который отвечает за приспособление организма к стрессу, повышает физическую и умственную выносливость и так далее. Раз вы не хотите принимать лекарства… Значит, надо повысить уровень его выработки вашим собственным гипофизом. Это можно сделать через серьезные физические силовые нагрузки. Вы когда-нибудь занимались реальным силовым спортом? Не на Сетевых аренах, а в жизни?

— Нет, — Макс мотнул головой, — хотя, когда я жил в лотек-пространстве, мне приходилось довольно много ходить, бегать, таскать воду и так далее.

— Вот и хорошо, — улыбнулся врач. — Тогда я рекомендую вам воспользоваться услугами тренера и, возможно, консультанта по питанию. Бег, плавание, силовая гимнастика, прокачка мышц помогут вам. Единственный минус: по мере того как уровень кортизола будет повышаться, будет расти и агрессивность. Для ее нейтрализации рекомендую заняться какой-нибудь восточной борьбой, требующей сложной координации всего тела и медитаций. Скажем, кунг-фу. Занимайтесь физическими упражнениями не менее восьми часов в день. Питайтесь не менее четырех раз. И… — врач вздохнул, — избегайте ситуаций, которые могут резко — не плавно, а именно резко — увеличить уровень адреналина в вашей крови. Адреналин и кортизол — очень плохая комбинация.

— Вместе дают вспышки бесконтрольной ярости, — пояснил Чарли.

— Я бы порекомендовал личностного аналитика, — добавил доктор Николаев.

— Мне надоело, что кто-то без перерыва ковыряется в моих мозгах, — огрызнулся Макс. — Кладет туда информацию, забирает оттуда, записывает, копирует! Хватит!

— Тихо-тихо, — врач улыбнулся. — Успокойтесь. Я вам не враг. Чарли, если вы немедленно покажете своему другу ваш замечательный бассейн в SPA-комплексе, это будет просто отлично. Кстати, расслабляющий массаж после нагрузок тоже обязателен, — доктор Николаев снова повернулся к Громову: — Запомните простые правила, молодой человек. Весь следующий месяц сесть вы можете только за накрытый стол, а лечь — только спать. Все остальное время вы должны находиться в движении. Бег, плавание, кунг-фу и прочие одиночные виды реального спорта. Но следите за уровнем адреналина. Никаких соревнований и командных игр.

— А как же подготовка к Олимпиаде? — встревожился Чарли.

— Начнете готовиться, когда он придет в норму, — строго ответил доктор Николаев и снова обратился к Максу: — Ваш мозг уникален, существует в единственном экземпляре и очевидно необходим человечеству. Не уверен, что медноголовые сутяги из ICA это понимают, но вы ведь не бросите весь свой вид на произвол судьбы из-за врожденного идиотизма отдельных его представителей, правда? Пожалуйста, будьте великодушны.

Врач улыбнулся Максу, потом подмигнул Чарли:

— Все, в бассейн! Немедленно! — доктор Николаев хлопнул в ладоши. — Я постараюсь сегодня же прислать сюда хорошего тренера и… — он оглядел тощую фигуру Громова. — И диетолога!

* * *

Now wow! Now wow! Now wow! Now wow!

Сегодня 18 сентября и… УРА!!! Олимпийский комитет закончил подковерную возню с разработчиками Сетевых арен и опубликовал — аллилуйя! — окончательный список!

На радость своим подписчикам! Мы! ПЕРВЫМИ! Сообщаем!

В программу Олимпийских игр 2054 года включены!

«Сунь Укун — Царь обезьян». Третье поколение. В основе этой чрезвычайно сложной игры лежит древняя китайская легенда, которая слишком длинна, чтобы мы ее тут пересказывали. Игроки на арене становятся обезьянами, а обезьяны по земле не ходят — они с бешеной скоростью должны прыгать по веткам, бегать по лианам, умудряясь не падать, — гравитация на арене действует просто отлично. Разумеется, одной акробатики для победы мало, надо еще драться с врагами не на жизнь, а на смерть. Заметим, что разнообразие врагов потрясает воображение. Игрока одновременно атакуют чрезвычайно опасные твари с земли, деревьев, воздуха, воды, космоса и параллельных миров.

Вообще-то, «Сунь Укун — Царь обезьян» — не игра, а целый мир, вроде «Динотопии», «Среднеземья» или «Неверлэнда». Культовое место для жителей восточных хайтек-мегаполисов — Шанхайского, Токийского, Мумбайского. Кстати, в этом году общее количество

служащих корпорации «Сунь Укун» (или монахов Пути), выполняющей развитие и техническую поддержку арены, а также создание ее новой версии, достигло миллиона человек. Поздравляем!

Так вот, дорогие обезьяне, чтобы быть включенными в программу Олимпийских игр, разработчики создали специальную, сокращенную Олимпийскую миссию. Один мелкий иероглиф, которым она обозначается, можно перевести как «спасение Сунь Укуном своего великого милосердного даосского учителя Сюаньцзана из пещеры мудрого, но злого к людям бога — морского дракона Ао Гуана». Детали миссии, разумеется, секретны. Известна только общая канва. Игроки попадут на арену простыми обезьянами. Ну, макаки и макаки. Они должны пройти Путь (очень сложную многовариантную прокачку собственного персонажа), обретая силу, боевое искусство, совершенствуя свой облик путем спасения всяких невинных тварей от неминуемой гибели, обретая мудрость, и, в конце концов, стать весьма симпатичными человекоподобными гориллами, готовыми сражаться с драконом. Сражение, вероятно, будет происходить в несколько раундов. Сначала умная беседа, как водится в мире Сунь Укуна. Кто будет тупить — тех дракон сожрет. Потом собственно бой. Тоже не просто «мечом помахать». Сначала надо хитростью выманить у дракона железный посох, единственное оружие, которым его можно убить. Та обезьяна, что первой извлечет на свет божий старичка Сюаньцзана, который все это время мирно сидит в пещере, рисуя буковки, и получит от него эксклюзивный железный обруч на голову, — станет великим царем Сунь Укуном. Как только кому-то одному на голову водрузят железку — для всех остальных игра закончится, и начнется подсчет очков.

Олимпийский рекорд прохождения миссии на этой арене — 32 часа 12 минут и 16 секунд. Без сна, отдыха и гигиенических пауз. Установлен легендарным Инферно в 2046 году на первом поколении арены «Сунь Укун». До сих пор не побит. Средний срок прохождения других олимпийских миссий этой арены лучшими геймерами — около 72 часов, обычные игроки — без срока, многие с перерывами на сон, еду и работу проходят ее несколько лет. Сложнейший многовариантный сюжет! В ходе игры можно не только погибнуть, но и провалиться в ад, переродиться в кого-то, впасть в иллюзию — пойти по

ложной ветви игры, которая никуда не ведет, стать демоном и так далее. Ни один человек на свете, включая архитекторов арены, не знает всех способов прохождения.

Первая по количеству очков десятка команд перейдет во второй тур. Подсчет очков на арене «Сунь Укун» — это посложней внутреннего кода «Ио»! Обычному обезьянину ни в жизнь не понять, по каким правилам, за что и почему начисляются очки! Порой в десятке оказываются те, кто отошел от родного дерева на сотню метров, никак не развился, потому что выхаживал выпавших из гнезда птенцов. Или еще какие-нибудь неудачники, пославшие миссию игры далеко-далеко, сутки глазевшие на водопад, а потом написавшие водой на камнях бредовый стишок, который испарился при восходе солнца. Небольшую определенность дает то, что Инферно успел и стишки накропать, и просветлиться, и миссию при этом выполнить — то есть желательно быть и правильным, и быстрым одновременно. Все задумано так, что победителем в «Сунь Укун» становится только тот, кто все успевает — и технику боя разучить, и головоломки решать, и о красоте своего внутреннего мира подумать.

Мы даже не будем пытаться описать методику подсчета очков. Идите на портал игры и загружайте себе через нейролингву мануал вместе с правилами, жизнеописанием Сунь Укуна, романами, аниме, фильмами, философскими трактатами и прочей ерундой, на которой основана эта игра. Одно описание, что есть Путь, занимает в сжатом виде десять терабайт. Нам лично своих мозгов жалко, чтобы впихивать туда такое количество информации, которая в повседневной жизни рядовому обезьянину совершенно не нужна.

Так вот, десятка команд перейдет в следующий тур, где их ждет странный эксперимент «Московской игровой компании». Арена «Нефтяная война: второй шанс», четвертое поколение. Понятия не имеем, кто ее впихнул в программу Олимпиады… По нашему скромному мнению, самое лучшее, что есть в этой игре, — это графическое исполнение мира, сделанное не кем-нибудь, а самим Робертом Аткинсом. Точное, дотошное воспроизведение событий Нефтяной войны. Туда даже школьников водят на экскурсии. Все остальное, мягко говоря, нудновато. В этой стратегии требуется неустанно

пучить мозг, пытаясь переиграть основные сражения так, чтобы было меньше разрушений, жертв, потопленных кораблей, погибших людей… Скукота!

Пять команд с наибольшим количеством очков попадут в финал. А там — как всегда!

Схватка все против всех! Игроки должны крошить друг друга, не забывая отстреливаться от общего врага! Без правил! Без учета времени! Останется только один!

Для финала, по многочисленным просьбам будущих зрителей, выбрана новейшая, самая модная, самая крутая арена этого года с емким и простым названием «Выжить!», производитель… Ну конечно, «Эйдос-22». Кто же еще мог такое сотворить? Олимпийская миссия здесь, в отличие от предыдущей, проста, как кредитная карта. На Землю напали злые инопланетяне с намерением переработать нас с вами, дорогие обезьяне, в жидкий корм для своих деток. Как раз в это самое время на Земле происходит последняя война за обладание противоядием от смертельного вируса, созданного чокнутыми учеными, коего, разумеется, существует всего одна заветная ампула. Иначе в этом жанре просто быть не может. Игра нелогична до умиления, тупа, бессмысленна, никакой пользы от нее нет — все эти качества и позволили ей стать шутером года.

Условия предельно тупые и служат единственной цели — показать жестокое, беспринципное мочилово, в финале которого выживет только один… (Что он после этого будет делать — большой вопрос. Хотя генетики-технологи уверяют нас, что с их успехами в клонировании никаких людей для продолжения рода вообще не нужно, требуется только пригодный для первичного РНК-моделирования образец биоматериала.) Ну да ладно — не будем критиковать создателей финальной мясорубки, ибо цель их сделать не героическую сагу с философским смыслом, а забойно-угарный «мортал комбат».

Задача бойцов — уничтожать гадких захватчиков, не забывая попутно расстреливать друг друга — капсула с противоядием-то одна. Потом найти способ полететь в космос, уничтожить крейсеры, грузовые корабли, а главное, инкубатор с будущими поколениями противных инопланетян. Неизвестно, придется ли игрокам собирать себе звездолеты из обломков сбитых тарелок, это задание является непосильным для большей части

геймеров… Сделать это надо хотя бы ради того, чтобы добыть у инопланетян супер-пушку «Всем абзац!» и «Я в домике!» — супер-защитный костюм, и то и другое необходимо для финального отстрела своих соперников по возвращении на Землю.

Фишка этой кровавой арены в том, что игрокам приходится то объединяться, чтобы покрошить инопланетян, добыть оружие или захватить объект, то беспощадно палить друг в друга. А это не так уж просто — выстрелить в человека, который только что прикрывал твою спину… Не всякий обезьянин, к счастью, на это способен, скажем мы вам!..

Лист участников уже закрыт, хотя трое участников команды Громова, последнего и самого скандально известного из основных игроков, остаются неназванными… Надеемся, наш супергерой в состоянии подсудности сможет найти троих друзей, которые согласятся биться рядом с ним. Хотя лично мы, дорогие обезьяне, в этом глубоко сомневаемся. Разве что солдаты Джокера придут на помощь своему собрату. Многие из них, как нам известно, неплохие геймеры. Во всяком случае, незабвенный Инферно, чемпион 2045–2047 годов, до того как примкнул к Джокеру и растворился где-то в лотек-пространстве, поражал нас, дорогие обезьяне, своим искусством стрельбы по движущимся мишеням, головокружительными прыжками и фантастической техникой боя на мечах… Еще он поражал нас своей аристократичной внешностью и безупречным вкусом — фотографии Инферно можно посмотреть тут совершенно бесплатно. Вот такие мы сегодня добрые…

Возвращение Кемпински

13 сентября 2054 года, 09:10:02
RRZ «Эллада»
Поместье Спарклов

Доктор Николаев, как и обещал, прислал «хорошего тренера». Неразговорчивую, сильно накачанную черную женщину неопределенного возраста по имени Фриш, которая обращалась к Громову, Чарли и Тайни исключительно «сэр».

— Я ознакомилась с результатами ваших тестов, сэр, и составила программу. Я старалась сделать ее эффективной и интересной.

Согласно этой программе день Макса теперь должен был начинаться с водного поло.

Чарли и Тайни по-дружески вяло в этом участвовали. Играли два на два в одни ворота. В одной команде Чарли и Макс, в другой Тайни и тренер Фриш. На деле Чарли и Макс вдвоем пытались обойти Фриш и забросить скользкий волейбольный мяч в ворота.

Чарли был довольно рассеян. Он все время смотрел в сторону вертолетной площадки.

— Чарли, лови! — крикнул Макс.

Но мяч мазнул по затылку Чарли и остался качаться на воде.

— Что с тобой? — Громов поплыл за мячом, быстро рассекая воду. — Ждешь кого-то?

Чарли виновато улыбнулся.

Тайни в спасательном жилете покачивался на воде у ворот, как огромный буй, загораживая почти все их пространство.

Фриш посмотрела на часы:

— Мы почти закончили, сэр. Вам можно прекратить игру, но в этом случае вам лучше бы проплыть в хорошем темпе сто метров. Это восемь раз туда и обратно в этом бассейне, сэр.

Макс взял мяч и сердито выбросил его на газон.

— Все? — с облегчением спросил Тайни.

— Похоже, да, — Чарли поплыл к лестнице, торопливо поднялся, взял с шезлонга полотенце и начал вытираться.

Фриш помогла Тайни вылезти из воды.

— Держитесь за мою руку, сэр. Я помогу.

Тайни, пыхтя и цепляясь за Фриш, выбрался из бассейна.

Макс поплыл к бортику, вдохнул, оттолкнулся ногами и начал грести, стараясь вообще ни о чем не думать. Даже о странной, непривычной рассеянности и нервозности Чарли.

— Я пойду переодеваться! — крикнул Спаркл Максу.

Громов не ответил, чтобы не сбивать дыхание, только махнул рукой из воды. С непривычки в ушах стоял шум. Макс ничего не слышал, кроме собственного дыхания. Сверху подул сильный ветер, но Громов не обратил на него никакого внимания. Он полностью сконцентрировался на задаче, как будто проплыть эти сто метров — самое важное дело в его жизни.

— Шесть…

Макс в очередной раз оттолкнулся ногами, глубоко вдохнул и вынырнул только метров через пятнадцать. Он плыл быстро, почти без брызг, только поворачивая голову, чтобы сделать очередной вдох. Вода блестела на его коже, успевшей загореть за то время, пока он гостил у Чарли.

— Семь…

Макс ускорил темп. Сердце было готово разорваться, шум в ушах стал нестерпимым, легкие покалывало.

— Восемь…

Громов через силу работал руками и ногами, чувствуя, как мышцы деревенеют от напряжения.

Только коснувшись рукой мозаичной стенки бассейна, он остановился.

— Ма-а-акс, — раздался сверху голос Чарли.

Громов стер с лица воду и открыл глаза.

Наверху, на краю бассейна, стояли Чарли, незнакомый мужчина с длинными черными волосами и… Дэз Кемпински!

— Привет, — сухо сказала она.

— П-привет… — заикнулся Макс.

* * *

Макс выбрался из бассейна. Взял с шезлонга полотенце и накинул на плечи.

Мужчина с длинными волосами улыбнулся и протянул Громову руку:

— Скай Блэкборн.

— Макс, — Громов ответил на рукопожатие и вопросительно уставился на Дэз.

— Это Инферно, — пояснила она, держа руки в карманах своего мешковатого зеленого комбинезона.

Тайни, Чарли и Макс одновременно разинули рты.

— Инферно?! Абсолютный чемпион?! — воскликнул Бэнкс. — Я же… У меня был постер с вами! А я… Мне даже в голову не пришло, что это вы…

Инферно подмигнул ему:

— Прошло почти десять лет, так что я немного изменился…

— Блэкборн?! — Чарли удивился не меньше, чем Тайни. — Ты — Скай Блэкборн?! Это ты отказался от наследства своего клана?

— Да, да, да, — с улыбкой ответил Инферно. — Я единственный наследник корпорации «Блэкборн Стил», отучившийся десять лет на философском факультете Кембриджа, — Скай скорчил постную физиономию, передразнивая манеру британцев, — «получивший классическое образование», а затем бросивший свою плутократическую семью, чтобы примкнуть к Джокеру. Да, это я. Это меня прокляли отец и мать, пообещав лично сдать Интерполу, если я когда-нибудь посмею появиться на пороге их готического дворца.

— Скай будет тренировать вас. Без его помощи вы вылетите с первой же арены, — Дэз задумчиво ковыряла идеально утрамбованную красную песчаную дорожку Спарклов носком своего армейского ботинка. Волосы Кемпински были привычно стянуты в узел на затылке. Ветер трепал тонкие белые выбившиеся прядки.

Максу показалось, что Дэз стала еще выше и тоньше, чем была.

— Ты знаешь про иск? — Громов настороженно посмотрел на Дэз.

— Да, я следила за происходящим и… — Кемпински кивнула в сторону Спаркла, — и мы с Чарли переписывались все это время в приватном, закрытом чате. Так что… Я в курсе всего.

— Вы… — Макс посмотрел на Чарли. — Но…

Он хотел спросить, почему Дэз не отвечала на его звонки, почему Чарли не сказал, что переписывается с Кемпински, — но слова застряли в горле. Макс почувствовал злость. Он не мог понять ее причины, но она была такой сильной, что мешала говорить. Вообще в последнее время он замечал, что темная сторона его души усилилась и давала знать о себе все чаще. Громова начали раздражать прожорливость Тайни, надменные аристократические манеры Чарли, любопытство Климова, раболепные улыбки слуг в поместье Спарклов… Макс злился на людей.

— Спасибо, — Макс кивнул. — Твоя помощь, как всегда, кстати.

Чарли начал беспокойно топтаться на месте.

— У нас не хватает четвертого игрока… Гхм… — он кашлянул в кулак.

— Почему? — Макс посмотрел на Кемпински. — Ты… Ты

ведь с нами?

— Это просьба? — спросила Дэз, не глядя в глаза Максу.

Голос ее звучал натянуто.

— Слушай… — Макс с трудом подбирал слова. — После всего, что… Я даже не знаю… Если ты не хочешь… Гхм… Не хочешь находиться… Общаться… Гхм… Со мной…

— Черт побери, Макс! — неожиданно перебила его Дэз. — Почему ты всегда думаешь, что дело в тебе?!

Чарли поднял с газона волейбольный мяч и подбросил в воздух.

— Дэз, Инферно, вы голодные? Я могу распорядиться, чтобы обед подали раньше.

Все потянулись следом за Чарли, Макс стоял, глядя им вслед. Он испугался, что сейчас внутри него взметнется звериное раздражение, гнев на Дэз, но… прошло несколько секунд, а Громов был спокоен. Он не почувствовал ни злости, ни досады. Только печаль, что разозлил Дэз, и желание сделать для нее… все. Все что угодно — лишь бы она его простила. Лишь бы приняла судьбу такой, какой та случилась. Роковое стечение обстоятельств. Когда Макс убил Джокера — тот уже не был человеком… Мартин Кемпински, отец Дэз, перестал существовать раньше. В тот момент, когда применил омега-вирус, он не был человеком, уже не был. Макс повторял себе это, как мантру, но поверить у него так и не вышло.

Он молча плелся следом за Дэз, глядя на ее сильные точеные плечи. В глубине души Макс всегда знал, видел, что Кемпински способна вынести гораздо больше, чем он, — боль, неудачи, потери. Несмотря ни на что, она все равно останется собой и будет продолжать бороться за то, во что она верит. Она никогда не станет злиться на Тайни или Чарли, или весь остальной мир за то, что те не идеальны. В отличие от самого Громова.

Макс все еще надеялся, что душевных сил Дэз хватит, чтобы когда-нибудь, разумеется, не сегодня и не завтра, простить ему смерть Джокера. Принять судьбу такой, какой она свершилась. Хотя пока даже самому Громову это не удалось. «Почему я? Почему мне?» — вертелось в голове, отравляя и дни, и ночи.

* * *

Эмма накрыла круглый стол в саду на пять персон.

Макс взялся рукой за стул, стоявший рядом с Дэз, которая уже села. Но Кемпински вдруг встала.

— Хочу поближе к цветам, — сказала она и отошла, сев на

стул, возле которого цвел огромный розовый куст.

Громов ждал этого, но все равно огорчился. Раньше Дэз никому так явно не выказывала своей антипатии. Она избегает его, не хочет общаться. Макс понимал ее и не злился. Главное — она вернулась! Вернулась, чтобы помочь ему… им подготовиться к играм!

Как только все расселись, Эмма подала чашки с салатом и напитки.

Инферно положил локти на стол и начал есть.

Повисла гнетущая тишина.

— Инферно, твоя победа на арене «Сунь Укун» была великой игрой? — нерешительно спросил Тайни, поглядывая в сторону Макса. — Как тебе удалось?

Инферно кивнул.

— Чтобы выиграть в этой игре, надо забыть, что играешь, — сказал он.

— Этому можно научиться? — Чарли аккуратно, но немного нервно разглаживал салфетку у себя на коленях.

— Нет, — Инферно покачал головой, — но можно поймать состояние, необходимое для победы. В одной старой книге я читал, что любое искусство — это долгие годы мучительного, скучного изучения секретов ремесла. Но только в совершенстве овладев ремеслом, можно свободно творить и воплощать свою фантазию. Игра на арене «Сунь Укун» — это творческий процесс. Чтобы победить, для начала нужно в совершенстве освоить технику. Но этого мало. Вы должны креативно мыслить, доверять своей интуиции и… творить. Это удивительный мир. Я по-прежнему преклоняюсь перед его создателями.

— Ник Кайге и Ли Чжоу, — пояснила Дэз. — Они создали базовую архитектуру арены.

— Ник Кайге? — Чарли удивленно округлил глаза. — Философ? Создатель теофизики? Мы ее проходили в курсе новейшей концептологии.

— Наставник Аткинса? — добавил Макс.

— Да, — Дэз кивнула, — информации о нем до странности мало, хотя он оставил большое количество работ. Недавно, в… — Кемпински запнулась, — неважно где, я встретила Урсулу Мейнорд, она была секретарем Ника почти двадцать лет. Она сказала, что Аткинс приезжал к Нику каждую неделю в течение года и обсуждал с ним свою энергетическую теорию. Урсула хранила протоколы их бесед в информационной ячейке цифрового банка, но после смерти Аткинса все ее содержимое было изъято Бюро.

Чарли задумчиво постучал пальцем по губам.

— Вообще-то… Я сейчас подумал — между теофизикой Кайге и энергетической теорией Аткинса много общего. Кайге утверждал, что Творец существует. Предположительно, это форма жизни, которая производит первочастицы. Первочастицы по Аткинсу…

— То, из чего образуются фотоны и нейтрино, — закончил Инферно. — Предлагаю продолжить эту беседу чуть позже — после игр. У нас слишком мало времени. Мы должны приступить к тренировкам сегодня же.

— Я сейчас не могу долго находиться в виртуальном пространстве, — сказал Макс.

— Чтобы постичь мир «Сунь Укун», нет вообще нужды загружаться в Сеть, — Инферно подмигнул ему.

— Как это? — запротестовал Тайни. — Вы же только что сказали про мастерство! А как же все эти прыжки? Техника боя? Правила…

— Это да. Но в «Сунь Укун» правило только одно — будь хорошей обезьяной, и все получится.

— Не понял? — Тайни замер, не донеся до рта кусок ржаной лепешки.

— Быть хорошей обезьяной на самом деле не так уж просто, — заметил Инферно. — Надо любить все живое, преодолеть в себе все семь смертных грехов… Прежде всего гордыню, потом гнев… Ну и так далее.

Дэз налила себе чаю.

— Чтобы выиграть в «Сунь Укун», надо забыть о победе, — спокойно сказала она. — Тогда сразу поймешь — что правильно. К примеру, волшебный посох Сюаньцзана можно получить, пройдя испытание, которое вообще никакого отношения к силе, ловкости и выносливости не имеет.

— Квесты? — спросил Чарли. — Я загружался на арену, но…

— Не совсем, — Дэз отодвинула тарелку. — Скай, расскажи им.

Инферно откинулся назад, вытянул ноги и скрестил руки на груди.

— Когда я победил в «Сунь Укун», то вышел на эту арену первый раз в жизни.

Тайни подавился и закашлялся.

— Да, — Инферно заботливо похлопал его по спине. — До Олимпиады я ни разу не бывал в этой игре. Даже правил не знал.

— Отлично, — усмехнулся Громов, — теперь мы знаем секрет. Хочешь победить — не тренируйся.

— Не стремись к победе — так будет правильно, — Инферно не обратил внимания на его саркастичный тон. Он встал и начал

помогать Эмме раскладывать горячее. Та попыталась было протестовать, но Инферно просто брал с блюда на сервировочном столе куски нарезанного мяса и клал их в тарелки.

Дэз тоже встала, взяла здоровенную плошку с овощами и начала обходить стол, плюхая каждому в тарелку по две ложки.

Чарли покраснел, отпил воды. Его спина вытянулась в струну и напряглась.

Тайни, и без того не уверенный в себе, оказавшись в столь нервозной ситуации, впал в легкую панику. Засуетился и опрокинул на себя стакан сока. Эмма бросилась его вытирать.

— Ой, мистер Бэнкс… Принести вам чистую рубашку? Вам принести ее сюда или вы переоденетесь у себя?..

Макс чувствовал свое раздражение как электрические разряды, которые били один за другим, приближая короткое замыкание.

Он злился на Чарли, что тот не сказал о своей переписке с Дэз. На Тайни за его вопросы и чавканье. Громова бесил Инферно со своим демонстративным протестом против правил жизни в Элладе… Макс и сам находил их несправедливыми, но поведение чемпиона все равно злило. Суетливая Эмма. Он злился на всех вокруг, кроме Дэз. Злость кипела в нем все сильнее и сильнее. Громову вдруг стало страшно, что он вот-вот заорет, что не хочет участвовать в этой Олимпиаде, что ему все равно, как побеждать на арене «Сунь Укун», что он вообще всех ненавидит и хочет поскорее вернуться в Рободом. Показать его Дэз…

Руки Громова начали дрожать, он встал, бросил салфетку на стул и четко, как робот, не сказав ни слова, пошел прочь.

— Макс! — Чарли вскочил и побежал за ним. — Макс, куда ты?

Громов не остановился и не обернулся. Чарли догнал его и попытался взять за локоть.

— Макс… Я не понимаю — ты не рад, что Дэз вернулась? — спросил он.

— Зачем? — резко спросил его Громов. — Зачем она вернулась? Чтобы всем своим видом показывать превосходство?! Что они там устроили?! Зачем все это?

Чарли забежал вперед и остановил Громова.

— Макс, они нам нужны, — тихо сказал он. — Без них нам не выиграть, тебя… Тебя будут судить.

Громов остановился.

— Почему ты не сказал, что вы… вы переписываетесь? — спросил он, слегка запнувшись.

— Я… я… — Чарли развел руками. — Она меня попросила. Она… Она попросила. Правда.

— Попросила не говорить мне? — брови Громова удивленно дрогнули.

— Она написала, что прилетит сегодня, — Спаркл попытался выжать из себя улыбку. — Я еле удержался, чтобы тебе не рассказать. Думал, ты с ума от радости сойдешь. Что… Что с вами?

Макс выдохнул.

— Ничего.

Чарли пожал плечами.

— Между прочим, я не обижаюсь, что вы мне не рассказываете всего, — заметил он. — У вас ведь тоже есть секреты, правда?

Его взгляд вдруг стал жестким и холодным. Это было что-то новое в Чарли. Макс вдруг с удивлением понял, что совершенно не знает его. Возможно, в другое время он бы успокоил себя рассуждением, что в действительности видел Спаркла два года назад, да и то имел дело с его виртуальной проекцией. А с момента последней встречи с реальным Чарли прошло больше трех лет. Последний раз реально они виделись в аэропорту Токийского хайтек-мегаполиса перед посадкой в самолет, который должен был доставить их в Эден. Конечно, Чарли изменился… Странно, если бы этого не произошло. Но Громов был чересчур взвинчен, чтобы вести себя «правильно».

— Возвращайся, пожалуйста, к гостям, — сказал он.

— Мы должны вернуться вместе, — попытался настоять Спаркл.

— Нет, — Макс отступил назад. — Я поеду в Рободом, а ты… Ты покажи ей свое поместье, будущее наследство… Познакомь с мамой…

Громов помахал Чарли рукой, выжав из себя неестественную широкую улыбку.

— А как же подготовка? Тренировка?! Дэз прилетела сразу, как нашла Инферно! — в голосе Чарли зазвучали металлические нотки. Их Громов также доселе не слышал. — Макс, ты не можешь уйти! Ты — основной игрок! Мы все на тебя рассчитываем!

Макс помахал ему рукой.

— Черт тебя возьми, Громов! — неожиданно заорал ему вслед Чарли. — Хватит себя жалеть! Мы все пережили то же, что и ты!

Макс обернулся, его тонкие губы тронула усмешка:

— Да? Правда? В самом деле?

Чарли сделал глубокий вдох. Он прожил большую часть жизни под одной крышей с Фрэнком Спарклом и научился отлично владеть собой. Его лицо приняло обычное холодное, но безупречно вежливое выражение.

— Мы будем ждать, — спокойно сказал он и ушел.

* * *

13 сентября 2054 года, 18:13:02
RRZ «Эллада»
Рободом

Весь день Громов провел в Рободоме. Он не хотел признаться себе, что ждет звонка от Дэз. Что она позвонит, будет просить его вернуться… Просто нервно загружал себя делами, не оставляя ни секунды для отдыха и посторонних мыслей.

Сначала Макс разобрал ходовой механизм одного из блоков в верхней части дома, выдвинув тот в положение «окно». Затем Громов отсоединил приводы и открутил направляющие.

— Ну вот, — сказал он Альтеру, — твой софт для меня по-прежнему загадка, но зато теперь, если тебя заглючит, смогу вылезти в окно.

— Вот идиот-то, — вздохнул голографический двойник Аткинса, — а если дождь пойдет?

— Если ты заметил, блок выдвинут вверх, — Макс показал отверткой в нужном направлении. — Сейчас я накрою его куском органопластика, чтобы образовался скат, и вода, даже если вдруг начнется гроза с ураганным ветром, не попадет внутрь Рободома. Сам ты идиот.

За пару часов Макс понял, что характер у Альтера не просто скверный, а чудовищный. Однако оказалось, что голограмму с ее руганью можно ставить на место. Причем на ответные оскорбления и злословие Альтер реагирует удивительно мирно. Даже, можно сказать, их приветствует. Кроме того, никаких более серьезных «вредностей», чем просто ругань, Альтер себе не позволял. Его манера отвечать на вопросы и комментировать происходящее оказалась просто особенностью интерфейса, чем-то вроде забавной фишки, формы подачи данных, которая отличается от привычной, унылой, монотонной оболочки подобных программ. Генералка Рободома, визуализацией которой являлся Альтер, выполняла все распоряжения Громова неукоснительно. Макс несколько раз спрашивал, почему Рободом позволил ему собой командовать, но ответа так и не получил. Альтер начинал мигать или вообще пропадал.

Несколько часов ушло на элементарный осмотр: все ли цело, в каком состоянии проводка, чипы, вентиляция, трубы, все ли элементы конструкции работают и так далее.

— Даже пыли нет! — восторгался Громов.

— Откуда ей, по-твоему, тут взяться, придурок?! — тут же напустился на него Альтер. — Это же герметичный металлический куб!

— Осталось блоки памяти проверить, — Макс вылез из «стены» и огляделся. — Показывай, где они.

— «Блоки памяти проверить», — передразнил его Альтер. — Кластеры! Кластеры! — заорал он. — Ты хоть знаешь, сколько тут памяти?! Ты столько памяти в жизни не видел!

— Неужели больше, чем в Эдене? — спросил Макс с иронией.

Альтер скандально упер руки в бока:

— А ты видел память Эдена, можно подумать! Так я и поверил! Виртуальную проекцию памяти Эдена ты видел в самом лучшем случае.

— Показывай диски, — перебил его Макс.

— Смотри, — Альтер показал ему в дальний правый угол. — Чего ты мне по два раза-то одну команду повторяешь?! Я тебе с первого раза все открыл. Или ты для себя? Чтоб не забыть, чем занят?

Макс направился к открывшейся нише. Блоки вокруг нее были чуть толще. Громов потрогал один из них.

— Здесь другой сплав, — сказал он. — Более прочный, да?

Альтер посмотрел на него с тоской и вздохнул:

— Ну разумеется, мой тупой гений.

Еще через пару часов Макс был с ног до головы покрыт металлической пылью, силиконовым гелем и жирным пеплом, летевшим от юнидрайвера, которым он орудовал.

ID

Раздел: инструменты мелкие бытовые

Юнидрайвер — от англ. unidriver — гибрид универсальной вакуумной отвертки и мини-аппарата для лазерной сварки.

После шести, когда на улице стало быстро темнеть, Альтер потребовал, чтобы Макс приказал опустить москитные сетки.

Макс продолжал проверять состояние Рободома как заведенный.

— К тебе человек женского пола, — неожиданно раздался над ухом сварливый голос Альтера. — Открыть? Я идентифицировал ее как Дэз Кемпински.

Громов от неожиданности выронил юнидрайвер.

Физиономия Альтера скривилась в глумливой улыбке.

— Ну, так что? Мне уйти в невидимый режим?

Странно, Макс столько раз представлял, как Дэз придет к

нему и что он ей скажет — целый текст для экскурсии по Рободому придумал, но сейчас от волнения в его голове все перепуталось. Он был уверен только в одном — все пойдет совсем не так, как ему хотелось бы. И от этой мысли стало очень страшно. Утром Макс думал, что Дэз уже относится к нему хуже некуда, но сейчас понял — еще есть куда падать.

— Открыть? Или сказать, чтоб убиралась? — повторил свой запрос Альтер.

— Открой. И… Невидимый режим!

Альтер скорчил рожу, будто его сейчас стошнит, но послушно пропал.

Макс встал, огляделся, чем бы вытереть грязные руки.

Дверь бесшумно открылась.

* * *

Дэз была в легких спортивных брюках и коротком топе. Ее кожа блестела от пота.

— Я… бегала, — сказала она, входя. — Привет. Увидела Рободом и не смогла удержаться. Всегда хотела увидеть дом Аткинса.

— Отсюда до поместья Спарклов десять километров, — заметил Громов.

— Это недалеко, — пожала плечами Дэз. — Моя норма — пятнадцать.

— Ух ты, — Громов невольным движением тронул свои руки, которые всегда казались ему чересчур тонкими.

— Просто я сейчас не могу уснуть без пробежки. Так что гордиться особенно нечем.

— Боишься проснуться через два года в стеклянном гробу? — усмехнулся Макс.

Дэз не ответила. Она выглядела еще более нервной, чем вчера.

— По правде сказать, мне нечего предложить тебе, кроме воды, — Макс понял, что разговоры об Эдене Дэз неприятны. — Утром я заказывал пиццу, но от нее уже ничего не осталось.

— Вода — как раз то, что надо, — ответила Кемпински.

Она начала осматривать внутреннее пространство Рободома. Оно уже не было таким пустым, каким его увидели Чарли и Тайни. Макс выдвинул часть галерей второго этажа, спальный блок и санузел, открыл технические блоки в основании. Туда вела узкая темная лестница.

— Почему ты попросила Чарли не говорить мне, что вы

переписываетесь? — спросил Громов, подавая Дэз стакан с водой.

Она отпила большой глоток, присела на корточки у лестницы, которая вела в подземную часть Рободома, поставила стакан на пол.

— Можно взглянуть на его платы? Не могу даже представить, как они выглядят. Железо для компьютера размером с дом!

Дэз кивнула в сторону лестницы:

— Я спущусь?

— Альтер, свет в техническом блоке! — скомандовал Макс.

Подземные галереи тут же залил сине-белый свет. В нем был хорошо виден каждый проводок, но лица казались мертвыми, как у зомби из антикварных фильмов.

— Альтер? — переспросила Дэз.

— Да, генеральная программа Рободома. Разве Чарли тебе не рассказывал?

Дэз прошла вперед.

— Он сказал, что я должна увидеть это своими глазами. Сказал, что не хочет портить сюрприз, — она натянуто улыбнулась, пожав плечами. — Здесь очень холодно.

— Специальный температурный режим, чтобы не допускать перегрева основных узлов.

Дэз остановилась у громадных оптических накопителей в прозрачных кожухах из органопластика.

— Ничего себе. Почти такие же, как были в Эдене. Одного вроде бы не хватает…

В ровном ряду из высоких блоков одно место пустовало. Восьмое справа.

— Да, — Макс подошел к ней. — Одного нет. Я пытался узнать у Альтера… Но он не смог ответить. Нет соответствующих данных.

— Это видно, — Дэз ткнула в пустующую нишу.

— Я просил Альтера сформировать для меня историю операций, чтобы понять, когда блок удалили, и список на период, предшествовавший удалению. Может, Аткинс сам его убрал? Альтер! История операций готова?

— Двадцать четыре процента, — ответил системный голос, совсем не похожий на дребезжащий, сварливый тон Аткинса.

— Следы от лазерной резки, — Дэз ткнула в черные пятна копоти на рейлингах, которые некогда держали отсутствующий блок.

— Где? — Макс прищурился и нагнулся, чтобы рассмотреть получше. — Действительно… Крепеж просто срезан. Странно. Он ведь вынимается элементарно. Одним нажатием… — он нажал на кнопку, отпирающую механизм.

На пол с глухим стуком упал обрезок углепластикового крепежа.

Макс поднял его, поднес к глазам.

— Нужен фонарь, — Дэз заглянула в пустую темную нишу.

— Сейчас, — Макс побежал по ступенькам наверх.

Когда он вернулся, Кемпински сидела на корточках, рассматривая соседний блок памяти, вернее сказать, его крепеж.

— Не так все просто, — сказала она. — Одним нажатием блок не вынуть. Тут внутри еще один замок, и открыть его скорее всего можно только дав соответствующую команду генеральной программе.

— Альтер не отвечает на вопросы по этому поводу, — напомнил ей Макс.

— Возможно, ты неправильно их формулируешь, — Кемпински встала. — Меня он послушает?

— Не знаю, — Макс пожал плечами. — Скорее всего нет. Он слушает только меня.

— Если учесть, что ты новый владелец, — это логично.

— Он начал меня слушаться еще до того, как дом был официально зарегистрирован как моя собственность и Альтер получил соответствующие коды. Климов сказал, что подобного не случалось… Альтер даже на порог никого не пускал.

Дэз удивленно приподняла брови:

— Странно… У тебя есть какие-нибудь догадки?

Макс пожал плечами:

— Надеюсь, история операций хоть что-нибудь прояснит. Вообще-то отсутствующий блок — это не единственная проблема. Взгляни.

Громов подвел Дэз к монитору.

— Альтер, данные о состоянии системы!

По экрану побежали строки системных данных.

— Видишь? — Макс ткнул пальцем в четвертую сверху строку. — Рободом что-то обрабатывает! С момента постройки! Уже семнадцать лет! Обеспечением его функционирования занято всего пятнадцать процентов системы! Все остальное — идет на решение какой-то задачи. Учитывая мощность системы, я даже представить не могу, что он такое делает… — Макс показал на кожух из сверхпрочного углепластика, которым было закрыто ядро Рободома. — Кластер из ста пятидесяти тысяч процессоров — про это Альтер тоже не говорит!

Дэз тронула дату в строке.

— Семнадцатое мая две тысячи тридцать седьмого года. Это еще до официальной регистрации Рободома. Вспомни — официально он был сдан в эксплуатацию только четвертого

декабря! Возможно…

— Альтера еще не было, когда Аткинс дал системе задачу, — закончил Макс.

— И она скрыта среди инженерного софта для железа, к которому Альтер не имеет доступа. — Кемпински осмотрелась. — Иначе он бы увидел…

— Не обязательно, — перебил ее Макс, — Аткинс мог просто закрыть от него часть данных. Альтер — интеллектуальная, но все же программа…

— Как делятся диски Рободома? — Дэз вернулась к шкафам.

— Никак! — Громов улыбнулся. — Еще одна загадка! Все диски слиты между собой в единое пространство, куда данные свалены как попало! Даже четкой структуры нет! Просто гора файлов, из которой Альтер выбирает нужные!

— У него есть внутренний декодер, — уверенно сказала Дэз. — Мой отец тоже так делает… — она запнулась, — делал. Постороннему человеку могло показаться, что на диске просто гора файлов с непонятными расширениями, сваленных туда вразнобой, без всякой системы. На самом деле, стоило вставить в компьютер внешний ключ — и дисковое пространство тут же упорядочивалось, расширения обозначались как надо и так далее. Ты смотрел внутренний скрипт Альтера?

— Нет, я его просто не нашел, это все равно что искать красную бусину в целом вагоне оранжевых… Стоп, — Макс замер. — Тот же самый принцип, что у «Ио»! Тогда Аткинс спрятал ключ в миллионах программных строк… А здесь — внутренний скрипт Альтера среди миллиардов других скриптов! И никакой системы!

— Рободом… как и другие компьютеры, подключенные к Сети, должен был пострадать от… атаки Джокера, — сказала Дэз. — И восстановиться после запуска «Моцарта».

— И что? — не понял Макс. — Для всех прочих компьютеров, кроме «Ио», «Моцарт» — просто маршрутизатор, который обеспечивает связь Рободома с Сетью и часть его функций в ней. Грубо говоря — как он участвует в общей системе передачи данных.

Дэз сделала глубокий вдох.

— Макс… Я понимаю, что это звучит как бред… Мне самой с трудом хватает знаний, чтобы понять, как такое могло произойти, но мне кажется, что… Рободом слушается тебя, потому что «Моцарта» грузили в Сеть из твоей трехмерной репликации…

Макс нахмурился:

— Мне знаний не хватает, чтобы вообще понять, о чем ты говоришь.

— Как Рободом узнавал Аткинса? Почему он слушался только его? А потом начал слушаться тебя?

Макс замотал головой:

— Нет ответа.

— Я пока не могу сформулировать четкой гипотезы, но все это как-то связано с «Ио» и Сетью, — продолжила Кемпински. — Когда ты изменил ее внутренний код, чтобы омега-вирус не смог существовать в новой среде, что-то произошло… Рободом — один из четырех суперкомпьютеров и, возможно, самый совершенный, он отреагировал на изменения быстрее, чем другие. Если бы мы могли узнать, что происходит с «Аресом», «Ио» и «Дженни»…

— Только с «Аресом». Его устройство аналогично устройству Рободома. «Ио» и главный компьютер Эдена — квантовые, — поправил Макс.

— Мне кажется, это значения уже не имеет, — в голосе Дэз отчетливо звучала тревога.

Макс развернулся, чтобы вернуться к монитору, и неожиданно оказался лицом к лицу с Дэз. Настолько близко, что кожей ощутил жар ее тела, хотя вокруг было очень холодно. Он почувствовал даже биение ее сердца под тонким изохлопком. Мгновение они стояли рядом, глядя друг другу в глаза. Потом Дэз сделала незаметное, ускользающее движение в сторону, дав Громову пройти.

— Мне надо возвращаться, — сказала она.

— Я отвезу тебя, — предложил Макс.

— Ах да… «Фантом»… Я его еще не видела. Скоро поедем, а то Скай будет волноваться. Он мне теперь вроде… Даже не знаю, как это называется. Не сомневаюсь, что через какое-то время они с Джен начнут встречаться. Он так давно этого ждет…

Слова полились из Дэз как журчащий ручеек. Подобное происходило всегда, когда она чего-то пугалась. Макс еще в Накатоми отметил эту странную привычку Кемпински — от страха начинать городить стену из слов, будто она сможет ее от чего-то спасти.

Из обрушившейся на него лавины звуков Макс понял только, что Инферно скорее всего сменит Джокера — и как вождь, и как муж Дженни Синклер. Громов почти не слушал Дэз, только следил за ее губами и движениями тонких пальцев, то и дело поправлявших длинные белые пряди, падающие на лицо.

— Так ты покажешь мне Альтера? — неожиданно спросила она, даже не договорив предыдущего предложения.

Это означало, что Кемпински наконец справилась с приступом волнения.

— Конечно, — обрадованно кивнул Макс. — Альтер!

Визуальный режим.

Альтер возник рядом с ним.

— Приветствую, — кисло сказал он Дэз. — Да, я генеральная программа Рободома с единственной в мире уникальной визуализацией. Твой приятель очень крут. У него есть очень крутой гаджет. Он просто супер.

Тон и ужимки Альтера были, как всегда, издевательски-злыми.

— Невероятно… — пробормотала Дэз, глядя на голограмму.

— Ты оделась не так, как обычно, — заявил Альтер. — Почему?

Кемпински смутилась, ее щеки покраснели.

— Она специально так оделась, — Альтер ткнул пальцем в Дэз. — У тебя есть шанс, парень, используй его. Только не позволяй ей завладеть твоим сердцем по-настоящему. У женщин слишком непостоянный гормональный фон, чтобы на них можно было полагаться. Они сами не могут знать, какой будет их личность утром, — каждый день начинается с биохимической лотереи. Она предаст тебя, причем сама не заметит как. Потому что сегодня она один человек, а завтра — другой.

Альтер подмигнул Максу.

— Гениально… — только смогла выдохнуть Дэз, глядя на Альтера. — Он… Он как живой! С ним можно… разговаривать!

— У меня встроенный детектор лжи, и он подает сигнал, что ее сердечный ритм слишком неровный, — сказал Альтер. — Это значит, она что-то скрывает. Она волнуется. Говорит не те фразы, которые хочет. Она пришла сюда с какой-то целью. Только никак не решится сказать, зачем именно.

— Вот и поговорили, — улыбнулся Макс.

Дэз не могла отвести взгляда от цифрового привидения Аткинса.

— Он как живой, — повторила она.

Максимус Гром

Дневник доктора Павлова

15 сентября 2054 года, 18:23:12
Токийский хайтек-мегаполис
Штаб-квартира Бюро
информационной безопасности

Меня вызвали поучаствовать в совещании, точнее сказать, выяснении отношений между Бюро и Интерполом. Его шеф — Яков Фаворский — прибыл к Буллигану с целым списком «спорных вопросов».

Совещание проходило в комнате за кабинетом Буллигана. Судя по количеству «антиантенн», — ящиков с отрицательным излучением, которые по принципу «черной дыры» поглощали любые волны, — разговор предстоял серьезный. Настолько, что главы обеих гражданских спецслужб могли лишиться своих кресел, если хотя бы одно слово просочится наружу. Я и не думал, что Буллиган нуждается во мне настолько, чтобы доверить присутствие на подобном совещании. Интересно, чем я его к себе так расположил?

— Вы можете объяснить, ради чего мы впустили в Элладу, самую охраняемую зону комфортного проживания, террориста, которого во всем лотек-пространстве уже считают преемником Джокера?

— Ради победы Громова в Олимпиаде, — спокойно ответил Буллиган. — Евгений Климов, наш аналитик, считает что Инферно сможет идеально подготовить команду.

— Кстати, о Евгении Климове…

Фаворский подозрительно покосился на меня.

— Когда мне доложили, что вы, Буллиган, подали запрос на полный аватар для несуществующего гражданина, который не является вашим агентом, я заинтересовался, сопоставил некоторые события… И поехал в Джа-Джа Блэк. Знаете, что я там обнаружил? Что в ячейке доктора Павлова лежит некий Мирко Другович, личностного аналитика Аткинса в морозилке нет.

— Вы всегда были удивительно догадливы, — сказал Буллиган с такой улыбкой, что становилось неясным — комплимент он только что сказал или издевку.

— Хорошая маскировка, — Фаворский одобрил работу доктора Просперити и наконец перестал меня разглядывать. —

Итак, что насчет Инферно?

— Пока он готовит Громова к Олимпиаде, мы все будем делать вид, что его поддельный набор документов на имя Пола Смита нас нисколько не смущает. Как только Громов победит…

— Хорошо, — Фаворский скривил свои тонкие губы. — Тогда… Алекс Хоффман. Недавно он потребовал, чтобы я поднял все досье Громова и попытался найти там хоть что-нибудь дающее повод для ареста. Я поднял…

— Нашли повод? — Буллиган едва заметно напрягся.

— Конечно, — Фаворский улыбнулся, — повод не ахти какой, арестовать по нему можно любого гражданина старше трех лет, но вполне законный.

— Хакерство… — выдохнул Буллиган, откидываясь назад в кресле.

— Да, парочка взломов паролей для входа на игровые арены, нелегальное копирование софта, уничтожение нескольких спам-серверов, — Фаворский уставился на шефа Бюро немигающим взглядом.

— Но вы же понимаете, ради чего все это делается? — сердито спросил его тот.

— Еще как! — из горла Фаворского вырвался хрипловатый сухой смешок. — Все понимают! Алекс хочет, чтобы кроме остатков газа ему принадлежали и Сеть, и самая перспективная разработка в области софта за всю его историю.

— И что, по-вашему, случится, если он все это получит? — Буллиган склонил голову чуть набок.

— Поэтому я сюда приехал, — шеф Интерпола встал и начал нервно расхаживать по маленькой комнате. — Уход Хелены Наварро меня крайне огорчил. Я даже пытался предложить ей помощь в борьбе за место Председателя Торговой Федерации… Но она категорически отказалась.

— Да, это было не в ее правилах — использовать спецслужбы для войны с конкурентами, — вздохнул Буллиган.

— Я думаю, мы должны выработать некую общую стратегию, которая позволит нам сдерживать диктаторские порывы Алекса, — Фаворский нахмурился. — Судя по тому, как вы оберегаете Громова, у вас есть какие-то планы на его счет. Могу я их узнать?

Буллиган смотрел на него долго, изучающе, потом перевел взгляд на меня.

Я понял, что он ждет совета — можно ли доверять Фаворскому. Насколько шеф Интерпола, известный своей скрытностью и беспринципностью, искренен в своих намерениях остановить Алекса Хоффмана? А что, если это просто способ

разведки? Что, если Фаворский просто забрасывает наживку в надежде выяснить, какие у Бюро есть планы и козыри?

Фаворский тоже посмотрел на меня.

— Кстати, вы не знаете, почему Хелена сдалась без боя? — спросил он.

— Это случилось уже после приведения моего приговора в исполнение. Я могу только предполагать. Думаю, это как-то связано со смертью Роберта, обстоятельства которой мне никто из вас толком не может сообщить.

Буллиган и Фаворский переглянулись. Похоже, им обоим есть что скрывать на этот счет. Как только они нашли эту точку соприкосновения, напряжение в комнате стало не таким ощутимым. Да, у них определенно есть какой-то общий секрет…

— Рободом начал слушаться Макса Громова еще до того, как произошла официальная смена владельца, — сказал я. — Вам это не кажется странным?

— В самом деле? — лицо шефа Интерпола все равно осталось бесстрастным. — И что это значит? Я бы с удовольствием присоединился к вашим маневрам против Хоффмана, если бы вы хоть что-нибудь рассказали!

— Понимаю вашу иронию, — я улыбнулся, — но проблема в том, что мы сами еще толком не разобрались в ситуации. Произошло нечто глобальное. Настолько большое, что мы не можем понять этого сразу. Поэтому пока просто наблюдаем.

— И наша единственная задача — обеспечить полную безопасность Громову, — добавил Буллиган. — Вы с нами?

Фаворский прищурился, потом вздохнул. Первый раз я увидел на его лице далекий отголосок эмоции. Нечто похожее на разочарование.

— Хорошо. Я понимаю. У вас есть все основания думать, что я действую по заданию Алекса, — сказал он. — Надеюсь, некоторые усилия с моей стороны, дабы убедить вас, что мы союзники, будут более весомым аргументом, чем просто слова. Я не стану сообщать Хоффману о том, что Громов в прошлом хакер.

— Я тебе доверяю, Яков, — перебил его Буллиган. — Доктор Павлов сказал правду. Ни я, ни доктор Синклер, никто на свете пока не может понять, что именно сделал этот мальчик и на что он способен в будущем. Все, что мы делаем, — это… В общем, я просто уверен, что Алексу не нравится Громов, и хочу защитить парня. Хотя бы из чувства благодарности. Как-никак, но он рисковал жизнью, чтобы нас всех спасти. Ты, конечно, можешь считать меня старым сентиментальным дураком.

Фаворский внимательно смотрел на Буллигана, который вытирал шею платком.

Я добавил:

— Громова нельзя злить. Если хайтек-пространство станет враждебным по отношению к нему, это закончится очень большими неприятностями для нас всех.

Фаворский прикусил губы, потом сказал:

— Ну, пока что это не так. «Кор» открыла игровой портал «Максимус Гром», посвященный «спасителю». Для большей части хайтек-граждан он супергерой, несмотря на обвинение ICA.

— Слышите? — Буллиган обратился ко мне. — Обязательно обратите внимание Громова на этот портал. Скажите, что он уже легенда. Уверен, ему будет приятно.

— Сомневаюсь… — пробормотал я. — Потрясение, пережитое им в суде, еще слишком свежо, чтобы он мог воспринимать ситуацию объективно.

— Я, конечно, не могу вам советовать, но мне кажется, в его голову надо вложить мысль о том, что мир состоит не только из уродов, инициировавших эту травлю, но из множества хороших людей, которые по-настоящему благодарны Громову…

— При всем уважении, мистер Буллиган, но даже первокурсник Элизиума с вами аргументированно не согласится, — жестко сказал я. — Люди ходят на портал этой игры не для того, чтобы выразить благодарность реальному Громову, а чтобы самим, хотя бы виртуально, побыть Громовым, которому положена благодарность… Игра виртуальна, но впечатления, которые она оставляет, вполне реальные. Игроки уходят с чувством, что они гении и герои, равные ему, а значит, необходимость платить Максу за его изобретение начнет казаться им все более и более раздражающей. Боюсь, последствия запуска этого портала, которые наступят через несколько месяцев, Громова совсем не обрадуют.

* * *

16 сентября 2054 года, 09:18:21
Штаб-квартира Бюро
информационной безопасности,
архив

Буллиган отправил Роджера Ли вместе с Идзуми в один из «кабинетов для ознакомления с информацией», которыми был оборудовал архив Бюро.

Это была малюсенькая волнонепроницаемая комната с изолированными от внешней Сети компьютерами. Вынести,

скопировать или передать информацию из этого кабинета было невозможно. По крайней мере, до сих пор никому не удавалось.

Напарники сидели лицом друг к другу, уткнувшись каждый в свой монитор. Их разделял огромный прямоугольный, заваленный контейнерами для оптиков стол.

Роджер и Идзуми составляли общий протокол информации об Алексе Хоффмане. Каждый вставлял в него что-то казавшееся ему важным для расследования. В течение нескольких часов напарники обменялись всего парой фраз, да и то не относящихся к делу. Когда Идзуми вытащил пачку сигарет, Роджер сердито заметил:

— Здесь запрещается курить.

— Да, а кто увидит? Это же специальная противошпионская конура, — сердито сказал инспектор. — Здесь камер нет.

— Я увижу, — отчеканил Роджер. — Пожалуйста, если хотите курить, сдайте магнитную карту дежурному и поднимитесь на крышу, в специальную секцию для курения на открытом воздухе, где ваша вредная привычка не сможет причинить вреда никому, кроме вас самого.

Идзуми посмотрел на Роджера так, будто тот лишил его последней затяжки перед казнью. Потом сунул сигареты обратно в карман плаща и уткнулся в монитор.

Инспектор просматривал отчеты, составленные десятками агентов, и заключения, выданные лучшими личностными аналитиками. Буллиган предупредил и Роджера, и Идзуми:

— Мы не можем следить за ним слишком явно, открыто. Как вы понимаете, в этом случае Хоффман вполне в состоянии просто-напросто лишить нас финансовой возможности это делать. Поэтому сведения о нем далеко не полные. Вам предстоит восполнить имеющиеся пробелы. Сразу предупреждаю, что данное расследование — моя личная инициатива, причем чрезвычайно опасная для вас обоих. Никто не должен знать о вашем задании. Никто, слышите?

— Чудно, — вздохнул Идзуми. — То есть, если Хоффман отправит к нам отряд головорезов из собственной службы безопасности, нам надо сказать, что мы по собственной инициативе копаемся в его тайнах, мол, людям свойственно любопытство? А вы, сэр, стало быть, ни при чем?

— Именно, — спокойно и даже с некоторой иронией подтвердил Буллиган.

После этого разговора Идзуми стало окончательно ясно, что он ошибся в выборе профессии и что его попытки дотянуть до счастливой спокойной пенсии ему слишком дорого обходятся.

Роджер, напротив, был явно воодушевлен предстоящей

работой.

— Прижать Алекса Хоффмана! — мечтательно вздохнул он. — Я войду в историю!

— Угу, — мрачно кивнул Идзуми. — Влетишь! В кремационной капсуле.

Когда напарников отправили в архив изучать досье Хоффмана, Идзуми втайне понадеялся, что процесс «изучения» удастся затянуть года на два… То да сё, уточнения, разъяснения…

— Всегда можно прикинуться тупее, чем ты есть. Я уже старый, несколько сотрясений мозга пережил, всякое может быть, — говорил себе Идзуми.

Однако Роджер Ли, очевидно, был настроен совершенно иначе. Он как одержимый запихивал в свою голову через нейролингву необходимую информацию.

— Поскорей бы отсюда выйти, — ворчал Роджер. — Ненавижу сидеть в архиве!

Инспектор начал понимать суть коварного плана Буллигана. Он специально приставил к нему самого резвого и нетерпеливого агента, чтобы напрочь отрезать все возможные пути спасти собственную шкуру. От этой мысли Идзуми погрузился в уныние, проклиная тот день, когда ему по почте прислали распоряжение съездить в Эден.

Окончательно смирившись с неизбежностью, Идзуми начал вчитываться в сухие отчеты и заключения. Вскоре ему пришлось признать, что составлены они толково и содержат немало увлекательных подробностей.

К примеру, увлечение Хоффмана военными стратегиями — на арене «Полководец» он провел немало часов и закрыл свое подключение только потому, что его армия постоянно проигрывала. Проигрыши вообще сильно злили Алекса. Как-то, продув партию в сквош, он начал колотить ракеткой по стенам так, что разломал ее на мелкие кусочки. Другой раз, проиграв своему компьютеру партию в шахматы, разбил голографическую доску вдребезги.

Отдельного внимания заслуживала попытка Хоффмана вживить своим секретарям чипы, упрощавшие передачу информации. Фактически, в этом случае Председатель TF мог видеть своих сотрудников в списке устройств, подключенных к его компьютеру. Забавная идея.

В числе его «технологических заданий» числилось и такое: «электромагнитный генератор импульсов для повышения производительности труда официантов». Суть этого гениального устройства была проста. Если клиент в ресторане нажимал на

кнопку вызова официанта, а тот не являлся в течение минуты, то этого самого официанта начинало бить током. Прекратить производство данных импульсов можно только подбежав к тому столу, с которого был послан вызов, и поднеся датчик к специальному стоп-чипу.

Все личностные аналитики выносили весьма неутешительный вердикт, что всеми действиями Хоффмана движет «ощущение себя как ущербного, второсортного существа и яростные попытки доказать всему миру, что это не так».

Проработав в полиции почти тридцать лет, Идзуми наизусть выучил, что такое «комплекс ущербного существа». Обыкновенно этой формулировкой снабжали каждого серийного убийцу и каждого террориста. Будто истории их жизни Бог создает простым копированием, не утруждая себя актом творения. Родились в социально неблагополучной среде, росли в нищете, считали, что достойны лучшей доли, вбили себе в голову, что мир их презирает, не уважает, не замечает их достоинств, сначала пытались доказать, что они не хуже других, потом начинали убеждать себя самих, что они на самом деле лучше других, это не слишком-то хорошо получалось… Результатом сего внутреннего диалога неизменно становились трупы, хитроумные бомбы или отравляющий газ в транспортных системах или вот проекты типа «Кибелы» — попытка превратить человечество в стадо послушных зомби, которыми можно управлять, как рабами в компьютерной стратегии. Причем, учитывая плачевные результаты Алекса на арене «Полководец», человечеству пришлось бы туго.

Хоффман, судя по отчетам Бюро, этап попыток доказать, что он не хуже других, — миновал. Он методично скупал самые дорогие и роскошные вещи в мире — яхты, дворцы, предметы искусства. Только турбоджет «Фантом» ему не достался.

Алекс стал медиазвездой, потом Председателем TF… Однако от своих детских комплексов, похоже, так и не избавился. Иначе как объяснить его маниакальное пристрастие к соревнованиям в любой области? Его одержимость коллекционированием всевозможных титулов и званий была известна абсолютно всем. Никто не удивился, когда Алекс Хоффман принял решение участвовать в Олимпиаде. В TFT оборудовали специальный тренировочный блок. Для участия в команде Алекса скуплены самые лучшие и прославленные геймеры. Его тренирует Спайдер — четырежды чемпион Олимпиады. Второй величайший игрок в истории, после Инферно. Самого Инферно агенты Хоффмана искали несколько месяцев, но так и не смогли обнаружить, где тот скрывается.

Читая все это, Идзуми забыл о времени. Он знал, что

Хоффман опасен, — но не мог предположить, насколько.

— Настоящий мегаломаньяк, — восхищенно вздохнул Роджер. — Прижать такого… Обо мне кино будут снимать еще лет триста. Может, даже комикс создадут…

Инспектор очнулся и сердито посмотрел на своего напарника. После десяти часов подключения к нейролингве тот походил на пациента психиатрической клиники. Волосы торчат в разные стороны, глаза красные, вокруг них фиолетовые круги.

Идзуми вздохнул. Лицо его было очень хмурым.

— А я все думал, на кого же мы похожи, — проворчал он. — Точно, на парочку из комиксов.

— Вы хоть понимаете, насколько важна наша миссия? — спросил Роджер.

Инспектор скрестил руки на груди, вытянул ноги и уставился в экран, где висел системный отчет личностного аналитика, который давал подробный прогноз поведения Хоффмана; там значились: попытка установить личную диктатуру, массовые убийства всех, кто не будет поклоняться Алексу как живому богу, жажда вершить судьбу всего человечества — никак не меньше.

— «Наша миссия», — Идзуми передразнил Роджера. — О, боже…

— Пора передохнуть, — сказал Роджер, вылезая из своего кресла. — Завтра продолжим.

— Поезжай, я останусь, — ответил Идзуми.

— Зря вы нейролингву не используете, — заметил Подлюга, — без нее вообще нереально такой объем информации запомнить.

— Предпочитаю старый способ, — буркнул инспектор, — он позволяет над информацией еще и подумать.

— Ну, как знаете, — Роджер взял с вешалки свою кожаную куртку. — До завтра.

Идзуми кивнул.

Как только напарник вышел за дверь, инспектор моментально выхватил из кармана пачку сигарет, зубами выдернул одну, щелкнул зажигалкой и закурил. Откинувшись назад в кресле, он выпустил кольцо дыма в потолок. Лицо его выразило неизъяснимое блаженство. Потом Идзуми встал и начал медленно ходить по кабинету. Прикурил вторую сигарету от первой, потом третью от второй…

В четыре часа утра на столе перед Идзуми стояла переполненная импровизированная пепельница, в которую он превратил один из стеклянных стаканов. Круг данных, которые интересовали инспектора, сузился до отчетов, касающихся корпораций Brain Gate и «Параллельный мир». Обе принадлежали

Алексу Хоффману единолично и не входили в «золотую тысячу» крупнейших компаний мира.

Brain Gate, согласно документам, являлась исследовательской корпорацией, созданной с целью разработки «телепатического чипа», который позволяет инвалидам управлять электронными устройствами посредством одного лишь желания. То есть, достаточно только пожелать, чтобы окно открылось, — центральный компьютер примет соответствующий сигнал, дешифрует его и даст нужную команду датчикам оконного пакета. Brain Gate финансировалась из личных средств Хоффмана, и, согласно обязательному отчету для Комиссии по этике о сути своих исследований, застряла на стадии разработки интерфейса.

ID

Разделы: бионика, история софт-инжиниринга

Технология Brain Gate — начала создаваться в начале XXI века. Сотрудники организации Cyberkinetics Neurotechnology Systems разработали способ управления компьютером без помощи мыши. При помощи 100 проводов они подключили к компьютеру мозг 25-летнего парализованного человека. Хотя и не так удобно, как мышью, но система позволяла силой мысли включать и управлять телевизором, просматривать почту и играть в компьютерный теннис, чего прежде этот человек делать не мог. 25-летний парализованный сказал, что это устройство изменило его жизнь. Систему назвали Brain Gate («Мозговые ворота»).

«Параллельный мир» был создан с целью производства игровых арен. Однако ни одной арены пока не запустил. В разработке у него якобы находится арена «Менеджер Вселенной», где каждому игроку предоставляется возможность сотворить такой мир, какой он только пожелает…

Согласно финансовым документам, которые агенты Бюро сумели добыть в кредитной системе, обе компании обходились Хоффману чрезвычайно дорого. Немыслимо дорого. Средств, которые он направлял на «исследования» и «проект арены», могло хватить на создание десятка экспериментальных чипов и двух арен-миров вроде «Динотопии» или «Сунь Укун».

Однако никакого ощутимого результата Хоффман за свои деньги от этих компаний не получил. Только пространные объяснения, обещания, что они до сих пор ничего не создали, но вот уже скоро, скоро… Примечательно и то, что главным инженером обоих проектов была некая Нина Мио — софт-

инженер, выпускница Байок-скай, прошедшая спецкурс прикладного софт-инжиниринга в Университете Манчестера. В этом заведении традиционно готовили будущих инженеров-экспериментаторов, чьей задачей была не отладка массового производства и создание практически полезных вещей, а выдумывание разнообразных концептов, назначение которых могло долгие годы оставаться неясным. Так, Клинт Джонсон придумал самонаводящийся гравитационный квадрат, который мог обнаруживать мелкие цели в воздухе и уничтожать их. Для военных целей квадрат был слишком мал, всего четыре на четыре сантиметра. Поэтому изобретение Джонсона вошло в жизнь хайтек-пространства как «мухобойка Джонсона» и в таком виде стало бестселлером.

— Нина Мио… — Идзуми записал имя обычным карандашом в обычном бумажном блокноте. Доставать такие на блошиных рынках становилось все труднее. Немного выручали старьевщики-апатриды, научившиеся ради бумаги смывать краску со страниц довоенных книг. Особенно хорошие блокноты получались из дешевых бульварных изданий в мягких обложках. Бумагу для них использовали вторичную, серую, дешевую, пухлую и мягкую. Очень удобно писать. Только вот переплет, как правило, никуда не годился.

— Нина Мио, Нина Мио… — несколько раз повторил Идзуми, пытаясь понять, что его так смущает в этом имени.

Инспектор так и не смог формализовать свои интуитивные сомнения, отодвинул блокнот и стал читать отчет дальше.

Сам по себе факт, что дорогостоящие исследования ни к чему не привели, странным не был. Разумеется, Идзуми знал, что из десяти исследовательских проектов успешно завершается в лучшем случае один.

Но Хоффман не был похож на обычного инвестора, который готов рисковать и долго ждать результата. От всех остальных своих корпораций он требовал мгновенной прибыли и внедрения только тех разработок, которые будут иметь гарантированный успех. Например, модули автономных разговоров для биофонов. Эти модули позволяли гражданам хайтек-пространства не поддерживать самостоятельно долгих бессмысленных бесед с говорливыми тетушками или слезливыми подругами. Благодаря модулю автономных разговоров можно было включить интеллектуальную программу, которая в нужный интонационный момент голосом владельца биофона будет говорить: «Ой!», «Да что ты?!», «Не может быть!», «Это потрясающе!», «Какой подлец!», «А ты ему что?» и так далее. Модуль автономных разговоров мог самостоятельно попрощаться, пожелать удачи, даже выдать какое-

нибудь краткое резюме беседы на основе контекстного анализа речевого потока собеседника. Тем временем владелец биофона мог спокойно заниматься своими делами, не тратя времени на бесполезный треп. Успех новинки был бешеный.

Однако ни Brain Gate, ни «Параллельный мир», в принципе, не занимались ничем подобным! Их разработки были немыслимо сложны. Больше того, не было никакой надежды на их оглушительный коммерческий успех. Голосовое управление полностью устраивало большую часть потребителей. К тому же, принимая во внимание уровень развития биоинженерных корпораций и количество гениальных изобретений доктора Просперити, людей, не способных ни двигаться, ни говорить, уже практически не осталось. Даже те, кто не мог себе позволить ДНК-идентичный протез за деньги, все равно так или иначе получали необходимое — или через государственное агентство контроля качества жизни, или участвуя в рекламно-благотворительных акциях производителей имплантантов. Смысл разработки «телепатического чипа» был Идзуми совершенно не ясен.

Арена «Менеджер Вселенной», созданием которой занимается «Параллельный мир», в принципе, вторична. Подобная уже существует и называется «Ты — Бог!» Там любой человек, страдающий манией величия, может за шесть дней создать себе мир, выбрать формы существ, которые его населяют, из предложенных списков флоры и фауны, или тут же сконструировать новых. Завершив процесс творения, игрок мог делать со своим миром все что заблагорассудится. Девяносто восемь процентов игроков строили мир только для того, чтобы его как можно эффектнее и мучительнее разрушить, проявляя поистине безграничную фантазию в части сочинения катастроф, войн и природных катаклизмов. У арены «Ты — Бог!» сложился узкий круг постоянных почитателей, который, к счастью, не подавал признаков роста. Зачем нужна вторая такая же арена, инспектор понять не мог, а все, чего Идзуми не мог понять, внушало ему подозрения. Обе компании — что «Параллельный мир», что Brain Gate — в принципе, никогда бы не принесли Алексу Хоффману ни прибыли, ни славы первооткрывателя — однако он продолжал переводить на их счета астрономические суммы и лично инспектировать штаб-квартиры каждую неделю.

* * *

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

Вот и настало двадцатое сентября, дорогие обезьяне!

Поздравляем вас с этим, на первый взгляд, непримечательным событием. Хотя у кого-то, может быть, день рождения.

Чем примечательно утро этого дня?

В первую очередь тем, что новая, до невозможности примитивная в плане графики арена «Максимус Гром» бьет все рекорды по посещаемости. Спасибо иску ICA. Сутяги в несчетный раз подтвердили, что судебная тяжба — наилучшая реклама. Кабы не их претензии к Максу Громову… Не видать бы арене «Максимус Гром» абсолютного рекорда посещаемости. Даем всем зубы нашей редакции в складчину. Ибо! Вчера был зарегистрирован абсолютный рекорд единовременного количества игроков — сорок шесть миллионов. Только вдумайтесь в эту цифру! Сорок шесть миллионов! Это население Токийского хайтек-мегаполиса целиком, включая древних стариков и новорожденных младенцев! Честно говоря, нам даже не хватает серого вещества, чтобы осознать подобную цифру…

Что представляет из себя арена «Максимус Гром»? Для начала — ЭТО даже ареной назвать нельзя… Собственно, что стоящего можно было собрать за неделю? Движок арены производит задачки, тренирующие память, логику, способность к идентификации и мгновенным вычислениям в уме. Эти задачки методом случайного выбора выдаются игрокам, постепенно усложняясь. Решать их можно пока не надоест. Нам надоело через двадцать минут. Набранные баллы пересчитываются в «проценты эффективности работы мозга». Средний обезьянин во время первой загрузки получает ответ, что мозг его работает с эффективностью 2–3 %. Соответственно, цель игры — добиться 100 % эффективности, что само по себе абсурд. Все мы с вами знаем, что наш обезьяний мозг, по большей части, занимается нашим же жизнеобеспечением, иначе доктору Си не понадобилось бы городить свой Эден. Всю информацию о принципах работы мозга и методах повышения ее эффективности вы можете скачать тут на нашем портале всего за 20 кредитов.

В общем, вот эта примитивная развивалка для детей по уровню посещаемости оставила далеко позади такие великие арены, как «Сунь Укун — Царь обезьян» и

«Последний герой»… М-да… Мы по этому поводу можем только вспомнить старую поговорку, что вкус халвы приятен лишь питающемуся хлебом. Похоже, вы, дорогие обезьяне, зажрались сценарными и графическими изысками и радостно накинулись на старый добрый хлебушек вместо надоевшей халвы с изюмом, орехами, карамелью, цукатами, шоколадной крошкой… Другого объяснения столь внезапного и столь повального увлечения «Максимусом Громом» мы найти не можем.

Что-то у нас слюнки потекли от всех этих сравнений. Поэтому быстро перейдем к гастрономическим новостям. Тендер на кормление участников Олимпиады, как и ожидалось, выиграла «Свободная поварская артель Мавритании». Уже в десятый раз эти настырные лотеки, вооруженные лишь ножами и чугунными сковородками, обходят крупнейшие пищевые корпорации в борьбе за суперпрестижный олимпийский заказ. Но придраться не к чему. Высокое искусство приготовления блюд из натуральных мавританских продуктов заслуживает признания.

* * *

17 сентября 2054 года, 08:03:12
RRZ «Эллада»
Экологический парк «Сад цветов»

При других обстоятельствах «Садом цветов» можно было бы любоваться, задыхаясь от восторга. Цветы со всего света, высаженные так, чтобы цветение происходило круглый год, небольшие искусственные пруды и романтичные каналы с арочными ажурными мостиками, старинные фонари, беседки в укромных уголках…

Макс же задыхался только от усталости, из последних сил налегая на педали. Он едва поспевал за Фриш, которая даже не вспотела. Это утро она решила начать с троеборья — бег, плавание, велосипед.

— Очень хорошо, сэр, — подбадривала его та, оборачиваясь, — осталось совсем немного. Вы держитесь отлично.

Громов зажмурился. Едкий соленый пот заливал ему глаза. Он даже не мог ответить Фриш, чтобы окончательно не сорвать дыхание. Он уже начал сомневаться — может, все же стоило согласиться на лекарства? Подъем уровня кортизола

«натуральным способом» оказался гораздо более трудным делом, чем можно было себе представить.

— Еще полкилометра, и все. После обеда мы займемся единоборствами или теннисом, как вам захочется.

Неожиданно чья-то рука опустилась на плечо Макса:

— Привет!

Громов от неожиданности чуть не свалился с велосипеда.

Инферно, а это был он, в зеркальных спортивных очках с автозатемнением схватил руль и удержал Макса.

— Прости, не хотел тебя пугать, — он широко улыбнулся. — Ну как? Готов начать подготовку? Мы все тебя ждем.

Макс кивнул и сделал отчаянное усилие крутить педали хоть немного быстрее, потому что Инферно бежал рядом с ним без всяких видимых усилий да еще и разговаривал!

— Отлично, — сказал тот, — тогда, может, в одиннадцать?

Макс кивнул еще раз своему собственному отражению в очках Инферно. Тот широко улыбнулся.

— Тогда я ускорюсь, надо кое-что подготовить.

Он махнул Максу рукой и умчался вперед.

Громов скрипнул зубами, понимая, что вертеть педали быстрее он не сможет. Мышцы и так напрягались на разрыв. У Фриш сделался такой вид, будто чувствовала себя виноватой за усталость Макса, его плохую физическую форму и ждала наказания.

— Он, должно быть, из лотеков, — сказала она, показав в сторону Инферно, который свернул к Спарклам, исчезнув из поля зрения.

— Нет, — процедил сквозь зубы Громов. — Скай Блэкборн мог унаследовать заводы по переработке металлов, принадлежащие его семье. Он хайтек, причем плутократ в шестом поколении. Получил классическое образование без применения нейролингвы. Закончил Кембриджский университет, факультет философии, откуда и отправился прямиком к Джокеру в лотек-пространство.

Фриш втянула голову в плечи.

— Чтобы тренировки дали нужный эффект, они должны быть тяжелыми. От этого никуда не деться, сэр, — виновато сказала она.

— Все в порядке, Фриш, — успокоил ее Макс. — Спасибо, что помогаете мне.

— Ну что вы, сэр… Мы все обязаны вам жизнью, — засмущалась та.

Биофон Макса подал сигнал.

— Да, — с трудом ответил Громов. К счастью, подъем

закончился, начался спуск.

Через час Макс «финишировал» у ворот Рободома, точнее сказать — приполз к воротам.

— Поздравляю вас, сэр! — Фриш похлопала его по плечу. — Вы чемпион. Я приду за вами в четыре. На полтора часа. И перед сном. Вам сейчас надо заниматься не меньше пяти часов в день, а лучше шесть.

— Слушаюсь, — Макс с наслаждением расстегнул шлем и стащил его с головы.

— И не забудьте пообедать как следует. Здесь неподалеку хороший ресторан. Сэр Роберт заказывал всю еду там.

Макс удивленно посмотрел на Фриш.

— Вы знали Роберта Аткинса? — спросил он.

— Совсем немного, — та покачала головой. — Доктор Павлов, его врач, приглашал меня как-то в надежде, что сэр Роберт захочет научиться хоть чему-то — плаванию или каким-нибудь физическим играм. Но тот наотрез отказался. Хотя таким, как он, физические нагрузки необходимы с самого раннего возраста…

— Каким «таким»? — Макс напрягся.

— Ну… таким… — Фриш замялась. — Я не сильна в медицине и не знаю, как называлась его болезнь. Меня учили только, как тренировать мышечный корсет и сохранять гибкость суставов, применять схемы тренировки, выписанные врачом.

— Из какой части лотек-пространства ты приехала сюда? — спросил Макс.

— Я не из лотеков, — Фриш вздохнула, — мою мать лишили гражданства в Нью-Йоркском хайтек-мегаполисе. Когда стало совсем туго, она отдала меня в Олимпийскую деревню.

— Понятно, — Макс грустно посмотрел на Фриш.

Та улыбнулась и помахала ему рукой:

— До четырех, сэр!

После чего развернула велосипед и быстро укатила.

Макс поставил свой байк у ограды, закрыл ворота и стал медленно подниматься к Рободому, мечтая только об одном.

— Душ через две минуты! — сказал он Альтеру, как только вошел.

— Узнаю почерк старушки Фриш, — усмехнулся Альтер, — в отместку за свое несчастное детство она теперь изощренно мучает жителей Эллады.

Громов скрылся от Альтера в душевом блоке.

* * *

17 сентября 2054 года, 10:59:23
RRZ «Эллада»
Поместье Спарклов

«Фантом» мягко, почти невесомо катил по идеально ровной дороге. Остановившись у крыла, которое вело в апартаменты Чарли, Макс вышел.

Он обогнул дом и оказался на лужайке для крокета — так Эмма называла эту идеально ровную площадку с ровно подстриженной травой.

По лужайке бегали Тайни, Чарли и Дэз — все с завязанными глазами — и пытались поймать сквош-мячики, которыми Инферно стрелял из пневматического ружья. У Дэз получалось хотя бы верно определить направление полета сквошика, но схватить его — нет. Чарли и Тайни бестолково метались из стороны в сторону, натыкаясь друг на друга.

Рука Макса дернулась вверх будто сама собой. Прежде чем он успел понять, что происходит, его пальцы уже сжимали сквошик.

— Неплохо! — раздался удивленный возглас Инферно.

Тайни снял повязку.

— Это не считается! Он его видел, — обиженно сказал Бэнкс.

В следующее мгновение мячик ударился в его грудь.

— Ты тоже, — улыбнулся Инферно.

Чарли и Дэз сняли повязки.

— Привет, — поздоровался со всеми Макс.

— Здравствуй, — ответил Чарли несколько прохладно.

— Привет, — Тайни насупился.

Дэз вообще ничего не сказала.

Инферно положил ружье на траву и обвел недовольных строгим взглядом.

— Мне казалось, мы это обсудили и все всё поняли, — сказал он.

— Что поняли? — Макс с трудом поборол приступ раздражения, которое в последнее время накрывало его все чаще.

— Они считают, что ты поступил эгоистично, уехав на несколько дней, в условиях, когда до игр остаются считанные недели, — пояснил Инферно.

— Я под судом. Мне надо бегать по восемь часов в день, чтобы привести себя в порядок, — ответил Макс. — Извините, что доставляю неудобства.

Тайни растерянно посмотрел на Чарли, ожидая его реакции. Чарли посмотрел на Дэз.

Кемпински тихим ровным голосом проговорила:

— Давайте тренироваться.

Громов почувствовал себя так, будто у него из-под ног выдернули половик и он с размаху грохнулся на задницу.

Инферно легко взбежал по ступенькам.

— Идемте, я подготовил «Кор». Начнем с подробного анализа арен, потом перейдем к стратегии, — он остановился в дверях. — Правила арен все знают? Через нейролингву грузить не надо?

— Мне нельзя подключаться к нейролингве еще две недели, — сказал Макс.

— Хм… — Инферно почесал бровь. — Тогда мне будет довольно сложно объяснить тебе, что есть Путь… Ладно, что-нибудь придумаем. Идем!

Макс пошел за ним. Следом плелся Тайни. Чарли и Дэз чуть отстали. Боковым зрением Макс заметил, что Спаркл идет так близко от Кемпински, что то и дело касается ее руки.

На сей раз приступ раздражения был таким сильным, что у Громова потемнело в глазах. Он пошел быстрее, нагнал Инферно.

— Что-то хочешь спросить? — поинтересовался тот.

— Да… Как по-твоему, я смогу готовиться к играм, не загружаясь в Сеть?

— Я верю, что ты сможешь все, — мягко заметил Инферно, — но ты будешь первым, кто готовится к Сетевой Олимпиаде вне Сети. Кстати, поздравляю, портал имени тебя стал самым посещаемым, — сообщил ему Инферно.

— Имени меня? — переспросил Громов.

— Ты что, ничего не знаешь? — изумился Инферно. — «Максимус Гром»!

— Нет, — Макс слегка оторопел. — А что там?

— Тебе лучше взглянуть самому. Можно без полного подключения. В обычном, двухмерном интерфейсе, — Инферно странно посмотрел на Громова.

— Я… Я не подключался к Сети с того момента, как… — Макс замялся.

— Убил Джокера? — уточнил Инферно. — Не мучай себя. Кто-то должен был это сделать. Выбора не было. Джокер перестал быть собой, как только применил омега-вирус. Честно говоря, я бы задал пару вопросов Хьюго… Если бы знал, как с ним связаться.

— А Дэз? Она тоже считает, что у меня не было выбора? — перебил его Громов.

Инферно обернулся. Подумал и не стал отвечать на вопрос.

— Кстати, мы пришли, — обратился он ко всем остальным. — Я установил мониторы. Игры лучше смотреть в двухмерном виде со стоп-кадром. Так проще их анализировать.

* * *

18 сентября 2054 года, 11:32:12
Северо-Африканская промышленная зона
Либерийский морской порт

Корпорация Brain Gate, согласно документам, находилась в Либерийской промышленной зоне. Более странного места для научно-исследовательского центра представить невозможно.

ID
Раздел: география
Либерийская промышленная зона — Либерия — крупнейший в хайтек-пространстве порт и центр судостроения. Занимает Северо-Африканское атлантическое побережье.

Либерия — это нескончаемая череда строительных и ремонтных площадок, сухих и плавучих доков, где день и ночь собирают новые суда, чинят старые, штампуют детали из вторичного сырья, нелегально заряжают атомные батареи для наутилусов от старых, давным-давно выработавших свой срок реакторов, снятых с трофейных атомных подводных лодок и атомоходов, принадлежавших лотек-коалиции. Самый охраняемый объект в Либерии — судостроительный завод военной корпорации «Микадо», где делают подводные крейсеры — наутилусы — и надводные штурмовые корабли.

Большую часть года в этой местности палит солнце и стоит сорока-пятидесятиградусная жара. Они ненадолго сменяются штормовым ветром и ночным пронизывающим холодом. С искусственных болот, резервуаров для брожения кварцевого топлива и насыщения его солнечной энергией, летят тучи кровососов, превращающих и без того нелегкую жизнь рабочих в настоящий ад.

Москиты от долгого житья в химически-активной среде мутировали и превратились в ядовитых тварей с такой кислотностью тканей, что прихлопнувший комарика рисковал получить серьезный ожог.

ID
Раздел: химия
Кварцевое топливо — довоенная разработка в области воссоздания энергоресурсов. Не поддерживается TF. К. т. изготавливается с помощью искусственно

созданных микроорганизмов Cassey Cesar. Закваска помещается во взвесь из морской воды и кварцевого песка. Под воздействием солнечных лучей бактерии размножаются, расщепляют кварц, модифицированные микрочастицы которого активно поглощают и накапливают солнечную энергию, создавая углеродистую смесь, которая вызревает в течение десяти лет до состояния, пригодного к перегону в высокооктановое топливо.

Искусственные топливные болота в настоящее время созданы во всех пустынях хайтек-пространства. Вероятно, в будущем их наличие серьезно изменит климат и ландшафт этих зон.

Добраться до этого ада Идзуми смог только с пересадкой. Утром он вылетел из Токийского хайтек-мегаполиса плановым рейсом Бюро в Лондон-Парижский хайтек-мегаполис (ЛП), а там пересел на турбореактивный катер на воздушной подушке — пассажирскую «ракету», курсировавшую между ЛП и Либерией. «Ракета» была старая, гудела, как взлетающий самолет, и страшно тряслась, стоило ветру поднять на воде мельчайшую рябь.

Всю дорогу Идзуми проклинал Буллигана, Хоффмана, своего напарника Роджера, жизнь полицейского инспектора и вообще — землю, небо, воду и хайтек-правительство.

Однако, как только инспектор сошел с катера, где были какой-никакой кондиционер и соевое охлажденное пиво, он понял, что на самом деле только что покинул рай.

Идзуми встречал двухметровый черный из Либерийского департамента упредительной полиции.

— Инспектор Раштики. Добро пожаловать в Либерию, — приветствовал он коллегу из Токийского хайтек-мегаполиса.

— Да уж лучше бы я умер… — пробурчал Идзуми.

— Еще успеете, — пообещал ему коллега из упредилки.

* * *

Турбокар Либерийского отделения упредительной полиции несся по бетонному автобану вдоль побережья.

Раштики передал на вирстбук Идзуми все данные по корпорации Brain Gate, какие ему удалось собрать.

— Здесь нет ничего нового, я все это уже видел в архивах Бюро, — проворчал инспектор, просматривая файлы.

— Ну, извините, — широко улыбнулся Раштики. — Честно

говоря, о существовании этой корпорации я лично узнал только из вашего запроса. Нам все больше с мигрантами тут приходится дело иметь…

— Как вы только заманиваете их сюда на работу… — проворчал Идзуми. — Если бы я был лотеком… Ни за что бы не покинул Микронезию или уж, на худой конец, побережье Буферной зоны.

— Туда еще добраться надо, — подмигнул ему Раштики. — Какие у вас планы?

— Сейчас поедем в Brain Gate, потом решим, — коротко ответил Идзуми, рассматривая фотографию главного инженера компании — Савельева. Где-то он уже видел это лицо, только никак не мог вспомнить, где.

— Меня командировали в полное ваше распоряжение, — сказал Раштики с некоторой обидой. — Уж не знаю, чем вы там занимаетесь. Шеф сказал, что ему сам мистер Буллиган насчет вас звонил. Но чтобы я, специальный агент упредительной полиции, оказался в распоряжении простого полицейского инспектора из токийского депа…

— Дело важное, — заверил его Идзуми.

— Само собой. После того, что вы учинили с бедным доктором Си! — рассмеялся Раштики.

Идзуми все никак не мог оторвать взгляд от строгого глянцевого лица Савельева. Лысая голова главного инженера Brain Gate бликовала, как начищенный медный шар.

— Савельев… У вас есть данные на него? — спросил Идзуми. — Вообще в базе упредительной полиции.

— Сейчас посмотрю, — Раштики послал запрос со своего вирстбука. — Мгновение. Мы слишком быстро едем. Сигнал не очень хороший. Нет… Никаких специальных замечаний в адрес Савельева у нас не было. Никогда. Только стандартное досье. Закончил хайтек-школу Байок-скай, системный инженер, работал с военными, получил степень магистра в области проектирования чипов. Ничего странного. Характеристика от военной корпорации «Микадо». Очень позитивная. Высокий когнитивный предел, дисциплина. Образцовый гражданин хайтек-пространства. Семьи нет. Вредных привычек тоже. Личностный аналитик «Микадо» пишет, что у Савельева высокая устойчивость к стрессу. Низкие показатели социальной чувствительности, но на границе нормы…

— Где он живет?

— Здесь, в Монровии. Единственная жилая зона в Либерии, — Раштики обернулся. — Поедем туда вечером. Отели есть только там.

— А выпивка у них имеется? — поинтересовался Идзуми.

— Уж чего-чего, а этого тут навалом, — подмигнул ему инспектор упредилки, — мы же в порту! Если хотите, наведаемся к моим друзьям в таможенный терминал. У них всегда отличный ассортимент конфиската. Не мавританского, конечно, но карибский — весь. Тридцать сортов рома. А?

— Хоть одна приятная новость за последний месяц, — Идзуми глубоко вздохнул.

Раштики присмотрелся к белым ангарам, возникшим на горизонте.

— Похоже, приехали, — он сверился с данными навигатора на лобовом стекле. — Строение номер двести сорок один. Если верить карте — это и есть Brain Gate. Через полчаса будем у их ворот.

Идзуми вытащил из дорожной сумки электронный бинокль. Присмотрелся.

— Территорию охраняет военная пехота с базы «Микадо». Почему же меня это нисколько не удивляет? Забор высотой метров эдак пять. Вышки с пулеметами. Интересно… И все это для создания чипа, который облегчит жизнь инвалидам? А там что?

— Где? — Раштики протянул руку, чтобы взять бинокль.

— Вот! — Идзуми ткнул пальцем в длинный бетонный канал, тянувшийся от базы прямо к морю.

— А-а… Похоже на ремонтный шлюз. Я такие видел на заводе, где обслуживают и ремонтируют морские наутилусы. По нему можно перетащить посудину прямо из моря, с глубины, в сухой док.

— Еще интереснее, — проворчал Идзуми. — Они подрабатывают ремонтом наутилусов?

Раштики подался вперед, потом протянул Идзуми бинокль:

— Гляньте, похоже, как раз один собираются затащить в ангар. Видите, в море всплыл черный? Здоровый какой… Я таких никогда не видел.

Идзуми дал максимальное увеличение, пригляделся…

— Это подводный крейсер, — сказал он. — Остановитесь!

Турбокар тут же затормозил.

Инспектор присмотрелся. Увеличение было недостаточным, чтобы разглядеть детали, но Идзуми был готов поклясться, что видит двух высоких женщин, стоящих на капитанском мостике. Ветер трепал ярко-голубые волосы одной из них.

— Вот дерьмо… — Идзуми почувствовал, что по всему его телу выступает холодная испарина. — Бэнши…

— Дэйдра МакМэрфи?! Дайте посмотреть! Никогда ее не видел! — Раштики вырвал у Идзуми бинокль и уставился на

стоящий далеко в море наутилус.

— Ох, чувствую, я об этом пожалею… — вздохнул Идзуми. — Но план меняется. Интуиция подсказывает мне, что если нас и пустят внутрь компании, то узнать, чем они там на самом деле занимаются, все равно не удастся.

— И что? — Раштики наверняка бы побледнел, если бы смог.

Лицо Идзуми вдруг просияло.

— О! У меня же есть напарник! — воскликнул он. — Я и забыл. Все в порядке. Ни вам, ни мне не потребуется лезть туда тайком, пробиваясь через все охранные кордоны.

Инспектор активировал свой биофон и с огромным удовольствием сказал:

— Привет, Роджер. Я только что нашел тебе отличное задание.

* * *

20 сентября 2054 года, 18:59:23
RRZ «Эллада»
Поместье Спарклов

К семи вечера Инферно только-только закончил рассказывать о внутреннем устройстве арены «Сунь Укун», разбирать ее карту, персонажей, виды оружия, прыжки и методы «заточки скила» — прокачки своего персонажа. Дэз, Тайни и Чарли подключились к нейролингве и закачали себе общую информацию вместе с правилами арены. Потом начали обсуждать полученные данные с Инферно. В результате Громов, который к нейролингве подключиться не мог, временами чувствовал себя лишним и вообще не понимал, о чем идет речь.

— То есть если я встретил наджлонга, то должен остановиться и сделать то, что он хочет, даже если речь идет о двухчасовом чтении мантр? — уточнил Тайни.

— Не обязательно, — Инферно покачал головой. — Еще раз повторяю. Чтобы выиграть на этой арене, думать не надо вообще. То действие, которое тебе мгновенно подсказывает интуиция, — самое верное. Как только начал задумываться, считай, проиграл. Надо уловить этот тонкий нюанс.

— Все, что я пока понял, — ты победил, потому что не знал этой игры, никогда в жизни в ней не был и не думал, проходя ее, ни секунды, — проворчал Чарли.

— Да, но я не сам до этого додумался. Мне подсказал Джокер, — Инферно опустил голову.

Дэз удивленно подняла голову, оторвавшись от монитора с картой арены.

— Ты же еще не был с ним знаком в сорок восьмом году, — заметила она.

— С ним лично нет, а с его манерой проведения хакерских атак — да. Он ведь первым изобрел интуитивный способ борьбы с защитными системами. Если твои действия лишены формальной логики и четкой последовательности, компьютер не может тебя просчитать. Поэтому я думаю, что для победы в «Сунь Укун» мы должны тренироваться на совсем другой арене…

Инферно загадочно посмотрел на Макса. Потом набрал сетевой адрес, и на мониторы всех четверых друзей вывелась загрузочная страница портала «Максимус Гром».

— Эта арена хороша тем, что не требует обязательного подключения к Сети с полным нейронным контактом, — Инферно посмотрел на Макса. — Достаточно и ее простой, двухмерной версии. Смотрите.

Он подошел к монитору Громова и попросил всех остальных:

— Идите сюда.

Дэз слегка нахмурилась, похоже, она не очень понимала план Инферно. Как и все остальные.

Инферно спокойно загрузил «тест», а затем по экрану побежали пиктограммы заданий — тестов на память, логику, интуицию, способности к идентификации… Среди них не было тех, что отвечают за формальную память — «способность пропитывать свои мозги данными нейролингвы», как говорил доктор Синклер. Сколько колец у Сатурна или какую частоту имел первый собранный человеком процессор.

Тесты арены требовали только одного — когнитивных способностей. Например, на экране вертятся пять цилиндров, составленных из букв, — две трети букв принадлежат слову, оставшаяся треть — лишние. Пять цилиндров содержат так или иначе связанные между собой слова, а в шестом — слово, выпадающее из ряда. Например: корпускула, излучение, протонный, ионосфера, гелиофизика и архитектура. Тот, кто за тридцать секунд глядения на вертящиеся цилиндры с буквами успевал понять, какие именно слова зашифрованы, к какой области они относятся и что архитектура не имеет отношения к понятиям из области гелиофизики, — мог получить десять баллов.

Макс даже не успевал следить за движениями пальцев Инферно, которые с немыслимой скоростью выбирали правильные ответы!

«Ваш мозг работает со 100 % эффективностью! Поздравляем!

Вы — гуру! Введите ваше имя, чтобы мы знали абсолютного чемпиона», — выдала система.

Громов, Тайни, Чарли и Дэз стояли рядом, не в состоянии произнести ни слова.

— Как? — наконец с трудом вымолвил Спаркл.

— Первый раз у меня получилось случайно, — улыбнулся Инферно. — Я зашел на этот портал из чистого любопытства. Все-таки он самый посещаемый. И… получил сто процентов. Сами понимаете, вводить свое сетевое имя мне нельзя… Я в Сети нелегально, под фальшивыми кодами. Я стал пробовать еще и еще, каждый раз получая один и тот же результат. Но если при этом вы спросите меня о сути заданий, которые я выполнял, — я не смогу ответить. Я их даже не запоминаю. А теперь…

Инферно вывел на мониторы точку загрузки на арену «Сунь Укун».

— Я прикреплю к себе две Сетевые камеры, чтобы вы могли видеть, что происходит, — сказал он. — Вы посмотрите, как я пройду один из уровней игры. Просто посмотрите. Потом обсудим, как вам добиться того же.

Дэз, Чарли и Тайни вернулись на свои места и сосредоточенно уставились в мониторы.

Инферно подключился к Сети.

Через минуту друзья увидели его трехмерного двойника в загрузочной точке. Инферно использовал коды… девушки. Спортивной, хорошо прокачанной, с незапоминающимся, но обаятельным лицом. Волосы были туго стянуты на затылке в пучок, вроде того, что Дэз носила в Накатоми. В углу экрана было ее имя: «Алиса Лиддел».

Пошла загрузка игры. Инферно, под маской Алисы, стал обезьяной, как это и положено в мире «Сунь Укун».

После загрузки друзья увидели, что обезьяна очутилась на ветвях огромного дерева и к ней ползет змея. Инферно ловко пробежал над ней, схватил за хвост и начал с силой бить о дерево. Змея превратилась в… золотой лук. Инферно закинул его за плечи и помчался по ветвям в сторону громадной пагоды, возвышавшейся на горизонте.

Максу казалось, что Инферно просто несется сломя голову, на ходу становясь больше и сильнее! Громов едва успевал следить за темным мохнатым шаром, на котором постепенно появлялась яркая одежда! Казалось, этот шар просто летит сквозь джунгли, время от времени пропадая из поля зрения! Потом он появлялся вновь — каждый раз больше и совершеннее! Иногда он вступал с кем-то в стычки, но Максу ни разу не удалось разглядеть, с кем именно. Зато время от времени на экране возникали непонятные

твари, совершенно не имеющие никакого отношения к действию. То рыбка в ручье, то олень, то облако…

На подходе к пагоде Инферно уже эволюционировал от простого шимпанзе практически до готового образа Сунь Укуна! Не хватало только красных бровей и посоха!

— Я не вижу! Я не успеваю следить, как он делает прокачку! — в отчаянии воскликнул Тайни.

— Тихо! — шикнула на него Дэз.

Инферно остановился в открытом поле, окружавшем пагоду. Внезапно небеса над ним разверзлись и оттуда на него с ревом ринулся гигантский огнедышащий дракон. Инферно легко подпрыгнул и… взлетел.

Макс снова перестал видеть движения Инферно. Казалось, дракон сам по себе вертится в воздухе, пытаясь поймать невидимого врага. Потом он на мгновение замер, начал летать медленно по кругу, высматривая Инферно на земле. Громов заметил, что на небе возникла яркая звезда. Она становилась все больше и больше. Внезапно взору друзей явился… царь Сунь Укун! В плаще, с посохом и красными бровями. Он летел навстречу дракону, выставив вперед свой посох. Дракон развернулся и приготовится сжечь врага. Из его глотки вырвался столб пламени. Однако Инферно пролетел сквозь него без всяких повреждений и нанес дракону удар волшебным посохом.

Дракон взвыл так, что друзьям, наблюдавшим за этой странной битвой через двухмерный монитор, заложило уши, и рухнул на землю.

Пагода дрогнула и рассыпалась. На ее месте стоял седой сухонький старичок с железным обручем в руках — учитель Сюаньцзан.

Инферно опустился перед ним на одно колено. Старичок возложил на его голову железный обруч.

Появилась надпись:

«Миссия завершена. Поздравляем! Вы установили новый рекорд. Время прохождения миссии — один час двадцать две минуты».

— Меньше полутора часов… — тихо произнес Чарли. — Если бы я не увидел это своими глазами, никогда бы не поверил… Получается, он улучшил свой собственный рекорд в… более чем в тридцать раз?!

— Если бы я не знала Инферно лично, то заподозрила бы в читерстве, — Дэз скрестила руки на груди.

У Громова началась жуткая мигрень. Где-то в самом центре мозга образовался пульсирующий центр, импульсы от которого расходились по всему телу, вызывая жар.

— Что с тобой? — Инферно подошел к Максу, внимательно и тревожно вглядываясь в его побледневшее лицо.

— Опять головная боль, — ответил тот, морщась от мерзкого чувства, будто какая-то микроскопическая тварь жрет его серые клетки. — Хочется голову в морозилку засунуть!

— Ты говорил врачу об этом?

— Угу, — Макс встал и сделал глубокий вдох. — Он считает это просто одним из симптомов нервного истощения. Извините… Я… Мне надо домой.

— Хорошо, — кивнул Инферно. — Мы проведем тренинг без тебя, а завтра…

— А завтра будет то же самое, что сегодня, — буркнул Чарли.

Макс не стал ему отвечать. Он помахал Тайни с Дэз и вышел.

Дневник доктора Павлова

21 сентября 2054 года, 23:11:32
RRZ «Эллада»
Дом «Шоколадная плитка»

Сегодня между мной и Буллиганом состоялся разговор, который как нельзя лучше описывает состояние дел на сегодняшний день.

Доктор Павлов:

Сэр, с прискорбием вынужден констатировать, что состояние Громова ухудшается день ото дня. И это никак не связано с его физическим здоровьем. Доктор Николаев провел полное обследование и не нашел никаких признаков физической, органической болезни. Громов сильно утомлен, но не более.

Я уже предупреждал вас, что последствия пиар-кампании, развернутой Алексом Хоффманом против Громова, могут быть самыми печальными. Если вы читали новостные порталы сегодня, то уже поняли, о чем идет речь. «Рейтинг симпатии к Громову». Из-за того что Алекс Хоффман всеми доступными средствами подогревает негативное отношение к моему подопечному, данный рейтинг уже снизился с 84 до 21 %. Правительство и Бюро со своей стороны не предпринимают никаких ответных шагов, чтобы повлиять на общественное мнение. На каждый выпад против Громова вы должны отвечать! Вы должны находить людей, которые будут напоминать, какой подвиг совершил этот мальчик. Благодаря ему остановлен Апокалипсис, черт вас подери! И ни слова об этом! Зато вопрос платы за пользование Сетью активно

полощут везде, где она есть. А то, что она все еще есть благодаря ему, из обсуждения как-то выпадает! Сделайте уже хоть что-нибудь, пока Громов не возненавидел наш в высшей степени глупый мир окончательно!

Джек Буллиган:

И что, по-вашему, будет, если Громов разочаруется в людях?

Доктор Павлов:

Он перестанет считать их мыслящими одухотворенными существам. В шкале его ценностей человек займет почетное первое место в списке стадных животных. То есть человеческая жизнь перестанет быть для Громова наивысшей ценностью. Полагаю, вы достаточно бывали в Буферной зоне, чтобы понять: гуманистические ценности, которые кажутся нам чем-то самим собой разумеющимся, на самом деле очень хрупкая штука. На их признание ушли миллионы лет, а для того чтобы полностью утратить само понятие гуманности, достаточно двух поколений нищеты, бесперспективности и бесправия.

Джек Буллиган:

Мы поможем его адвокатам. Хотя предупреждаю — никаких рычагов влияния на судью Пи, кроме личного обаяния, у меня нет.

Доктор Павлов:

Джек, если вы находите в моих словах хоть что-то забавное — это означает, что вы недооцениваете опасность ситуации. Если Громов внутренне изменится не в лучшую сторону, то делать что-либо будет уже поздно. У этого мальчика нет семьи, которая могла бы его поддержать, а друзьям он больше не доверяет. И никому вообще уже не доверяет. Даже самому себе. Он до сих пор не может отделаться от мысли, что окружающий мир ненастоящий. Это опасно, Джек. Ненастоящий — значит неживой. Не прекратите эту травлю в медиа, которую устроил Алекс, — получите монстра, по сравнению с которым Джокер — кроткая овечка.

Джек Буллиган:

Док, я делаю что могу. Думаете, это просто — пытаться препятствовать тому, от кого всецело зависишь?

Адвокат Громова

21 сентября 2054 года, 11:02:01
RRZ «Эллада»
Рободом

Перед встречей со своим адвокатом Макс сильно нервничал.

Эрнесто Эскобар стал медиазвездой еще до своего рождения благодаря полукоролевскому происхождению. У его матери, простой официантки, случился роман с королем Сицилии, который обсуждала все желтая пресса. Лотек-анклав Мавритания целиком превратился в маленькие сказочные королевства — деревни с большим красивым дворцом посередине. Журналы светской хроники, пользовавшиеся там большим спросом, все больше и больше напоминали старинные книги сказок про бедных принцев и принцесс, которые пешком отправляются в соседнее королевство, чтобы найти себе пару.

В юности Эскобар наслаждался жизнью молодого, красивого бездельника. Глянцевые журналы пестрели его фотографиями, особенно раздел светской хроники.

В зрелом возрасте Эскобар неожиданно открыл в себе недюжинный талант адвоката. Процессы, которые он вел, транслировались в медиа и продавались в Сети. За тридцать лет он не проиграл ни одного дела и, как все мавританцы, необыкновенно гордился, что выучился своему ремеслу без использования нейролингвы.

Однако на этом его сходство с мавританцами заканчивалось. Именно Эскобар стал автором резолюции «Превентивная оборона», документа, который полностью оправдал хайтек-коалицию по окончании Нефтяной войны. В этом документе Эрнесто Эскобар убедительно доказал, что войну начали лотеки, что уничтожение их военного и промышленного потенциала было единственным путем спасти цивилизацию от возвращения «к средневековым ересям и варварским обычаям». Все это позволило адвокатской конторе Эскобара со временем превратиться в юридическую корпорацию с таким штатом и возможностями, что они и дьявола смогли бы оправдать, если бы кто-нибудь их для этого нанял. Принц-адвокат, как прозвали его журналисты, так и остался одной из самых противоречивых фигур медийного пространства. Никто не мог с уверенностью сказать — хороший он человек или монстр с шикарной улыбкой. Философы и писатели Мавритании Эскобара ненавидели, но все до единой незамужние принцессы мелких королевств мечтали выйти за него

замуж.

На Эскобаре был безупречный костюм серого цвета, выгодно оттенявший его глаза, седые волосы. Привычка быть медиазвездой чувствовалась во всем. Безупречные лицо, одежда, манеры, речь, жесты и мимика.

— Добрый день, — он лучезарно улыбнулся. — Я счастлив, что мне выпала честь защищать вас от нападок ICA. Увы, наше общество стало слишком неблагодарным.

— Здравствуйте, — кивнул Громов.

— Ваш поверенный ознакомил меня со всеми обстоятельствами дела, официальные документы я получил сам прямо из «Башни правосудия». Так что давайте говорить о том, чего я не знаю. Прежде всего о Дэз Кемпински. Она пару раз попадалась на контактах с лотеками, Бюро подозревает ее в связи с группой Джокера… Скажу сразу — это самое уязвимое место в нашей защите. С него и начнем.

Макс вздохнул и в который раз пересказал всю свою историю, начиная с Накатоми и заканчивая победой над Джокером… Все, кроме правды о Дэз.

— Мы просто учились вместе. И… она мне нравится. То есть нравилась. А теперь, кажется, у них с Чарли больше взаимопонимания, чем со мной, — Макс постарался отделаться самой общей и ничего не значащей фразой, какую только смог придумать.

— Понятно, — сочувственно вздохнул Эскобар. — Не отчаивайтесь, молодой человек. Девушек у вас будет еще много, а хайтек-гражданство только одно. Давайте подумаем, как сделать так, чтобы вы его не лишились. Нам надо выстроить доказательную базу, поэтому давайте займемся рисованием схем. Для начала надо расположить события последних двух лет максимально выгодным для вас образом. Затем вы должны вспомнить, кто может подтвердить вашу исключительную ценность для общества и героизм. Чем больше заслуженных и уважаемых людей будет в этом списке, тем лучше.

— Доктор Синклер… — начал было Громов.

— К сожалению, мы не можем вызвать его как свидетеля, — вдохнул Эрнесто. — Он не человек. То есть… Простите, что не могу пока выдать четкой формулировки. Если бы вы знали, какие баталии ведутся в хайтек-университетах Оксфорде и Кембридже по этому поводу. Их профессорам-юристам поручили разработать правовую базу для регулирования… м-м… жизни существ, которые физически не являются людьми, но полностью сохранили свое «я» в виртуальном пространстве. Имеются в виду Джокер и Синклер. А возможно, есть и Хьюго Хрейдмар — это не доказано,

но… Если он существует — то подлежит ли уголовной ответственности? Считать цифровые «я» новой формой жизни или нет? Как гарантировать их права, должны ли они платить налоги, как их наказывать, если придется? Вы даже не можете представить, насколько огромна эта проблема! Мне лично нравится определение «кибергражданe» — но я в меньшинстве.

— А кто в большинстве? — поинтересовался Макс.

— Представители старой школы. По их мнению, то, что не имеет физического тела, не может считаться человеком, а значит, наделять Синклера гражданскими правами — абсурдно.

— Если он сохранил собственную волю… — начал было Макс.

— Боюсь, у нас нет времени на обсуждение этого сложного философского вопроса, — улыбнулся Эскобар. — Давайте пройдемся по вашей биографии. На следующей неделе я должен предоставить судье Пи опровержение по всем пунктам иска ICA. Ваши показания мало записать, их еще надо проверить, найти случайных свидетелей, людей, которые с вами никак не связаны, но все же могут подтвердить ваши слова. Кстати, какие у вас были отношения с куратором упредительной полиции в Накатоми?

— Ужасные, — пробормотал Макс, вспоминая Шульца. — Он пытался воспрепятствовать моему поступлению в Эден. Обвинял в хакерстве.

— Это плохо, — вздохнул Эскобар.

Громов подумал о Шульце. Когда ему сказали, что атака Джокера уничтожит всех, Макс первым делом подумал о Дэз, Дженни, Чарли… Но хотел ли он спасать всех остальных? В том числе своего бывшего куратора? Этот вопрос оказался сложным. Во время постоянных стычек с Шульцем в Накатоми Макс не раз желал ему смерти. Но как бы не по-настоящему…

— Ма-акс, — позвал его Эскобар. — О чем задумался?

— Так, неважно, — насупился Громов.

Адвокат чуть прищурился, но не стал выспрашивать подробнее.

* * *

Now wow! Now wow! Now wow! Now wow!

Процесс Громова увяз в бумажной рутине…

Поверенный в делах Макса Громова, Евгений Климов, проявил невиданную расторопность и нанял для

защиты бывшего супергероя юридическую корпорацию «Эскобар». Разумеется, в кредит, поскольку счет Громова заморожен. Ну что ж! Умный ход! Кланяемся! Теперь, чтобы получить свои денежки, «Эскобару» придется выиграть. Ха-ха! Эта мотивация посильнее веры в невиновность подзащитного!

«Принц правосудия», как называют Эрнесто Эскобара, немедленно доказал, что стоит тех денег, что просит за свою работу. Интерпол никак не может сформулировать свои обвинения в адрес Громова таким образом, чтобы с ними согласились адвокаты. Если в ближайшие две недели Интерполу не удастся расшевелить свои мозги, то обвинение Громова в сговоре с мегаломаньяком Джокером вполне может рассыпаться.

Кстати, только у нас, дорогие обезьяне, есть эксклюзивные кадры, добытые со спутника слежения, не скажем как, где видно, что «величайший гений после Роберта Аткинса» совершенно забросил занятия софт-инжинирингом! Он даже в Сеть выходить перестал! Вот уже месяц он живет в Элладе, регулярно наведываясь в поместье Спарклов (предписание суда находиться в Рободоме ему не указ). Громов прикрылся невнятными врачебными рекомендациями, дескать, ему требуется общество друзей. У Спарклов Громов занимается реальной силовой гимнастикой и единоборствами. Его страсть к играм на Сетевых аренах улетучилась, будто и не было ее вовсе. Равно как и вообще интерес ко всему, что хоть как-то связано с компьютерами! Любопытно знать, как он собирается выступать на Олимпиаде, если вообще к ней не готовится?! Плакала защита, ловко организованная этому мошеннику технопарком Эден. Уму непостижимо, как доктор Си может защищать Громова, зная, что тот был в сговоре с Джокером?! Ведь из-за атаки последнего доктор Синклер чуть было не лишился своего любимого детища Эдена во второй раз!

На наших эксклюзивных кадрах, доступ к которым вы можете получить всего за 30 кредитов, вы увидите, что Громов целыми днями бегает, «качает железо», прибегая к электростимуляции для ускорения роста мышечной массы, занимается кунг-фу с тренером, плавает в бассейне, ест, спит на траве и почти ни с кем не разговаривает. Обильная белковая пища и постоянные тренировки делают свое дело. Кажется, у него появляются мышцы! Может быть, он решил забросить

софт и попробовать себя в модельном бизнесе? Традиционном промысле лотеков, натурализованных в хайтек-пространстве. Ха!

Разумеется, причиной таких резких и странных перемен в характере и пристрастиях бывшего супергероя стал судебный процесс, инициированный против Громова некоммерческой корпорацией ICA — Всемирной Ассоциацией Потребителей…

Кстати, справедливости ради, мы, дорогие обезьяне, разделяем убеждение, что ICA — лучшее доказательство того, как наш лучший из миров далек от идеала. Сутяги в нем вполне могут побеждать. Полный архив процессов ICA к медиазвездам только на нашем портале всего за 100 кредитов! Кроме того, вы можете заказать доступ к архивам по искам ICA к правительству и корпорациям. Три архива сразу предлагаются по специальной цене — всего 250 кредитов!

И еще! Напоминаем, что на нашем портале работает тотализатор! Принимаются ставки — кто победит в процессе Громова? ICA или «Эскобар»? Сутяги или Принц правосудия? Делайте ваши ставки!..

* * *

3 октября 2054 года, 13:02:01
Нью-Йоркский хайтек-мегаполис
TFT, тренировочная база
Алекса Хоффмана

Алекс тщетно пытался освоить «силу воды», особый вид оружия на арене «Сунь Укун». Холодная плазма, которую аккумулирует вода, — одна из четырех великих «эдо». Три другие — «сила огня», «энергия ветра» и «любовь». «Любовь» — как интуитивное чувство потребностей живого вокруг и готовность поставить интересы всякой твари выше своих собственных — была универсальной силой. Подчинив ее себе, можно было распоряжаться остальными эдо. Однако «любовь» Алексу никак не давалась.

— Я просто не вижу, когда тут кому надо помогать! — жаловался он Спайдеру.

— Сосредоточься на воде, — советовал тот.

Спайдеру исполнилось сорок. Он пришел в виртуальный спорт из реального, силового и довольно поздно — в двадцать

пять.

Глядя, как Алекс пятый раз падает в озеро, вместо того чтобы поднять из его глубин плазменный шар и направить на врагов, — Спайдер чувствовал себя неспокойно. Ведь если Хоффман проиграет — виноват будет тренер и никто другой. Спайдеру не хотелось стать объектом гнева Алекса. А тут еще неприятная новость…

Спайдер держал в руках оптик, который передала ему служба безопасности. Запись миссии, пройденной на арене «Сунь Укун» Алисой Лиддел.

Алекс в шестой раз грохнулся в озеро и отключился от модификатора арен.

— Черт! — он зло сорвал контакты с рук. — Ненавижу эту игру!

Хоффман заметил, что тренер держит в руках оптик.

— Что это у тебя? — спросил он и начал жадно глотать холодный женьшеневый чай.

Спайдер вздохнул:

— Запись миссии… Ее прошла Алиса Лиддел. В «Сунь Укун». Вам лучше взглянуть.

— И что я там увижу? — сердито пробурчал Алекс.

— Она прошла миссию за считанные минуты, улучшив результат Инферно, — Спайдер вставил оптик в слот.

Когда запись закончилась, Алекс только и смог, что выдохнуть:

— Ух ты…

Спайдер молчал. Ему не хотелось предлагать Алексу передать главную роль на этой арене другому игроку. Еще была надежда, что Хоффман сам поймет, что ему в «Сунь Укун» не победить, и…

— Думаешь, я должен сделать главным игроком в самом зрелищном этапе соревнований ее? — Алекс ткнул пальцем в экран.

Спайдер пожал плечами.

— Найди ее и узнай, как она это делает, — коротко распорядился Алекс.

Спайдер кивнул.

— Я пообедаю, и перейдем к «Нефтяной войне», — Хоффман зевнул. — Кто в этом году составлял программу?

— Как всегда, публикуется отчет о пятидесяти топовых аренах. Их разбивают на жанры. Из получившихся списков компьютер методом случайного выбора определил трех финалистов.

— Не верю, — фыркнул Алекс. — Олимпийский комитет точно берет с производителей деньги. Я уверен. Надо выяснить,

как.

— Все делается честно, сэр, — попытался возразить Спайдер.

Хоффман скорчил презрительную физиономию.

— Говори о том, что знаешь, — посоветовал он своему тренеру. — Мне не нравится тактика, которую ты выбрал для «Сунь Укун». Слишком много метаний.

— Вам придется пройти квесты, сэр. Решение коанов может дать столько очков, как осада крепости Мары…

— Слишком много. Нужна более агрессивная тактика. Быстрая атака. Думай!

Алекс ушел. Дурные предчувствия его тренера только усилились. Он дотронулся до своего уха, активируя биофон, и сказал электронному секретарю:

— Алиса Лиддел.

— Да, — ответил ему звонкий, задиристый голос чемпионки 48-го года.

— Надо встретиться и поговорить, — мрачно сказал Спайдер. — Я показал Алексу, как ты прошла миссию в «Сунь Укун»…

— Постой, — неожиданно встревожилась та. — А где ты… Ты следишь за моим Сетевым аккаунтом?!

— Не я, — примирительно сказал Спайдер. — Алекс распорядился, чтобы всех игроков его команды записывали каждый раз, когда они тренируются. Для контроля.

— Это незаконно, — напомнила тренеру Алиса.

— О чем ты? — отозвался тот с грустной иронией.

Алиса замолчала. Но это молчание по своей напряженности превосходило любой, самый громкий крик.

— Что-то не так? — поинтересовался Спайдер.

— Э-э… — Алиса мялась. — Да, пожалуй, надо встретиться… Где-нибудь в нейтральном месте… Приезжай к нам, на тренировочную базу Бюро.

Интонации в ее голосе окончательно лишили тренера покоя.

— Мне туда четыре часа добираться, — пробормотал Спайдер.

— Хорошо, — спокойно ответила Алиса. — Возьми что-нибудь почитать. Рекомендую последний дайджест мавританской фантастики. Отличные есть рассказы.

Спайдер вдохнул. Он еще надеялся, что все окажется не так, как он думает… И что Алиса сама проходила свою миссию, а не предоставила коды доступа кому-то другому. Спайдер включил запись еще раз. Под сердцем заныло.

Сунь Укун на лету, не сбавляя скорости, успевает биться с врагами, открывать тайники и решать коаны.

Спайдер в напряжении ждал момента, когда появится дракон.

— Нет, нет, нет… Только не трюк с облаками… — едва слышно, одними губами зашептал он.

Облака почернели, на небе образовалась воронка… Из нее появился царь Сунь Укун с волшебным посохом!

Спайдер нажал паузу.

— Проход через параллельный мир, — вздохнул он и покачал головой.

Нет, это играет не Алиса. Такое на арене «Сунь Укун» может творить только один чемпион…

Спайдер закрыл глаза. Он должен сказать Алексу. Лучше сказать самому. Сейчас же. Только так можно избавить себя от будущих подозрений в сговоре…

Спайдер перевел дух, пытаясь успокоиться, затем снова тронул свое ухо.

— Алекс Хоффман, — медленно сказал он.

— Что надо? — раздался раздраженный голос Алекса.

— Это срочно, сэр, — Спайдер сжал руку в кулак. — Я посмотрел игру еще раз, поговорил с Алисой и думаю… Нет, я почти уверен, что она предоставляет свои коды кому-то другому.

— Что? Это не она играет? — встревожился Алекс.

— Боюсь, нет, сэр. Я проанализировал манеру игры, сопоставил ее с особенностями стиля Алисы и… Пришел к выводу, что на записи, которую вы видели, — не она.

— Знаешь, кто? — коротко спросил Хоффман.

— До сих пор я видел подобное лишь однажды… Это покажется вам безумием, но… Я подозреваю, что под кодами Алисы в систему входил Инферно.

Повисла пауза. Спайдер услышал звон — металл о фарфор — похоже, Алекс выронил нож или вилку.

— Инферно?..

* * *

25 октября 2054 года, 15:12:23
RRZ «Эллада»
Рободом

Модификатор киберпространства, созданный Аткинсом, ничем не уступал «Кор-5000». Вместо тренера рядом с Максом постоянно присутствовал Альтер. Макс приказал ему загрузить записи всех великих игр на этой арене, прохождения миссий всеми ее чемпионами, проанализировать записи, найти

повторяемые действия и предложить алгоритм прохождения.

Оказалось, что возможности Рободома как компьютера плюс совершенство его интеллектуальной генералки дают возможность превратить Альтера в неплохого тренера.

Просканировав игры, арену и техническую документацию, Альтер сконструировал несколько тренировочных уровней. Первый из них был посвящен простой координации — назывался «Сходи за яблоками». Максу надо было всего-то перебраться на другую сторону ручья, к яблоне, и позавтракать. Однако Альтер собрал в этом уровне все варианты ландшафтов и возможных техник перемещения. Путь к яблоне пролегал через джунгли, саванну, пустыню и горы. Попадал Макс во все эти места через параллельные миры.

— Они, как система тонеллей, опутывают и связывают всю арену, — сказал Альтер. — Если запомнишь карту, сможешь оказываться в любой точке пространства «Сунь Укун» практически мгновенно.

— Не знал, что Роберт так любил играть, — сказал Макс, легко перепрыгивая с дерево на дерево.

Оказалось, что с координацией в мире «Сунь Укун» все очень просто. Надо просто захотеть попасть на следующую ветку и прыгнуть — хватательные навыки и умение прыгать по лианам, не теряя равновесия, появлялись будто сами собой после небольшой тренировки. Трудно передать это ощущение… Как будто у тебя не руки и ноги, как обычно, а две пары рук. Причем очень цепких. Макс очень скоро сообразил, что для точного захвата ветки нужно всего лишь… четко ее видеть и делать прыжок. Альтер скользил рядом с Громовым.

— Роберт терпеть не мог игры, считал их самой большой глупостью человечества, — ворчал Альтер.

Из веток вынырнула гигантская кобра и набросилась на Громова, который был пока что лишь маленькой беззащитной мартышкой.

— Тогда зачем построил собственный модификатор? — спросил Макс, отбиваясь палкой от змеи, которая вознамерилась им позавтракать.

Змея разевала пасть, ее ядовитые клыки клацнули рядом с плечом Громова.

— Запрыгни ей на шею и воткни… — начал было Альтер, но обломок палки уже торчал в глазу кобры. — Ух ты.

— Удивлен? — улыбнулся Макс, ловя на лету изумруд, выпавший из тела поверженной змеи.

— Я программа, — напомнил ему Альтер. — Тебе не стоит относиться ко мне как к одушевленному существу.

Макс мгновение смотрел на Альтера, но не нашел что возразить. Пожалуй, действительно, в последнее время он стал общаться с голограммой чересчур эмоционально. Последние события отдалили его от людей. Холодность Дэз, отчужденность Чарли, обиды Тайни, снисходительность Инферно… Не говоря уже об остальном «человечестве», представленном ICA и журналистами, соревновавшимися между собой — кто придумает более невероятную историю жизни Громова.

От этих мыслей начиналась мигрень. Макс решил не думать ни о чем, кроме игры.

— Кажется, я вырос, — отметил Громов, глядя на свои руки.

— Угу, прокачка удалась, — кивнул Альтер.

Макс, превратившийся в обезьяну побольше, вроде шимпанзе, легко перепрыгнул на соседнее дерево.

* * *

1 ноября 2054 года, 21:32:54
Либерийская промышленная зона
Штаб-квартира корпорации Brain Gate

Квадролет Председателя TF приземлился на площадке штаб-квартиры Brain Gate. Однако в этот раз обычного еженедельного визита Хоффмана ждали не только сотрудники. За происходящим внимательно наблюдали Буллиган через спутник и Идзуми — в простой цифровой бинокль, сидя в автобусе упредительной полиции.

— Отто, друг, ты можешь подключиться к его биофону так, чтобы он об этом не узнал? — спросил Идзуми у главного инженера Сети.

Конференц-связь Бюро отличалась отменным качеством. Идзуми услышал легкий, едва заметный страдальческий вздох Крейнца.

— Служба безопасности Торговой Федерации контролирует нас. Мы предоставляем ей такой же ежедневный отчет об операциях, как в Бюро, — сказал он.

— Роджер уже сделал это. Неофициально, — хмыкнул Буллиган. — К нашему счастью, командор Ченг тоже не любит Алекса…

— Угу… Но это никак не мешает их экономическим связям, — проворчал Идзуми. — Командор очень выгодно приторговывает наемниками, информацией, предметами искусства, разными… гхм… медикаментами. Будем так это

называть. Травами, порошками…

— Ченг уже не раз доказал, что, в общем, на него можно положиться. Его устраивает сложившийся баланс сил, и он готов его поддерживать, — прекратил спор Буллиган. — Роджер подключился к биофону Алекса через портал в Буферной зоне. Разумеется, мы немного помогли оборудованием, кодами и прочим… Зато Крейнцу теперь точно ничего не грозит. Алексу прекрасно известно, что в Буферной зоне возможно все что угодно. Любую информацию могут найти, украсть, купить и так далее. Всё. Заткнулись и слушаем.

Идзуми поправил наушник и внимательно воззрился на силуэты Алекса и Дэйдры, которые спутник Бюро высвечивал безопасными гамма-лучами через толщу бетона и переводил полученные данные в более-менее четкую, понятную человеческому глазу картинку.

* * *

Алекс сразу заметил, что доктор МакМэрфи как-то необыкновенно собранна и сосредоточенна.

— Привет, — осторожно поздоровался Хоффман. — Ты хотела меня видеть, я пришел и готов выполнить любое твое желание.

Бэнши не ответила на приветствие.

— Я хочу поквитаться с мальчишкой, Алекс.

— Хорошее желание, — кивнул Хоффман. — Если ты следишь за медиа, то, наверное, заметила, что я его угадал и начал исполнять раньше, чем ты попросила. Пока все идет отлично. ICA предъявила обвинение, суд признал его обоснованным, медиа рвут парня на части. Скоро подключится Интерпол. Если Громов не продаст мне патент — отправится в морозилку. Полагаю, сознание того, что права на его обожаемый биософт все равно станут моими, серьезно отравит нашему Максиму последние секунды жизни.

Председатель TF был весьма доволен собой.

— Это не то, — из горла Бэнши вырвалось тихое рычание. — Я хочу сделать его самый худший кошмар — реальностью.

— Поверь, Дэйдра, сейчас его реальность и есть самый худший кошмар, — поспешно заверил ее Хоффман. — Если ты желаешь непременно замучить поганца, я не стану тебе мешать. Поверь, мне и самому уже до смерти надоел этот выскочка. Громов то, Громов сё, Громов гений… Тошнит! Ты можешь провернуть его через мясорубку или превратить в безмозглый

овощ — мне все равно. Единственная просьба — не сейчас, — Алекс молитвенно сложил руки и умильно захлопал ресницами.

— Я не собираюсь убивать его, — процедила сквозь зубы Бэнши. — Смерть — слишком легкое наказание за все, что случилось с нами по милости этого недочеловека.

Доктор МакМэрфи потратила немало часов на создание научных проектов, где убедительно доказывала, что подростки — это неполноценные люди, не сформировавшиеся, не способные подавлять обезьяньи проявления своей натуры и так далее. Она яро выступала за введение жесткого возрастного ценза во всех областях «повышенной ответственности».

У Алекса пересохло во рту.

— А… а… Что тогда? — спросил он, заикнувшись и затаив дыхание.

Бэнши подошла к медиаматрице, вставила в слот оптик. На мониторе появился Громов. Фриш пыталась преподать ему урок йоги на лужайке перед Рободомом. Альтер наблюдал за этим через импровизированное окно, которое Макс сделал, раздвинув пару блоков Рободома.

Бэнши вынула из коробки второй оптик и поставила его в другой слот. Ее пальцы с длинными металлическими наконечниками, «тайскими когтями», или «когтями Будды», как было принято называть в Буферной зоне, побежали по лазерной клавиатуре.

На мониторе Макс, который тщетно пытался принять позу треугольника, схватился за голову и упал на колени.

— Вау… — вздохнул Алекс. — Что это с ним?

— Ты забыл сказать мне, что Рободом принял Громова в качестве хозяина и начал исполнять его приказы, — проворчала Дэйдра.

— Ну… Он же и есть его хозяин, — недоуменно пожал плечами Хоффман.

— Пятнадцать лет Рободом не воспринимал ничей голос. Даже когда мы пытались смоделировать голос Аткинса, это не давало никакого эффекта, — Бэнши постучала пальцем по клавише, прибавляющей громкость. Громову стало еще хуже, он схватился обеими руками за свои уши.

— И что? — Алекс с удовольствием смотрел на мучения Макса.

— Когда я попыталась выяснить, как же мальчишке удалось подчинить себе один из четырех суперкомпьютеров хайтек-пространства, обнаружилась интересная вещь.

Дэйдра вывела на монитор поверх картинки страданий Громова схему.

— Что это? — с недоумением спросил Алекс.

— Список устройств Рободома, — ответила Дэйдра. — Смотри сюда, — она показала когтем на пункт «Системные карты». — Устройство 0000. Его не было раньше.

— Ничего не понимаю, — мотнул головой Хоффман.

— Рободом видит Громова в списке своих устройств. Он воспринимает его как часть себя! Причем очень важную! — раздраженно пояснила Дэйдра. — Наравне с системной памятью. Генералка Рободома стоит ниже в иерархии подчинения.

— Э… И что? Прости за глупые вопросы, — Алекс смотрел на схему и Громова, который жадно пил воду. Взволнованная Фриш звонила доктору Николаеву.

— А то, что скорее всего он точно так же сможет подключиться и к «Аресу», если окажется в зоне его внутренней Сети! — Дэйдра зло поглядела на Алекса. — Ты бы хоть курсы какие прошел, Алекс. Невозможно с тобой разговаривать.

— Рободом видит его в списке своих устройств? — повторил Хоффман. — Но как такое возможно? И что ты с ним делаешь?

— Посылаю вирус, который создает помехи в его канале связи. Просто противный звук, — пояснила Дэйдра.

— А управлять им ты можешь? — глаза Хоффмана загорелись.

— Пока нет, но мы над этим работаем, — Дэйдра вынула оптик с вирусом из слота, Максу тут же заметно полегчало. Он поднялся на ноги, удивленно оглядываясь по сторонам.

— Хм… Но у тебя получится до начала Олимпиады? Представляешь, если он выйдет к журналистам и скажет, что был в сговоре с Джокером? Сознается во всем прямо перед объективами? — Алекс не мог скрыть своего восторга. — Дэйдра, это было бы очень здорово!

— Мне нужен мультиволновой ретранслятор, с помощью которого будет возможно преодолеть защиту Рободома. Когда Макс внутри — мы ничего не можем с ним сделать. Больше того — все наши попытки закинуть вирус в Громова, когда он снаружи, заканчиваются неудачей. Как только Макс входит в Рободом — система автоматически незаметно проверяет и чистит его память. Аткинс, черт его подери, все-таки был гением, — проворчала Бэнши.

— Как это — проверяет и чистит память? — оторопел Хоффман.

— Как у любого носителя данных, который входит в компьютер со стороны. Когда ты вставляешь оптик в свой ноут — происходит то же самое.

— Но он же… человек… — пробормотал Алекс.

— Это большой вопрос, — проворчала Бэнши. — Я пока не могу сказать, как именно это произошло, но теперь он свой и в мире людей, и в мире машин.

— А… Хотя бы гипотезы есть? — у Алекса в горле появился комок.

— Не знаю! — огрызнулась Дэйдра. — Может, случайная мутация. Естественная. Он слишком долго был в прямом контакте с омега-вирусом. Может, фокусы Синклера и Хрейдмара! Мне нужно время, чтобы разобраться!

— У тебя обязательно получится, — примирительно сказал Алекс.

Хоть он и находился в постоянном контакте с Дэйдрой и тешил себя мыслью, что тоже ей необходим… Чувство страха никогда не покидало.

— Кстати, — Хоффман вынул из кармана футляр с оптиком. — Знаю, разговоры об Олимпиаде тебя раздражают, но все же. Мой тренер считает, что Алиса Лиддел — одна из моих игроков — предоставляет свои коды доступа в Сеть другому. А именно — Инферно. Это можно как-то проверить?

— Можно, — коротко ответила Бэнши.

— Вот тут запись… Понадобится что-то еще — скажи.

— Инферно тренирует команду Громова, — Дэйдра вставила оптик в слот.

— Что?! — Алекс побелел. — И ты только сейчас мне об этом говоришь?

— Прости, Алекс, мы тут немного заняты и не следим за подготовкой к шоу, — язвительно ответила профессор МакМэрфи.

— Черт побери… — пальцы Хоффмана сжались в кулаки. — Этот парень забирает все лучшее и бесплатно, а мне достается второй сорт и за бешеные деньги. Дэйдра, я… Я лично прослежу, чтобы военные предоставили тебе самый лучший мультиволновой ретранслятор, какой у них только есть.

* * *

Алекс улетел в Нью-Йоркский хайтек-мегаполис.

Буллиган, Идзуми, Крейнц и Роджер собрались в секретной Сетевой гостиной Бюро, чтобы обсудить услышанное. Доктор Синклер не мог присоединиться к ним лично, но Крейнц смог обеспечить аудиоприсутствие директора Эдена.

Трехмерная репликация Роджера выглядела еще эффектнее, чем физический оригинал. Стильная черная одежда, сверху легкие доспехи из углепластика. Идзуми с тоской подумал, что

девушки наверняка сходят с ума, когда видят этого парня.

Крейнц задумчиво чертил схемы в виртуальном блокноте.

Идзуми вытащил из бара бутылку виртуального сливочного ликера и смаковал цифровой вкус. Разумеется, в гостиной все было ненастоящим — но нейронная синхронизация давала ощущения, которые почти ничем не отличались от обычных, реальных, физических. Впрочем, были ограничения. Почувствовать вкус ликера было возможно, а опьянеть от него — нет.

— Здравствуйте, — голос доктора Синклера в гостиной звучал не очень четко, приглушенно.

— Здрасть… — кисло поздоровался с ним Буллиган.

— Полагаю, вы ждете, что я смогу объяснить происходящее… — начал было директор Эдена.

— Да, было бы неплохо, — кивнул Идзуми.

— Я попросил Айю Хико и доктора Льюиса немедленно заняться этим вопросом, но пока никаких предположений, что могло случиться с Громовым, нет. Вы уже предупредили его?

— Пока не стали ничего объяснять, просто попросили не покидать пределы Рободома, — ответил Буллиган.

Роджер нервно постучал пальцами по ручке кресла.

— Неужели записи со спутника недостаточно, чтобы прижать Алекса? — спросил он. — Он же говорит с Дэйдрой МакМэрфи! Которая занимается исследованиями по его заказу!

— Запись является реконструкцией, полученной при помощи гамма-лучей, — мотнул головой Крейнц. — Адвокаты Хоффмана тут же объявят ее подделкой. Остальные доказательства получены без официального запроса в Интерпол, а значит, незаконны. Торговая Федерация очень заботилась, чтобы ей не мешали.

— Громова надо доставить в Эден, чтобы мы могли провести весь комплекс исследований, — сказал доктор Синклер.

— Он не согласится, — мотнул головой Буллиган.

— Даже если узнает, что Дэйдра МакМэрфи в любой момент может найти способ им управлять? — Идзуми нервно заерзал.

Крейнц снял очки и потер глаза.

— Я могу поговорить с ним, — сказал он. — Возможно, вместе нам удастся найти техническое объяснение происходящего. Может, Роберт оставил нам какие-то подсказки внутри Рободома… Не знаю.

— Хорошо, — кивнул Буллиган.

Крейнц развернул над своей головой панель управления и вышел из Сети.

* * *

7 ноября 2054 года, 08:45:12
Токийский хайтек-мегаполис
Interpol Tower

Алекс Хоффман наблюдал за ходом заключительного заседания в Интерполе по поводу «формулировки обвинения» в адрес Громова, сидя в потайной комнате, смежной с кабинетом шефа Интерпола Фаворского.

В самом кабинете, за большим столом, в присутствии нескольких секретарей, представителей медиа и многочисленных помощников, рассевшихся по стульям и диванам вдоль стен, заседали с самого раннего утра сам Яков Фаворский, шеф Токийского департамента Китосаки, адвокат Эрнесто Эскобар и инспектор Идзуми — в качестве главного свидетеля.

Спустя два часа с начала заседания Алекс Хоффман был в бешенстве. Обвинение рассыпалось на глазах. Шансы учинить уголовное разбирательство с арестом Громова и помещением его в судебный хостел до окончания расследования становились все более призрачными. А поскольку иск ICA тоже плотно увяз в бумажной рутине, Громов по-прежнему сохранял достаточную свободу действий. Жил в Рободоме, занимался спортом, готовился к Олимпиаде и ни разу не включил ни одну из медиаматриц, чтобы посмотреть новости. Иными словами, прессинг получился совсем не таким жестким, как предполагал Алекс.

Он сжимал кулаки и бегал туда-сюда по потайной комнате, желая немедленно придушить этого дурацкого инспектора Идзуми, который как будто нарочно давал показания таким образом, что Громов получался супергероем лучше некуда!

— Сегодня истекает срок подачи официального обвинения, — Эрнесто Эскобар развалился на стуле и насмешливо улыбнулся Якову Фаворскому. — А вы так и не смогли собрать никаких доказательств, даже косвенных, которые бы хоть как-то указывали на наличие сговора между моим клиентом и Джокером.

Фаворский бросил уничтожающий взгляд на Китосаки, а тот в свою очередь на Идзуми. Инспектор сделал вид, будто ничего не заметил. Он вообще пил чай вприкуску с пирожными, как у себя дома, и смотрел в окно. Тарелку пирожных секретарша Фаворского успела обновить уже три раза.

Эскобар потянулся и заложил руки за голову, потом посмотрел на часы:

— Ну что? Дотянете до полудня, пока срок истечет сам собой, или все же признаете, что были не правы, и отзовете иск? Неплохо было бы также извиниться перед парнем за то, что по

вашей милости он чуть не лишился доброго имени. Возмутительно вообще-то, — Эрнесто положил локти на стол и подался вперед, сурово глядя на Фаворского.

Тот молчал. Яков Фаворский обладал довольно странным свойством. Его внешность было практически невозможно запомнить. Она была настолько серой и невзрачной, что даже собственные секретари узнавали шефа в большей степени по костюмам, чем в лицо. У Фаворского не было ничего характерного именно для него одного. Ни жестов, ни мимики, ни даже запаха. Каждый, кто встречался с шефом Интерпола, отвернувшись или выйдя за дверь, ловил себя на мысли, что уже не помнит его лица.

Фаворский нервно дернул шеей. Он чувствовал на себе бешеный взгляд Алекса Хоффмана, зная, что тот следит за происходящим по медиамонитору, получая картинку с камер. Ярость Председателя TF могла обернуться катастрофическими последствиями. Фаворский сразу понял, что у Алекса нет той природной сдержанности и здравомыслия, которые позволяли Хелене Наварро в течение долгого времени сохранять независимость судебной системы от Торговой Федерации. Пожалуй, никогда раньше Фаворский не жалел об уходе Хелены так сильно.

— Мы откажемся от обвинения, — наконец произнес он через силу.

— Это значит, Громов все же получит права на свой патент? — Эскобар довольно улыбнулся.

Фаворский судорожным движением поправил воротник, понимая, что тяжелого разговора с Алексом Хоффманом уже не избежать. Но деваться было некуда.

— Получит, но не сможет им пользоваться: ICA пока не отзывает свой иск.

— Пока достаточно и капитуляции Интерпола, — Принц правосудия хлопнул ладонями по столу. — Спасибо. Приятно восстановить справедливость, хотя бы частично.

В этот момент Алекс Хоффман резким движением выключил медиамонитор. Его кулак с силой рассек воздух.

— Ладно… — процедил он сквозь зубы. — Похоже, мне просто не оставили выхода. А ведь я хотел поступить правильно. Я пытался оставаться в рамках закона!

Он открыл крышку своего вирстбука и набрал Сетевой адрес почтового ящика, который использовал для обмена короткими сообщениями с Дэйдрой МакМэрфи.

* * *

После того как Буллиган попросил Громова не покидать Рободом, Макс провел две бессонные ночи в компании Альтера, который ходил за ним как хвост и бубнил:

— Думаешь, ты такой уж гений? Ничего подобного! Валяешься в постели, вместо того чтобы работать. Уже месяц потратил на всякую ерунду. Можно подумать, от того, что ты увеличил объем памяти Рободома и доставил чипы поддержки, что-то принципиально изменилось… Вот скажи мне, что ты сделал полезного в жизни? Ты решил энергетическую проблему? Ты проник в тайны эволюции человека? Ты создал собственную космогоническую теорию? Ты объяснил происхождение Вселенной? Ни-че-го! А считаешь себя гением! С какой стати? Никакой ты не гений, ты просто амбициозный, зарвавшийся заурядный инженеришка, которому посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте! Готовился хотя бы к Олимпиаде! Хоть какое-то занятие. Я тебе все подготовил — только встань и работай!

Но Макс не мог. У него физически не получалось ни на чем сосредоточиться. Почему Буллиган запретил ему покидать Рободом? Что с ним произошло два дня назад? Откуда в его ушах взялся этот мерзкий звук?

Макс не мог найти себе места — целыми днями чистил узлы Рободома, изучал его «железо», занимался прочими рутинными вещами. Два раза в день ему доставляли еду из ближайшего ресторана.

Макс привык, что Альтер целыми днями ходит за ним и ругается. Отключить эту функцию почему-то было невозможно. Громов еще не до конца разобрался в особенностях генеральной программы Рободома, но уже понял, что ворчливость Альтера — ее неотъемлемая часть. Отцепиться от голограммы можно было только тремя способами.

Первый — лечь спать: как только Макс начинал собираться ко сну, Альтер мгновенно оставлял его в покое. Это было достаточно легко объяснить. Аткинс страдал бессонницей, поэтому запретил голограмме нервировать его во время отхода ко сну. Ведь спугнуть и без того плохой сон Роберта могло все что угодно.

Второй — сесть за какие-нибудь теоретические вычисления. Его Макс открыл случайно, когда начал от скуки пытаться доказать уравнение Аткинса для вычисления силы гравитационных полей. Голограмма тут же затихла и исчезла, а Громов в какой-то момент понял, что думает о Дэз. Ведь ее робот-шпион Реджи использовал в качестве источника энергии именно силу гравитации.

Третьим и самым простым способом избавиться от занудства

Альтера было просто уйти из дома — чего Громов теперь сделать не мог. Да и раньше выходил не часто. После ссоры с Чарли Макс навещал только Евгения Климова. Поверенный, выиграв в лотерею, тоже скучал, не зная, чем себя занять. Он оказался хорошим собеседником и многое помнил об устройстве Рободома. Макса постоянно удивляло, что человек, бывавший у Аткинса всего несколько раз, в детстве, так хорошо запомнил детали управления и подробности создания самого оригинального компьютера на свете.

Климов показал Максу, как выдвигаются спальня, кабинет и кухня. Вскоре внутреннее пространство дома преобразилось до неузнаваемости. Оно разделилось на два этажа с множеством специальных зон. Раздвинув верхние блоки и опустив экраны из органопластика, Макс получил пять больших окон и два балкона. Днем органопластик можно было поднимать, и тогда ветер приносил запах моря и цветущих рощ, разбросанных вокруг.

— Аткинс страдал бессонницей, — рассказывал Евгений. — Поэтому ко всему связанному со сном подходил очень серьезно. Он сам спроектировал кровать. У него получилась, наверное, самая эргономичная кровать в истории. Материалы для подушек, одеял, тканей — он сам делал композитные составы для изготовления тканей и наполнителей. С ума сойти, правда? Помимо этого, Аткинс проектировал Рободом как настоящую крепость. Штурмовать его бесполезно, пытаться дырявить корпус тоже. Обшивка Рободома настолько прочна, что выдержит…

— Прямой удар ракеты, ты уже говорил, — Макс вздохнул. — Интересно, кого так боялся Роберт? — спросил Макс.

— Всех! — Евгений взмахнул руками. — Взгляни на Альтера, и ты поймешь, каким Аткинс был на самом деле! Роберт сделал голограмму своей точной копией по манерам, голосу, внешности!

— Но все же строить себе бункер, способный вынести попадание ракеты, — это как-то чересчур… — заметил Громов.

— Можешь расспросить Альтера о странностях бывшего хозяина, — Климов подмигнул Максу.

Now wow! Now wow! Now wow! Now wow!

Привет, дорогие обезьяне!

Забавная новость поступила в нашу редакцию. Компания Brain Gate заявила, что является истинным разработчиком арены «Максимус Гром» — простеньких интеллектуальных загадок, которые можно решать даже не выходя в Сеть, в двухмерном виде.

Мы решили выяснить, кто же претендовал на звание

разработчика раньше и кого Brain Gate пытается обвинить в краже своей интеллектуальной собственности.

Как это часто бывает в нашем цифровом мире — в графе «разработчик» у «Максимуса Грома» стоит лишь адрес сервера, который указывает на другой сервер, а тот на третий, третий на восемь серверов сразу…

Так ведь, если не объявится тот, кто, собственно, разработал игру, — Brain Gate может славно поживиться раскрученным порталом, на котором ежедневно бывает до ста миллионов человек.

Корпорация «Биософт»

9 ноября 2054 года, 08:12:21
RRZ «Эллада»
Рободом

— Альтер, свет, — Макс дал команду генеральной программе Рободома.

Свет вспыхнул. Альтер возник рядом с кроватью Громова.

— Вставай, неудачник — проворчал он.

— Я-то, по крайней мере, еще живой. Ну и кто тут неудачник? — Макс выбрался из-под теплого овечьего одеяла.

Чарли старательно маскировал прохладу, возникшую в их отношениях, беспрестанно присылая Громову всякие приятные вещицы, вроде этого одеяла, роскошного постельного белья или столетнего кофейного сервиза из тонкого расписного фарфора.

Впрочем, Макс не любил вещи прошлого века. Он находит их слишком вычурными. Форме всегда уделялось больше внимания, чем содержанию. К примеру, сервизные чашки в форме трапеций красивы и приятны глазу, но кофе в них быстро остывает, да и пить неудобно.

Альтер выжидал «гигиеническое время» — Аткинс настолько стеснялся своего тела, что даже собственной голограмме запрещал на него смотреть. Благодаря этому запрету утром и вечером Громов имел немного времени, свободного от ругани.

Макс, не торопясь, принимал душ — теплые струйки артезианской воды скатывались по телу. Громов вдруг понял, что уже несколько минут думает о Дэз. Даже не думает, а скорее мечтает. Макс так ясно видел Кемпински в своем воображении, что даже глубоко вдохнул, пытаясь уловить ее запах.

Громов тряхнул головой. Разумеется, в его голове был полный курс эволюционной биологии. Он отлично понимал, что с ним происходит. Но думать о Дэз в контексте «эволюционной биологии» ему категорически не хотелось. Это были слишком примитивные, недостойные ее мысли. Ведь Дэз… Макс никак не мог определить, кто она для него и чего он от нее хочет. Все его мысли сводились к тому, что он просто хочет видеть, как она живет, быть рядом… Не для того, чтобы избавиться от одиночества, не для того, чтобы говорить о сетевых аренах или афоризмах Аткинса. Ни для чего конкретного Дэз не была Максу нужна. И тем не менее каждый раз, уезжая из поместья Спарклов, где она жила, Макс испытывал почти физическую боль. Будто между ним и Кемпински была незримая эластичная нить. Когда

Громов уходил — эта нить сжимала что-то в его груди. Названия этому «что-то» Макс тоже не знал. Вообще все, что касалось Дэз, относилось к одной большой зоне неопределенности. Ни биология, ни даже квантоника не могли этого объяснить.

Когда Макс вышел из душа, Альтер был красного цвета. Это означало, что у него есть важное сообщение.

— Чтоб Алексу Хоффману переломать все кости черепа и позвоночник, стать растением, но не сдохнуть, — выдала голограмма и включила медиамонитор.

У большинства жителей хайтек-пространства были горизонтальные телематрицы — телетеатры. На них трехмерные, уменьшенные фигурки героев программ или фильмов могли перемещаться только по поверхности матрицы.

Аткинс установил в Рободоме вертикальную телематрицу с голографическим проектором. Она создавала полный, объемный эффект присутствия героев. Кухня мгновенно наполнилась трехмерными фигурами членов Торговой Федерации. Качество голографической проекции было таким, что Громов мог разглядеть поры на коже каждого из тех, кого показывал новостной канал, так же четко, как если бы стоял рядом с ними в Бриллиантовом зале Торговой Федерации.

Бриллиантовый зал венчал Северную башню TFT. На последнем этаже, под сложным, сводчатым потолком Федерация проводила свои балы и награждала хайтек-граждан, в том числе президентов, за особые заслуги.

Интерьер Бриллиантового зала был выполнен в модной «ледяной» манере. Пол, стены и потолок состояли из затейливых, сложных линий — ступенек, ниш, изогнутых неправильных сводов. Все это покрывал слой органостекла, походившего на полупрозрачный светящийся лед.

Имя «Бриллиантовый» зал получил за огромную эмблему Торговой Федерации, выложенную из трех миллиардов драгоценных камней. Большая их часть, разумеется, была искусственного происхождения. Ювелирная артель Мавритании делала эмблему TFT вручную в течение трех лет. Фразу Рокфеллера «Конкуренция — это грех» выложили черными бриллиантами. Знак TF — водяное колесо — голубыми. Водяное колесо символизировало вечный оборот капитала, его постоянное движение и пользу, которую он приносит обществу.

Алекс Хоффман заканчивал свою речь. За его спиной в воздухе висело трехмерное изображение торгового знака будущей корпорации. Довольно уродливое. Человеческий мозг, переливающийся, как ртуть, в окружении проводов, разъемы которых издалека можно было принять за шипы.

— Корпорация «Биософт» откроет новую эру для человечества. Проблема когнитивного предела перестанет существовать. Каждый человек сможет легко и быстро овладеть любыми техническими навыками в совершенстве, освоить любой объем справочной информации. Вдумайтесь в это! Сколько всего могли бы создать великие гении человечества, если бы им не приходилось в течение тридцати-сорока лет своей жизни постигать простое ремесло? Вырабатывать простые технические навыки, доводить их до совершенства. Отныне каждый человек сможет стать Творцом! Всемогущим!

Биофон Макса подал сигнал:

— Неизвестный абонент. Будете отвечать?

— Да, — сухо ответил Громов.

Макс почувствовал легкий привкус железа во рту.

— Смотришь новости? — спросил доктор Синклер.

— Да, — Макс встал, вошел в голографическую проекцию и встал рядом с Алексом Хоффманом. Алекс был чуть ниже ростом, но гораздо шире в плечах, чем Макс.

— Как идет подготовка к играм? — в голосе доктора Си слышалась легкая дрожь.

— Честно? Нам не пройти даже квалификационный тест. Если только правительство не разрешит кое-кому из солдат Джокера поучаствовать в соревнованиях.

— Ты не думал использовать возможности «Моцарта» для подготовки? — после некоторой паузы поинтересовался директор Эдена.

— Я не выхожу в Сеть, — Макс внимательно разглядывал лицо Алекса, заглянул ему в ухо. — Только модификатор киберпространства, который есть в Рободоме. Альтер неплохой тренер.

— Но для участия в играх тебе придется загрузиться в Сеть.

— Игры через месяц — так что еще одну неделю моя нервная система поживет без нейроактиваторов и коммуникаторов.

— Черт! — доктор Синклер не выдержал. — Ты хоть понимаешь, что происходит? Алекс создал корпорацию, которая должна быть твоей. Ты только послушай, что он говорит: он собирается производить софт на основе твоей технологии!

— Без патента он ничего не будет производить, — ответил Макс.

— Значит, он уверен, что вскоре его получит.

Макс услышал протяжный вздох.

— Каким образом? — спросил Громов.

— Твои родители не являются хайтек-гражданами, значит, не могут наследовать никакую твою собственность. В случае твоей

смерти наследником станет материальный фонд хайтек-пространства. По правилам, любое невостребованное наследство он может выставить на аукцион. Алекс получит патент совершенно законным способом. Ну, если не считать, что предварительно ему надо тебя убить. Ты ведь не сможешь отсиживаться в Рободоме вечно! Ты начинаешь напоминать мне Роберта… Тебе надо вернуться в Эден. Уверен, здесь мы сможем разобраться, что с тобой происходит.

Макс недовольно насупился:

— Я не вернусь в Эден.

— Макс, пойми, Дэйдра МакМэрфи в данный момент знает о новых свойствах, которые ты приобрел в Эдене, больше, чем мы. Тебе грозит опасность!

— Дэйдра МакМэрфи благодаря вам и прочим в течение двух лет совершенно беспрепятственно копалась в моих мозгах, — напомнил Громов. — Вряд ли сейчас ей проще это делать, чем тогда.

— Макс… — доктор Синклер вздохнул. — Я уже говорил, мне очень жаль…

— Доктор Синклер, скажите, вы когда-нибудь слышали от Роберта что-нибудь об иглах? — спросил Макс, уходя от неприятного разговора.

— Иглах? Каких еще иглах?

— Не знаю. Но когда-нибудь в разговорах он упоминал это слово? Если да — то вы не помните, в каком контексте?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — проворчал директор Эдена.

— Ладно, извините. Я просто спросил, — Макс потянулся и сунул палец в виртуальный голографический глаз Алекса Хоффмана.

— Начни готовиться серьезно, с пониманием, что от этих игр зависит твоя жизнь. Тебе необязательно, черт побери, тренировать физические реакции. С помощью «Моцарта» ты можешь манипулировать своей репликацией на уровне кода!

— Да, только Дэз терпеть не может читерства, — вздохнул Громов.

— Дэз? Кемпински? О, нет… Громов, я забыл, что ты в том возрасте, когда мальчики превращаются в полных болванов.

Этими добрыми словами директор Эдена попрощался со своим учеником.

Макс усмехнулся, сделал выпад головой, как будто боднув Алекса Хоффмана.

— Хочешь, чтобы я вышел в Сеть, придурок? Хорошо…

Макс странно улыбнулся и… трехмерный телетеатр вокруг

него сменился стандартной комнатой загрузки Сети.

Макс удивленно огляделся, не понимая, как он вышел в Сеть, не используя никаких механизмов для подключения! На нем ни очков, ни линз, ни перчаток — но он определенно в Сети!

— Нейросинхронизация произведена, сигнал отличный, — сообщила ему система.

Громов понял, что он в Сети с полным сенсорным подключением!

— Стандарт подключения, — запросил он систему.

— Беспроводной тип соединения, параметры и тип неизвестны, — ответила система.

— Выход! — скомандовал Макс.

В тот же момент картинка загрузочной комнаты перед его глазами сменилась удивленной физиономией Альтера.

— Ты отключился, — заявило электронное привидение Аткинса.

Некоторое время Громов молчал. Случившееся оглушило его. Он вошел в Сеть и вышел из нее исключительно… по собственному желанию?!

— Выход в Сеть без использования оборудования возможен? — Макс уставился на голограмму.

— В теории — разумеется, тупица. Ты же пользуешься беспроводным соединением. Твой биофон что такое?

— Но мне все равно нужны контакты, конвертер, линзы или очки! Нет интерфейса, нет входа! — Макс схватился за голову, острая боль пронзила его висок. — Ой…

— Что такое присутствие в Сети? Подумай, долбаный гений, — насмешливо сказал Альтер.

— Синхронизация мозговых волн таким образом, чтобы все сенсорные чувства — в первую очередь зрение и осязание — оставались активными в виртуальном пространстве. Тогда мозг воспринимает его как реальное.

— Реально то, что видишь и можешь потрогать. Правильно. Первый год самой отстойной хайтек-школы, — рот Альтера скривился в презрительной усмешке.

— Ты хочешь сказать, что синхронизация моих мозговых волн с частотами виртуального пространства происходит… автоматически? По моему желанию? Но как такое возможно?! — Макс тер висок, который болел все сильнее.

— Пф-ф… Ты меня огорчаешь, — Альтер скорчил кислую физиономию. — Придурок. Желание — это всего лишь нейронный импульс. Команда.

Максу на мгновение показалось, что его висок пронзило раскаленное сверло.

— Голова болит, вот здесь, — сказал он Альтеру, — сделай что-нибудь! Я слышал, Аткинс страдал жуткими головными болями. Чем он их лечил?

— Звонил доктору Павлову, а тот привозил лекарства. Пока мы его ждали, Роберт погружался в электромагнитный сон, — неожиданно просто и даже с теплотой сказал Альтер.

— Доктор Павлов? Это который свел с ума несколько десятков подростков, экспериментируя с нейроактиваторами? — Макс держался за глаз, потому что боль начала отдаваться туда и казалось — глаз вот-вот лопнет.

— Да, он пытался найти средство преодолеть когнитивный предел… — Альтер мгновение молчал. — Да что ты вообще об этом знаешь! Идиот! Ты даже имя этого человека произносить недостоин!

— Не знал, что Роберт и доктор Павлов были так близки… Раз даже твоя лингвистическая оболочка сохранила такой модуль реакции, — заметил Макс. — Есть какие-нибудь записи о причинах головных болей Аткинса, или ты был единственной причиной?

Неожиданно Альтер исчез и вместо его дребезжащего, истеричного голоса раздался ровный, спокойный ответ системы:

— Закрытая область архивных данных.

Громов удивленно приподнял брови:

— Для меня? Я владелец дома, я имею право просмотреть его архивы. Дай на экран дневник внутреннего видеонаблюдения. Все фрагменты с доктором Павловым.

— Закрытая область архивных данных, — заладила система.

Макс беззвучно выругался.

— Альтер, визуальный режим.

Голограмма возникла снова.

— Что там с электромагнитным сном? У меня голова сейчас лопнет.

К удивлению Громова, Альтер не стал препираться. Видимо, когда у Аткинса болела голова, тот был не расположен выслушивать колкости от интеллектуальной системы Рободома.

Альтер возник у стены. Часть ее трансформировалась в капсулу электромагнитного сна.

Макс посмотрел на капсулу с недоверием.

— Н-нет, — пробормотал он. — Убери.

Макс активировал свой биофон.

— Чарли Спаркл, — скомандовал он.

Система набрала нужный номер.

Чарли ответил не сразу.

— Да, — наконец раздался его возбужденный голос.

— Привет, что делаете? — Макс приложил к виску холодный кусок обшивки, который забыл прикрутить к блоку вентиляции.

— Учу Дэз играть в сквош, — ответил Чарли. — У нас перерыв. Ты приедешь? Честно говоря, всем немного непонятно, почему мы тренируемся без тебя.

— У тебя есть какие-нибудь средства от головной боли? — спросил Макс.

— Разумеется, есть, — ответил Чарли.

— Я сейчас приеду, — Громов протянул руку, чтобы взять куртку.

Дневник доктора Павлова

9 ноября 2054 года, 12:10:02
Токийский хайтек-мегаполис
Штаб-квартира Бюро
информационной безопасности

Момент, когда Макс Громов впервые вышел в Сеть по собственному желанию, использовав неизвестную беспроводную форму коммуникации, зафиксирован точно. Это произошло 9 ноября в 8:45 утра по времени Эллады. Кроме стандартного биофона, какими пользуются все граждане хайтек-пространства, у Макса не было никаких других технических устройств. Однако он смог выйти в Сеть и произвести полную нейронную синхронизацию. Никаких силиконовых контактов, никакого шлюза-конвертера. Ничего. Он просто вошел в Сеть и вышел из нее. Это произошло так же просто, как звонок по биофону. Даже проще. Макс захотел оказаться в Сети, и он в ней оказался, захотел выйти — и вышел.

Мне о случившемся сообщил Отто Крейнц в режиме секретной конференц-связи. Рассказав новость, он сразу добавил, что не может высказать даже предположения, как такое возможно.

— Если бы развивалась технология биогейт и у Громова в голове был бы чип… — сказал он. — Но у него нет чипа биогейт! Максима сканировали много раз! Кроме стандартных имплантантов, биофона и идентификационного чипа, у него ничего нет!

— Но как-то же это произошло, — сказал я.

— Нет интерфейса, нет входа! — взмахнул руками Крейнц. — Я не знаю. Простите. Это такая же загадка, как его контакт с Рободомом. О, боже… Честно говоря, я вам и про Альтера могу сказать не много. Его поведение нелинейно! Язык, на котором он

написан, — контекстный! Наши софт-инженеры и софт-криптологи так и не смогли не то что его расшифровать, а даже просто понять, как он работает. «Ио» не может просчитать его, понимаете?

— Нет, — просто сказал я.

— У Рободома есть собственный внутренний язык, которым он пользуется как… как речью! — пояснил Крейнц. — Я имею в виду речь как коммуникативную деятельность. Рободом общается с Громовым, Сетью, «Ио» не по схеме «запрос — ответ». Он… Фу-у-ух, как бы объяснить то, чего я сам не в состоянии понять. Ну, например, когда он запрашивает информацию из Сети, то каждый раз сам создает специальную программу поиска, которая меняется в зависимости от характера запроса и может содержать множество модулей. Совсем как мы! Мы подбираем слова, строим фразы в зависимости от того, с кем говорим и какую цель преследуем. Генеральная программа Рободома не просто находит совпадения, она их анализирует, определяет контекст, сканирует закрытые базы и взламывает только те, где действительно есть то, что ему нужно. Она ищет и обрабатывает информацию самостоятельно, не только по просьбе хозяина. Альтер выдает результаты поиска в форме связной, эмоционально окрашенной речи, делает выводы, дает советы! Альтер — искусственный интеллект, который значительно превосходит человеческий!

— Речь — высшая интеллектуальная функция, — пробормотал я.

— Именно! — воскликнул Крейнц. — Собственная речь — это то, чего нет ни у «Ареса», ни у «Ио», ни у главного компьютера Эдена. Хотя его генералка «Дженни» по своим возможностям несколько ближе к Альтеру, чем остальные, потому что при ее создании доктор Синклер тоже использовал контекстные модули… Простите, доктор Павлов. Я пока ничего определенного сказать не могу. Мне нужно время, чтобы подумать.

Отто отключился. Его смятение передалось и мне. Полагаю, любой человек на моем месте чувствовал бы себя растерянным и совершенно беспомощным. Случилось то, чего никто не может понять, объяснить. Хотя бы предположение высказать!

Помимо технических загадок возникли вопросы и психологического характера.

Почему Громов не удивился? Случившееся должно было повергнуть его в шок. Но ничего подобного не произошло. То есть сначала он, конечно, удивился — но потом повел себя как человек, который спит и видит сон. Понимает, что это сон, и все странности происходящего воспринимает как нечто само собой разумеющееся.

Сначала я подумал, что все дело в опыте, который Громов получил в Эдене. Два года подключения к виртуальной среде, которая полностью замещает реальный мир, плюс манипуляции с памятью кого угодно сделают странным.

Однако с Громовым произошло нечто, по сути, сходное с моей мышечной атрофией, которую я испытывал после выхода из заморозки. Я не пользовался собственными мышцами в течение пятнадцати лет, поэтому их работоспособность пришлось мучительно восстанавливать. И это было очень больно!

Громов в течение двух лет не использовал свою эмоциональную сферу. Здесь требуется объяснение. Все эмоции в Эдене — порождение сознания. Иными словами, гнев, даже очень сильный, не сопровождается мощным выбросом адреналина в кровь — ведь физическое тело находится в состоянии анабиоза. Радость не зависит от серотонина, любовь — от фенилэтиламина, тестостерона и допамина. Мозг производит фантомы, но тело их не чувствует. Все равно что есть еду из бескалорийного растворимого волокна — зубы жуют, язык чувствует вкус, в желудок что-то попадает… но ни чувства сытости, ни удовлетворения мы не испытываем. Волокно распадается в желудке практически мгновенно, становится легким желе, которое наши ткани впитывают чуть быстрее, чем воду. Общаясь с выпускниками Эдена — Крейнцем, Нимурой, другими агентами Буллигана, — я обратил внимание на их некоторую эмоциональную сухость. Безусловно, они испытывают эмоции, но в очень сглаженной, спокойной форме. Рассуждение всегда оказывается сильнее интуиции. С одной стороны, это полезно — выпускник Эдена никогда не впадет в аффект, но с другой стороны — и способности к гениальным озарениям у них нет. Не этим ли объясняется то, что все главные, судьбоносные для хайтек-мира изобретения были сделаны или до войны, или же людьми, получившими классическое образование, без использования нейролингвы? Да, в Эдене создали множество устройств, нашли сотни вариантов применения научным теориям, развили чужие гипотезы — но принципиально нового ничего не создали! Все разработки в области нейролингвы, софт-инжиниринга, бионики, прочих наук основаны на довоенном опыте, работах самого доктора Синклера, его учеников. А они уж точно не были выпускниками Эдена.

Мне кажется, что в короткий промежуток между возвращением Дэз Кемпински в хайтек-пространство и первым выходом в Сеть без помощи коммуникативного оборудования — у Громова еще был шанс преодолеть «эмоциональную атрофию», полученную в Эдене. Но похоже, психологический дискомфорт,

который сопровождал восстановление его эмоциональной сферы, оказался слишком сильным.

Почему он не предпринял никаких попыток сблизиться с Кемпински — остается для меня загадкой. Вместо того чтобы тренировать свою способность чувствовать, Громов начал старательно ее подавлять. Страх перед страданием оказался сильнее мечты о счастье.

* * *

10 ноября 2054 года, 09:18:34
RRZ «Эллада»
Рободом

Среди подарков, которые Макс привез из Nobless Tower, оказалось много роскошной довоенной одежды, но ни одних удобных джинсов.

— Альтер, покажи гардероб Роберта, — попросил Макс.

Голограмма задумчиво обошла вокруг Громова.

— Ты слишком жирный, вещи Роберта тебе не подойдут, — заявил Альтер, просканировав физические параметры Макса. — К тому же он придерживался классической манеры одеваться.

— Покажи, что есть.

Альтер процитировал какой-то классический роман, сказав про мулов, которые норовят напялить лошадиную сбрую, но одна из стен в галерее второго этажа трансформировалась в гардеробную.

Костюмы Аткинса висели ровными рядами — черные, синие, серые, бежевые, даже белые. Были костюмы в полоску, клетку, настоящий фрак в чехле из полимерконсерванта.

— В нем Роберт получал обе Нобелевские премии и четыре премии Джекобса за достижения в IT-сфере. Даже не думай дотрагиваться до этой вещи, — заявил Альтер.

— Что-нибудь попроще есть? — спросил Макс, вынимая одну из вешалок и внимательно глядя на костюм.

Было в нем что-то странное. Казалось, пиджак сшит криво. Макс присмотрелся к Альтеру… Прежде он не замечал, что руки точной копии Роберта чересчур длинны, а позвоночник искривлен настолько, что одно плечо ниже другого сантиметров на пять. Голограмма постоянно перемещалась, мигала, меняла цвет — поэтому прежде Макс не замечал несоответствия пропорций.

— Посмотри там, недоумок, — Альтер кивнул на проволочные ящики в глубине стены.

Макс выдвинул одну из проволочных корзин — в ней оказались кашемировые свитера. В другой корзине — брюки. Но ни одних джинсов!

— Черт… Хоть пиши командору Ченгу, — проворчал Громов. — Интересно, Буферная зона торгует джинсами по почте?

Для уверенности Макс заглянул и в другие корзины. Одна из них была доверху заполнена галстуками.

— Кто может добровольно носить на шее эту удавку? — риторически спросил он.

— Тебе никогда не стать гением, равным Аткинсу, пока ты ставишь удобство выше эстетики, — уверенно заявил Альтер.

Макс молча перебирал галстуки Роберта — шелковые, бархатные, попадались даже кожаные, металлические и пластиковые.

Вдруг пальцы Громова коснулись чего-то холодного, ногти скребнули металл.

Макс удивленно отодвинул галстуки и достал со дна корзины небольшую круглую металлическую коробку. Судя по рисунку, когда-то очень давно, лет восемьдесят назад, в ней было печенье. На Сетевых аукционах довоенного старья эти коробки уходили за бешеное количество кредитов, словно сделанные из золота.

Громов провел рукой по крышке, украшенной гравировкой. Замысловатый эмалевый рисунок, изображавший женщину за шитьем…

— Зачем украшать всем этим коробку для печенья? — он покачал головой. — Знаешь, когда я смотрю на все это, понимаю, что довоенный мир был обречен. Столько ресурсов на бесполезные, нефункциональные вещи…

— Да, но почему-то от каждой цивилизации в вечности остаются только красивые бесполезные вещи. Именно по ним потомки судят о величии ушедшей эпохи. А всякие водяные колеса и деревянные плуги обращаются в пыль за ненадобностью — их сменяют электричество, роботы и квантовая механика. Тоже мне нашелся умник… — проворчал Альтер.

Макс открыл коробку — сверху был слой противоударной, антибактериальной, воздухонепроницаемой пленки. Громов осторожно отклеил ее от стенок, убрал пеноволокно, что предохраняло содержимое от любого воздействия — температуры, влаги, электромагнитного излучения.

— Что это? — спросил он Альтера, высыпав себе на ладонь два маленьких пакета.

На одном из них была английская надпись: «Дорожный швейный набор» и логотип гостиницы — Schweizerhof. Второй — просто коробок спичек с логотипом бара Saas Fe и картинкой —

конек крыши, на нем флюгер в виде волка.

— Дорожный набор и спички, мой юный гений, — издевательски ответил Альтер.

— Я вижу! Чем они так важны для Аткинса, что он обернул их двумя слоями пеноволокна? — Громов начал злиться.

Неожиданно Альтер начал мигать, раздался знакомый мерзкий звук и ровный голос системы:

— Закрытая область архивных данных. Нет доступа.

— О, черт…

Громов закрыл глаза… А дальше произошло нечто странное. Интуитивно, без всякого плана он изо всех сил пожелал получить доступ в эту закрытую область архивных данных.

— Пароль… — беззвучно прошептали его губы.

Макс впал в странное, похожее на транс состояние. Когда он вышел в Сеть, не используя нейрокоммуникатор, — у него было точно такое же.

Перед глазами замелькали красные точки — Громов вскоре понял, что это фигурки. Шифр… Символы, цифры, буквы…

— Пик…

Символ, изображавший гору, встал на первое место.

— Четыре тысячи сто восемьдесят семь метров…

Цифры и буква «м» встали на нужные места.

— Игла!

Восклицательный знак замкнул комбинацию.

Перед глазами Макса развернулось черное, похожее на загрузочную комнату пространство с несколькими архивными папками.

— Загрузить, — сказал он.

В тот же момент его затылок пронзила острая боль, похожая на реакцию на первое подключение к нейролингве, но гораздо неприятнее. От болевой точки по голове расходились горячие волны. Громов почувствовал, что вот-вот потеряет сознание…

Перед глазами замелькали размытые, нечеткие образы. Макс понял, что видит чьи-то воспоминания.

Знаменитая грифельная доска Аткинса, на которой тот сутками писал мелом формулы, стирал, писал снова…

На доске было только одно уравнение E = hlR2 = W□

Роберт обернулся… Макс видел все его глазами. Перед ним стоял доктор Синклер! Директор Эдена выглядел так же, как его привык видеть Громов. Аккуратная седая борода, большие серые глаза, морщины, безупречный костюм.

— Что это? — спросил он, показывая на уравнение.

— Энергия постоянна, она идет от независимого источника, перерождается, принимает различные формы, но ее количество

всегда постоянно! — Роберт с такой силой ткнул в знак «□», что мел в его руке раскрошился.

— И что?

— Нет никакого энергетического кризиса, — глаза Аткинса смотрели только на уравнение. — И никогда не было! Даже вероятности такой не существовало! Все — ложь.

— Теоретически ты, возможно, прав, — доктор Синклер посмотрел на уравнение. — Но практически мы пока способны добывать энергию из материи, чей список довольно ограничен. Солнечный свет, вода, углеводороды, радиоактивные изотопы… Где ты взял подстановочные элементы для своего уравнения?

Роберт молча взял со стола толстую тетрадь, сшитую из клеенчатых распечаток. На обложке была надпись: «Общество мертвых ученых».

Доктор Синклер взял тетрадь в руки, пролистнул и с ужасом посмотрел на Аткинса:

— Откуда она у тебя, Роберт?

— Хелена передала. Вы ведь знали.

Внезапно Макс ощутил, будто в его голове что-то лопнуло, ноги подкосились сами собой, картинка погасла. Последнее, что он услышал, был истеричный вопль Альтера:

— Хакерская атака!!! Полная блокада всех систем!!!

Последнее, что увидел Громов, — сдвигающиеся блоки Рободома. Закрылись все окна, кроме одного — в том блоке, где Макс скрутил направляющие…

— Канал передачи найден, — ровным голосом сообщила система. — Электромагнитый импульс.

Бело-зеленая вспышка ослепила Макса, ему показалось, что сердце раздулось и лопнуло. Он отключился вместе с Рободомом.

* * *

10 ноября 2054 года, 10:30:08
Либерийская промышленная зона
Штаб-квартира корпорации Brain Gate

— Черт! — Дэйдра едва удержалась, чтобы не швырнуть в погасший монитор один из тяжелых декоративных нефритовых шаров, стоявших на ее столе.

— Что? Сорвалось? — Савельев повернул голову, отрывая взгляд от пульта управления мультиволновым ретранслятором.

— Альтер обнаружил, что мы передаем сигнал через мальчишку, и вырубил его, — Дэйдра топнула ногой. — Надеюсь,

он спалил ему мозги!

— Что-то успело скачаться к нам в кэш, — Савельев вывел файл на монитор, — но… Боюсь, толку от этого немного. Та же кодировка, что в блоках, которые ты свинтила в Рободоме. Аткинс пользовался собственным языком программирования. Не думаю, что получится это расшифровать.

Дэйдра зло поглядела на главного инженера.

— Извини, у нас за столько лет ничего не получилось, — пожал плечами тот. — Ты поторопилась. Надо было действовать, как я предлагал. Дождаться, пока Громов найдет способ проникнуть в закрытые архивы Рободома, прочитает их, а уже затем снять данные с его собственной памяти.

— Не так-то просто читать воспоминания, — буркнула Дэйдра.

Савельев понял, что опрометчиво напомнил профессору МакМэрфи о ее эденском провале, когда она в течение двух лет не могла выудить из памяти Громова ключ к архиву Хрейдмара, где хранился образец омега-вируса.

Внезапно пульт ретранслятора подал тревожный сигнал, сверху донесся неприятный звук. Подсветка на пульте погасла.

— Что за черт… — Савельев тронул кнопку перезагрузки.

Никакой реакции не последовало.

— Вот гад! — заорала Дэйдра и бросилась к дверям. Инженер побежал за ней.

Когда они поднялись на поверхность, их ожидало печальное зрелище. Мультиволновой ретранслятор, новейшая разработка корпорации «Микадо», дымил и распространял отвратительный запах горящей оболочки проводов.

— Рободом отследил сигнал и послал нам резонансный импульс, — объяснила Дэйдра. — Через наш же спутник! Сначала замкнуло антенну…

— А потом цепная реакция распространилась на всю систему связи, — закончил фразу Савельев, глядя на снопы искр, сыплющиеся из всех трансформаторов на базе.

— Надеюсь, Громов сдохнет, а Рободом снесут за убийство «спасителя человечества», — прорычала Дэйдра.

Ветер с моря разогнал едкий дым.

Идзуми, с удивлением наблюдавший происходящее с холма, активировал свой биофон, чтобы сообщить Буллигану о странном инциденте.

* * *

24 ноября 2054 года, 18:15:00
RRZ «Эллада»
Больница Святого Стефана

Макс открыл глаза и увидел свое отражение… в крышке нейрокапсулы.

Громов судорожно уперся руками в стекло. На мгновение его охватила паника. Мышцы всего тела напряглись, сердце забилось так, что казалось, вот-вот взорвется, не выдержав нагрузки. В ушах появился противный шум…

Крышка мягко открылась. Макс услышал писк кардиодатчика, а затем увидел Евгения Климова, который изумленно таращился на открытую капсулу.

В бокс вбежал дежурный врач.

— Зачем вы открыли капсулу? — напустился он на Климова.

— Я… Я ничего не делал, — поверенный развел руками. — Она сама!

Врач посмотрел на Громова.

Макс сел, отлепляя от своего тела датчики.

— Что случилось? — спросил он.

— Альтер вызвал службу спасения, — Евгений Климов подошел к Громову и как-то странно на него посмотрел. — Он сказал, вы подверглись хакерской атаке. Рободом отключился, и ты вместе с ним.

— Да, я помню… — Громов приложил руку к голове, затем посмотрел в сторону кардиодатчика, который надрывно пищал.

Датчик выключился.

Евгений Климов и врач пораженно уставились на прибор, потом на Громова.

— Он меня раздражал, — спокойно сказал Макс и крепко сжал руками разламывающуюся от боли голову.

В реанимационный бокс вошел Отто Крейнц.

— Привет, Макс, — Отто попытался улыбнуться, но не смог скрыть страха в своих глазах.

— Здравствуйте, мистер Крейнц, — поздоровался Макс. — Почему вы так на меня смотрите?

Отто прикусил губу, посмотрел на Климова, потом на Громова.

— Макс… — Крейнц кашлянул в кулак, — скажи, перед тем как ты потерял сознание… Ты видел что-то странное, необычное?

— Альтера, — улыбнулся Макс.

— Это очень серьезный вопрос, — Отто не моргая смотрел в глаза Громову.

— Ну… — Макс кивнул. — Да. Последнее, что я помню, —

это слова системы, что канал передачи обнаружен, затем яркая бело-зеленая вспышка и… я тут.

Крейнц вздохнул.

— Одна из секций Рободома не закрылась при попытке герметизации, — сказал он.

— Да, я… это… Разобрал механизм у одного из блоков на тот случай, если Альтера вдруг опять заглючит, — Макс почесал затылок.

— Понятно, почему волновой отражатель Рободома не сработал, — недовольно пробурчал Крейнц. — Дэйдра использовала тебя для доступа к архивам Аткинса и… Альтер принял решение отрубить канал, то есть тебя, любой ценой. Тебе больше нельзя там оставаться.

— Но почему? — не понял Макс.

— Ты не понял? — Отто стер испарину со лба. — Рободом тебя чуть не убил. Твоя жизнь в списке его приоритетов стоит ниже, чем защита информации, которую Аткинс засекретил и за которой много лет охотится Дэйдра. Ты должен поехать с нами в Эден.

Макс отвернулся. На мгновение он ясно представил, что смерть — это не конец, а избавление. От всего — головной боли, иска ICA, тоски, связанной с Кемпински… От всего. Сон. Настоящий, вечный сон, без волнений, тревог, чувства обиды, стыда, несправедливости. Абсолютный покой…

В палату вбежала Дэз.

Климов мягко взял Отто за локоть и кивнул на дверь.

— Хотите кофе? — спросил поверенный у технического эксперта.

— Но я… Мы еще не закончили… — попытался было воспротивиться тот.

— Здесь прекрасный кофе, — настойчиво повторил Климов, продолжая тянуть Крейнца к выходу.

— Но…

— Идемте!

Евгений подмигнул Максу, выталкивая Отто за дверь.

Дэз дождалась, пока посетители выйдут, и подошла к Громову.

— Макс! Я… была здесь все время. Сейчас вот только вышла поесть. А ты очнулся. Надо же, — на лице Кемпински не было и следа холода. Она выглядела испуганной и растерянной. — Как ты?

— Привет… — улыбнулся Громов.

Головная боль начала потихоньку растворяться. Макс почувствовал в своей груди тепло. Мышечное напряжение

отключилось — тело стало тяжелым.

— Я приехала сразу, как только узнала, — Дэз тревожно заглянула в глаза Громова и положила ладонь на его щеку, села рядом. — Ты был без сознания две недели. Врач сказал — это чудо, что твое сердце выдержало электромагнитный импульс такой силы. Что произошло? Почему Альтер напал на тебя?

— Со мной что-то происходит… — Макс опустил голову на плечо Дэз. — Я не понимаю…

Кемпински обняла его. Громов вдохнул, пытаясь поглубже втянуть и запомнить аромат ее волос. Этот запах постепенно возвращал его к жизни.

Перед глазами вдруг возникла картинка из детства — его мать идет через большой луг и несет в руках охапку полыни. Макс бежит ей навстречу, чувствуя, как стебли травы и цветы касаются его щиколоток, рук. В этом моменте не было ничего, кроме самой жизни. Ни ожиданий, ни планов на будущее, ни воспоминаний о прошлом… Ничего, кроме опьяняющей радости, которой было так много, что она не помещалась в груди.

Макс почувствовал, что сухие губы Дэз легко коснулись его лба.

Он закрыл глаза и… мысли в его голове прекратили существовать. Осталось только чувство. Макс вспомнил, как они с отцом пошли за дровами и не взяли с собой почти ничего. Буран застал их врасплох. Они едва успели забраться в тесную охотничью землянку. Ни еды, ни воды целых три дня. Когда ветер стих и стало можно выйти на поверхность, была ночь — ясная, светлая. На небе огромная белая луна и бриллиантовая россыпь звезд. Громов зачерпнул горсть чистого, голубоватого, искрящегося снега и положил его на сухой, измученный жаждой язык. Глоток талой воды.

Теперь, когда Дэз поцеловала его, Макс испытал похожее чувство, но во много раз сильнее.

Сомнения, боль и страх оставили его.

— Позови Крейнца, — сказал он. — Я готов поехать в Эден.

Дэз шевельнулась, чтобы исполнить его просьбу.

— Подожди, — Макс схватил ее за руку и взглянул ей в глаза.

Он надеялся, что Дэз поймет. Что она поцелует его, как тогда, у залива в Тай-Бэй…

Но Кемпински просто обняла его за шею. Макс грустно улыбнулся.

— Прости, — Дэз посмотрела на него. — Я… Я не могу!

Глаза Кемпински наполнились слезами.

Макс провел ладонью по ее щеке. Он знал, что будет ждать, когда Дэз его простит. Знал, что его чувство к ней никогда не

изменится и никто никогда не будет значить для него столько, сколько Кемпински. Он знал все это, но не знал, как сказать. В его голову через нейролингву были закачаны миллионы слов на разных языках — но самых простых, самых важных, тех, что выразили бы захлестнувшие его чувства, не было… Он словно стал немым. Чувствовал, но ничего не мог сказать.

Дэз отвернулась, быстро вытерла глаза тыльной стороной руки.

— Я позову Крейнца, — сказала она, изо всех сил пытаясь говорить ровно, чтобы голос не дрожал.

* * *

24 ноября 2054 года, 23:53:07
Токийский хайтек-мегаполис
Штаб-квартира Бюро
информационной безопасности

Крейнц, Идзуми, Роджер и Нимура сидели в кабинете Буллигана, ожидая возвращения шефа Бюро из штаб-квартиры Интерпола.

Буллиган задерживался уже на два часа. Идзуми курил, не обращая внимания на возмущенные взгляды Роджера. Крейнц на своем ноуте несчетный раз просматривал сетевой протокол за 19 октября на 8:45 утра, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, как Максу удалось выйти в Сеть.

— Все должно быть очень просто, — бормотал он, — просто мы не видим…

— Там что-то произошло, — вздохнул Нимура.

Дверь открылась — вошел Буллиган.

— Привет, — бросил он присутствующим хмуро. — Отключите ваши биофоны и вообще все средства связи, какие есть.

Подождав, пока его приказ будет исполнен, Буллиган открыл дверь комнаты для совещаний и жестом попросил всех перейти туда.

Как только участники совещания разместились в тесной комнате, шеф Бюро закрыл дверь, включил полную защиту и сказал:

— На помощь Интерпола надежды никакой. Сообщить о наших планах Фаворскому — это значит напрямую поставить в известность Алекса.

— Но… — Крейнц отодвинул ноут. — Нам нужен ордер,

чтобы попасть в Brain Gate! Иначе ни одно из добытых нами доказательств не будет признано валидным.

— Я знаю! — перебил его Буллиган. — Но если будем действовать по закону, через Интерпол, — никаких доказательств не будет вообще. Даже если нам каким-то чудом удастся выбить из Фаворского разрешение на арест информации, к тому моменту, как ордер выпишут, ничего интересного на серверах Brain Gate уже не будет. А мы все лишимся работы. Я подозревал, что между Интерполом и службой безопасности Торговой Федерации нет никакой разницы, но…

Шеф Бюро сел в свое кресло, на мгновение закрыл глаза и тяжело вздохнул:

— Простите меня, я не понимал, какому риску подвергаю вас всех.

— Что произошло? — Идзуми нахмурился.

— Яков Фаворский собирается предъявить Бюро иск о превышении полномочий, обвинение в промышленном шпионаже и… антисоциальной деятельности. У них есть список всех наших агентов с подлинными идентификационными кодами. Полчаса назад из башни «Нет-Тек» вывезли все оптические накопители, которые мы изъяли из Эдена. Фаворский рассчитывает найти там доказательства сговора между Громовым и Джокером.

— Вот сволочь, — Роджер покраснел от гнева.

— Один из наших агентов уже арестован упредительной полицией. Алиса Лиддел. Она предоставляла свои коды доступа в Сеть одному из солдат Джокера. И не просто какому-то рядовому участнику сопротивления, а наиболее вероятному преемнику нашего «врага номер один» — Инферно.

Роджер издал неопределенный звук, напоминающий глухой стон, и отвернулся.

— У нас очень мало времени, — глухо произнес Буллиган. — Военные, Интерпол и Торговая Федерация что-то затевают. В коридоре, возле кабинета Фаворского, я видел Савельева — главного инженера Brain Gate. Думаю, «Кибела» была не единственным проектом Дэйдры. Алекс хотел установить диктатуру, и его остановили в миллиметре от намеченной цели.

— Есть план «Б»? — спросил Роджер.

— Наверняка, — кивнул Буллиган. — И что-то мне подсказывает: единственная причина, по которой он до сих пор не осуществлен, — это Громов.

— Поскольку управление Сетью теперь децентрализовано, — задумчиво сказал Крейнц, — они не могут контролировать все информационные потоки. «Аресу» просто не хватает мощности, чтобы сканировать все периферийные серверы, не говоря уж о

пользовательских компьютерах. Но если они объединят «Ареса», «Ио» и Рободом, то…

— У них получится кластер, достаточно мощный для того, чтобы обновить параметры Сети, снова централизовать управление ею и перезагрузить, — закончил фразу Роберт.

— И тогда в руках Торговой Федерации окажется абсолютная власть. Все информационные потоки плюс полный контроль над техносферой, — Буллиган посмотрел на Крейнца. — Есть идеи, как их остановить?

— Сколько у нас времени? Хотя бы примерно? — спросил тот.

— Не знаю. Может день, может месяц, — пожал плечами шеф Бюро.

— Что Дэйдра хотела в Рободоме? — задумчиво спросил Отто. — Почему так торопилась? Громов сказал, что атака началась сразу, как только ему удалось проникнуть в закрытую область архивных данных. Альтер перекрыл доступ и напал на него только потому, что Дэйдра пыталась украсть информацию оттуда, используя Громова как канал доступа. Но, учитывая ее возможности по считыванию памяти, почему было не дождаться, когда он все узнает, и тогда…

— Снова уложить в нейрокапсулу и по новой пытаться дешифровать полученные данные? С Громовым у нее это плохо получается, — напомнил Буллиган.

— Узнаем, как она устанавливает связь с Громовым — может, поймем, что с ним происходит. Надо проникнуть на ее базу, — подвел итог Отто. — Давайте думать, как это сделать.

— А что с парнем? — поинтересовался Идзуми. — В Рободом ему нельзя…

— Поместим пока в среду Эдена. Дэйдра не может прямо проникнуть туда. Мы можем на время вообще отключить конвертер. Громов будет находиться в аналоговой среде, это обеспечит ему относительную безопасность, — сказал Крейнц.

— Олимпиада начинается через две недели. Если Громов не явится, с него будет снят иммунитет. ICA сможет добиваться его заключения под стражу, — напомнил Нимура.

— Крейнц, отправляйтесь за ним. Возьмите охрану и подумайте, как перевезти Громова так, чтобы в пути Дэйдра не смогла причинить ему вреда.

— Если перевозить его в нейрокапсуле на самолете Эдена — ему ничего не грозит. Нет сознания, нет и доступа к нему.

— Пф-ф… — вздохнул Буллиган. — Останется только уговорить его на это. Роджер, будешь сопровождать Громова в Эден.

— Да, сэр, — Подлюга встал.

— Стоп, — Буллиган посмотрел вокруг и усмехнулся. — Я рассуждаю так, будто нас еще что-то защищает. Грустно… Учитывая, что мы должны спланировать несанкционированное нападение на штаб-квартиру корпорации, принадлежащей лично Алексу Хоффману… В Эден придется переместиться всем.

Идзуми допил содержимое своей фляжки.

— В бункер так в бункер.

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

Привет, дорогие обезьяне! Рады вам сообщить, что с сегодняшнего дня официально стартовал тотализатор Олимпийских игр.

Явный фаворит этого года — команда Алекса Хоффмана, она сплошь состоит из профессиональных геймеров-чемпионов. Понятия не имеем, кто сможет с ними тягаться. Разве что Громов преподнесет нам сюрприз. Букмекеры уже выложили на информационном портале своего профсоюза информацию, что в данный момент самые высокие предварительные ставки делаются именно на Громова. Хоффман на почетном втором месте, далеко-далеко позади…

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ТАЙНЫ РОБЕРТА АТКИНСА

Технология Биогейт

25 ноября 2054 года, 10:21:14
Технопарк Эден

Самолет приземлился.

Дэз, Чарли, Тайни, Инферно и Евгений Климов вышли на летное поле. Их встретил доктор Льюис.

— Громов путешествует со свитой? — весело спросил он. — Прогрессивно. Значит, есть надежда, что он все же захочет создать собственную корпорацию? Владеть миром?

— Мы хотим быть уверены, что с ним ничего не случится, — ответила Дэз.

— Ой-ей-ей… По-вашему, все только и мечтают, как бы снова запереть его в стеклянном гробу, — доктор Льюис потер руки.

— Есть опасения, — Инферно снял очки.

— Наденьте очки снова, дорогой Скай, и будем считать, что я вас не видел, — строго сказал ему доктор Льюис. — Мне не нужны неприятности с упредительной полицией. Ну, где священный саркофаг?

Профессор киберорганики встретился с недовольным взглядом Кемпински.

— Простите… нейрокапсула, — исправился он. — Лично я как ученый просто мечтаю поскорее увидеть, на что же теперь способен наш гений. Да не смотрите вы все на меня так! Я единственный человек в хайтек-пространстве, у которого есть идея относительно того, что с ним такое происходит.

Доктор Льюис с улыбкой поглядел на Евгения Климова.

Роджер Ли, возглавлявший отряд охраны, осторожно выкатил из самолета транспортировочную нейрокапсулу.

— Какой загар, — восхищенно вздохнул профессор киберорганики, посмотрев на лицо Макса через кварцевую ударопрочную крышку. — Надо и мне съездить в Элладу на пару недель, когда все это закончится. Отель «Ритц» уже закончил модернизацию своего SPA-комплекса? А? Ученик Спаркл?

— Не знаю, это в другой части зоны, — ответил Чарли.

— Жаль, — вздохнул доктор Льюис.

Четверо агентов катили капсулу в сторону ангара. Роджер Ли неотрывно смотрел на дисплей детектора излучений.

— Не волнуйтесь, скоро он будет в полной безопасности, — пообещал доктор Льюис. — К подключению все готово. Компьютеру Эдена не надо поддерживать репликации пяти тысяч учеников, так что весь его ресурс к нашим услугам.

Агенты Бюро вкатили нейрокапсулу с телом Громова в авиационный ангар, к лифту, который вел к шахте.

Все притихли. Чарли и Тайни выглядели напряженными. Дэз, напротив, с любопытством разглядывала внутреннее устройство Эдена.

Спаркл подошел к ней и тихо спросил:

— Ты помнишь, как вышла из среды Эдена и очнулась в капсуле?

— Угу, — кивнула Дэз.

— Кто тебя вытащил? Ты не говорила, — Чарли внимательно смотрел на Дэз.

— Джокер, — спокойно ответила та.

— Джокер? Сам?! — изумился Спаркл.

— Это долгая история. Не сейчас, — сухо ответила Дэз и отвернулась.

Инферно внимательно наблюдал за ней и Спарклом.

Дневник доктора Павлова

25 ноября 2054 года, 23:40:32
Технопарк Эден

Сегодня доктор Льюис сказал, что не делает пластических операций по одной-единственной причине: лицо — отражение его судьбы. Когда он смотрит в зеркало, хочет видеть там свой жизненный опыт, достижения, успехи, потери, а не чужую искусственную маску. Я страшно разозлился, когда услышал все это. Потому что сам так думаю. Я бы никогда и ни за что не расстался со своим собственным лицом, если бы не Роберт. Я хочу знать, что с ним случилось на самом деле, а когда узнаю — найду виновных и накажу. Что будет потом, мне все равно. Моя жизнь оборвалась пятнадцать лет назад, и я не вижу ни единого повода начинать ее заново. Мне не жаль мир, который мелькает перед моими глазами. Должно быть, то, что древние философы называли душой, — умирает при заморозке. Остается только тело, которым движут самые простые инстинкты — голод, гнев…

Чтобы просканировать нервную систему Громова и найти объяснение странным вещам, что творятся вокруг него в последнее время, Макса пришлось снова подключить к среде Эдена. Главный компьютер технопарка и его генералка «Дженни» — наша последняя надежда. Только они до сих пор не подконтрольны Торговой Федерации или военным и обладают достаточными возможностями для нейронного сканирования

такого уровня, какой необходим в случае Громова.

Дэз Кемпински неотступно следит за каждым нашим шагом, и я готов поклясться: если ей только покажется, что мы пытаемся использовать ее друга в своих целях, ни один из нас не вернется из Эдена живым. Ее преданность невероятна. В то же время я бы не рискнул поставить знак равенства между ее отношением к Громову и словом «любовь». Это странная смесь из дружбы, безграничного самопожертвования и веры.

Первичное сканирование не выявило никаких инородных предметов в теле Громова, кроме стандартного биофонного чипа. Мы просканировали его несколько раз, но не обнаружили ничего подозрительного. А подозрительное, вне всякого сомнения, должно быть.

Со слов самого Громова, в последнее время у него появились странные способности:

— он может входить в Сеть (устанавливать нейронное подключение с полным сохранением всех чувств), не используя никаких стандартных приспособлений — ни контактов, ни конвертера. Происходит самопроизвольная синхронизация его мозговых волн с сетевыми;

— управлять генеральными программами суперкомпьютеров — главный компьютер Эдена слушается его так же, как Рободом, по той же схеме. «Дженни», как и Альтер, считает Громова одним из внутренних устройств.

Доктор Льюис уверен, что перед нами — результат применения технологии биогейт. Однако кто довел ее до такого совершенства, «установил» в Громова и как это вообще оказалось возможно — неизвестно.

Все как-то связано с Робертом. Поведение Альтера, история с Рободомом говорят сами за себя. Я мучительно пытаюсь найти ключ к этой загадке. Каждый день изобретаю новые способы тестирования, сканирования, интерпретации полученных данных. Все бесполезно…

* * *

25 ноября 2054 года, 12:01:34
Технопарк Эден

Виртуальная среда Эдена идеально подходила для совещания, которое собрал Буллиган. Отто Крейнц ностальгически разглядывал знаменитый кабинет доктора Синклера. Ковры, антикварная мебель, витражи и «львиное»

кресло.

Генералка Эдена добавила к обычной обстановке большой круглый стол. Буллиган сел рядом с доктором Синклером. Доктор Льюис справа от Буллигана. Далее Отто Крейнц, Идзуми. Рядом с инспектором неслышно появилась репликация Айи Хико. Создательница нейролингвы выглядела осунувшейся, бледной и очень встревоженной.

Буллиган повернулся к доктору Льюису.

— Здравствуйте все. Энджил совместно с доктором Синклером и… еще одним человеком провел ряд исследований поведения Громова в последнее время. Пожалуйста, послушайте, что они обнаружили.

Доктор Льюис встал.

«Дженни» моментально сгенерировала для него монитор — прозрачную медиаматрицу, на которой стали появляться цифры и фотографии.

— Мы не нашли у Громова никаких инородных тел — вроде чипов, которые Бюро имплантирует своим агентам для хранения и передачи информации, — начал он. — Тогда я решил исследовать изменения, которые произошли в ДНК Громова. «Дженни», картинку.

На мониторе появилась спираль ДНК. Доктор Льюис тронул один из ее участков.

— «Дженни», дай картинку отдельной молекулы, — попросил он.

На экране появилась молекула ДНК.

— Всем здесь сидящим, возможно, кроме инспектора Идзуми, известно, что главная загадка молекулы ДНК, которую мы не смогли понять до сих пор, — это вот эти большие белые пятна. Долгое время их считали просто мусором, но потом убедились, что эволюция мусора не копит. Она от него избавляется. А это, — он показал на одно из белых пятен, — скорее «полуфабрикат», резерв для будущего мутагенного скачка. Вся информация о человеке записана в ячейках молекулы, как на диск, но на некоторых дорожках запись как будто бы отсутствует, — сказал доктор Льюис. — А теперь смотрите. «Дженни», миллионное увеличение.

«Дженни» дала увеличение одного из белых пятен. Теперь было видно, что внутри него будто россыпь черных мелких зерен.

— В геноме человека существует огромное количество молекулярных остатков вирусов, которые, однажды попав в него, закрепились и встроились в основную структуру, — доктор Льюис показал одно из темных пятен. — Разумеется, все это выглядит не так, я просто попытался упростить картинку до уровня схемы. Что

я хочу сказать? Механизм, когда геном вируса встраивается в геном хозяина, существовал всегда. Это не является чем-то принципиально новым. Пятьдесят лет назад в геноме дрозофилы был впервые обнаружен полностью встроенный в его структуру геном бактерии-паразита Wolbachia. То есть геном одного существа фактически содержал информацию о двух разных. Бактерия регенерировалась в цитоплазме клеток хозяина — дрозофилы и очень тонко регулировала размножение, развитие и, что самое главное, эволюцию хозяина. Мы до сих пор не знаем, какие из вирусов оказали влияние на нашу эволюцию, а какие нет. Одно можно сказать точно: наше зрение, прямохождение и способность создавать устойчивые моногамные пары на основе взаимной любви являются результатами резких мутагенных скачков, которые происходят каждые несколько миллионов лет. Так вот… Возможно, сейчас мы находимся на пороге именно такого скачка. Его причиной являются техногенные изменения последних двухсот лет. Роль природных условий ныне заменили социальные и технологические. Сеть — гораздо более глобальное изменение, чем простая перемена климата. Иными словами, среда потребовала от биологии человека изменений. И они происходят! Ибо единственное отличие человека от всех прочих видов — поразительная чувствительность к необходимости мутаций и наличие механизма, — профессор киберорганики показал на белое пятно внутри молекулы ДНК, — способного к быстрому, в рамках одного поколения, изменению своего генокода.

Доктор Льюис обвел взглядом присутствующих. Все напряженно молчали.

— Используя древний мутагенный механизм, благодаря которому геном человека уже содержит генетические фрагменты биологических вирусов, омега-вирус встроился в ДНК Громова на молекулярном уровне, — доктор Льюис посмотрел на доктора Синклера, — сообщив тем самым организму Громова часть своих свойств. А именно — способность находиться как в биологической среде, так и в цифровой. Наш мозг воспринимает его как человека, а искусственный интеллект Рободома или главного комьютера Эдена — как составную часть машины. Они видят его как карту памяти с собственной программной оболочкой, которая наделена всеми адаптивными свойствами человеческой психики.

Буллиган сложил руки на груди и откинулся назад, пытаясь осмыслить сказанное профессором киберорганики.

Крейнц кашлянул в кулак, пытаясь прийти в себя.

— Хорошо… — произнес он. — Но тогда почему все

остальные люди, которые были заражены омега-вирусом через Сеть, этих свойств не получили?

Голос подал доктор Синклер.

— Все дело в длительности контакта, — сказал он. — Известно, что в организме человека происходит постоянная замена клеток. Клетки как бы самокопируются. Человек стареет, потому что каждая последующая копия чуть хуже предыдущей. Громов был носителем омега-вируса в течение двух лет. За это время его физическое тело успело практически полностью обновиться. Он подросток и переживает гормональную перестройку организма. Это также способствовало быстрому и эффективному встраиванию омега-вируса в его ДНК. К тому моменту, когда антивирус «Моцарт» начал действовать, ДНК Громова уже содержала устойчивую, закрепившуюся связь с геномом омега-вируса. Все остальные жители хайтек-пространства были инфицированы менее сорока восьми часов. «Моцарт» умертвил омега-вирус раньше, чем мутация могла произойти.

Доктор Льюис вывел на экран картинку мозга, в которой светились отдельные секторы.

— Когда ворота открыты, через них можно не только выйти, но и войти, — сказал он. — Если Громов может выходить в Сеть по собственному желанию, не используя никакого оборудования, то из Сети в его голову тоже, теоретически, может что-то попадать. Вывод, по-моему, достаточно ясен.

Отто задумчиво смотрел перед собой.

— Теоретически все это можно связать в единую систему. Громов, который получил способность находиться в биологической среде и цифровой, модифицируясь в собственную трехмерную репликацию без помощи обычного конвертера… Сеть как параллельная реальность, в которой человеческое сознание может существовать, потому что для мозга реально то, что видят глаза, слышат уши и так далее… Наличие технологии класса биогейт, которая переводит нейронный импульс, сопровождающий определенное желание, в понятный цифровой код и дает ему статус команды. И, вероятно, существование программы дистанционного управления людьми. Поскольку Дэйдра МакМэрфи до сих пор на свободе — есть все основания полагать, что ей удалось довести свое изобретение до уровня практического применения.

Идзуми издал странный звук, похожий на скрип заржавевшей шестеренки.

— Как я понял, вы говорите о том, что мальчик теперь без всяких проводков соединен с Сетью? И Дэйдра МакМэрфи

управляет им через эту самую Сеть?

Доктор Льюис поморщился и покачал головой:

— Нет. О полноценном дистанционном управлении, как фигуркой в стратегии, речи не идет. Но как именно она осуществляет связь с ним, мы так и не поняли. Никаких чипов в его голове нет, никаких устройств на теле тоже, никаких органических объектов, теоретически способных передавать и принимать сигнал, — тоже нет.

Айя Хико подняла руку:

— Можно мне сказать?

— Разумеется, профессор Хико, — кивнул Буллиган.

— Я ознакомилась с материалами по корпорации Brain Gate, — сказала та. — Дэйдра МакМэрфи серьезно продвинулась по части разработки систем дистанционного управления людьми, используя возможности нейролингвы. Что же касается чипа, над которым они якобы работают… Дэйдра просто украла из моей лаборатории все данные по проекту «Биогейт». Они даже не стали менять название.

— Должно быть, из маркетинговых соображений, — хмыкнул Буллиган. — Если бы новинка поступила на рынок, название технологии уже было бы знакомо потребителям.

— Вы продолжали разрабатывать чип класса биогейт после запрета Комиссии по этике? — спросил Идзуми у профессора Хико.

Она кивнула:

— Да. Когда с теми людьми произошло несчастье — главой лаборатории был Хьюго Хрейдмар, а я его заместителем. Я говорила, что чип еще не готов и мы не можем испытывать его на добровольцах. Но Хьюго настоял и… — профессор Хико тяжело вздохнула. — Но мы вылечили всех. Я полгода занималась восстановлением пострадавших и наблюдала их еще пять лет после официального закрытия проекта.

— Не будем отвлекаться на историю, — мягко прервал ее Буллиган. — Что насчет Дэйдры? Она способна управлять Громовым?

— Технология биогейт не дает возможности осуществлять контроль над поведением человека, который не подключен к Сети напрямую…

— Громов теперь всегда подключен к Сети, хочет он того или нет, — напомнил Крейнц. — Единственное безопасное для него место — среда Эдена, и то по той единственной причине, что принцип ее работы — аналоговый. Ничего из общей Сети не может сюда попасть, если не включен конвертер данных.

Идзуми вскочил и начал хлопать по своим карманам в

поисках сигарет.

— Подождите! — воскликнул он. — Биогейт! Это чип?!

— Технология, позволяющая человеку управлять цифровыми устройствами так же легко, как если бы они были частью его тела, — пояснил Крейнц. — Для этого ему должен быть имплантирован чип…

— Но у Громова нет никакого чипа! — воскликнул инспектор.

Айя Хико посмотрела на Буллигана:

— Я думаю, надо рассказать им, сэр…

Буллиган кивнул.

Присутствующие замерли. Айя встала и подошла к медиаматрице.

— «Дженни», проект «Логос».

На медиаматрице появилась загрузочная картинка. Система из восьми спутников, расположенных так, чтобы их сигнал покрывал всю поверхность Земли.

— Проект «Логос» был создан, чтобы найти способы расширения когнитивного предела человека.

Айя тронула картинку внизу экрана, развернулась знакомая всем Таблица когнитивных возможностей человека.

— Возможности человеческого мозга ограничены, во-первых, его физическими размерами, — Айя показала в центр схемы. — Мозг человека содержит примерно сто миллиардов нейронов. Максимальное число активных связей, которые они способны создать, выражается единицей с 8432 нулями. Для сравнения: информационная емкость только одного кристаллического диска главного компьютера Эдена выражается единицей с миллионом нулей. В данный момент этих дисков — три тысячи двести пятнадцать. И, как вы понимаете, мы можем выращивать и доставлять новые практически бесконечно. Увеличить же нейронный объем мозга человека нельзя. Второе ограничение — биологическое быстродействие мозга. Скорость и устойчивость формирования нейронных связей у всех людей генетически различна. Эти величины плохо поддаются коррекции. С учетом этих биологических, видовых ограничений единственная возможность «разогнать» человеческий мозг — развивать когнитивные способности, поднять когнитивный предел с шести-семи процентов до…

Профессор Хико улыбнулась:

— Желательно, конечно, до ста, но вряд ли возможно. Пятидесяти-шестидесяти процентов было бы более чем достаточно. И вот в две тысячи тридцать восьмом году мы совместно с доктором Павловым приступили к работе над проектом «Логос». Мы пытались создать искусственную память,

которая была бы полностью совместима с человеческим мозгом, являясь при этом внешней базой. Предполагалось создать единый информационный банк мирового знания, к которому каждый человек постоянно подключен и естественным образом в нужный момет достает оттуда нужное «воспоминание». Вся информация хранится на спутниках, к которым одновременно имеют доступ все жители хайтек-пространства. Информация автоматически обновляется. Для мозга данные с «Логоса» были бы такими же реальными, как свой собственный, полученный эмпирическим путем опыт.

— Подождите! — жалобно воскликнул Идзуми. — Это коллективный искусственный разум, что ли?

— Это не разум, а память. Одновременный доступ ко всему мировому знанию, равнодоступный абсолютно для всех людей, — пояснила Айя.

— Чем это отличается от нейролингвы? — недоуменно пожал плечами Отто.

— До того как Громов создал технологию биософт на базе свойств омега-вируса, «Логос» и правда мало чем отличался от нейролингвы, — согласилась Айя Хико. — Но теперь есть возможность заложить в базу «Логоса» не только формальные, энциклопедические знания, но и физические навыки, те, что требуют долгой тренировки, направленной на формирование устойчивых нейронных связей. Нейролингва позволяла нам закачать в свою память инструкцию, как срезать цветок, как бы написанную на бумаге, как будто вы ее прочитали. А «Логос» в сочетании с технологией биософт позволит вам получить настоящий опыт срезания цветка, как будто вы сами делали это много раз и научились срезать цветок наилучшим в истории образом. Понимаете разницу?

— Люди, которые все знают и все умеют, — Крейнц почесал переносицу. — Ужас. Зачем им жить? Ладно… Вы использовали Громова в проектах «Биогейт» и «Логос»?

— Нет, — уверенно мотнула головой Айя Хико.

— А выглядит так, будто использовали, — вздохнул Буллиган и посмотрел на доктора Синклера.

Доктор Синклер скрестил руки на груди, посмотрел куда-то вверх и громко позвал:

— Хьюго! Ты здесь?! Может, присоединишься к нашей беседе?

Мгновение директор Эдена молчал, ожидая ответа. Но ответа не было.

— Добудьте информацию с базы Дэйдры, и мы найдем ответ на все вопросы, — сказала Айя Хико.

Буллиган кивнул.

— Мы подготовим операцию.

— Только предупредите агентов, что это будет их личная борьба со злом, потому что отдать им официальный приказ о штурме Brain Gate вам никто не позволит, — проворчал Идзуми. — Лично я бы на месте этих нашпигованных электроникой мальчишек отказался.

— Торговая Федерация уже три раза сокращала нам бюджет. Благодаря этому в Бюро теперь служат только романтики, — мрачно пошутил Буллиган.

* * *

26 ноября 2054 года, 15:23:21
Технопарк Эден

Макс не ожидал, что возвращение в среду Эдена окажется таким приятным для него. Он знал, что все вокруг нереально, что это просто совершенный мир с гениально продуманной архитектурой и не менее гениальным исполнением. Ни одна из Сетевых арен — ни «Динотопия», ни «Сунь Укун» — не может сравниться с Эденом. Реальность во всем — небо, облака, ветер, движение воды, репликации людей. А главное — удивительно тонкая, предельно детальная нейронная синхронизация, позволяющая сохранить все чувства. Запахи, вкус, краски, ощущения — в Эдене все реально!

Громов знал — все вокруг ненастоящее, но все равно его сердце забилось чаще, когда он увидел корпус ученического кампуса, вошел внутрь своего домика и открыл дверь комнаты, где провел два года.

Похоже, Чарли и Дэз испытывали те же чувства. Только Тайни крутил головой по сторонам и ничего не узнавал.

— Хоть бы познакомиться с этим Хьюго, — ворчал он. — Спросить его, почему *я*? Почему он решил воспользоваться именно моей репликацией? О, черт! До чего же обидно!

Инферно, который никогда не был в Эдене, восхищенно разглядывал трещины на штукатурке стен, следил за тем, как дуновение ветра поднимает сухие листья и опавшие лепестки с травы…

— Невероятно… — повторил он несчетный раз.

— Тренировочный центр полностью подготовлен, — приветливо сообщила им генералка Эдена.

— Дженни? — удивленно спросил Инферно, оглядываясь по сторонам.

— Ах, да, — усмехнулась Дэз, — забыла тебя предупредить. Доктор Синклер назвал генеральную программу Эдена — «Дженни», в честь дочери, которая сбежала к Джокеру. Эту часть истории ты знаешь. У программы тот же голос и визуальный образ. Правда, здешней «Дженни» вечно шестнадцать. Доктор Си последний раз видел ее в этом возрасте.

Инферно поежился.

— Я загрузила в конвертер все три олимпийские арены и тренировочные программы, которые создал Альтер, — сообщила «Дженни». — Это было сделано еще до вашего прибытия. После этого шлюз конвертера отключили. Вам повезло, что компьютеру сейчас почти нечем заняться, — в голосе генеральной программы возникла ирония, включился соответствующий контекстный модуль, — так что он довольно быстро конвертировал данные для работы в среде Эдена. Вы можете продолжить свои тренировки в любое время.

— Отлично, — кивнул Макс, — спасибо. Переместишь нас в тренировочный центр? Отсюда до него довольно далеко…

— Пожалуйста, — последовал ответ.

В следующее мгновение перед глазами друзей был уже тренировочный центр. Глаза Чарли засияли, когда он увидел пустой пьедестал, где они стояли после своей победы на Кубке Эдена.

Чарли не удержался и крепко обнял Дэз.

— Для удобства восприятия происходящего я поставила в вашем тренировочном блоке модификатор киберпространства, — сказала «Дженни».

— Цифровая копия модификатора кибер-пространства, искусственно созданная в самом киберпространстве? — спросил Чарли. — Знаете, в этом есть нечто… философское.

* * *

Инферно, Дэз, Чарли и Тайни наблюдали, как темный шар мчится через джунгли, быстро превращаясь в Сунь Укуна. Дэз посмотрела на часы — с начала миссии прошло семь минут.

— Сейчас будет дракон… — пробормотал Инферно.

Небо потемнело. Черный шар взмыл вверх. Облака начали быстро закручиваться по спирали. В дерево ударила молния, оно загорелось, но не обуглилось, а зацвело! Дракон так и не появился. Вместо этого с неба начали падать крупные розовато-белые хлопья.

— Это снег? — спросил Тайни, прищурился и приблизил

лицо к экрану.

— Цветы лотоса, — тихо сказал Инферно, приложив ладони к своим небритым щекам.

Цветы падали и падали, они укрыли всю землю легким ажурным одеялом. Вдруг поднялся ветер, тени как будто сдуло, мир стал ярким, полным красок! А затем яркая белая вспышка, ослепившая присутствующих, — и все пропало.

Дэз вздрогнула и отшатнулась от светящегося белым светом монитора. Чарли обнял ее.

Панели модификатора киберпространства раздвинулись — к друзьям вышел Макс.

— Как такое может быть? Я не понимаю, — Тайни смотрел на монитор. — Что ты сделал?

— Никогда не видел такого финала, — Инферно провел рукой по монитору. — В трактате о том, что есть Путь, описано нечто похожее, но оно символизирует конец времен. В правилах «Сунь Укун» есть пункт, что, как только хоть один игрок пройдет игру до «истинного финала», арена перестанет существовать!

— У нас была копия, к тому же пересчитанная под среду Эдена, — сказал Чарли. — Так что с оригинальным Сетевым порталом ничего случиться не должно. Ведь так?

— Угу… — кивнул Инферно.

Макс вздохнул.

— Мир арены перестал существовать… — Инферно смотрел на белый экран. — Ну конечно!

Бывшего чемпиона посетило какое-то озарение. Он застыл на месте, глядя в одну точку. Когда он пришел в себя — что-то в его взгляде изменилось. Вообще во всем облике Инферно. Он как будто стал выше и… спокойнее.

— Что ты сделал с драконом, Макс? — спросил Скай.

Громов вздохнул.

— Ничего. Альтер разработал стратегию прохождения — как собирать артефакты и решать квесты, никого не убивая. Я так и делал. За всю игру не убил ни одного врага, даже демона. Некоторые из них сами взрывались за моей спиной от ярости, но большинство перерождалось в других существ. Змеи — в красивые лианы, тигры — в цветы, демоны — в людей. Они благодарили меня и отдавали свои сокровища без борьбы. Когда Мара превратился в усталого старика, который сел на землю и попросил меня снять с его шеи цепь власти…

— Главный артефакт миссии, — пояснил Скай остальным.

— В его глазах было такое облегчение, — продолжил Макс. — У меня сердце сжалось, когда я подумал, что мог убить его. Он сказал: «Теперь я свободен», — и превратился в птицу.

Инферно кивал головой.

— Да, в этом смысл Пути, — торопливо сказал он. — Победить зло можно только изменив его, вернув к свету. Физическое уничтожение ничего не дает, потому что энергия постоянна, она только перерождается.

— В конце миссии я поднялся в облака, увидел дракона и… спокойно ждал, когда он приблизится. Не чувствовал ни страха, ни агрессии — ничего. Просто смотрел на него и ждал. Дракон был все ближе, как будто уменьшался, а потом исчез совсем, и я увидел… зеркало. В нем было мое собственное отражение.

— Отражение Сунь Укуна? — тихо уточнила Дэз.

— Нет, мое. Мое собственное, — ответил Макс.

— Зеркало? — Инферно сел. — Ну конечно! Все правильно! Чем яростнее и беспощаднее игрок — тем сильнее и злее будет его дракон! Потому что нет никакого дракона, а есть только зеркало! Я не сражался с демонами, чтобы не тратить на это времени, просто крал у них артефакты — поэтому в финале мой дракон был… ну средненький… Ладно — слабый! Потому что во мне не успела накопиться ярость. В конце миссии, на самом деле, между игроком и его учителем стоит не дракон. Дракон — просто метафора! Это собственная темная сторона героя!

— Хм… Если так, то у Алекса нет ни малейшего шанса победить, — хмыкнул Чарли. — Уж его-то дракон точно будет самым злобным чудищем, какое только сможет сгенерировать движок арены.

— Если Бюро не придумает, как защитить Макса от Дэйдры МакМэрфи, мы вообще отсюда выйти не сможем, — напомнил Тайни.

— Рано паниковать, — строго перебил его Инферно. — С этой ареной все более-менее ясно, Альтер подготовил Макса лучше некуда. Предлагаю посмотреть, что Рободом предложил по «Нефтяной войне». «Дженни», дай картинку.

На матрице медиамонитора появилась заставка арены «Нефтяная война: второй шанс».

— Ну, чего она так долго грузится? — нетерпеливо проворчал Тайни.

Инферно тронул матрицу, открыв сведения о загружаемом файле.

— Ничего себе, — удивился он, глянув на размер. — Комментарии и рекомендации Альтера весят больше, чем сама тренировочная арена. «Дженни», дай список загружаемых файлов.

По монитору быстро побежали строчки с названиями файлов.

— Все с расширением «.arch», — Чарли показал на список. — Не понимаю, он прислал нам чертеж? Базовую архитектуру мира?

Но зачем?

— Ничего странного, — пожала плечами Дэз, — Аткинс создал архитектуру арены «Нефтяная война: второй шанс». Должно быть, в этих схемах ключ к победе. Давайте подождем.

Тайни обратил внимание на предполагаемое время загрузки данных в кэш модификатора киберпространства.

— Час двадцать минут?! — воскликнул он. — Да я представить не могу объем данных, который в среде Эдена грузится час двадцать! Что у него там? Еще один искусственный интеллект? Или полная реконструкция Нефтяной войны в голографических файлах 30 D с частотой двадцать четыре объемных кадра в секунду?

— Подождем, — спокойно ответил Инферно. — «Дженни», а обед тут можно наколдовать?

— Все что угодно, — ответила система.

* * *

28 ноября 2054 года, 22:01:01
Технопарк Эден

Проникнуть на территорию научно-исследовательского центра корпорации Brain Gate оказалось сложнее, чем на главную военную базу «Микадо».

— Если бы Дэйдра знала, что для разведки мы будем использовать ее же нанороботов из установки «Кибела»… — тихонько смеялся Отто.

Крейнц перепрограммировал часть роя «Кибелы» для разведывательных целей. В течение нескольких дней роботы составили подробный план всех коммуникаций базы. Он сразу же преподнес ряд огорчений.

— База Brain Gate создана по всем правилам строительства современных фортификационных сооружений. Это цельный бетонный куб, из которого наружу не торчит ни одной трубы, — сказал Буллиган, глядя на чертеж. — Единственное место, через которое можно проникнуть внутрь, — шлюз для наутилуса, но он охраняется так, что не проскользнет и крыса.

— Ты явно больше крысы, — сказал Идзуми своему напарнику.

Роджер Ли не ответил, он копировал чертеж на свой мультивизор.

— Абсолютно герметичный бункер… — вздохнул он. — Дайте чертеж крейсера Дэйдры.

— Э-э… Я бы послал туда роботов, но, к сожалению, мы не знаем, где этот крейсер находится, — ответил Крейнц.

— А просто разобрать часть стены роботы не смогут? — Роджер показал на часть обшивки бункера, скрытую под водой.

— Могут, но нам это ничего не даст. Сработает сигнализация, что нарушена герметичность периметра, — покачал головой Отто.

— Пусть рой ждет крейсер Дэйдры возле шлюза. Как он появится, рой сможет встроиться в молекулярную структуру обшивки и соберет все нужные данные о корабле, — сказал Роджер. — Если я не могу проникнуть на базу, значит, надо проникнуть на крейсер.

— Слушайте, если эти мелкие паршивцы так легко могут проникать куда угодно, зачем нам вообще отправлять туда Роджера? — поинтересовался Идзуми.

— «Мелкие паршивцы», как вы выразились, могут проникнуть, просканировать, передать сигнал, но не могут вынести оттуда физических доказательств, улик против Алекса Хоффмана и Дэйдры МакМэрфи, — ответил Отто. — Они могут составить из себя копию любого вещества или документа, но эта улика не будет валидной, ибо ни один адвокат в мире не сможет доказать, что мы ее не сфабриковали.

— Господи, почему я не умер до войны? — задался философским вопросом Идзуми.

Наконец план проникновения был готов.

— До Олимпиады — всего ничего. Не сможем защитить Макса от Дэйдры — ему конец. Он не сможет участвовать в играх, потому что не сможет безопасно выйти из среды Эдена… Я даже представить не могу, на что способна Бэнши, если у нее получится установить над Громовым дистанционный контроль.

— Для начала его заставят передать патент на биософт Алексу, — сказал Крейнц. — А потом скорее всего сделают так, чтобы Макс трагически погиб по собственной глупости. Как Аткинс, который вдруг ни с того ни с сего отправился кататься на сноуборде на дикий альпийский склон.

— О чем вы? Мне надо двадцать минут, чтобы войти и выйти с доказательствами того, что Дэйдра МакМэрфи работает на Алекса Хоффмана, — беспечно сказал Роджер. — А у нас — больше недели. Громов может ни о чем не беспокоиться.

Подлюга радостно и самоуверенно улыбнулся.

* * *

29 ноября 2054 года, 05:21:12

Технопарк Эден
На связи: Либерия,
промышленная зона

В Либерию Роджер Ли отправился под маской эколога-любителя. Туристический вертолет должен был сбросить его в море в семи километрах от базы Brain Gate, якобы для сбора образцов грязной водички и исследования донных слоев мусора. Подлюга должен был дождаться, когда квадролет улетит, затем плыть в сторону базы, затаиться под водой и спокойно ждать крейсер профессора МакМэрфи.

Для связи с Роджером решили использовать «одноразовые», кодированные частоты, что налагало определенные неудобства. Идзуми, Буллигану и Отто Крейнцу пришлось надеть большие наушники со смешными спутниковыми антеннами и микрофонами.

— У меня когда-то был плейер с такими же, — сказал Идзуми, ностальгически разглядывая наушники.

— Если «Микадо» перехватит сигнал — а они это сделают, можно не сомневаться, — то по крайней мере не смогут сразу расшифровать, а когда смогут — будет поздно. Частота создана таким образом, что аудиозапись со временем будет терять четкость, — пояснил Крейнц.

— Как это? — не понял Буллиган.

— Программа записи по структуре — вирус, так понятно? — ответил Отто. — Сама создает аудиофайлы, сама же их портит.

— Нет, — честно признался шеф Бюро.

— Неважно, — Крейнц вздохнул. — В общем, сразу расшифровать сигнал военные не смогут, а к тому времени как «Арес» сломает код — запись уже будет настолько плохой, что они все равно ничего не поймут. Говорите четко в микрофон, мы поставили вокруг глушилки для звуковых волн, чтобы не было возможности слушать нас через спутник. Два сантиметра от микрофона предел распространения волн, понятно?

— Угу… — Идзуми приблизил губы к микрофону и поморщился.

— Готовы? — Отто поднес ключ к сложному аппарату, который запускал систему связи. Ключ был самый настоящий, металлический, его требовалось вставить в замок и повернуть.

— Угу… — Буллиган поправил наушники.

Крейнц вставил ключ в пусковой механизм ретранслятора и повернул.

— Проверка связи, — Отто сосредоточенно смотрел в монитор.

Камера в мультивизоре Роджера передавала четкую картинку — грязная, мутная вода, в которой плавали мусор и дохлые чайки.

— Слышу вас хорошо, — сказал Роджер.

Идзуми откинулся назад в кресле.

— Как водичка, напарник? — спросил он.

— Идзуми, не болтайте, — строго осадил его Буллиган. — Думайте о своей части задания.

Инспектор Идзуми тут же прикусил губы. Ему досталась почетная миссия «официального обвинителя». Как полицейский инспектор он имел право «вести личное расследование подозрительных случаев». Этот мелкий пункт должностной инструкции существовал для облегчения жизни полицейских. Например, если за ночь роботы-уборщики случайно раздавили шесть урн и на первый взгляд преступления нет, инспектор имеет право все же усомниться в случайности и по собственной инициативе начать расследование. А вдруг неосторожность роботов на самом деле часть чьего-то зловещего плана? Вдруг кто-то использует роботов-уборщиков для переноса и передачи контрабандных товаров?

По счастью, в этом пункте не было никакой конкретизации. То есть если инспектору токийской полиции вдруг покажется, что Председатель Торговой Федерации связан с преступным синдикатом Дэйдры МакМэрфи, он вправе начать расследование.

Монитор Отто, на который поступали данные со спутника, подал сигнал.

— Приготовься, Роджер, — сказал Крейнц, — спутник показывает, что к тебе приближается крейсер класса наутилус, по всей видимости, это наш. Три километра. Пройдет рядом с тобой через минуту и тридцать три секунды.

— Жду автобус, — весело ответил Подлюга.

Идзуми смотрел на две точки: красная маленькая обозначала Роджера, большое розовое пятно — крейсер Дэйдры…

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

Ой, скандал-скандал-скандал!!! Внемлите, дорогие обезьяне!

Только что глава Олимпийского комитета 2054 Каролина Шмуц публично заявила, что будет добиваться дисквалификации главного претендента на чемпионство этого года — Макса Громова.

Вот что сказала эта уважаемая леди, цитируем: «Доказательств, что Громов намерен использовать

созданный им Сетевой код, чтобы добиться игрового преимущества, — нет. Однако наши технические эксперты подтвердили: такая возможность существует. Я считаю, что комитет должен дисквалифицировать Макса Громова — хэдлайнера команды технопарка Эден. Мы не имеем права допускать к участию в Олимпиаде лиц, которые могут находиться в неравном положении с другими игроками. Шанс на победу должен быть одинаковым для всех».

Понимаете, что произошло, дорогие обезьяне? Впервые в истории Олимпийских игр кого-то хотят дисквалифицировать без доказательств! Просто по одному подозрению, что он вероятно, потенциально, теоретически может иметь технологическое преимущество!

Почему бы им тогда не дисквалифицировать заодно и Алекса Хоффмана, который имеет очевидное финансовое преимущество? Он купил себе в команду лучших игроков, их тренировочная база по своему оснащению значительно лучше всех других! Или же давайте дисквалифицируем Нубию Ноки, парня из Делийского хайтек-мегаполиса, который вот уже три года подряд успешно добивается ситуации «пат» в игре с шахматным суперкомпьютером, что по законам Шахматной федерации приравнивается к победе. Интеллектуальные способности Нубии Ноки заведомо превосходят всех остальных игроков!

Не то чтобы мы сильно любили Макса Громова, который вот-вот станет богатейшим человеком в истории — как только Эрнесто Эскобар отобьется от всех исков ICA… Но дисквалицифировать парня просто за то, что он лучше всех? Это, по нашему мнению, несправедливо и более того — отчаянно глупо! До сих пор Олимпиада оставалась одним из самых чистых и светлых праздников в нашей жизни, ее чемпионы заслуженно становились героями. Куда катится наш лучший из миров, дорогие обезьяне…

Последняя неделя

Дневник доктора Павлова

30 ноября 2054 года, 18:10:02
Технопарк Эден

Исчезновение Роджера Ли можно было считать не только человеческой и финансовой потерей, но и крайне опасной утечкой информации, поскольку в мозгах этого агента были все данные против Алекса Хоффмана, какими только располагало Бюро.

— Какова вероятность, что Дэйдра сможет прочитать его воспоминания так же, как она сделала с Громовым? — спросил Буллиган.

— Простите, я был в заморозке последние пятнадцать лет и не в курсе последних достижений профессора МакМэрфи, — я не упустил случая напомнить шефу Бюро, что именно он выключил меня из жизни на столь длительный срок.

В кабинет вошел худощавый мужчина, которого издали можно было бы принять за тринадцатилетнего подростка, однако когда он сел напротив меня, я понял, что ему никак не меньше пятидесяти.

— О, доктор Павлов, — он улыбнулся и протянул мне маленькую сухощавую ручку с тонкими пальцами. — Огромная честь быть представленным вам. Я храню ваши работы, хоть это и запрещено комиссией по этике. Несколько раз даже использовал их в своих исследованиях. Кстати, — незнакомец пригляделся к моей коже, — вы потрясающе выглядите.

Я вопросительно посмотрел на Буллигана.

— Доктор Энджил Льюис, профессор киберорганики, преподаватель Эдена, — сказал тот. — Лучший специалист в своей области. Только поэтому он до сих пор на свободе и мы ни разу не сдали его инспекторам из Комиссии по этике. Ему можно доверять.

— Спасибо, — улыбнулся доктор Льюис.

— Какой был смысл делать мне столь сложную пластическую операцию, если все вокруг в курсе, кто я такой? — мне было никак не удержаться от мелких шпилек в адрес Буллигана.

— Не забудьте про «Большого брата», — проворчал тот. — Вряд ли ваше откровенное появление на тридцать пять лет раньше окончания срока заморозки сильно обрадует наших

коллег из упредительной полиции. Медиа, пожалуй, будут рады. Если хотите, чтобы за вами повсюду ходила толпа людей с микрофонами и камерами, можем вернуть вам лицо хоть завтра.

Я не стал препираться с шефом Бюро и обратился к доктору Льюису:

— Кажется, я вас вспомнил. Вы были на моем курсе «Генетики поведения», так?

— В точности, — кивнул Энджил. — А потом перешел в лабораторию доктора Синклера.

— Угу…

Внезапно у меня перед глазами возникла картинка: помещение без окон, мужчина с темной аккуратной бородой стоит у доски, на которой нарисовано несколько математических символов…

— Энергия переходит из одной формы в другую, но никогда не перестает существовать. Материя как низшая форма энергии постоянно прирастает. Мы не знаем, откуда берется первичная энергия, но ее источник, без всякого сомнения, существует, — говорил он.

В углу сидел молодой человек и внимательно слушал, глядя в одну точку и кивая головой… Роберт?

— Доктор Павлов! — резкий голос Буллигана вернул меня к действительности.

— Флэш-бэк? — поинтересовался доктор Льюис.

— Да… — я тронул висок.

— После заморозки память восстанавливается постепенно, — улыбнулся профессор киберорганики. — Стоит задеть какую-то мелкую деталь, и архив распаковывается сам собой. До сих пор не понимаю, как мозг в этой ситуации отличает фантазии от настоящих воспоминаний? Хотя у меня был пациент… До заморозки на него произвел большое впечатление один довоенный фильм. Когда его разморозили — он вспомнил этот фильм и на полном серьезе считал его своей собственной жизнью. Очень забавный случай. Мне так и не удалось разделить эти паттерны воспоминаний в его голове.

— И что с ним случилось? — спросил я.

— Он сошел с ума, начал галлюцинировать и пропал где-то в лотек-пространстве.

Я вздохнул.

— Ну, о чем вы хотели меня спросить? — доктор Льюис посмотрел сначала на Буллигана, потом на меня.

Буллиган включил архивную запись операции, которую я уже успел посмотреть раза четыре.

— Два дня назад у нас пропал агент — Роджер Ли, вы его

знаете.

— Да, я делал его мультивизор, — кивнул доктор Льюис.

— Он должен был проникнуть на базу корпорации Brain Gate, — Буллиган вздохнул. — Ему удалось пробраться внутрь наутилуса Дэйдры МакМэрфи, он благополучно оказался на базе, передал немного данных об их лаборатории…

На экране шли кадры, записанные мультивизором Роджера: длинные ряды стеклянных гробов — нейрокапсул, в которых находились люди разного возраста. Их головы были утыканы таким количеством датчиков, что каждый из подопытных походил на дикобраза.

Над гробами в воздухе кружились небольшие голограммы — предметы, люди, животные…

— Что это? Визуализация снов? — прищурился доктор Льюис.

— Я хотел спросить вас, — пожал плечами Буллиган.

— Понятия не имею, но очень интересно… — доктор Льюис прищурился, разглядывая картинку. — Чем они там занимаются?

— Официально корпорация создана для разработки биосовместимого чипа для инвалидов, которые не могут даже видеть и говорить. С его помощью инвалиды могут управлять компьютером, входить в Сеть и… видеть виртульный мир, поскольку стимуляция рецепторов головного мозга происходит напрямую, без участия глазного нерва.

— А как же они управляют интерфейсом программ? — доктор Льюис нахмурил лоб.

— При помощи мысли, — ответил Буллиган. — Чип, который собралась создать эта корпорация, позволит управлять интерфейсами существующих систем при помощи… мысли. Точнее сказать, они его не создали, а украли разработки Айи Хико и Хьюго Хрейдмара.

— Ну, если воспринимать желание как нейронный импульс, то… — профессор киберорганики тронул свою бровь. — Хотя не могу представить, как им удалось унифицировать восприятие этих импульсов. Каждый из них уникален. Грубо говоря — когда человек хочет войти в Сеть, может быть миллион разных причин, почему у него возникло такое желание. От этих причин будет зависеть интенсивность, продолжительность, частота импульса…

— Роджер должен был запустить передачу данных с их сервера к нам, но пропал, — Буллиган остановил запись. — Мы предполагаем, что его поймали. А теперь вопрос. Скажите, Дэйдра сможет прочитать его воспоминания так же, как читала воспоминания Громова?

— Хм… — доктор Льюис скривил рот. — Таким же способом

— точно нет. Громов был подключен к виртуальной среде Эдена. Ей не нужно было переводить мозговые импульсы Громова в компьютерные коды. Она сразу получала информацию в виде этих кодов. И то, даже имея такую детальную запись, ей не удалось точно вычислить момент передачи омега-вируса. В случае с вашим агентом — все еще сложнее. Ей надо сначала перевести его память в компьютерный код, а уже потом пытаться расшифровывать. В теории возможно, но на практике нереально.

— То есть нам ничего не грозит? — спросил Буллиган.

— Еще как грозит! — воскликнул доктор Льюис. — Если бы я был на ее месте, то подошел бы к проблеме креативно. Она ведь все-таки гениальна, хоть и ведьма.

— Например? — Буллиган напрягся.

— Brain Gate украла все исследования по технологии биогейт. Хьюго Хрейдмар еще пятнадцать лет назад расшифровал нейронные импульсы, которые отвечают за наши желания. Значит, теперь их можно не только читать, но и формировать. Если им удастся сгенерировать нужный импульс для нервной системы вашего агента — он просто захочет рассказать Дэйдре все, что знает, причем в самых мелких и красочных подробностях. Да, сгенерировать правильный импульс когнитивного свойства для нервной системы, чтобы та не отличила его от своего собственного, — это все равно что открывать замок, вращая не ключ, а дом. Дэйдре придется вслепую перебирать все возможные показатели частоты, интенсивности, длительности… Как минимум по шести позициям. Желание ведь возникает из множества больших и маленьких мотивационных паттернов.

Я кивнул головой, подтверждая Буллигану правильность слов доктора Льюиса:

— Мотивационные паттерны у людей — как отпечатки пальцев и рисунок сетчатки — абсолютно уникальны и никогда не повторяются.

— То есть она не сможет вытащить информацию из головы Роджера? — Буллиган сверлил нас глазами.

— Трудно судить, что профессор МакМэрфи может, а что нет, — развел руками доктор Льюис, — но у нее точно уйдет какое-то время, чтобы найти способ заставить Роджера говорить, и могу вас успокоить: пока она думает, агент останется живым и невредимым.

* * *

Шесть дней до Олимпиады:

1 декабря 2054 года, 00:00:01
Северо-Африканская промышленная зона
Либерия, корпорация Brain Gate

Золотистый подводный шаттл Алекса Хоффмана казался игрушечным елочным шариком рядом с гигантским черным крейсером Дэйдры, поверхность которого спешно очищали от бактериального налета и покрывали специальным составом, снижающим коэффициент трения.

Алекс вышел из шаттла, посмотрел на Дэйдру снизу вверх. За все время их знакомства он так и не смог привыкнуть к ее неестественному, гигантскому росту — два метра пятнадцать сантиметров. Искусственно удлиненные ноги профессора МакМэрфи больше напоминали цирковые ходули.

— Ты не думала прокачать мускулатуру для большей симметрии? — спросил ее Алекс. — Твоя сестра Айрин еще выше, но выглядит гармонично за счет мышечной массы в сто тридцать килограммов. Или сто сорок?

— Сто сорок девять, — уточнила Бэнши.

Она недовольно поправила прядку блестящих голубых волос, выбившихся из тщательно уложенной высокой прически. Вообще сегодня профессор МакМэрфи выглядела не так, как обычно. Вместо военной формы на ней было сиреневое вечернее платье. Его пышный шлейф выглядел странно, волочась по бетонному полу сухого дока.

— У вас праздник? — спросил Алекс, дурачась, — он делал вид, что вот-вот наступит на шлейф Дэйдры.

— Нет, — сухо отрезала та.

На мгновение Алексу показалось, что на бледных щеках Бэнши выступил румянец. Он удивленно заглянул ей в лицо.

— Я тебя смутил? Смутил, да? О, боже! — Алекс хлопнул в ладоши. — Я смутил Дэйдру МакМэрфи. С чего бы? Я тебе нравлюсь?

Дэйдра посмотрела на Хоффмана так, что он закашлялся.

— Извини… Где агент?

— В отдельной лаборатории, — Бэнши крепко стиснула зубы и всю дорогу не проронила ни звука.

Алекс крутил головой, разглядывая многочисленные лаборатории Brain Gate. Нейрокапсулы, трубки, множество проводов, неподвижные тела… Хоффман недовольно поежился.

— Почему нельзя просто предоставлять разработки? Не показывая, как именно ты их делаешь, — страдальчески проворчал он. — Видеть не могу твое мясное производство. Где ты берешь этих людей? Они лотеки?

Бэнши подошла к непрозрачной двери с кодовым замком, приложила к ней руку.

— У тебя есть совесть? Как неожиданно… — усмехнулась она.

Дверь открылась, Дэйдра впустила Алекса в лабораторию и снова заперла дверь.

Посреди лаборатории висела нейрокапсула. Она отличалась от обычных. Тело агента находилось внутри шара из жидкости — кислородного раствора высокой проводимости.

— Электромагнитное поле? — спросил Алекс, глядя на розовый шар висящий в воздухе.

— Долго объяснять — установка, которая удерживает жидкость в форме шара, как это происходило бы в невесомости, сделана на основе этого, — Дэйдра показала на плоского робота-шпиона, который сопровождал ее постоянно. — Одна девчонка в Эдене придумала. Технология основана на свойствах гравитации.

— Может, люстры такие выпустить? — задумчиво произнес Алекс. — Я бы поставил такую штуку дома. Очень оживляет интерьер.

Над капсулой в воздухе висел образ девушки в кадетской форме Бюро информационной безопасности.

— Так-так-так… — Хоффман обошел вокруг капсулы, посмотрел на образ, который висел в воздухе. — Кто это у нас тут? Роджер Ли… Чемпион Олимпийских игр 2050 года… И… — Алекс прищурился, разглядывая девушку, — и Алиса Лиддел, чемпионка сорок восьмого года, которую вы зачем-то посадили под арест перед самыми играми… Не могли подождать пару недель? Мне пришлось искать четвертого игрока в команду. Почему она тут?

Последний вопрос был адресован Дэйдре.

— Потому что он о ней думает, — пальцы Бэнши быстро пробежали по лазерной проекции клавиш. — Тебе не кажется это странным? К нам проникает агент, который досконально знает устройство нашей базы… И он постоянно думает о другом агенте, которая в течение нескольких месяцев находилась рядом с тобой! Вряд ли это простое совпадение. Бюро копает под тебя, Алекс. Сказал бы спасибо. Хоть раз.

— Не начинай, пожалуйста, — капризно перебил ее Алекс. — Алиса Лиддел не представляла никакой опасности. Да и сам Буллиган тоже. Фаворский держит их под контролем. Он не выдаст им ни одного ордера, ни одного разрешения на изъятие данных без моего ведома.

— С чего ты взял, что Бюро будет брать ордер каждый раз, когда им надо разнюхать про твои дела? — скривила рот

Дэйдра. — Если ты заметил, сейчас они не торопятся требовать выдачи агента. Если я даже заявлю, что он сюда проник, — скажут, что приказа ему никто не отдавал. А что до твоей Алисы — под ее кодами Инферно мог свободно перемещаться по твоему тренировочному пространству и, думаю, всем информационным базам Торговой Федерации… — проворчала Дэйдра.

Хоффман прикусил губу.

На медиаматрице появились столбики цифр.

— Как он сюда пробрался? — спросил Алекс. — Ты ведь говорила, что ни один агент не в состоянии проникнуть на базу Brain Gate.

— Если его специально не заманить, — усмехнулась Дэйдра. — Наш человек в управлении подкинул информацию об этом месте в твое досье. Как я и думала, они тут же бросились ее проверять. Отправили лучшего агента. Наверняка залили в его мозги все, что Бюро известно о тебе и мне. Как только я сломаю его защиту, его голова, нашпигованная секретными чипами, превратится в универсальный передатчик, через который можно как заливать на сервер Бюро любую информацию, так и скачивать оттуда все что угодно.

— Защиту? — Алекс пригляделся к спокойному бледному лицу Роджера.

— Гаденыш успел сделать себе инъекцию амнезиотина, перед тем как нам удалось его схватить. Надо признать, парень хорош… Убил пятерых охранников и сломал палец Айрин.

— Да ну! — восхищенно воскликнул Алекс.

— Угу… — уважительно кивнула Бэнши. — Прыгал минут сорок по стропилам дока. Айрин решила поиграть, ну и доигралась. Они дрались на верхних фермах, он ее и сбросил… Упала с пятнадцатиметровой высоты.

— И сломала только палец?

— Нет, палец он ей выбил во время драки. При падении она, разумеется, ничего не сломала, потому что всегда приземляется на ноги.

— Всегда удивлялся, как ей удаются такие сложные группировки. Она не даст мне пару уроков? — вздохнул Алекс. — Я сейчас тренируюсь на арене «Сунь Укун»…

Тут Хоффман вспомнил, что не стоит лишний раз напоминать Дэйдре о его участии в Олимпиаде, поскольку ее это страшно злит.

Бэнши тронула медиаматрицу, на мониторе тут же развернулась молекулярная структура, внешний вид которой Хоффману ни о чем не говорил.

— Он сделал себе инъекцию амнезиотина, — медленно

повторила Дэйдра. — Его память уничтожена. Я пытаюсь ее восстановить.

— Показываешь знакомые лица? — улыбнулся Алекс.

— Память нельзя «стереть», можно только разрушить связи между устойчивыми паттернами. В каждом паттерне есть событие или впечатление, которое было настолько сильным, что привело к образованию целой системы образов. Это событие — ключ. Стоит вернуть его в активную память, паттерны начнут восстанавливаться сами собой.

— Она так важна для него? — Алекс посмотрел на голограмму улыбающейся Алисы.

— Настолько, что из всей своей жизни он сейчас помнит только ее. К счастью, Алиса связана с Бюро, а значит, первым начнет восстанавливаться нужный нам сегмент.

— Что ты собираешься делать с агентом после того, как он вспомнит нужные тебе сведения? Он ведь не станет твоим трояном в Бюро добровольно, — заметил Алекс максимально доброжелательным тоном. — Да и Крейнц не такой дурак, чтобы пустить парня в систему, после того как он побывал у тебя.

Дэйдра мгновение смотрела на него так, будто не могла понять — она ослышалась или Председатель TF действительно невероятный кретин? У которого недостаток мозгов компенсирован избыточной выработкой феромонов.

— Ты запомнил хоть что-нибудь из сказанного мной про технологию Brain Gate, которой мы здесь занимаемся?

— Ну, это какая-то штука, которая позволяет управлять любым интерфейсом исключительно силой мысли.

— Желанием, — Бэнши сверлила Алекса гневным взглядом. — Нейронным импульсом определенной частоты.

— Какая разница, — отмахнулся тот. — Я знаю, что ты гений, и полностью тебе доверяю.

— Ты хочешь смерти Громова или нет? — прервала Бэнши.

— Ну… да, — кивнул Алекс. — Но он же и так полностью у нас на крючке. Не вылезет из Эдена к седьмому декабря — вылетит из состава участников Олимпиады. ICA потребует его ареста, Фаворский сразу же выдаст ордер, и Синклеру придется отдать нам героя. А если Громов все же высунется из Эдена — тут же станет твоей послушной куклой, что вообще прекрасно. Сначала я получу патент на биософт, а потом размажу его в первой же игре так, что все это запомнят.

Хоффман довольно улыбнулся.

— Слушай, — он посмотрел на Роджера, — а почему ты не хочешь действовать старым проверенным способом?

— Внимательно слушаю тебя, Алекс, — ответила Дэйдра.

— Алиса Лиддел сейчас в следственном блоке Нью-Йоркского отделения упредительной полиции. Никто не хватится, если ее переведут в Либерию. То есть прямо сюда. Если девчонка так важна для него, — Алекс кивнул на Роджера, — он моментально вспомнит все, что ты хочешь узнать, как только услышит ее отчаянные вопли.

— Под принуждением он не станет делать того, что мне от него нужно, — мотнула головой Дэйдра. — Если она будет страдать, это только придаст ему сил для сопротивления. Нет, Алекс, он должен *захотеть* нам помогать…

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

Странные дела творятся, дорогие обезьяне. Только что Яков Фаворский выступил в Медиа-центре Интерпола с заявлением. Он сказал, что его ведомство совместно с упредительной полицией начинает масштабное расследование в отношении деятельности Бюро информационной безопаности.

Любимая всеми нами упредилка подозревает Бюро ни много ни мало — в промышленном шпионаже! Якобы шеф Буллиган и его агенты использовали технические возможности своего ведомства, для того чтобы узнавать технологические секреты одних корпораций и передавать другим. Это довольно странное подозрение, потому как корпорации поделили сферы деятельности еще после войны. Даже если у корпорации Drinks есть секретная формула новой газировки — вряд ли она понадобится корпорации «Спаркл Кемикал», которая выпускает моющие средства. Одна корпорация — один вид товаров, понимаете, дорогие обезьяне? Какой промышленный шпионаж может быть в мире, где уже пятьдесят лет нет конкуренции? Бред какой-то… Но тем не менее упредительная полиция теперь может официально «наблюдать» за шефом Буллиганом и прочими лицами, которые подозреваются «в лояльности к Бюро». Это Отто Крейнц — главный технический эксперт Сети и… инспектор Идзуми, разоблачитель доктора Синклера.

Все трое поступили мудро — раз упредилка хочет наблюдать за ними на службе, самое время пойти в отпуск и уехать отдыхать. Соваться в их частную жизнь упредительная полиция, к счастью, пока не полномочна.

Мы вот тут подумали… Да, да, это не опечатка. Мы

ПОДУМАЛИ. И связали кое-какие события между собой.

Хайтек-парламент больше не избирается прямым голосованием граждан через Сеть. Места в нем распределяются между представителями корпораций пропорционально их взносам в бюджет. То есть фактически — продаются с молотка. Кто больше положит в общественную кассу, тот и будет решать, как нам всем жить. После того как Алекс Хоффман купит Coal Corp — угольную корпорацию Ивановых, объединит ее со своей World Gas — парламент станет его личной канцелярией… Электросети, как стратегические объекты, уже давным-давно собственность хайтек-правительства, то есть читай — Торговой Федерации.

Что это значит для нас всех, дорогие обезьяне? А то, что, когда нам в очередной раз поднимут планку минимальных доходов, нам придется или согласиться работать больше, или попрощаться с хайтек-гражданством. Когда нам поднимут цены на топливные элементы для турбокаров — надо будет или согласиться, или ходить пешком. Когда нам в очередной раз увеличат количество часов обязательных общественных работ — опять-таки придется согласиться. Оно, конечно, здорово в выходной день пойти всей семьй строить фортификационные сооружения на границе с лотек-пространством… Мешать бетон, заливать формы, бесплатно класть коммуникации и применять свои знания на пользу обществу… Если думать в этом направлении, то очень скоро все будет как в романах Уинстона Роммеля, вроде «Утопии 21». Мы станем рабами, которые вкалывают день и ночь за небольшой продуктовый набор и место в тесной коробке, где можно переночевать. И даже за эту малость нам придется день и ночь благодарить великого и милосердного Владыку Ом… то есть Алекса Хоффмана.

Черт, нам все это не нравится, дорогие обезьяне. Ох как не нравится.

Подумаем о приятном. То есть об Олимпиаде… Мы очень надеемся, что Громова не дисквалифицируют, он победит. Если это произойдет — значит, Алекс пока не контролирует всех и вся в нашем лучшем из миров. Значит, государственная система еще не прогнила насквозь и в ней есть люди, которые сопротивляются злу. Вот как мы стали пафосно выражаться, дорогие обезьяне.

Да.

* * *

Пять дней до Олимпиады:
2 декабря 2054 года, 11:23:53
Технопарк Эден
Бункер 2

Во втором бункере находился запасной передаточный шлюз со своим конвертером — для прямой связи Эдена с Бюро. Этот канал не выходил в общую Сеть. Буллиган называл его «домашней рацией».

— Есть! — Крейнц вывел на монитор картинку, которую передавал Рой из бункера Brain Gate.

Идзуми подался вперед.

С большим трудом, за два дня, Отто удалось найти частоту, которая была настолько близка к частотам, используемым Дэйдрой, что сигнал проскальзывал сквозь изоляционную завесу, которая блокировала все посторонние входящие и исходящие волны.

ID

Закрытый раздел: технопарк Эден

Подраздел: технопарк Эден как физический объект

Статья обновлена!

Технопарк Эден размещен в заброшенном комплексе для запуска межконтинентальных ракет и вывода на орбиту малых военных спутников.

Бункер 1 — бывшая пусковая ракетная шахта. В ней находятся нейрокапсулы для учеников и пульт управления системами жизнеобеспечения, под шахтой — хранилище дисков временной памяти, поддерживавших репликации учеников. Бункер 1 находится рядом с аэродромом, под авиационным ангаром.

Бункер 2 — бывший командный пункт. Расположен в пяти километрах от Бункера 1 под зданием тюрьмы. Главный компьютер Эдена физически находится в Бункере 2. Здесь же его системные диски и нейрокапсулы основателей Эдена, учеников Синклера.

— Вот гадство! — воскликнул инспектор, увидев Роджера внутри жидкостного шара. — Бедный парень. Что она с ним

делает?

— Подключила к своему конвертеру и ждет, пока восстановится память, чтобы считать данные. Скорее всего, — предположил Крейнц.

— Надо ехать туда и требовать его выдачи!

— Как раз звоню Буллигану…

Крейнц дотронулся до своего биофона. Пока главный технический эксперт Сети докладывал Буллигану, что агент обнаружен, Идзуми подошел к монитору совсем близко и сказал:

— Держись, мы тебя вытащим…

Как будто Роджер мог его услышать.

— Формальный повод для визита в Brain Gate есть, — говорил Отто. — Мы можем окружить бункер и официально потребовать выдачи агента. Заодно получим все данные…

Крейнц перевел биофон в режим громкой связи, чтобы Идзуми мог слышать разговор.

— Хорошо, — сказал Буллиган после секундного размышления. — Я соберу агентов, а вы… Код триста сорок один.

— Понял.

Крейнц отключился.

— Что за код? — спросил Идзуми.

Отто закрыл глаза и едва заметно качнул головой.

Инспектор понял, что в присутствии камер «Большого брата» говорить нельзя.

Пальцы Крейнца быстро бегали по лазерной проекции его личной, уникальной клавиатуры, которую он сам разработал для работы в Сети. Она состояла из трех различных наборов клавиш, которые Отто мог переключать нажатием одной кнопки.

Идзуми присмотрелся к странной раскладке, которую лазерные лучи высвечивали на столе.

— Что это? — удивился он, показывая на символы.

— Упрощенное токийское письмо для ввода контекстных команд. Аткинс написал часть программного обеспечения «Ио» на своем собственном языке программирования, — объяснил Отто. — Я пытаюсь послать запрос в Рободом… И надеюсь, он мне ответит.

— Зачем?

— Призываю к восстанию, — вздохнул Крейнц. — «Ио» не справится с «Аресом» в одиночку. Мы ведь не хотим, чтобы оборонная система «Посейдон» расстреляла катера Бюро, как только они выйдут из либерийских доков.

— Ты… хочешь отрубить «Арес»? — Идзуми вытаращился на Отто совершенно круглыми глазами.

— Это невозможно. Но я могу изменить маршрут передачи

данных, перехватить его сигналы и стереть. «Арес» будет отдавать команды, но до устройств оборонного комплекса ни один пакет не дойдет. Все равно что перехватить гонца с приказом, — улыбнулся Отто. — «Ио» не справится с этой задачей без помощи Рободома. Надеюсь, Альтер соизволит объединиться…

Идзуми таращился на строки программного кода, не понимая, что происходит.

— Даже без поддержки «Ареса» здание Brain Gate трудный для захвата объект, — продолжил Отто. — Оно построено со стократным запасом прочности. Композитный бетон по прочности уступает только обшивке Рободома. Выдержит прямой ракетный обстрел. Нам потребуется помощь.

В пункт вошел Буллиган, держа в руках распечатку карты.

— Идзуми, — обратился он к инспектору, — собирайтесь. Полетите к командору Ченгу, в Буферную зону.

— Ой, а можно, я там останусь? — Идзуми молитвенно сложил руки.

— Нет, отдадите ему вот это, — Буллиган протянул инспектору футляр с док-топом.

— Вот черт…

Идзуми вздохнул:

— Мне хотя бы охрану дадут? Или я, как Роджер, буду изображать беспечного туриста? Против чего мы вообще боремся, кто-нибудь может мне объяснить?

— В данный момент мы пытаемся спасти свою шкуру, — ответил Буллиган. — Алекс хочет нашей крови, мы защищаемся. Ни о каких высоких идеалах речи не идет. Но в качестве побочного эффекта от нашей борьбы за право жить так, как нам хочется, — будет укрепление гуманистических основ нашей цивилизации, свержение диктатуры Торговой Федерации, пресечение попыток Алекса узурпировать власть и открытый судебный процесс над Дэйдрой МакМэрфи.

— Ну почему из всех инспекторов токийской полиции Джокер решил вызвать в Эден меня? Почему? — снова завел свое Идзуми, убирая футляр с док-топом во внутренний карман своего вечного потертого плаща. — Только не надо про то, что каждый из нас каждую секунду делает выбор, и если нам суждено оказаться на пути зла…

— То только от нас зависит, споткнется оно или нет, — Отто закончил известную фразу из «Утопии 21». — Готово. Я построил виртуальную модель поведения «Ареса» в случае нашего нападения на Brain Gate. Он задействует пятнадцатый участок системы «Посейдон» и ударит по нашим кораблям ракетами со дна, затем поднимет в воздух беспилотные аппараты типа «Оса»

для уничтожения оставшейся живой силы. Аппараты распылят отравляющий газ, который растворим в воде. Если людям удастся уберечь от него свои легкие, яд все равно проникнет через поры кожи. Затем «Арес» запустит беспилотные шутеры — летающие пулеметы, которые добьют всех, кто окажется в этом, — Крейнц показал на карту, — квадрате, возле здания Brain Gate. Охране базы даже не придется выходить. Они смогут с комфортом разместиться у окна, накрыть стол и весело наблюдать за нашим поражением. Уничтожение всего боевого контингента Бюро — пятнадцать тысяч человек — займет у «Ареса»… полчаса.

— Ракеты, газ… — проворчал Идзуми. — Я думал, у него есть что-нибудь похитрее. Говорят, он может со спутника послать резонансный импульс, от которого в воде образуется сгусток холодной плазмы, поднять его на поверхность и разнести все одним ударом.

— Вот именно что «все», — кивнул Крейнц. — Включая собственную базу. «Арес» рассчитает возможный риск и не станет применять плазменный удар. В этом я уверен. Единственная слабость главного компьютера военных — полная предсказуемость.

Идзуми посмотрел на расчеты Крейнца и тяжело вздохнул, доставая фляжку.

— Я валяюсь на пути зла, — инспектор сделал большой глоток. — Не споткнется, так хоть поскользнется. Ваше здоровье, сумасшедшие.

* * *

2 декабря 2054 года, 08:15:53
Технопарк Эден
Бункер 1

Все последние дни команда раз за разом проходила миссии, которые составил Альтер по мотивам Олимпийских арен. Альтер методично собрал в тренировочных заданиях все возможные игровые ситуации.

С «Сунь Укун» и «Выжить!» все было более-менее понятно. Но «Нефтяная война: второй шанс» каждый раз подбрасывала команде все новые и новые сюрпризы. Какую бы тактику они ни выбрали — жертв и разрушений каждый раз выходило больше, чем в историческом оригинале.

В основу олимпийской миссии должен был лечь сюжет одного из «трех великих сражений Нефтяной войны». Хотя это

были не «сражения» в классическом значении этого слова, а скорее затяжные головоломные тактические игры.

Первое — «Альпы: начало. Кран-Монтана». Задача игроков в этой миссии — предотвратить теракт, который, собственно, и стал началом войны. Лотек-коалиция сформировалась раньше, чем хайтек-коалиция. Несколько лет она готовила операцию. 13 марта в малюсенький швейцарский городок Кран-Монтана на Всемирный торговый форум съехались главы всех шестнадцати государств, которые позже составили хайтек-коалицию. Тема форума была простая: «Технологии в обмен на ресурсы». Технологически развитые страны требовали от менее развитых продавать природные ресурсы по стабильным низким ценам. В обмен предлагалось участие в экологических, образовательных и социальных программах — очистка воды, воздуха, квоты в институтах и школах, рабочие места, все — чего отчаянно не хватало в странах лотек-коалиции по причине их перенаселенности и низкого технологического развития. В Кран-Монтану прибыли также владельцы крупнейших мировых корпораций, банкиры, политики. Для подготовки к форуму и его обслуживания было нанято пятнадцать тысяч человек — строители, укладчики лыжных трасс, официанты, водители, горничные, уборщики, повара, носильщики… Как известно теперь, двенадцать тысяч из них оказались солдатами «Армии справедливости».

В ночь с 13 на 14 марта 2020 года четыре новые, только что отстроенные роскошные гостиницы, где проживали самые важные гости, взлетели на воздух. Бомбы были заложены в фундаменты зданий. После первого взрыва последовало еще семь — в горах. Заряды были заложены с таким расчетом, чтобы сошедшие лавины похоронили под снегом весь городок.

Миссия по мотивам этих событий предполагала игру за спецслужбы, которые должны были обеспечить безопасность. Цель: предотвратить теракт. Время: за два года до форума, когда злополучные гостиницы только начали строить. Доверять нельзя никому. Известно, что многие из агентов в то время сочувственно относились к идеям лотекских лидеров. Любой мог быть предателем. Участник игры должен был вычислить и раскрыть всю сеть передачи информации и перемещения боеприпасов и представить комиссии убедительные доказательства, почему в Кран-Монтане нельзя проводить форум… Удалось ли это игроку, сообщали последние кадры миссии: происходит взрыв в Альпах или нет.

Неожиданно для всех эту миссию с успехом прошел Чарли, причем довольно оригинальным способом. Он не стал гоняться за

террористами, а просто разлил по территории Кран-Монтаны три цистерны с радиоактивной ртутью. Спаркла, разумеется, схватили и казнили, Кран-Монтана стала местом экологического бедствия, но взрыва не было! А значит, и война не началась!

Второе сражение — «Европа: борьба за воздушное пространство».

Станция «Контроль 1» на Балканах принадлежала лотекам. Она могла обнаруживать и сбивать любые воздушные объекты, перехватывать сигналы на любых частотах, вести ретрансляцию со спутников, обеспечивая связь, и даже посылать на спутники хайтек-коалиции ложные команды, выводить из строя их программное обеспечение и устанавливать свое собственное.

21 мая 2020 года объединенный воздушный флот хайтек-коалиции начал атаку, стараясь отрезать «Контроль 1» от источников энергии, оптоволоконных кабелей и транспортных веток. Атака началась внезапно, без предупреждений для гражданского населения. Были уничтожены все электростанции в радиусе ста километров, все подъездные пути, разрушены аэродром и подземные коммуникации.

23 мая станция оказалась в пылающем безжизненном кольце и после пятидневной осады перешла к хайтек-коалиции. Потери гражданских в ходе этой операции были огромны — больше двухсот тысяч человек.

На арене «Нефтяной войны: второй шанс» игрок оказывался агентом особого отряда «Миротворец» и… должен был захватить «Контроль 1» без особого шума и потерь среди гражданских. Команда могла помогать ему как угодно — поддерживать информацией снаружи, отвлекать на себя охрану станции или же идти вместе с основным игроком внутрь.

Макс и Дэз захватили «Контроль 1» с третьей попытки, обнаружив слабое место в собственной системе безопасности станции. Одним из элементов защиты был газ. При угрозе захвата подземные командные этажи автоматически блокировались, а коридоры рабочих этажей и все проходы, ведущие к подземной части, мгновенно заполнялись парализующей, ядовитой газовой смесью.

Кемпински и Громов взломали программу, которая отвечала за вентиляцию воздуха, а затем послали ложный сигнал тревоги на центральный пульт — добавив картинку. Будто на территорию уже ворвался спецназ хайтеков. Альтер нарисовал очень реалистичный ролик захвата. Командир станции принял решение применить газ. Все служащие спешно спустились вниз. Но… Блокировка воздуховодов нижних этажей, разумеется, не сработала, и газ распространился по всей станции.

Макс подключился к главному компьютеру «Контроля 1» и сменил командные профили. Теперь «Контроль 1» подчинялся командам штаба хайтек-коалиции. Макс сменил коды на электронных замках дверей нижнего уровня, чтобы никто не смог оттуда выйти — ни вернуться наверх, ни спуститься в подземный тоннель. Чарли и Тайни подогнали к станции цистерну со сжиженным антидотом. Все служащие станции остались живы, «Контроль 1» захвачен, ни один гражданский не пострадал. Когда Инферно подсчитал очки — только ахнул.

— Надеюсь, Вселенная вас любит и Олимпийской станет именно эта миссия, — сказал он.

Третьим большим сражением «Нефтяной войны» была «Битва за лед». С ней возникли самые большие проблемы.

Макс никак не мог понять, в чем секрет.

— Мы шестой раз пытаемся переиграть «Битву за лед», и ничего не выходит. Мы уже все перепробовали. По-разному группировали флоты, уменьшали численность экипажей, пробовали не использовать разрывных бомб, не вызывать авиацию…

— Плохо, что мы тренируемся без соперников, — сказал Тайни. — Сейчас мы на арене одни, а будет еще четырнадцать команд.

— Плохо, что мы не знаем, как все было на самом деле, — тихо заметила Дэз, внимательно читая судовой журнал «Гордости».

Кемпински не принимала участия в жарких стратегических спорах. Почти все время, которое Инферно отводил на подготовку по «Нефтяной войне», Дэз проводила подключенной к нейролингве или базе исторической лаборатории Эдена, где хранились копии архивов других университетов — Оксфорда, Кембриджа и Норфолка.

Тайни ждал реакции тренера на свое замечание.

— «Нефтяная война: второй шанс» — стратегия для индивидуального прохождения, — ответил Инферно. — Здесь каждая команда будет сама решать, как ей руководить сражением.

— Но остальные-то… — начал было спорить Тайни.

— План Альтера как раз в том и состоит, чтобы вы не отвлекались на других, — улыбнулся Скай. — У нас в университете была старинная игра — регби. Задача игрока — доставить мяч на противоположный край поля. Понятно, что ему будут мешать, но задача — доставить мяч, а не драться со всеми, кто попадается на пути. Забыл о задаче — проиграл. Ясно?

— Все равно неплохо бы разучить манеру игры

соперников, — продолжал настаивать Тайни.

Скай тряхнул головой.

— Да, все остальные команды пару лет именно этим и занимались. Изучали манеру игры других, пытались выстроить тактику, как обойти тех, этих… Только это все пустое. Сила в тебе. Победа зависит от того, насколько правильно и сильно играешь ты сам. Надо сосредоточиться на своих возможностях и способностях. Думать, как развить свой стиль, а не «как-бы-получше-использовать-слабости-соперников». Концентрация на задаче, собственный стиль и вера в себя. Все, больше вам ничего не нужно.

Дэз сосредоточенно смотрела на карту. Корабли хайтек-коалиции были обозначены синим цветом, корабли лотеков — красным.

— Что-то от нас постоянно ускользает, — она постучала пальцем по губам. — Думаю, смысл миссии — сделать так, чтобы «Битвы за лед» не было.

— Как ты это сделаешь? — Чарли взял со стола распечатку. — Олимпийская миссия «Битва за лед». Корабли стоят на позициях. Битва состоится в любом случае. Надо победить лотек-коалицию максимально бескровным способом. Давайте попробуем мое предложение. Начать с уничтожения их флагманского корабля — «Гордости». Да, там больше всего людей, но… ими можно пожертвовать, чтобы спасти остальных.

— Нельзя трогать флагман лотеков, — покачал головой Инферно. — Любой школьник знает, что «Гордости» пришлось взять на борт население базы «Альмалавира» с Огненной Земли. Там находились антенны связи. Было ясно, что хайтек-коалиция разнесет базу до последнего камня. Флагман лотеков эвакуировал оттуда женщин и детей. Все мужчины остались защищать базу и погибли. Так что на «Гордости» кроме десяти тысяч военных еще шесть тысяч гражданских. Потопить флагманский корабль — значит сразу проиграть. Хуже этого только пустить ко дну плавучий госпиталь.

— Ума не приложу, для чего Аткинс столько времени занимался этой ареной, — вздохнул Громов. — Исход предрешен. Варьируется только количество жертв…

— И оно должно быть минимальным, — сказал Инферно. — Думайте.

Дэз открыла файл с подсказками Альтера.

— «Битва за лед» решила исход войны, — раздался голос Аткинса. — Она продолжалась два месяца. Рекомендую вам тщательно изучить локацию главного сражения «Торпедной дуэли». Обратите внимание на рельеф дна…

На медиаматрице появилась подробная гибридная карта. Снимок со спутника, с геодезическими линиями.

— Стоп! — скомандовал Макс.

Картинка замерла.

— Мы уже сто раз смотрели, — заныл Тайни.

Громов подошел к медиаматрице.

— Придумал что-то? — с надеждой спросила Дэз.

Макс смотрел на гибридную карту.

— Он не собирался создавать игровую арену, — пробормотал Громов, — просто воспроизводил основные сражения, пытаясь понять как хайтек-коалиции удалось одержать победу над всем остальным миром? Но затем передумал и… «Дженни», дай максимально возможное увеличение картинки. Я хочу увидеть, что лежит на дне. Вот эти вот подводные холмы. Что это?

Перед глазами друзей развернулась аналитическая картинка морского дна.

— «Битва за лед» длилась почти два месяца, здесь должно лежать множество военных кораблей, но их нет! — сказал Громов. — Старые танкеры, доисторические ледоколы, речные баржи… Это гражданские суда! Причем большинству из них гораздо больше ста лет!

Инферно нахмурился.

— «Дженни», спутник Эдена может просканировать эту зону? — спросил он у генеральной программы Эдена.

— Ответ положительный. Сейчас, — раздался ровный голос.

— Нам нужны снимок дна и эхолокационная диаграмма, — сказал Инферно.

Дэз вернула на экран подсказки Альтера.

— Внимательно изучите подводную часть арены, — повторял тот. — На этом самом месте было кладбище кораблей. То, что уже нельзя было разобрать и использовать как вторичное сырье, топили в этом квадрате, потому что океан здесь довольно глубок. Это место находится в стороне от морских путей, подводный мир здесь скуден, лишен редких, охраняемых экологами обитателей. Идеальное место для свалки…

На медиаматрице возник новый спутниковый снимок, начала загружаться эхолокационная диаграмма.

Дэз поставила рекомендации Альтера на паузу.

— «Дженни», сделай два окна, чтобы в одном мы могли видеть карты Аткинса, сделанные им для игры, а в другом — реальные снимки, которые передал спутник, — попросил Инферно. — Пожалуйста.

— Пожалуйста, — ответила генеральная программа.

Друзья смотрели на картинки и понимали, что видят одно и

то же место, одни и те же корабли. Только второй снимок сделан спустя пятнадцать лет после первого. Остовы кораблей покрывал более толстый слой нароста, они чуть глубже ушли в песок.

— Ничего не могу понять, — тряхнул головой Чарли. — Ни одной подводной лодки! Ни одного военного крейсера! А их тут должно быть… минимум полторы тысячи! Макс! Дэз! Вы помните? Нас с первого класса водили на эту арену, показывали это самое место, где была «торпедная дуэль»! И каждый раз говорили, что во время «торпедной дуэли» было потоплено от полутора до двух тысяч кораблей! А тут… Тут только старье, выброшенное на эту свалку сто лет назад!

— Угу, — кивнула Дэз и начала рассуждать, говоря больше сама для себя, чем для прочих. — Все сражения Нефтяной войны происходили в отдаленных местах… Арктика, Тихий Океан, пустыни…

Рядом с Максом неслышно появился Отто Крейнц.

Громов вздрогнул от испуга.

— Фу-у-ух…

— Извини, что напугал, — Отто был сам на себя не похож.

Главный технический эксперт Сети выглядел более взволнованным, чем в день атаки Джокера, когда рядом с «Ио» сидели агенты Бюро, готовые взорвать центральный сервер в любой момент.

— Что-то случилось? — Громов тревожно посмотрел на Отто.

— Д-да… — кивнул тот. — Пойдем… «Дженни», перемести нас в… в… ну, откуда я пришел, черт, как его… Я начал забывать слова.

В том, что все теперь знали, что собой представляет среда Эдена, был один большой плюс — не нужно ходить по огромной виртуальной территории технопарка. Можно просто перемещаться из одной локации в другую.

— Мгновение, — ответила система.

И действительно — в следующий миг Макс оказался в виртуальном штабе Буллигана. Второй бункер превратился в центр сопротивления планам Торговой Федерации.

* * *

Четыре дня до Олимпиады:
3 декабря 2054 года, 07:30:54
Технопарк Эден
Бункер 2

Громов стоял перед пультом и мониторами и понимал, что шлюз обмена данными открыт. Иначе как шеф Бюро и Крейнц могли бы делать свою работу, оставаясь в среде Эдена?

— Вы же сказали, что не будете включать конвертер, — встревожился Громов, — пока я здесь.

— Основной конвертер отключен, но в Эдене есть резервный, меньшей мощности, — пояснил Отто. — Я установил его давно, чтобы Бюро имело прямую связь с доктором Синклером. Не волнуйся. Это вроде домашней рации. Связывает Эден только с Бюро, не выходя в общую Сеть. Извини, что отвлекли тебя от тренировки…

Макс увидел на одном из мониторов Роджера, вернее, его бесчувственное тело, плавающее внутри жидкостного шара.

— Роджер?! Что с ним? — встревожился Макс.

— Мы тут хотели тебе помочь, но с первого раза не вышло, — осторожно начал Буллиган. — Бюро планирует спасательную операцию, но чтобы взять базу Дэйдры штурмом, нам понадобится твоя помощь.

Громов спешно и нервно начал кивать, стараясь не смотреть на Роджера.

— К-конечно, все, ч-что в моих силах.

— Тебе придется вернуться в Рободом, — сказал Отто.

Макс вздрогнул.

— Вы же сказали, мне нельзя выходить из среды Эдена.

— Мы перенесли одну из нейрокапсул эденского самолета в наш квадролет, — сказал Буллиган. — Мы можем не выводить тебя из анабиоза на время полета. У Дэйдры не получится оказать на тебя хоть какое-нибудь воздействие. Нет сознания, нет и контроля над ним.

— Но зачем? — Громов переводил удивленный взгляд с Крейнца на Буллигана. — Почему я должен возвращаться в Рободом, да еще так срочно?

— Надо объединить Рободом с «Ио», чтобы заблокировать «Арес», — сказал Крейнц. — Я пытался установить контакт с Альтером, но он мне не отвечает. Ты должен вернуться, чтобы установить и запустить программу слияния.

Отто показал Максу большой оптик — темно-коричневый монокристалл размером с довоенную антикварную книжку.

* * *

3 декабря 2054 года, 09:30:54
Нью-Йоркский хайтек-мегаполис

TFT, Северная башня,
резиденция Алекса Хоффмана

Кофе в чашке Каролины Шмуц давно остыл, а она не сделала ни единого глотка.

Алекс сидел в кресле, смотрел в окно скучающим взглядом и вполуха слушал сбивчивые оправдания главы Олимпийского комитета, почему она так и не смогла добиться дисквалификации Громова.

— Я сделала все, что от меня зависело, и даже больше, — говорила Каролина, отчаянно жестикулируя и тараща глаза. — Но понимаете, сэр, для принятия решения о дисквалификации нужно было минимум шестнадцать голосов из тридцати. Сначала мы провели тайное голосование и… результат был отрицательным. Тогда я потребовала, чтобы члены комитета голосовали открыто. Я думала, никто не решится явно поддержать этого мошенника… Лично я абсолютно уверена, что он был в сговоре с Джокером и специально заменил код Аткинса своим собственным… И эксперты опять же сходятся во мнении, что Громов имеет все возможности для читерства во время Олимпиады… Но… И открыто…

— Сколько голосов было подано против дисквалификации Громова? — Алекса утомило тревожное чириканье Каролины.

Госпожа Шмуц потупила глаза.

— Двадцать девять, сэр.

Хоффман встал, сделал несколько шагов вдоль окна.

— Хм… Интересно… — пробормотал он. — То есть за дисквалификацию были только вы? Вы одна?

— Да, сэр, но то, что я в меньшинстве, не умаляет моей решимости…

— Можете идти, — сердито оборвал ее Алекс. — За решимость — спасибо.

— Простите, сэр, что не оправдала… — пропищала Каролина Шмуц, подцепила с пола свою шикарную лакированную сумку довоенного производства и поспешно ретировалась, стуча каблучками.

Алекс глубоко вздохнул, тронул кнопку связи с секретариатом.

— Спайдера ко мне. И пусть в тренировочном центре загрузят симулятор Олимпийских игр. Команде явиться туда через час, где бы они ни были.

— Да, сэр, — коротко ответил секретарь.

Хоффман нервно дернул ногой, потоптался на месте и пошел в «секретную комнату». У Председателя Торговой Федерации

тоже был кабинет, непроницаемый для любых волн, с выделенной секретной линией связи, которая не была подключена к общей Сети.

Алекс включил медиаматрицу и вызвал базу Brain Gate.

Дэйдра ответила сразу. За ее спиной кипела работа. Роджер лежал на столе, помощники профессора МакМэрфи подключали провода к его голове.

— Привет, — хмуро приветствовала Алекса Бэнши.

— Громов будет участвовать в играх, — сказал Хоффман.

— Знаю, результаты голосования уже в Сети, — усмехнулась Дэйдра. — Похоже, тебе придется хоть раз в жизнь поиграть честно, Алекс.

— Я не хочу играть честно, я хочу выиграть, — огрызнулся Хоффман. — Ты сможешь мне помочь?

— Мы еще не готовы, — Бэнши кивнула головой в сторону Роджера, — парень не готов.

— Игры начнутся через четыре дня, — Алекс нервно дернулся, — ты можешь хотя бы рассказать, что собираешься делать?

Неожиданно грянул взрыв. Хоффман увидел, как бункер Дэйдры содрогнулся, люди попадали на пол, посыпались инструменты, посыпались искры от оборудования.

— Что за…

Связь прервалась, медиамонитор погас. Алекс мгновение таращился на пустую медиаматрицу, потом вскочил и бросился в свой кабинет, на ходу активируя биофон.

— «Микадо», генерал Нельсон! — заорал он.

— Соединение установлено, — сообщил ровный системный голос.

Генерал Нельсон ответил сразу же.

— Да, сэр.

— Штаб-квартиру Brain Gate атакуют! — заорал Алекс. — Дайте мне картинку со спутника, я хочу видеть, что там происходит.

— Конечно, сэр, — последовал ответ. — Уже транслируем на ваш ноут.

Алекс активировал свой компьютер, подключенный к большому монокристаллическому медиамонитору.

Перед его глазами был спокойный Атлантический океан. В километре от берега напротив базы Brain Gate быстро тонул сухогруз с эмблемой «Микадо», вокруг барахталось множество людей.

— Мы перевозили топливные элементы для беспилотных летательных аппаратов, — сообщил генерал Нельсон, — на судне

произошло короткое замыкание, загорелся грузовой отсек, элементы начали взрываться… Простите, сэр, что напугали вас.

— Черт бы вас побрал, — Алекс с облегчением вздохнул. — Чтобы виновные завтра же были в Джа-Джа Блэк!

— Конечно, сэр, — вежливо ответил генерал. — Антенна связи Brain Gate немного повреждена. Через час мы все починим.

— Постарайтесь, — сердито буркнул Алекс и отключился.

* * *

3 декабря 2054 года, 16:51:21
RRZ «Эллада»
Рободом

Дэз, Чарли и Тайни с удивлением смотрели на смеющегося Альтера.

— Он еще и радоваться умеет, — вздохнул Спаркл, — невероятно.

Альтер валялся на полу и бил ногами в воздухе.

— Мы будем стараться, сэр, не обрезайте нам бюджет, я столько кредитов набрал, — сказала голограмма голосом генерала Нельсона.

Макс с удивлением смотрел на свои полупрозрачные руки. Когда его нейрокапсулу привезли в Рободом, Альтер открыл блок с… комплектом для подключения к виртуальной среде Рободома!

— На что похож виртуальный мир Рободома? — спросил Чарли у голограммы Макса.

— Ни на что, я просто… просто стою рядом с вами, присутствую в физическом мире, — ответил тот. — Как Альтер. Мир реальный, а я в цифровом виде.

Громов прошел сквозь Дэз.

— Ух ты, — Тайни с опаской протянул руку и тронул голограмму Макса.

Макс посмотрел на визуализацию генеральной программы Рободома.

— Альтер, сколько, по-твоему, пройдет времени, прежде чем «Арес» обнаружит подмену?

— «Арес» подмены не обнаружит, — криво усмехнулся тот. — Я слегка изменил план Крейнца: вместо того чтобы блокировать приказы военных, лучше сделать так, чтобы они их совсем не отдавали. «Арес» ведь принимает сигналы от подключенных к нему устройств. Например, картинку со спутника, — Альтер ткнул пальцем в монитор, — которую я для него нарисовал. Еще

«Арес» получает данные от «Большого брата», — Альтер показал на второй монитор, — смотрит кино, которое мы с «Ио» ему показываем, ну и, наконец, данные от системы безопасности базы Дэйдры. Оттуда ему уже вовсю рапортуют, что все хорошо. Антенна связи немного повреждена, и ее уже чинят. Версия с сухогрузом сработала. Надо отдать тебе должное, — Альтер пролетел сквозь голограмму Громова. — Йохо! «Ио» говорит, что все в порядке, спутники передают идиллические виды природы… «Арес» будет сидеть в розовых очках, пока NOW WOW! не сообщит ему, что случилось.

Альтер снова рассмеялся.

Макс смотрел на него и…

— Роберт? — тихо позвал он.

Альтер вздрогнул, посмотрел на Громова.

— Понимаю, парень, тебе слегка непривычно расхаживать перед друзьями в таком виде… — сказал он. — Всякое можно подумать… Но ты — трехмерная репликация, как в Сети, только тебя видно в физическом мире, а я — программа.

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

Срочное известие, дорогие обезьяне!

Только что агенты Бюро информационной безопасности штурмом взяли здание корпорации Brain Gate в Либерии! Первые комментарии полны эмоций. Председатель Торговой Федерации Алекс Хоффман только что лично выступил в прямом эфире правительственного новостного канала и пригрозил шефу Бюро Буллигану трибуналом, лишением хайтек-гражданства и даже смертной казнью. «Никогда еще в хайтек-пространстве священное право собственности не попиралось таким наглым и вопиющим образом», — сказал Председатель TF.

Комментарий Бюро информационной безопасности последовал незамедлительно: «Корпорация Brain Gate оказалась просто ширмой для лаборатории Дэйдры МакМэрфи и пиратской базы ее родной сестры, известной как Ведьма Юга Айрин. Мы располагаем стопроцентно валидными доказательствами, что Алекс Хоффман лично продолжал финансировать разработки профессора МакМэрфи в области дистанционного управления людьми, официально запрещенные Комиссией по этике много лет назад».

Несмотря на громкие заявления Буллигана,

официальное обвинение Хоффману в данный момент не может быть предъявлено. Он является зарегистрированным участником предстоящей Олимпиады. Это же правило совсем недавно спасло от ареста Макса Громова — нашего супергероя, обвиненного ICA в сговоре с Джокером и намеренном уничтожении гениального творения Аткинса — Сетевого кода.

Впрочем, это всего лишь отсрочка — Олимпиада пройдет быстро. Все, что выиграет Хоффман, — это немного времени для своих адвокатов, чтобы они попытались доказать несостоятельность предъявляемых ему претензий.

С Громовым ситуация тоже двусмысленная — официальное обвинение не предъявлено, но ICA уже заявила, что собирается подать следующее, как только отгремит шумиха вокруг Олимпиады. Их расчет понятен — раздражение в обществе по поводу платного пользования Сетью успеет накопиться, историю с Джокером все успеют подзабыть, Торговая Федерация начнет более пристально интересоваться технологией Громова… Тут ситуация для него апокалиптическая, дорогие обезьяне! По закону о глобальных изобретениях интеллектуальная собственность Громова, то есть код нашей с вами Сети, на время следствия перейдет под государственное управление, так как от ее успешной эксплуатации зависит качество нашей жизни. Хайтек-правительство вправе назначить одну из корпораций, входящих в Торговую Федерацию, временным управляющим глобальным изобретением. До тех пор, пока Громов или не будет полностью оправдан, или же не лишится хайтек-гражданства со всеми малоприятными последствиями… Интуиция подсказывает, что, скорее всего, управляющим назначат одну новую корпорацию с очень подходящим названием «Биософт», совсем недавно с огромной помпой созданную Алексом.

Усилиями Эрнесто Эскобара Интерпол так и не смог предъявить Громову обвинение в терроризме — то есть прямом сговоре с Джокером с целью уничтожения Сети, созданной Аткинсом, но обвинение ICA все еще в силе… Ух! Если сутяги смогут-таки его доказать, Громова ждет все то же лишение гражданства, изгнание, конфискация…

Так что одному из них — Хоффману или Громову — надо обязательно победить. Мы промолчим, за кого болеет наша редакция, чтобы не оказывать давления на ваши умы, дорогие обезьяне. Но тотализатор уже открыт. Круглые сутки на нашем портале вы можете сделать ставку на Хоффмана или Громова. В их схватке — проигравший теряет все, а победителю достается наш лучший из миров на платиновом блюдечке…

А, кстати, мы забыли сказать, что саму Дэйдру МакМэрфи и ее сестру, разумеется, схватить не удалось. Айрин разбросала агентов Бюро, как щенков, прыгнула в наутилус, прихватив с собой свою умную сестру, и обе скрылись. Так что спать спокойно пока рано…

* * *

3 декабря 2054 года, 23:50:21
Буферная зона

Идзуми сидел в шезлонге, держа в руке половинку кокосового ореха с местным ромом. Океан, яркое солнце, пляж резиденции Ченга, белая яхта швартуется у причала… Как будто не было никакой войны, а Идзуми молод, богат, и все у него впереди.

Инспектор не мог понять, почему его постоянно грызет тревога. Он сделал все, что приказал Буллиган. Прилетел в Буферную зону, передал Ченгу док-топ и… Дальше ничего. Командор поблагодарил его. Подарил пару отличных джинсов, шесть маек, шорты, кепку, плавки — все отменного китайского довоенного производства. После чего предложил Идзуми побыть недельку гостем в его резиденции. Инспектор позвонил Буллигану, и тот подтвердил, что Идзуми может оставаться в Буферной зоне, будет очень хорошо, если он там подольше останется… Ну, инспектор, ясное дело, не стал возражать. Ни тебе «Большого брата», ни тебе нервной службы. Кругом рай, безмятежность и полное отсутствие какого бы то ни было контроля. Но почему Буллиган отправил его сюда? Зачем?..

Рядом с инспектором стоял маленький переносной телевизор, его ровесник, который плохо, но все же передавал картинку из зала суда «Башни правосудия».

— Адвокаты Алекса Хоффмана, встаньте, — сказал судья Джонсон.

Пятьдесят адвокатов в одинаковых серых костюмах встали.

— Почему ваш подзащитный не явился на оглашение

обвинения? — спросил судья.

Слово взял Эллис Бригс — глава адвокатского бюро Торговой Федерации.

— Сэр, в законе нет прямого требования, чтобы обвиняемый, если находится под действием временной олимпийской неприкосновенности, сам являлся на оглашение обвинения, — сказал он.

— Ладно, зачитаем без него, — спокойно ответил судья и взял в руки пачку листов. — Итак, в результате частного полицейского расследования, которое провел инспектор токийской полиции Идзуми, было установлено, что Алекс Хоффман, Председатель Торговой Федерации, в течение пяти лет являлся основным заказчиком и инвестором исследований профессора Дэйдры МакМэрфи, которые многократно осуждались и запрещались Комиссией по этике. Инспектор Идзуми является главным свидетелем обвинения и официальным сборщиком улик в этом деле. У него было право расследовать деятельность подозрительной компании и собирать данные о ней. Все представленные им улики оформлены надлежащим образом и признаны судом валидными…

Идзуми сел и помахал официанту пустой половинкой кокосового ореха:

— Принеси мне, пожалуйста, еще!

— Да, сэр! — с улыбкой ответил тот. — Все что угодно. Командор велел заботиться о таком великом госте.

Идзуми посмотрел по сторонам. Чувство тревоги усилилось. А почему никто не сходит на берег с пришвартовавшейся яхты?

Инспектор едва успел скатиться с шезлонга, как в спинку ударила автоматная очередь. С палубы белоснежной яхты спрыгнул один вооруженный парень, а следом еще четверо.

— Ой-ей-ей… — пробомотал Идзуми, запрыгивая за барную стойку. — Буллиган, чтоб тебя…

— Сюда! — прошептал бармен, открывая люк в полу.

— Опять начинается… — вздохнул инспектор и полез в подземный коридор.

Бармен спрыгнул следом и запер люк изнутри.

— Командор говорил, что на вас будут покушаться, — торопливо сказал он. — Не волнуйтесь, в самой резиденции вам ничего не грозит. Военные ушли отсюда…

— Быстрей беги! — жалобно выдохнул Идзуми. — Ох, черт, когда все это кончится…

Наконец они добрались до металлической двери. Бармен приложил к ней карточку, открыл и… мягко упал на землю.

Идзуми отступил назад, но было поздно. Бродяга Никсон взял

его за шиворот и поднял в воздух одной рукой.

— Привет. Знаешь, кто я?

— З-здравствуйте, вы самый известный наемник и охотник за головами в Буферной зоне… — выдохнул инспектор. — Устраиваете нелегальные гладиаторские бои. Такая честь для меня с вами познакомиться… Извините, вы не могли бы меня поставить? Если описаюсь от страха, испачкаю вам форму. Неудобно получится…

Последнее, что запомнил Идзуми, — это широкую улыбку Бродяги Никсона и электрошокер в его свободной руке.

* * *

Три дня до Олимпиады:
4 декабря 2054 года, 13:12:21
Нью-Йоркский хайтек-мегаполис
TFT, Северная башня,
Бриллиантовый зал

Большой совет Торговой Федерации собрался на экстренное заседание. Прибыли владельцы всех корпораций, входящих в Федерацию, кроме главы корпорации Drinks, экс-председателя TF. В Бриллиантовом зале за ночь едва успели собрать скамейки с удобными мягкими сиденьями.

Ждали прибытия президента Рамиреса, который изъявил желание обратиться к Совету с речью.

Алекс сидел в своей ложе в первом ряду. Рядом с ним примостился шеф Интерпола Яков Фаворский. Напряжение в зале росло. Хоффман спиной чувствовал холодные взгляды членов совета.

— Узнали, кого выдвинут на мое место? — спросил он у Фаворского.

— Пока единого мнения нет, — тихо ответил шеф Интерпола. — Азиатские кланы хотят видеть председателем Гиро Тадзюцу, «белые деньги» — Фрэнка Спаркла, вся энергетическая диаспора — Екатерину Иванову. Но… Это если выбирать из тех, кто сам не против занять ваше место.

— Что это значит? — напрягся Алекс.

— Если Хелена Наварро даст понять, что она не против, Совет попросит ее вернуться, — сказал Фаворский.

— Она здесь? — голос Хоффмана стал хриплым от напряжения.

— Пока нет.

— Можете сделать так, чтобы она не…

Алекс не успел договорить. В задних рядах раздался шум, потом аплодисменты. Люди начали вставать со своих мест.

Хоффман обернулся. В зал вошла Хелена Наварро.

— Черт… — беззвучно выругался Алекс.

Совет приветствовал своего бывшего председателя стоя. В аплодисментах отчетливо звучала просьба о прощении и признании ошибок.

Хелена ответила на приветствие сдержанным кивком и села на свое место.

Из-за поднявшейся шумихи не все успели заметить, что в зале появился президент Рамирес. Как полагается по протоколу, его провели сразу к трибуне, через боковой вход.

Президент хайтек-пространства выглядел взволнованным. Похоже, обычное благодушие ему изменило. В его жестах и мимике чувствовалось напряжение.

— Гхм…

Тонкий микрофон из полупрозрачного органопластика многократно усилил его голос.

В зале мгновенно воцарилась тишина.

Рамирес обвел присутствующих взглядом, чуть задержался на лице Алекса, глубоко вдохнул и начал:

— Сограждане!..

Однако сразу после своего знаменитого обращения замолчал. Еще раз глубоко вздохнул и как-то обмяк.

— Простите… — произнес он и потер ладонью левую сторону груди. — Я приготовил речь, очень хорошую, но… Сейчас понял, что хочу сказать совсем другое. Даже если это будет последним, что я скажу на своем посту.

Рамирес перевел дух. Его красивое ухоженное лицо покрылось красными пятнами. Президент провел рукой по волосам, нарушив безупречность своей укладки.

— Закон существует для того, чтобы каждый человек мог чувствовать себя в безопасности. Свободно заниматься тем, что ему интересно. Быть уверенным в своих правах и никогда не забывать об уважении к правам окружающих. Нам всем стало казаться, что закон — это нечто само собой разумеющееся, как восход солнца. Данность, которая существовала всегда и будет существовать вечно. И я жил с такой уверенностью. До тех пор, пока не увидел документы, добытые Бюро в штаб-квартире Brain Gate. Я буду говорить прямо. Что бы там ни говорили о законности их получения… Все здесь сидящие понимают, что Бюро на свой страх и риск захватило базу Дэйдры МакМэрфи, потому что другого способа остановить Алекса Хоффмана не

было. Так что же происходит в нашем мире, если для благого дела людям приходится нарушать закон? Что же происходит в мире, где тем, кто хочет оставаться верным присяге, приходится прятаться, чтобы честно выполнить свой долг?

Рамирес замолчал и обвел взглядом присутствующих.

— История предостерегает нас, как опасно сосредоточивать в одних руках абсолютную власть, — продолжил он. — Потому что власть — это великое искушение. И даже тот, кто являет собой воплощение всех мыслимых достоинств, может не устоять. Рано или поздно в его голове появится мысль, что ради свершений, которые ему кажутся великими, можно пожертвовать одной, другой, десятью, сотней, миллионом жизней.

Президент опустил голову и перевел дух.

— Я пришел к вам не как «голова, говорящая с народом». Уж кто-кто, а вы-то знаете, что моя власть носит номинальный характер. Все полномочия в руках хайтек-парламента, места в котором вы теперь можете официально покупать. Я пришел как обычный человек, у которого есть дети, есть жизнь, есть вещи, которые мне очень дороги, — то, во что я верю, — Рамирес повысил голос. — А я верю, что смещение Алекса Хоффмана, которое вы собрались произвести, главной проблемы не решит. Его пост — это сосредоточение абсолютной власти. Он очень старался, чтобы сделать его таковым. Где гарантия, что у следующего председателя, которого вы изберете, голова не закружится точно так же, как у Алекса Хоффмана?

В зале поднялся шум.

Рамирес выдержал паузу и продолжил:

— Я обращаюсь к Торговой Федерации с просьбой. Пусть это звучит как утопия… Но давайте же докажем, что победить обезьянью природу человека возможно. Благо своего вида может быть выше собственного. Давайте наконец сделаем тот самый «четвертый эволюционный скачок», о котором так мечтал Леонард Гейгер! Торговая Федерация должна отказаться от покупки мест в парламенте и вернуться к старой системе прямого голосования хайтек-граждан через Сеть! Централизация всей власти в одних руках опасна прежде всего для вас самих…

Окончание фразы Рамиреса утонуло в шуме голосов.

Алекс обернулся, на его губах появилось подобие улыбки.

— Кажется, у меня появился шанс… — тихо сказал он Фаворскому. — Нет, они не откажутся от власти. Никогда.

Рамирес отошел от трибуны.

Алекс встал со своего места и несколько раз громко хлопнул в ладоши.

— Браво. Благодарим президента Рамиреса за столь

эмоциональную речь. Полагаю, теперь и мне надо сказать пару слов… Наверняка вы ждете объяснений.

Рамирес отступил назад, некоторое время неловко потоптался за плечом у Хоффмана и пошел прочь через свой протокольный боковой выход.

Алекс улыбнулся.

— Ну… Что ж… Меня только что упрекнули в том, что я сосредоточил в руках Торговой Федерации абсолютную власть. Признаю, это так. Я к этому сознательно стремился, и мне это удалось. Благодаря мне Торговая Федерация наконец заняла то место, которое положено ей по праву. Много лет мы даем всем остальным жителям хайтек-пространства работу, технологии, просто возможность жить и заниматься тем, что им интересно, как выразился наш президент. Благодаря нам хайтек-цивилизация достигла такого могущества. Мы — ее основа, мы — лучшие люди! Образование, ум, генетическое превосходство, в конце концов! Вас называют плутократами, а я говорю, что это власть наиболее достойных людей — та самая меритократия, которая так долго считалась недостижимой. Распределение мест в парламенте между нами дает возможность уберечь хайтек-граждан от оравы безмозглых болтунов, которые могут хорошо выглядеть и неплохо болтать языком, но не способны на реальные, настоящие дела. Кто избирался в парламент раньше? Медиазвезды, спортсмены! Каков был результат их работы для вас? Высокие налоги и бездарное распределение бюджета! Прямое воровство ваших денег! Сегодня ничего подобного нет. Я сделал так, чтобы о хайтек-гражданах заботились те, кто сделает это наилучшим образом. Потому что я верю во всех вас, я перед вами преклоняюсь. Благодаря вам этот мир жив и прекрасен.

Алекс опустил голову, слегка поклонившись всем присутствующим, и вернулся на свое место.

В зале возникло замешательство. Гул голосов нарастал и нарастал, отражаясь от сложных сводов Бриллиантового зала. Хелена Наварро сидела неподвижно, как каменная.

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

Дорогие обезьяне! Чудеса сыплются на наши головы одно за другим. Только что Большой совет Торговой Федерации принял решение, которое лично нас, мягко говоря, поразило. Точнее, мы в шоке.

Несмотря на все неопровержимые улики, предоставленные Бюро, подтверждающие очень тесную деловую связь Алекса Хоффмана с Дэйдрой МакМэрфи,

его личное участие в проекте «Кибела» и попытку военного переворота совместно с генералом Ли, — Алекс Хоффман остается Председателем TF! Понимаете? Генерал Ли должен отправиться в заморозку, а Алекс, основной заказчик переворота, — останется главным человеком в нашем лучшем из миров.

Нет слов. Занавес.

Знаете, дорогие обезьяне, а переворот-то, похоже, свершился. Причем год назад и с нашего молчаливого согласия. Теперь, когда мы не голосуем на выборах в хайтек-парламент, что можно противопоставить воле Торговой Федерации? А ничего! Они оставляют Алекса на главном посту хайтек-пространства, и нет никаких, хотя бы номинальных рычагов, чтобы повлиять на их решение. Ни-ка-ких. Понимаете?

Парламент за Алекса, президент Рамирес не имеет реальной власти, мы с вами… А кто мы такие? Мы больше не голосуем, не выходим на улицы протестовать — ничего фактически не делаем. Только возмущаемся в Сетевых гостиных, сливая свое раздражение впустую. Собрались наши трехмерные репликации, покричали: «Ужас, диктатура!», пар выпустили — но в реальной жизни от этого ничего, ровным счетом ничего не происходит.

Знаете, дорогие обезьяне, мы, кажется, начинаем понимать, почему в Сети нет цензуры. Потому что это огромный сливной коллектор для нашей гражданской энергии. Там мы может быстро и без всяких проблем возмутиться, истратить боевой запал, а потом спокойно выйти, выпить у себя на кухне чашку чая и лечь спать. Наше чувство справедливости удовлетворяется без вреда для власти корпораций. Овцы, то есть мы, довольны (и хорошо пострижены! Налоги-то повышали уже раз пять), волки — сыты.

Мы много раз критиковали Леонарда Гейгера за его теорию энтропии социальных систем, а теперь поняли, что зря. Он был прав. Когда равновесие системы становится важнее ее эволюции — наступает смерть. Абсолютный покой энергии. Тихий Армагеддон. Во сне.

* * *

Два дня до Олимпиады:

5 декабря 2054 года, 12:12:23
RRZ «Эллада»
Рободом

Бюро окружило Рободом тройным кольцом охраны. Отто Крейнц прибыл сразу, как только закончил передачу улик против Алекса Хоффмана в судебное хранилище.

— Ой, — только и смог сказать Крейнц, увидев вместо одной голограммы — две. Аткинса и Громова.

— Я живой, просто в цифровом виде, — успокоил его Макс. — Альтер считает, что так безопаснее. Пока я в нейрокапсуле, Дэйдра ничего не сможет предпринять.

— Я не помню, чтобы правила разрешали голограммам участвовать в Олимпийских играх, — вздохнул Отто.

Инферно, Дэз, Чарли и Тайни выглядели подавленными.

— Ну как? — с надеждой спросила Кемпински. — Придумали, как защитить Макса?

— По-моему, это уже не имеет никакого значения, — вполголоса сказал Инферно. — Алекс хозяин мира. Он уже победил.

— Нельзя так говорить. Олимпийский комитет почти единогласно отказался дисквалифицировать Макса, — возмутился Тайни. — Если он не выйдет против Алекса, люди окончательно потеряют веру, что справедливость возможна. Они подумают, что ничего уже нельзя сделать, и не станут пытаться протестовать. Макс — символ. Он должен выйти отсюда.

Крейнц кивнул головой и вынул из своего портфеля док-топ.

— Вот, здесь все, что мы смогли захватить в Brain Gate по Громову. Сам я не смог разобраться в схемах и кодах Дэйдры. Может, у них получится? — Отто кивнул на Альтера с Громовым.

Альтер мигнул. Из блока, где находилась рабочая станция — с матрицами для ввода и демонстрации данных, выдвинулся слот для док-топа…

* * *

5 декабря 2054 года, 13:05:22
Микронезия
Атолл Бутаритари

Черный подводный крейсер Дэйдры покачивался на волнах. Верхняя палуба была открыта, на носу натянут белоснежный тент от солнца. Под ним поставили кресла, изящный столик. Айрин

практиковалась в стрельбе из антикварного арбалета, умерщвляя коралловых рыбок. Меткость Ведьмы Юга давно стала легендой. Айрин умудрялась попасть в хаотично мечущихся под водой маленьких рыб с расстояния в тридцать метров, да еще стоя на качающейся палубе.

Дэйдра и Алекс подняли бокалы с шампанским.

— Когда я выиграю Олимпиаду, стану героем, — сказал Хоффман. — Люди привыкли любить Олимпийских чемпионов, это абсолютная заслуга. Потрачу пару миллиардов на благотворительность. И… Все забудут про Громова. Интерпол докажет его сговор с Джокером. Через пару лет мальчишку все будут считать злодеем, варваром, уничтожившим гениальное творение Аткинса. Комиссия по этике пересмотрит твои дела и признает их полезными для общества. Извинится. Ты станешь новым директором Эдена. Ведь не дело, что главным технопарком хайтек-пространства руководит цифровое привидение, — Алекс рассмеялся. — Мы будем жить долго и счастливо, править сурово, но справедливо, и никогда не умрем. Доктор Просперити об этом позаботится. Он говорит, что может продлить жизнь до трехсот лет. За это время я успею вырастить и воспитать несколько своих клонов. Или… Может, технология, основанная на свойствах омега-вируса, просто позволит моему сознанию переходить из одного тела в другое?

— Хочешь жить вечно? — усмехнулась Дэйдра. — Не надоест?

— Никогда, — Алекс поднял бокал и выпил шампанское. — Я люблю жизнь.

Айрин бросила арбалет и села в свое кресло.

— Я хочу официальную должность, — сказала она. — Мне надоело бегать и прятаться.

— Какую должность ты хочешь? — спросил Алекс.

— Место генерала Ли, — сказала Айрин, не сводя с Хоффмана пристального взгляда. — Хочу стать военным министром и главой военной корпорации «Микадо».

— Хм… — Алекс почесал бровь. — Легализовать тебя, Айрин, будет сложновато. Разве что объявить амнистию всем пиратам и наемникам Буферной зоны разом.

— Так объяви. Парламент ведь может это сделать, — на лице Айрин появилось подобие улыбки.

Алекс рассмеялся:

— Действительно! Почему бы и нет…

Возникла пауза.

Хоффман посмотрел на Дэйдру:

— Ну? Где подарок, который вы мне обещали?

Профессор МакМэрфи сделала знак Савельеву, который стоял чуть поодаль, как простой секретарь.

Савельев кивнул и спустился по лестнице на вторую палубу.

— Это решит несколько твоих проблем разом, — Дэйдра загадочно улыбнулась. — Только не забудь, кто подарил тебе победу.

Профессор МакМэрфи допила свое шампанское.

Савельев вернулся и привел… Роджера Ли.

Роджер улыбнулся Алексу:

— Для меня такая честь служить вам, сэр.

Хоффман удивленно уставился на агента, потом на Дэйдру.

— Твой четвертый игрок, — сказала та. — Чемпион 2050 года.

— Э-э… В чем хитрость? — недоуменно спросил Алекс, глядя на идиотично улыбающегося Роджера.

— У тебя есть любимая песня? — поинтересовалась Бэнши.

— Дэйдра, я… — Хоффман начал злиться.

— Просто скажи, какая, — попросила та.

— «Симфония капитала», Эммануэль Форст, — Алекс нахмурился.

В ту же секунду Роджер открыл рот, и оттуда… раздались пафосные симфонические пассажи.

— Ух ты, — произнес Алекс. — Впечатляет. Это как-то поможет мне выиграть? У него особенный плей-лист, который введет Громова в транс?

Дэйдра и Айрин посмотрели друг на друга.

— Я же говорила, надо сначала объяснить, — буркнула Ведьма Юга, — а потом показывать.

Дэйдра вздохнула.

— Это, — она ткнула пальцем в Роджера, — универсальный ретранслятор. Действует в любой среде, передает, модифицирует, раскодирует любые частоты на всех диапазонах. Совершенная передвижная антенна с такой электромагнитной проводимостью и зарядом батарей, что будет служить тебе еще лет шестьдесят без подзарядки и ремонта. Не говоря уж о том, что интерфейс пользователя удобен и прост, а форма элегантна, радует глаз, ну и вообще — нетривиальна. Роджер, дай-ка нам послушать биофон мистера Буллигана.

Роджер послушно кивнул.

Алекс услышал у себя в ухе, в собственном биофоне лающий голос шефа Бюро информационной безопасности.

— Значит, перевозите его в капсуле! Подключайте сразу к Сети, раз нет другого способа! Черт… Отто, ну о чем ты меня спрашиваешь? Не понимаю я ничего в этих ваших технических

делах!

Буллиган прекратил разговор.

Алекс прищурился:

— Это он про Громова? Они боятся вывести его в реальный, физический мир?

— Ага, — кивнула Бэнши. — Даже данные с моего сервера не помогли беднягам понять, как же это мы влезаем в мозги их гения.

Дэйдра рассмеялась.

— Между прочим, доктор Льюис мог бы и догадаться, — хрипло сказала Айрин. — Это ведь у него украдено, а? Так, Дэйдра?

— У него была всего лишь гипотеза, — обиделась та. — Которую я довела до полноценной, возможной к применению технологии.

— Ладно, не обижайся, — Айрин взяла со стола бутылку рома и сделала большой глоток прямо из горлышка.

— Извините, что достаю, — произнес Алекс, — но будет лучше, если вы все же объясните мне, как эта, — он посмотрел на Роджера, — эта антенна работает.

Дэйдра встала, поманила Алекса за собой.

— Идем. Лучше смотреть сразу в Сети.

* * *

Один день до Олимпиады:
6 декабря 2054 года, 16:51:21
RRZ «Эллада»
Рободом

Инферно смотрел, как квадролет Буллигана пытается приземлиться на крохотную земляничную поляну за Рободомом. Биофон Ская Блэкборна подал сигнал. Он принял звонок.

— Да?

Чарли, который стоял метрах в пяти, не мог слышать, о чем говорит Инферно, но судя по выражению лица тренера — новости ему сообщали крайне плохие.

Дэз сидела на лестнице, рядом с цифровой копией Громова. Рядом в воздухе висел Альтер.

— Сейчас тебя отключат, — сказал он. — Я передал на «Ио» свои настройки безопасности и создал облочку, идентичную моей. Твоя репликация будет защищена от любых попыток внедрить чужеродный софт. «Ио» заблокирует все каналы доступа

к файлам твоей трехмерки. Пока ты в Сети, тебе ничего не угрожает. Постарайся оставаться там как можно дольше. Я не знаю, сколько времени уйдет на расшифровку данных с компьютера Дэйдры и получится ли сразу их точно интерпретировать… Просто держись, день за днем.

Кемпински тревожно вздохнула.

— Дней всего три, — напомнила она Альтеру. — Три арены. Три дня. А потом ему придется вернуться в реальный мир. Когда-то ведь придется это сделать.

Буллиган вошел в Рободом. Увидев цифровую копию Громова, он на мгновение остолбенел.

— Познакомьтесь, мой друг — Максимус Гром, — весело сказал Альтер.

— Наслышан, — с трудом выговорил шеф Бюро. — У вас тут что — эпидемия?

— У нас тут эволюция, — обиделся Альтер.

Инферно вошел в Рободом и направился к Буллигану.

— Не приближайся, Скай, — попросил его шеф Бюро, — держись где-нибудь в сторонке, чтобы я тебя не видел. Ненавижу лгать под присягой.

— Говорят, Идзуми пропал, — тихо произнес Инферно, буравя глазами Буллигана. — Командор Ченг слабовато его охранял.

— Что?! — встревожился Макс. — Как пропал? Когда?

— Дня два назад, — Инферно скрестил руки на груди. — Мистер Буллиган отправил главного легального свидетеля против Алекса в Буферную зону, передать командору письмо… После этого Идзуми видели в компании Бродяги Никсона. Он нес бесчувственное тело нашего инспектора на плече.

Буллиган напряженно молчал.

— Сейчас соврет, — сказал Альтер, — детектор лжи уже зашкаливает.

Кемпински сделала шаг к блоку, в котором стояла нейрокапсула с телом Макса.

— Спокойно… — шеф Бюро поднял вверх руки. — Я… Я не знаю, о чем ты говоришь, Скай. Если Идзуми пропал, то мне об этом неизвестно. Я полчаса назад говорил с Ченгом, и тот заверил меня, что всё в порядке. Инспектор полночи провел в шатрах на пляже, под утро его привез таксист, а сейчас Идзуми спит. На тумбочке его дожидается восстановительный коктейль.

— Хм… Вроде не врет, — задумчиво протянул Альтер. — Детектор пропустил.

Буллиган не успел сказать в ответ ни слова — в стену Рободома врезалась и взорвалась ракета! Дом-трансформер в

одну секунду сдвинул все блоки, превратившись в глухой герметичный куб. Свет погас, включилось аварийное освещение, Альтер стал красным. Голограмма Громова погасла. Дэз схватилась за уши.

— Дэз! — кричал Чарли.

— Я ничего не слышу! — Кемпински пыталась надеть на нейрокапсулу Громова защитный кожух, чтобы защитить крышку из органопластика от возможных повреждений.

— Тревога! — голос Альтера сменился ровным системным звуком. — Нарушение периметра. Угроза незаконного насильственного проникновения.

Рободом содрогнулся от повторного взрыва.

— Обшивка не повреждена, — сообщил Альтер.

— Макс! Макс! — кричала Дэз. — Ты в системе?

— Да, — раздался в ответ голос Громова, — Со мной все в порядке. Альтер отключил освещение, поэтому голограмма погасла.

— Кто на нас нападает?! — закричал Чарли.

— На них форма правительственной пехоты, — ответил Альтер.

— Они уже вошли внутрь энергетического периметра? — спросил Макс.

— Пока нет, — система выдала на аварийный монитор картинку с внешних камер.

Рободом со всех сторон окружали солдаты. Агенты Бюро, охранявшие Рободом, лежали на траве, как поломанные куклы.

— Что с ними? — Инферно тронул экран.

— Плазменный удар, — ответил Альтер, — вы не почувствовали, потому что были внутри. Энергетический периметр защитил вас.

Буллиган активировал свой биофон:

— Базу «Микадо»! Прекратить наступление на Рободом! Ваши действия будут расцениваться как попытка вооруженного мятежа!

В ухе Буллигана раздался спокойный голос генерала Нельсона:

— О чем вы? Я не понимаю. Вокруг Рободома все спокойно. «Арес» принимает картинку со спутника. Возможно, кто-то играет вашими же методами, Буллиган, — у генерала вырвался сухой смешок. — Но у меня нет никаких оснований посылать какие бы то ни было приказы. В хайтек-пространстве все спокойно.

Чарли увидел на экране, как один из стоявших на земле танков остановился, его башня развернулась, нацелив дуло точно на дверь Рободома.

Раздался выстрел… Рободом содрогнулся. Включилась

медиаматрица.

Глава Олимпийского комитета Каролина Шульц дрожащим голосом сообщала:

— В связи со временными техническими неполадками в Рободоме Макс Громов не сможет принять участие в играх. Рободом очень старый компьютер, в результате системного сбоя он заблокировал все выходы. В данный момент спасатели пытаются вызволить запертых в Рободоме людей.

Возникла картинка, как спецназ штурмует Рободом.

— Алекс сошел с ума, — выдохнул Инферно.

— Есть способ выбраться отсюда, — раздался голос Громова. — Отключите нейрокапсулу, я должен встать.

— Но это опасно! — запротестовала Дэз.

— Делайте то, что я говорю, — твердо повторил Макс.

Кемпински подошла к капсуле, открыла крышку панели управления, ввела код остановки. Крышка мягко открылась. Макс посмотрел на Дэз, с трудом поднял затекшую руку.

— Жаль, времени на электромагнитное восставление нет, — произнес он, с трудом поднимаясь. — Альтер, выведи нас отсюда!

Пол первого этажа начал трансформироваться.

— Спускайтесь! — Макс показал всем на узкую темную лестницу, появившуюся в полу. — Альтер, открой гардероб!

Громов бросился наверх, к открывшемуся блоку, и вытащил из нижнего ящика старинную коробку от печенья…

* * *

6 декабря 2054 года, 13:15:46
Нью-Йоркский хайтек-мегаполис
TFT, Северная башня,
резиденция Алекса Хоффмана

Алекс медленно шел вдоль стульев, на которых сидели его игроки. Спайдер, Кибердог — абсолютный чемпион арены «Выжить!» — и Роджер Ли.

— Вы все чемпионы, — медленно говорил Алекс, — вы лучшие. Наша команда одержит сокрушительную, честную победу…

В дверь постучали.

— Что такое?! — разозлился Алекс. — Я же просил… Биофон даже отключил!

Вошел секретарь.

— Простите, сэр, — сказал он, — но вам надо взглянуть…

Включите новости.

— Новости, — сердито сказал Хоффман, чтобы активировать медиаматрицу.

На экране замелькали кадры штурма Рободома, известный корреспондент Антон Шишка, приседая от взрывов и кашляя от дыма, вел прямой репортаж.

— Мы видим, как правительственная пехота обстреливает Рободом. Напоминаю, что чуть раньше Каролина Шмуц выступила с заявлением, что из-за технических неполадок в Рободоме Макс Громов оказался заперт внутри и не сможет прибыть на Олимпиаду вовремя. В данный момент спасатели пытаются пробить брешь в обшивке Рободома, который, как известно, является одним из самых прочных строений в хайтек-пространстве…

— Что? — Алекс скривился. — Что творится?

Хоффман активировал свой биофон.

— Каролина Шмуц, — скомандовал он. Соединение было моментально установлено. — Алло! Это Алекс…

— Все в порядке, сэр, — раздался в ответ радостный голос Каролины. — Я нашла выход…

— Что?! — у Хоффмана глаза полезли на лоб. — Какой еще выход?

— Громова не будет, вы можете играть спокойно, сэр…

— Скажете вы мне, какого черта там творится, или нет?! — заорал Алекс.

— Я договорилась с военными от вашего имени, сэр. Вы же сами говорили, что любыми средствами. Они наносят удары по Рободому. Пока он заблокирован — Громову оттуда не выбраться.

Хоффману казалось, что он видит кошмарный сон.

— Прекратите… Прекратите это немедленно! Я… Я лично прослежу, чтобы вы отправились в Джа-Джа Блэк! Чтобы Громов завтра же прибыл на игры! — завопил он и отключил биофон. — О, господи… Невероятно. Все чуть не сорвалось из-за какой-то… дуры! Пф-ф…

Хоффман вытер пот со лба.

Игроки удивленно смотрели на Алекса. Тот выключил медиамонитор.

— На чем я остановился? — спросил он. — Ах да. Мы с вами команда…

* * *

6 декабря 2054 года, 18:43:44

RRZ «Эллада»
Рободом

Все шли следом за Громовым по длинному лабиринту из узких бетонных коридоров и небольших странных комнат, напоминавших терюмные камеры.

— Как Роберт умудрился построить этот дом и сохранить его коммуникации в тайне? — удивилась Кемпински. — Это ведь огромный проект.

— Строительство Рободома вообще загадка, — отозвался Макс. — Раньше здесь было другое здание, довоенное. Скорее всего, подземная часть осталась от него.

— Насколько мне известно, Рободом был сделан целиком на одном из военных заводов, — Чарли поморщился. — Не могу вспомнить, на каком именно. Затем его части доставили сюда морем и собрали.

— На верфи «Раджананда» в Индийской промышленной зоне. Там строят яхты, — Макс остановился перед металлической дверью и осторожно сдул пыль с пульта магнитного замка.

— Ты знаешь код? — спросила Дэз.

— Альтер знает, — Громов улыбнулся. — Он не может визуализироваться здесь, но находится со мной на связи, как штурман.

Макс ввел тринадцатизначный код. Замок щелкнул.

Громов потянул за ручку двери. Она открылась. Впереди был черный длинный тоннель. Послышался шум волн и пробивающийся сквозь него звук работающего двигателя турбоджета.

— Это «Фантом», — сказал Макс, схватившись за стену. — Альтер активировал его.

Кемпински подхватила его.

— Что? Что? — тревожно спрашивала она.

— Ноги не слушаются, — удивленно произнес Громов. — Странно, я не так долго был в нейрокапсуле, чтобы наступила атрофия. Ладно, потом разберемся. Идем!

— Надеюсь, они не разнесут Рободом на винтики, — проворчал Буллиган, прислушиваясь. — Хм… Канонада прекратилась. С чего бы?

Олимпийские игры 2054 года

6 декабря 2054 года, 23:55:02
Шанхайский хайтек-мегаполис
Башня Олимпийского центра

Башня Олимпийского центра была составлена из пяти цилиндров по семьдесят этажей высотой. Если смотреть сверху — получалась олимпийская эмблема.

Тысяча триста журналистов и столько же операторов из всех регионов хайтек-пространства окружили площадку для квадролетов на крыше. Площадку застелили красным ковром для встречи участников игр.

Журналисты стояли рядом друг с другом и старались перекричать друг друга, шум винтов, вой ветра.

Говорили все одно и то же.

Алиса Барская отчаянно, почти сорванным голосом хрипела в камеру:

— Главный вопрос: успеет ли Громов, основной претендент на победу, добраться до Шанхайского хайтек-мегаполиса сегодня и зарегистрироваться?! Все остальные участники уже прибыли. Остается меньше пяти минут! Последние пять минут, когда прибывших участников еще регистрируют. Напоминаем, что большая часть команд прибыла еще ранним утром. Алекс Хоффман прибыл в полдень вместе со своими легионерами-чемпионами… Где же Громов? Где же он? Видите — все вокруг смотрят только в небо, ожидая — прилетит ли «Фантом», на котором Громов вылетел из Эллады… Остается всего четыре минуты. Посмотрите, вот здесь, прямо на крыше, в самом центре стоит герцог Савойский — один из членов Олимпийского комитета. Он держит в руках док-топ, где все подготовлено для регистрации Громова. Громов должен только успеть сесть на крышу и приложить указательный палец к датчику док-топа. Даже если это случится в последнюю секунду этих суток — регистрация будет считаться пройденной. Давайте не будем терять надежду… Вот мне тут сообщают, что мы можем дать прямое включение из лотек-анклава Мавритания.

Алиса сняла наушник и подошла к камере, на микромониторе которой появилась картинка включения из лотек-анклава.

Корреспондент стоял рядом с пожилым высоким мужчиной в рабочем комбинезоне. За их спиной бушевала разноцветная толпа с флагами, над их головами в воздухе висели лазерные

проекционные надписи: «Громов — чемпион!» и несколько неприятных пожеланий Алексу Хоффману. Председатель TF не был популярен в Мавритании.

— Добрый день, Алиса, здравствуйте, зрители! — кричал в камеру корреспондент. — Я стою на главной площади Миланского герцогства, а рядом со мной легендарный инженер — Энтони Ломбардо. Напоминаю зрителям, что именно он создал легендарный концепт-турбоджет «Фантом», на котором Макс Громов сейчас пытается добраться до Олимпийского центра. Скажите, Энтони, какую максимальную скорость может развить «Фантом» в воздухе и хватит ли заряда его батарей, чтобы преодолеть расстояние от Эллады до Шанхайского хайтек-мегаполиса?

— Привет всем, — протянул Ломбардо, — «Фантом» может развивать скорость до шестисот километров в час и подниматься на высоту до семи километров. Заряда его батарей хватает на десять часов непрерывного полета…

— Спасибо, Энтони! — перебил его корреспондент. — Алиса? Что у вас? Появился ли Громов?

Алиса встрепенулась, надела наушники и снова встала перед камерой.

— Нет… — она посмотрела вверх. — Хотя подождите…

По крыше прокатился вздох.

Вдалеке появились огни, они быстро приближались. Вокруг них то и дело взрывались маленькие белые вспышки.

— Что-то происходит! — закричала Алиса…

* * *

Макс с трудом держал штурвал «Фантома», уворачиваясь от плазменных гранат, которыми стреляли в него два беспилотных роботолета защиты воздушного пространства.

«Фантом» не был рассчитан на такое количество пассажиров. Чарли, Тайни, Дэз, Инферно кое-как разместились на заднем сиденье. Дэз пришлось сесть Чарли на колени.

Буллиган сидел на пассажирском месте рядом с Громовым и безуспешно пытался связаться с Бюро. Его биофон ровным голосом сообщал, что пространство закрыто для несанкционированных вызовов.

— Что происходит?! Почему они нас атакуют?! — кричала Дэз.

— Игроки должны прибывать на заранее заявленных квадролетах! — прорычал Буллиган. — Для всех остальных

воздушных объектов пространство вокруг Олимпийского центра закрыто! Я не могу связаться с диспетчером…

— Вряд ли это случайность, — сказал Макс, резко дернув вправо.

Рядом с дверью взорвалась очередная плазменная граната. «Фантом» сильно тряхнуло.

— Осталось немного! — Тайни увидел крышу Олимпийского центра.

— Держитесь! Посадка будет очень жесткой! — предупредил Макс.

«Фантом» резко рванул вниз к посадочной площадке.

— Там нет полосы в триста метров длиной, чтобы ты мог остановиться! — заорал Чарли.

— Остановлюсь, — Максу пришлось кувыркнуться в воздухе, чтобы уйти от очередной гранаты. — Надеюсь, никого не стошнит. Чарли, держи Дэз!

«Фантом» летел вниз, не снижая скорости и крутясь по спирали.

— А-а-а-а-а! — дружно вопили все сидящие внутри.

Журналисты, снимавшие этот полет, вдруг поняли, что турбоджет несется прямо на них. На крыше началась паника. Макс включил торможение. «Фантом» едва успел выпустить колеса и покатился, разрывая красный ковер не успевшими сложиться крыльями. Одно из крыльев зацепилось за сигнальный прожектор и сломалось. Обломок пропорол ковер, собрал складки и запутался в них. «Фантом» занесло, он перевернулся на бок, застрявшее крыло оторвалось. Турбоджет начал кувыркаться по крыше, сминая журналистские камеры и антенны. Люди едва успели разбежаться. «Фантом» проскользнул последние десять метров до края крыши и врезался в бетонное заграждение, проломил его, но не рухнул вниз, повиснув на прогнувшейся от удара внутненней арматуре.

Легкий углепластиковый корпус треснул. Журналисты, чьи камеры еще работали, с воплями бросились к «Фантому». Внутри все было заполнено спасательной пеной.

— Жив ли Громов? — тараторила Алиса Барская в камеру. — Кому под силу выжить в такой аварии?

Изнутри раздался глухой удар. Дверь турбоджета отвалилась вместе с куском пены. Из кабины вылез помятый мистер Буллиган.

— Кто-нибудь из комитета! — заорал он.

Герцог Савойский прыгал на месте, пытаясь пробраться через толпу журналистов.

— Десять секунд! — кричал он. — Пропустите! Осталось

десять секунд!

Журналисты, снимавшие лучшие кадры в своей жизни, расступались неохотно. Герцогу пришлось основательно поработать локтями и проявить чудеса гибкости, чтобы пробраться к турбоджету.

Буллиган тем временем яростно выламывал затвердевшую спасательную пену кусок за куском. Наконец показался локоть Громова… Буллиган отломал еще кусок. Рука Макса не шевелилась.

— Он без сознания… — прошептал герцог Савойский.

— Дай сюда! — Буллиган выхватил у герцога док-топ, взял руку Громова и приложил его палец к сканеру.

На док-топе вспыхнул зеленый огонек, на дисплее появилась надпись «Зарегистрирован».

У шефа Бюро подкосились ноги, он рухнул на пол, прислонившись спиной к остаткам «Фантома».

— Успели… — выдохнул он.

К турбоджету, раскидывая ошалевших от счастья журналистов, которые торопились снять как можно больше эксклюзивных кадров, пробирались агенты Бюро и бригада медицинской помощи…

* * *

7 декабря 2054 года, 02:34:43
Шанхайский хайтек-мегаполис
Башня Олимпийского центра,
командный отсек 13

Макс открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света.

Евгений Климов убрал фонарик.

— Порядок, — сказал он Буллигану. — В сознании.

Громов тревожно дернулся.

— Дэз! Что с Дэз? — крикнул он, пытаясь встать.

— Я здесь, — Кемпински подошла к нейрокапсуле, в которой лежал Громов, и взяла его за руку. — Чарли и Тайни тоже хорошо. Крейнц сломал два ребра.

Громов сел и огляделся. У Олимпийского центра был Сетевой портал, где можно было навестить виртуальную копию башни. Макс знал, как выглядят командные отсеки. Круглые белые комнаты, разделенные на две части.

В одной — четыре нейрокапсулы для игроков. Во второй части комнаты — технический блок. Персонал олимпийского

комитета, который должен следить за состоянием оборудования и соблюдением правил.

Рядом с капсулой стояли Евгений Климов и доктор Льюис. Чуть поодаль — Буллиган и Крейнц. Две из четырех капсул были закрыты — в них спали Чарли и Тайни.

— Вам, Кемпински, тоже хорошо бы отдохнуть, — вежливо сказал доктор Льюис. — Завтра в девять утра начнется такое…

— Я не буду погружаться в электромагнитный сон, пока не скажут, что с Максом все хорошо, — сердито ответила Кемпински.

Климов включил нейросканер, поднес его к голове Громова, провел им по контуру головы Макса.

— У тебя сотрясение мозга, — сказал поверенный Громову. — Надо проверить, насколько безопасно подключать тебя к Сети.

— Не знал, что ты в медицине разбираешься, — Макс дотронулся до своего лба и не почувствовал прикосновения.

— Мы сделали тебе восстанавливающие микроинъекции, — объяснял доктор Льюис. — Чтобы завтра ты предстал перед камерами со свежим красивым лицом.

— А сейчас что? — Макс тронул свой нос и скривился от боли.

— Лучше не смотреть, — многозначительно произнесла Дэз. — Прежде чем пена затвердела, ты успел сделать в ней углубление своим лицом, остался зазор, и когда машина начала кувыркаться…

— Вы, Громов, основательно стукнулись, — доктор Льюс взял со стола гелевую маску в оболочке. — Ложитесь, мне надо сделать вам компресс, чтобы инъекции подействовали быстрее. Вообще, чем быстрее вы уснете, тем больше шансов к завтрашнему утру привести вас в чувство. Ох… Не знаю, как это возможно… Но от всей души желаю вам победы.

Макс поглядел на Дэз. Та улыбнулась и сжала его руку.

Громов лег в нейрокапсулу. Доктор Льюис приложил к его лицу гелевую маску и закрыл крышку капсулы.

— Спокойной ночи, — сказал он.

Евгений Климов сердито посмотрел на Буллигана.

Дэз, не дожидаясь очередной просьбы, тоже забралась в нейрокапсулу.

— Команда готова к загрузке на Олимпийский портал, — сообщила система. — Продолжить?

— Нет, — мотнул головой доктор Льюис. — Надо их сначала восстановить.

— Э-э… А у нас потом не будет проблем с тестом на читерство? — спросил Крейнц. — Использование любых

нейроактиваторов запрещено.

— Не волнуйтесь, я только восстановлю электромагнитный и химический баланс, — сказал профессор киберорганики.

— Энджил, если он после этого вылетит за читерство, — сказал Буллиган, — клянусь, я вас сдам Комиссии по этике.

— Джек, — укоризненно покачал головой доктор Льюис, — после всего, что я для него сделал? Ну как вы можете!

Профессор киберорганики перешел в другую половину командного отсека, вынул из кармана футляр с оптиком, достал накопитель и вставил в нужный слот.

— Я прослежу, — Климов пошел следом за доктором Льюисом.

— О, какая трогательная забота о совершенно чужом для вас человеке, доктор Павлов, — улыбнулся тот, увидев поверенного рядом с собой. — Правда, я в отличие от вас давно не пользуюсь химией. Так что, если бы я задумал что-то плохое — вряд ли вы смогли бы меня поймать.

Доктор Льюис улыбнулся и запустил программу нейронной стимуляции.

— Но, к счастью для всех, я действительно хочу помочь Громову, — сказал он.

* * *

Олимпийские игры: день первый
Виртуальный командный отсек —
Арена «Сунь Укун — царь обезьян»

Макс, Чарли, Тайни и Дэз одновременно открыли глаза и увидели, что стоят в пустой белой круглой комнате.

— Началось, — Дэз огляделась. — Следующие три дня мы в Сети.

— Давайте, что ли, за руки возьмемся? — нерешительно предложил Тайни. — Все так делают.

Друзья встали в круг и взялись за руки.

— Ой! — Чарли вздрогнул. — Макс, ты как электрический скат.

— Это не я, — Громов тоже почувствовал удар, похожий на электрический.

— Меня тоже кольнуло, — сказал Дэз.

— И меня, — кивнул Тайни.

Громову вдруг показалось, что кроме них в комнате есть кто-то еще. Он посмотрел по сторонам.

— Что? — спросила Дэз.

— Такое ощущение, что мы тут не одни… — тихо сказал Макс.

— На нас смотрят примерно три миллиарда зрителей, — напомнил Чарли.

— Нет, — мотнула головой Дэз. — Сейчас идет реклама. Потом покажут все команды вместе на загрузочном портале арены.

Тайни испуганно обернулся.

— Вообще-то да, — сказал он. — Только что кто-то будто за спиной стоял.

Дэз тряхнула головой.

— Никого тут нет, — решительно сказала она. — Давайте сосредоточимся… Кто-нибудь еще помнит упражнения на концентрацию?

— «Внутренним взором четко увидеть желаемый результат», — Чарли изобразил профессора Хико.

— Пойдет, — кивнула Дэз.

Макс закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на картинке будущего. Вот он взмывает в облака, вот его дракон исчезает, вот он видит себя в зеркале и все заканчивается… С неба на землю падают цветы лотоса.

— Ты вспоминаешь, а не представляешь себе будущее, — неожиданно раздался в ухе Громова знакомый, чуть насмешливый голос Хьюго Хрейдмара!

Макс открыл глаза.

Он крепко держал за руки Чарли и Дэз, которые стояли зажмурившись и представляли себе что-то. Тайни жмурился сильнее всех.

— Не подавай вида, что слышишь меня, — попросил голос. — Вообще не думай обо мне, тогда, может, смогу помочь. Веди себя естественно. Ничего не бойся.

Громов закрыл глаза. В памяти всплыли слова Джокера: «Теоретически Хьюго может быть кем угодно в Эдене. Полагаю, это единственная причина, по которой его до сих пор не поймали. Думаю, он воспользовался собственным вирусом и ушел в Сеть».

Но как можно быть уверенным, что это Хьюго, а не Дэйдра МакМэрфи? Может ли Хьюго Хрейдмар свободно переходить из среды Эдена в общую Сеть?

Макс почувствовал холод во всем теле.

Ровный системный голос прервал общую медитацию:

— Приготовьтесь, пожалуйста. Тридцать секунд до выхода в загрузочный портал.

Громов посмотрел прямо перед собой.

В стене виртуальной комнаты появилась дверь.

— Идем, — выдохнула Дэз.

Друзья разомкнули руки, подошли к двери и стали ждать. Двадцать пять секунд, двадцать, десять, девять, восемь, семь… ноль.

— Настройка завершена. Портал открыт, — сообщила система.

Дверь распахнулась…

* * *

Загрузочный портал арены «Сунь Укун — царь обезьян» обильно украсили по случаю Олимпиады. В глазах рябило от праздничных китайских фонарей, ярко-желтых цветочных гирлянд, шелковых флагов.

Макс с замиранием сердца огляделся — девятнадцать команд стояли вокруг озера. Каждая команда в своей пагоде.

Восемнадцать пагод разразились аплодисментами в адрес Громова. Макс с удивлением смотрел на благодарных людей, с которыми ему через минуту придется сражаться.

Девятнадцатая пагода, принадлежавшая Алексу Хоффману, общих восторгов явно не разделяла. Алекс посмотрел на Громова, поднял большой палец вверх и медленно перевернул его вниз. Спайдер и Кибердог делали неприличные жесты в адрес Кемпински.

— Не поддавайся, — тихо сказала Громову Дэз. — Не позволяй им злить тебя. Помни о драконе.

Виртуальная камера делала облет, показывая игроков зрителям.

Чарли прищурившись смотрел на четвертого игрока в команде Хоффмана. Этот игрок держался в тени, даже приближение камеры не заставило его сделать хоть полшага вперед.

— Смотрите, — сказал Спаркл, — это… Это Роджер Ли?!

Рассмотреть четвертого игрока получше не удалось.

— Приготовьтесь к загрузке, — раздался ровный системный голос.

Команды отошли вглубь своих пагод.

— Если попадем в центр смерча, окажемся сразу у «дерева познания», — напомнила Дэз. — Но и ждать, пока он вырастет, долго нельзя… Искать и ждать друг друга не будем. У каждого свой Путь.

Озеро начало мерцать, все сильнее и сильнее, из его глубин

стал подниматься свет и превращаться в сияющий вихрь. Игрок одной из команд не выдержал, разбежался и прыгнул, но не достиг вихря, шлепнулся в воду озера. Остальные три игрока застонали от досады, глядя, как их торопливый друг плывет обратно к пагоде.

— Рано… Рано… — повторяла Дэз.

Столб света вздрогнул и стал чуть шире. Так повторилось несколько раз. Смерч рос, его край приближался к пагодам…

— Пора! — заорала Кемпински.

Все четверо разбежались и прыгнули что было сил. Тайни отчаянно тянулся вперед рукой, чтобы попасть в световой смерч…

Другие тоже прыгали. Команда Алекса с ревом кинулась в поток. Последняя команда медлила, медлила, ожидая, пока смерч расширится максимально, чтобы попасть в середину. Смерч дрогнул, будто собирался стать еще больше, и… исчез. Последняя команда застыла на краю своей пагоды, не успев прыгнуть.

— Команда Либерийской промышленной зоны выбыла, не попав на арену, — сообщила система.

Громов летел вниз, отчаянно пытаясь хоть за что-нибудь зацепиться. Он угодил в бамбуковую рощу. Довольно далеко от «дерева познания». Хорошо хоть не в мангровые болота.

Листья и ветки бамбука больно били по лицу. Макс успел заметить старый высохший ствол внизу и, отчаянно дернув хвостом, упал на него, вцепившись изо всех сил задними лапами. Соскользнув по стволу вниз, Громов чуть не наступил на тело разбившейся мартышки.

— Игрок три, Гретхен Рубис, команда Скандинавии, выбыла, — говорил системный голос. — Неудачный вход.

Макс услышал рык за спиной — к телу погибшей мартышки, Гретхен Рубис, крался тигр. В тот же самый момент с холма раздался яростный победный рев.

— Алекс Хоффман, команда Торговой Федерации, открыл счет, убив змею, хозяйку золотого лука, — сообщила система. — Артефакт на сто очков.

Макс дернулся было с места, чтобы бежать к «дереву познания» — месту, где в мире «Сунь Укун» каждый получает свою личную карту, потому что у каждого свой Путь. Эти пути могут пересекаться, но ведут к одному и тому же месту — пещере дракона Ао Гуана.

Голодный рык за спиной стал громче.

— Черт, — выругался Макс.

Громов схватил тело неловкой Гретхен Рубис и потащил в сторону дерева.

Тигр за спиной возмущенно заревел. Громов прибавил ходу, но маленькой зеленой мартышке довольно трудно убежать от тигра, да еще с грузом, равным ее собственному весу, на плечах.

Система сообщила, что некто Крис Стенсфилд провалился в трясину забвения, а Ники Родимек — убит демоном.

Рев сзади становился все громче. Громов уже чувствовал дыхание разъяренного зверя и тут заметил терновый куст, резко свернул туда и шмыгнул в середину, положил Гретхен на землю и перевел дух. Тигр бесновался снаружи, не решаясь сунуть лапу в колючие заросли, припадал к земле, пытаясь выцарапать добычу. Громов лег на землю и пополз по корням терновника в сторону ближайшего дерева.

— Игрок Гретхен Рубис, команда Скандинавии, может вернуться в игру, — раздался голос системы. — Уничтожение репликации предотвращено Громовым. Спасение жизни игроку-сопернику — пятьсот очков.

— Ух ты… — только и смог сказать Громов, но в следующий момент понял, что зря полез под терновником.

Пятьсот очков перевели его в следующий обезьяний класс — он стал серой макакой, увеличившись вдвое.

— Ой… — простонал Громов.

Колючки на нижних ветках терновника больно впились в спину.

Макс попытался двинуться с места, боль стала нестерпимой, колючки сдирали кожу, даже густая шерсть не спасала.

Слева раздался треск ломающихся веток. Макс припал к земле и увидел, что к нему быстро приближаются слоновьи ноги.

— Черт! — Макс дернулся вперед, пытаясь выбраться из куста, в котором крепко застрял.

Громов почувствовал, как внутри него начинает потихоньку скрестись отчаяние. У него не получалось двигаться так же хорошо, как в тренировочных миссиях, которые создавал Альтер! Он не мог понять, в чем дело — будто стал тяжелее и… глупее. Во время тренировок в его голове быстро и ясно выстраивался план, как добраться до «дерева познания» и какие артефакты надо собрать по дороге. Сейчас же его парализовал страх. Макс отчаянно боялся неудачи и никак не мог сосредоточиться на игре.

Вдруг куст вместе с Громовым взмыл вверх, вырванный из земли слоновьим клыком. Слон подхватил Макса хоботом, раскачал и… швырнул на вершину дерева, после чего спокойно ушел в джунгли.

Макс едва успел схватиться за ветку. Забравшись на самый верх, он увидел золотое свечение за рекой, значит, «дерево познания» там. Нужно быстро промчаться по верхушкам деревьев

до реки, найти способ переплыть бурную реку, а потом найти среди висящих на дереве карт свою. Золотые конверты разбросаны по его пышной кроне. Найти среди них свой — задача, требующая очень много времени. Если, конечно, не выпадет удача заполучить жемчужный компас. Он показывает тому, кто его держит, направление, в котором надо искать.

Знакомый победный рев далеко впереди возвестил об очередной победе Алекса.

— Команда Торговой Федерации добыла бивни долголетия, убив слона. Плюс одна жизнь, — сообщила система.

Макс повис на ветке, раскачался и прыгнул. Он быстро перепрыгивал с дерева на дерево, стараясь не обращать внимания на голос системы, который то и дело объявлял о погибших или набравших очки. Сиенна Эльф свалилась с дерева, Иван Мечников сорвался со скалы, Букс укушен коброй, Кибердог убил золотую лань — получил меч, Алекс Хоффман сразил демона — забрал у него лодку…

— У них уже есть лодка… — Макс попытался прыгать быстрее, но не получилось. Руки и плечи ломило от напряжения.

Поднялся ветер, ветки качались, пару раз Громов едва не сорвался. Иногда деревья стояли слишком далеко друг от друга, чтобы прыгать по прямой, приходилось петлять по лианам или даже спускаться на землю. Макс все еще был слишком маленькой обезьяной. Пару раз мимо него проносились шимпанзе и орангутанги. Они были тяжелее и могли хорошо раскачаться для длинного прыжка.

Никель победил демона Уру — плюс две тысячи очков, Полина Керр спасла принца пигмеев, получила от их божества жемчужный компас, Кибердог убил Полину Керр, забрал жемчужный компас. Команда Торговой Федерации лидирует по очкам, артефактам и времени прохождения.

— Ну вот, теперь они еще и свои карты отыщут сразу, — Максу стало не по себе.

Ясно представилось, как он последним добежит до «дерева познания» и будет дня три искать в его ветвях нужный конверт с предназначенной ему лично картой.

Мирек Слошевич погиб, пытаясь переплыть реку, Ху Цвей впал в иллюзию.

— Дэз Кемпински, команда Эдена, украла жемчужный компас у Пули Минг, — сообщила система. — Тайлер Бэнкс, команда Эдена, убит Кибердогом.

Макс от волнения неточно прицелился, не успел схватиться за ветку и грохнулся на землю с десятиметровой высоты.

Тайни…

— Команда Торговой Федерации достигла «дерева познания»… — донесся голос системы через туман. — Дэз Кемпински достигла «дерева познания»…

* * *

Макс открыл глаза — джунгли исчезли. В воздухе пахло морем, цветами, доносился едва различимый запах свежей пиццы.

Громов понял, что он лежит на земляничной поляне около Рободома.

— Макс Громов, команда Эдена, провалился в параллельный мир, — раздался системный голос.

«Нет, я все еще на арене», — подумал Макс, поднимаясь.

Во время тренировочных прохождений Громов пытался пользоваться системой параллельных миров в «Сунь Укун» как тонеллями, посмотрел несколько десятков «иных реальностей», населенных разнообразными существами, но Эллады среди параллельных миров арены точно не было.

— Альтер! — позвал Макс, отчетливо понимая, что происходит нечто очень и очень странное.

Ответа не последовало.

Макс огляделся по сторонам, пытаясь найти хоть что-то похожее на выход — дверь, тоннель, яму, окно… Откуда можно перейти в другой мир из этого.

Единственной дверью, которая была в поле зрения, оказалась дверь Рободома.

Макс потоптался на месте и побежал туда.

Обливаясь потом, он забрался на вершину холма и приложил ладонь к замку.

Дверь открылась.

В Рободоме было пусто. Громов стоял на пороге, не решаясь войти.

— Альтер? — снова позвал Макс, делая шаг в темноту.

Еще шаг и еще… Рука Громова отпустила дверь. Макс остановился посередине дома. Дверь за его спиной закрылась. Громов оказался в полной темноте.

Вдруг пол под его ногами провалился. Макс завопил, чувствуя, что падает в бездну.

— А-а-а-а-а-а-а!!!!!

Он зажмурился… и по лицу вдруг снова начали бить ветки. Макс судорожно взмахнул лапами, пытаясь зацепиться. Он опять стал серой макакой и летел, ломая ветки, сквозь листву «дерева познания». Между листьями мелькали золотые конверты.

Система сообщила, что Макс Громов достиг «дерева познания».

— Держу! — раздался громкий голос Чарли.

Падение прекратилось. Макс взвыл от боли. Оказалось, падающей с большой высоты обезьяне очень больно, когда ее ловят за хвост.

— Извини, — сказал Максу белый гамадрил голосом Спаркла. — Мы тебя тут ждем. А чего ты почти не эволюционировал? Артефакты, что ли, не собирал?

— Отстал, все до меня собрали, — проворчал в ответ Макс.

— Ш-ш-ш! — прошипела Дэз, превратившаяся в шимпанзе.

Она показала вниз.

Под «деревом познания» четыре гориллы смотрели вверх и пытались трясти дерево, ударяя по нему с разбега. Но «дерево познания», чей ствол имел диаметр около двадцати двух метров в основании, даже не качнулось. Спайдер и Кибердог только зря отбили себе плечи. Гориллы искали способ подняться наверх. Вскарабкаться на дерево не получалось. Нижние ветки начинались на семиметровой высоте, а ствол покрывал слой смолы, застывшей в янтарь. Янтарный слой отполировали дожди и ветер — так что по гладкости он мог сравниться с речным льдом, — делая ствол ужасно скользким. Обхватить его тоже не хватило бы никаких рук.

Гориллы стали забираться друг другу на плечи. Спайдер встал вниз, Кибердог ему на плечи, Роджер Ли вскарабкался на плечи Кибердога и попытался достать нижние ветки, ему удалось дотянуться до нижней, схватиться… Ветка сломалась, Роджер Ли грохнулся на землю.

Алекс Хоффман — черная горилла — в бешенстве схватил отломившуюся ветку и запустил в крону «дерева познания». Вниз посыпались листья и среди них один золотой конвертик. Алекс бросился его открывать, схватил и взвыл от боли. Конверт обжег ему лапу. Значит, это чья-то чужая карта. Гориллы по очереди пробовали взять конверт — но все с одинаковым результатом. Ожоги на пальцах.

Ярость их от этого только усилилась, они принялись с ревом швыряться камнями и ветками в «дерево познания», пытаясь сбить золотые конверты и обезьян поменьше, которые просто прыгали в крону «дерева познания» с соседних деревьев.

— Это команда Торговой Федерации? — прошептал Громов, глядя вниз.

— Поторопились массу набрать, — хихикнул Чарли.

— Времени нет! — Дэз сунула Максу в лапы жемчужный

компас. — Давай!

Жемчужный компас походил на елочный шар или большую, с мандарин размером, жемчужину. На ладони у Громова он стал полупрозрачным. Внутри вращалась стрелка.

— Чем ближе к конверту, тем быстрее вертится, — объяснила Дэз.

Стрелка показывала вправо и вверх. Макс осторожно, стараясь не шуметь, полез в указанном направлении.

На нижних ветках, ворча, лазали другие обезьяны-игроки, выискивая свои конвертики среди листвы.

— А где ваши? — спросил Макс.

— В инвентории уже, — Чарли тронул свою грудь точно там, где находится сердце, вокруг него начали летать разнообразные предметы — золотой конверт с личной картой, перстень, подзорная труба, посох, бутылка с маслом… и лодка.

— Как вы забрали у них лодку? — удивился Макс, неотрывно следя за стрелкой. Похоже, его конверт был на самом верху.

— У нее в днище с наружной стороны есть кольцо. Мы сплели веревку, пока ждали их тут. Когда Дэз и Тайни украли компас, гориллы за ними погнались, а я привязал веревку к кольцу. Ну потом… Гориллы переправились к дереву, выпрыгнули из лодки, а мы перетянули ее обратно на свой берег. Переправляться только пришлось чуть ниже по течению. Разозлились они. Мы по верхушкам деревьев вернулись. Им-то наверх не залезть, — усмехнулся Чарли.

Друзья добрались до верхних тонких веток, а стрелка все показывала наверх.

— Мне дальше не пройти, — сказала Дэз. — Могу сорваться.

Чарли попробовал забраться чуть выше — ветка опасно хрустнула.

Макс перебрался выше. Ветви пока его держали. Вес серой макаки был значительно меньше, чем у остальных. Громов зажал компас в левой лапе и осторожно перебрался еще выше. Ветки стали совсем тонкими. Наконец Макс увидел конверт. Стрелка завертелась как бешеная.

Конверт Громова болтался на самой верхней ветке, макушке дерева.

— Иди сюда… — Макс стал осторожно наклонять к себе ветку, протянул лапу, схватил конверт, потянул к себе…

Ветка хрустнула — Громов полетел вниз с самой верхушки дерева.

— А-а-а-а-а!

Чья-то лапа схватила его за ногу.

— Осторожней, — сказала ему самка орангутанга.

Системный голос возвестил:

— Гретхен Рубис, команда Скандинавии, спасла игрока-соперника. Пятьсот очков.

Макс влез на ветку, приложил свой конверт к груди, тот исчез, будто впитался в шерсть, перешел в инвенторию.

— Спасибо, — сказал Громов, протягивая Гретхен жемчужный компас. — Удачи.

Система сообщила:

— Макс Громов, команда Эдена, отдал жемчужный компас игроку-сопернику, взаимопомощь — команде плюс семьсот очков.

Снизу раздался яростный вопль Алекса, который молотил кулаками ствол «дерева познания», не имея ни одной идеи, как ему двигаться дальше.

* * *

Дэз, Макс и Чарли по веткам деревьев перебрались на плато у Радужного водопада.

— Священная зона, здесь запрещены убийства и кражи, — сказала Дэз, — кто нарушит запрет, сразу вылетает.

Потоки воды падали с пятидесятиметровой высоты. В скале под водопадом была высечена гигантская статуя сидящего Будды. Солнечные лучи, проходя через фонтаны брызг, дарили всем, кто сидел на плато у водопада, чудесную переливающуюся радугу.

Здесь было место, где каждый мог развернуть свою карту и узнать свой Путь. Заглядывать в чужие карты не имело смысла — они открывались только владельцу.

Семьсот очков за компас пошли Громову на пользу. На плато он уже спрыгнул в более-менее приличном виде — как шимпанзе. Игроки в виде самых разнообразных обезьян — от карликовых мартышек до орангутангов и белых гиббонов — радостно запрыгали, приветствуя его.

— Громов! Громов! Громов! — прокатилось по плато.

Макс смущенно сгорбил плечи и чуть не наступил на собственные руки, забыв, что они у него теперь болтаются ниже колен.

Его приветствовали все, кроме команды Токийского хайтек-мегаполиса. Они все уже стали орангутангами. Трое игроков стояли вокруг Рейко Ромори, из бока которой торчала стрела.

— Рейко их основной игрок, — тихо сказала Дэз. — Если она умрет, они не войдут в десятку.

Макс, Дэз и Чарли подошли к токийской команде.

— Что случилось? — спросил Макс.

— Алекс разозлился, увидев, что она нашла свой конверт, и подстрелил ее из золотого лука, — объяснил Мори Крюк.

— Все, мы вылетаем, — вздохнула Абэ.

— Если я умру, к нему перейдет все содержимое моей инвентории, — тихо выдохнула Рейко. — А там… Там зеркало Мары. Мы добыли в подземелье. Вы ведь знаете про дракона? Его можно так победить… Повесив на щит зеркало. Дракон умрет, если увидит свое отражение.

Дэз и Чарли переглянулись.

— Моя инвентория пуста, кроме карты, ничего, — с сожалением сказал Макс.

Дэз открыла свою инвентарию и вытащила маленький хрустальный флакончик со светящейся жидкостью.

— Это слеза Кришны. Лечит все. Даже отрубленные конечности возвращает. Только капать на себя ее должен тот, кому требуется помощь. Сам. Я не основной игрок, — сказала она, — Макс не пропадет…

— А меня не жалко, — кивнул Чарли.

Третий игрок токийской команды, чемпион 2050 года Кано Вертушка, напряженно втянул воздух, глядя на команду Эдена.

— Я абсолютный чемпион арены «Похитители искусства» и других воровских экшенов, — сказал он. — Понадобится помощь в конце… Против Алекса, если он, конечно, найдет способ добыть свой конверт, зовите. Я тоже не основной игрок.

Дэз кивнула и отдала Рейко флакон. Кано и Мори крепко прижали Рейко, чтобы она случайно не дернулась. Абэ крепко схватилась за стрелу.

— Готова? — спросила она Рейко.

Та кивнула, зажала в лапе флакон и зажмурилась.

Абэ мгновение примерялась, а потом одним резким движением вытащила стрелу.

Вопль Рейко напугал птиц в лесу, так что те взвились черной тучей над деревьями. Она зубами выдернула пробку из флакона и вылила светящуюся жидкость на рану.

Рана моментально затянулась. Рейко удивленно потрогала лапой свой совершенно целый и невредимый бок.

Системный голос сообщил:

— Дэз Кемпински, спасение игрока-соперника, передача ценного артефакта, плюс тысяча очков команде Эдена.

— Недолго я был с тобой наравне, — улыбнулся Макс, глядя, как Кемпински превращается в громадную белую горную гориллу.

Остальные игроки на плато долго не задерживались. Дожидались своих, менялись артефактами и продолжали игру. Отовсюду слышалось: «Активировать карту!»

Тут система выдала новость:

— Гретхен Рубис убита Алексом Хоффманом из-за жемчужного компаса.

У Макса в глазах потемнело от злости. Дэз положила ему на плечо свою тяжелую мохнатую лапу:

— Спокойно, помни про дракона.

Сбоку раздался шорох, на плато вылезла запыхавшаяся, сильно помятая команда Торговой Федерации. Они пришли на плато не по деревьям, а по земле.

— Надо же… — вздохнул Чарли.

Никто из игроков не сказал команде Хоффмана ни слова.

— Ты жива? — удивленно воскликнул Алекс, увидев Рейко, и повернулся к Дэз: — Очень глупо, Кемпински. Основная игра впереди.

— Эй, Громов, твоя подружка толстовата! — хохотнул Кибердог.

Команда Торговой Федерации отошла на дальний край плато и вытащила свои карты.

Алекс быстро пробежал свою глазами, сказал несколько слов Спайдеру, встал и крикнул:

— Активировать карту!

В то же мгновение его репликация исчезла с плато.

Макс, Дэз и Чарли сели рядом с командой Токийского хайтек-мегаполиса, игроки переглянулись и достали свои карты.

Рейко едва взглянула на свою, крикнула:

— Активировать карту! — и тут же исчезла.

Дэз открыла свою карту, бегло просмотрела и повернулась к Чарли.

— Все понятно, — сказал тот. — Я через Изумрудную пагоду. А ты?

— Через джунгли, — ответила Дэз, — почти прямо.

Макс озадаченно смотрел на свою карту.

— Что там? — спросила Дэз.

Макс сунул было ей карту, но вспомнил, что она там все равно ничего не увидит. Путь только для того, кому он предназначен.

— Здесь не арена «Сунь Укун», — тихо сказал он.

Дэз и Чарли удивленно уставились на него.

Макс еще раз взглянул на свою карту.

— Это… Это Мавритания. Альпы. Пик «Игла», отмечен городок Саас-Фэ и написано от руки — гостиница… Швар-ценхофф, — по слогам прочитал Макс.

— Саас-Фэ? — переспросил Чарли. — Горнолыжный курорт? Это недалеко от того места, где погиб Аткинс. От Кран-Монтаны.

Правда, там была вспышка мышиного гриппа, и Саас-Фэ закрыли. Мне отец рассказывал. Лет… Пятнадцать лет назад, — медленно договорил Спаркл.

— Я так и знала, что Синклер не просто так настаивал на твоем участии в Олимпиаде и дело тут не в иске ICA, — Дэз нахмурилась. — Вдруг это ловушка? Не активируй свою карту, Макс.

— Мы проиграем, если я останусь сидеть на этом плато, — напомнил ей Громов.

— Ну и черт с ним! — воскликнула Дэз.

— Нет, я должен проверить… Мне кажется… Нет, я уверен. Все будет в порядке. Пока я в Сети, мне ничто не угрожает. Помните? Что бы я ни увидел — это будет виртуальным. Если что-то пойдет не так, меня просто отключат от Сети, — Макс встал. — Но… Спасибо, что беспокоитесь обо мне. Простите, что… что злился на вас.

Громов сделал шаг назад и крикнул:

— Активировать карту!

Пол под его ногами снова исчез. Ощущение свободного падения на третий раз уже не пугало…

* * *

Макс грохнулся в сугроб. Падение было не особо приятным, но не таким жестким, как предыдущие. Громов вернулся в свой обычный нормальный вид.

Поднявшись на ноги, Макс огляделся. Он стоял посреди вымершего города-призрака. Дома, почерневшие без ухода и ушедшие до половины под снег, выглядели пугающе. На одном из них виднелась позолоченная полустертая надпись «Отель “Шварценхофф”».

Макс пошел туда.

Вероятно, когда-то гостиница «Шварценхофф» была милым уютным отелем, где состоятельные граждане могли отдохнуть от катания на лыжах и солнечных ванн. Теперь ее черный, поросший мхом остов больше походил на старый корабль.

Макс открыл дверь, осторожно вошел, впустив дневной свет в темный холл. Свет спугнул каких-то мелких зверьков, облюбовавших заброшенный дом, они кинулись врассыпную, исчезнув под полом.

Макс не знал, что ему искать, но боялся позвать Хьюго — тот просил не обнаруживать его присутствия. Громов подошел к стойке регистрации, осмотрелся, тронул монитор старого

компьютера, заглянул в шкафы.

В одном из них были сложены стопками регистрационные книги. Одна из них валялась на полу.

Громов поднял ее — 2040 год.

Книга была очень старой, ее страницы многократно намокали в теплое время года и замерзали в зимнее. Страницы слиплись между собой. Получилось разделить только две из них. Макс провел пальцем по строкам, ища что-нибудь знакомое, — ведь не просто так он здесь оказался.

Вдруг его палец коснулся последней строки с именем… Роберт Аткинс! Все остальные страницы были пустыми.

Макс поискал глазами, где могут быть ключи. Их не было, перевернутый шкаф лежал на полу. Громов попытался его поднять и спугнул семейство мышей.

Макс подошел к старому пожарному плану здания, стер рукой пыль со стекла. Номер шестнадцать был на втором этаже.

Громов поднялся по скрипучей, но все еще крепкой лестнице, заглянул в темный коридор. Все двери были закрыты. Макс споткнулся обо что-то — это оказался фонарь.

Громов поглядел по сторонам, вспомнив, как Хьюго передавал ему файл омега-вируса под видом склянки с остатками чипа… Похоже, Хрейдмар и сейчас наблюдал за ним, вовремя подавая нужные предметы. Макс поднял с пола фонарь, нажал кнопку.

— Работает, — сказал Макс вслух, скользя лучом света по пыльным, покрытым патиной медным табличкам.

Шестнадцатый номер оказался в самом конце коридора.

Макс тронул дверь рукой — та была заперта. Громов посмотрел вокруг, не появился ли ключ.

В тишине послышался легкий скрип. Макс вздрогнул. Скрип шел от дверного замка. Кто-то его открывал… Будто изнутри. Громов сделал шаг назад. Замок перестал скрипеть. Ничего не происходило. Макс неуверенно протянул руку и повернул ручку. Дверь открылась.

Обычный квадратный номер — кровать, на ней истлевшее покрывало, рядом с кроватью две тумбочки, на полу валяются разбитые плафоны люстры и бра, шорох маленьких лапок повсюду.

Макс вошел и стал искать знак или ждать знака от странных невидимых существ, что сопровождали его, но почему-то медлили.

Макс заметил лежащую на полу кованую решетку, в старых зданиях такими обычно закрывали вентиляцию. Громов посмотрел наверх. В стене была квадратная дыра — на месте

отвалившейся решетки.

Макс взял маленький узкий столик, стоявший у окна, переставил его к стене. Попробовал руками крепость, осторожно влез и заглянул в вентиляцию. Внутри лежала тетрадь — старинная, из настоящей линованной бумаги.

Громов осторожно взял ее, открыл.

Крупный заголовок от руки: «Доказательство энергетической теории».

Макс подумал, что это как-то очень наивно для Аткинса — прятать что-то в вентиляцию. Неужели Роберт не мог придумать тайник получше?

Стол, на котором стоял Макс, дрогнул.

— Нет, нет! Не сейчас! — крикнул Громов, прижав к себе тетрадь, но было поздно.

Ножка подломилась, и Громов полетел вниз… снова в бесконечный черный тоннель.

* * *

Макс открыл глаза — он лежал в нейрокапсуле. Над ним склонились счастливые Дэз, Чарли и Тайни.

— Ура! — они все кинулись его обнимать. — Ты молодец!

Инферно подошел к Громову и поднял бокал с шампанским.

— Хоть я и тренировал тебя, все же немного грустно расставаться со званием абсолютного рекордсмена, — сказал он.

Из контекста реплик Макс понял, что они прошли арену «Сунь Укун» и сделали это неплохо…

— Десять часов, двадцать минут, три секунды! — воскликнула Дэз. — Макс, ты был просто невероятным! Промчался по своему Пути как огненный шар, мы только и слышали — Громов спас того, Громов спас эту, Громов освободил демона. Владельцы арены в шоке. Все засыпало лотосом, и мир исчез! Представляешь?! Они не могли говорить и ходить, по-моему, тоже не могли. Вообще не понимают, как такое могло случиться!

— Хоффман на десятом месте, — хохотнул Чарли, показывая Максу небольшой медиамонитор, на котором злой Алекс гнал от себя журналистов.

— Видел бы ты физиономию Алекса, когда на него из туч вылетело тако-о-о-е чудище! Его дракон сжег в пепел одним выдохом! — захлебываясь от восторга, сказал Тайни.

Макс улыбнулся. Он только сейчас понял, как тяжело было Бэнксу слушать их разговоры о Кубке Эдена…

«Интересно, кто играл за меня, — с грустью подумал Громов. — Хьюго или Альтер?»

Тут Макс заметил внимательный взгляд Евгения Климова. Громову стало неспокойно. Климов улыбнулся. Макс помахал ему рукой и начал выбираться из нейрокапсулы. Первый день игр завершился.

* * *

Олимпийские игры: день второй
Виртуальный командный отсек —
Арена «Нефтяная война: второй шанс»

Макс, Дэз, Чарли и Тайни снова стояли, держась за руки, в белой комнате, ожидая, когда появится дверь и они смогут выйти в загрузочный портал арены.

Макс изо всех сил старался не подавать виду, как сильно он волнуется. Он в отличие от остальных даже представить не мог, что его ожидает сегодня.

«Физически ничто не существует в среде Эдена» — назойливо вертелась в голове фраза Джокера. Это же можно сказать и о Сетевых аренах. Физически ничто на них не существует… Всё — файлы и программы, которые могут принимать форму предметов, еды, людей, воды — какую угодно. Громов понял, что ему снова передают какую-то информацию, возможно, ключи или пароли. Но кто это делает и зачем — неизвестно. Эта неизвестность тревожила Макса сильнее всего.

Он вдруг подумал, что может снова спать в Эдене. Ведь его привозили туда в нейрокапсуле. А все остальное — цифровой сон, от которого он никак не может очнуться. От этой мысли Громов покрылся холодным потом. В самом деле… Чарли и Дэз — они так милы, так заботливы. Они ведут себя с ним так искренне, так сердечно, что Максу и мечтать о таком никогда не приходило в голову.

Макс тревожно переводил глаза с Дэз на Чарли, с Чарли на Тайни. Все трое стояли закрыв глаза, погрузившись в концентрацию.

Они все ненастоящие! Как он раньше не догадался! Они ненастоящие! Они слишком хороши, чтобы быть настоящими!

Громов резко отдернул руки, вырывая ладони у Чарли и Дэз.

Дэз испуганно вздрогнула.

— Что случилось? — спросила она.

Система сообщила:

— Подготовьтесь, пожалуйста. Загрузка через тридцать секунд.

Чарли тревожно смотрел на Макса.

— С тобой все хорошо? — спросил он.

На стене за спиной Макса появилась дверь.

Дэз и Тайни сделали шаг к ней.

— Стоять! Не двигайтесь! — Макс отступил, прижался спиной к двери, взялся за ручку.

— Макс, что с тобой? — тревожно спросила Дэз. — Если тебе нездоровится…

— Лжешь! — неожиданно заорал Громов. — Ты должна меня ненавидеть! Ты меня ненавидела! Ты меня избегала! А после того как я очнулся в больнице Святого Стефана, ты всегда рядом и очень хорошая! Я не верю! Ты должна меня ненавидеть! Потому что я убил Джокера! И ты ненавидела! Вы ненастоящие… Все ненастоящее…

У Макса перед глазами появились большие светящиеся желтые круги, ноги подкосились, он упал на пол.

— Флэш-бэк, — уверенно сказал Чарли. — Надо выходить из Сети. Доктор Льюис! Выведите нас! Черт, не слышит…

— Как только мы выходим на загрузочный портал, обмен данными между нами и техническим персоналом прекращается. Это против читерства, — сказала Дэз. — Но они должны увидеть, что его жизненные функции не в порядке!

Дверь, ведущая на арену, открылась.

— Туда! — Тайни попытался поднять Громова. — С арены можно подать сигнал бедствия. В крайнем случае, просто умереть. Я вылетел сразу, как только Кибердог свернул мне шею. Туда! Быстрее!

— Точно, — кивнула Дэз. — Чарли, помоги!

Друзья прошли через дверь и оказались на загрузочном портале «Нефтяная война: второй шанс». Игроки стояли единым строем навытяжку. Перед ними медленно шел… генерал Ли! Встретившись со злым взглядом угольно-черных глаз генерала, Макс даже усомнился, что это просто виртуальный образ, а не настоящая трехмерная репликация.

— Мне не нравится, что чертовы бизнесмены привлекли к строительству отелей в Кран-Монтане столько нелегалов, — сказал он. — Это небезопасно. Я знаю, лотеки что-то готовят к всемирному форуму… Я хочу знать, что именно.

Макс закрыл глаза. Миссия «Кран-Монтана» — это не может быть случайностью!

* * *

Дэз, Чарли, Тайни и Макс заперлись в своем «рабочем кабинете». У каждой команды в этой миссии было такое место в точной виртуальной копии Главного штаба хайтек-армии. В «рабочем кабинете» игроки могли собираться, чтобы выстраивать гипотезы, не боясь, что их идеи подслушают и украдут соперники. Они также должны были приносить туда найденные доказательства в пользу вины того или иного подозреваемого. Доказательства, которые попали в «рабочую комнату», сразу же засчитывались и копировались в память игры. Потерять какую-нибудь бумажку в этой миссии было невозможно, в отличие от реальной жизни.

Кабинет был выдержан в лучших традициях сериала «Бумажная работа» — многосерийной истории о жизни военной разведки.

Голубоватый свет, четыре алюпластиковых стола с точками входа в Сеть и контактами для нейролингвы. Медиаматрица из органопластика делит кабинет на две половины. Вдоль стен шкафы с оптическими дисками. На стенах 3D-постеры с движущимися знаменитостями и такие же объемные семейные фотографии.

— Так, вот наши исходные данные, — радостно сказал Тайни, увидев у себя на столе обычную бумажную папку с полимерными распечатками, какими пользовались раньше, до войны.

Точно такие же бежевые дешевые бумажные папки лежали на столе у каждого игрока.

Дэз села за свой стол, открыла папку.

— У меня досье на какого-то Константина Варламова. Ну и лицо… — Кемпински показала остальным фотографию мужчины лет сорока с горящими глазами и длинными черными волосами. — Кто такой? Физик, глава Общества мертвых ученых. Его работы легли в основу энергетической теории… Аткинса? Первый раз слышу.

Дэз пожала плечами.

Чарли, открыв свою папку, нашел всего лишь распечатку статьи из словаря.

Спаркл повертел в руках единственный листочек и недоуменно посмотрел на Тайни.

Тайни удивленно разглядывал большой металлический ключ, лежавший в пластиковом пакетике.

— Наверное, им надо что-нибудь открыть, — задумчиво сказал он.

— Может, мой сейф? — подал голос Громов.

Он вытащил из своей папки только записку: «Документы в сейфе».

ID

Раздел: персоналии

Леонард Гейгер (1974–2034) — философ, эволюционист-утопист, зоолог, автор весьма спорной и поверхностной теории эволюционных скачков. После Нефтяной войны добровольно покинул хайтек-пространство и отказался от гражданства в нем.

Согласно теории Гейгера, позитивные эволюционные изменения накапливаются тысячелетиями, сворачивается «внутренняя пружина» всего биологического вида, а затем происходит резкий, в рамках одного-двух поколений, скачок на принципиально новый уровень развития. Гейгер считал, что всего таких скачков в истории человечества было три: возникновение способности к абстрактному мышлению, подъем на две ноги, законодательное закрепление «социальных инстинктов» как обязательных для всех. Гейгер считал, что в 2020 году человечество вплотную подошло к четвертому эволюционному скачку. *См. «Просветление» — четвертый эволюционный скачок.* В качестве признаков свернутой пружины он называл: беспрецедентную, не имеющую аналогов по размаху возможность свободного общения между всеми людьми благодаря появлению средств связи класса «Биофон» с функцией синхронного перевода на любой язык. Доступное всем «быстрое» образование с помощью нейролингвистических систем. Разрешение духовного кризиса, в который погрузились граждане наиболее развитых стран. Суть этого кризиса отражена в литературе и кинематографе конца XX — начала XXI века и получила название «синдрома никчемности жизни».

«Просветление» — четвертый эволюционный скачок — новая эра, когда человечество окончательно освободится от животного наследия в своем поведении. То социально приемлемое поведение, которое раньше достигалось посредством «социальной дрессировки» (воспитания, государственного принуждения к соблюдению законов, обучения сдерживанию биологических реакций, приучения к необходимости оказывать помощь другим людям), станет для человека естественным. Люди начнут естественным образом стремиться к состоянию собственной необходимости для общества, а не личному доминированию в нем. Высшим благом станет не личная власть, а способность быть

полезным другим. Закончится «эра конкуренции» и начнется «эра сотрудничества».

Раздел: политическое устройство

Меритократия — от лат. meritus — «достойный» и греч. kratos — «власть». Буквально означает «власть наиболее одаренных». В Конституции хайтек-пространства провозглашена как «государственный строй, к которому стремится хайтек-пространство». Однако практическая процедура отбора «наиболее одаренных» не создана. Полумерой являлся приоритет выпускников Эдена при назначении на ту или иную должность. Временно официальным государственным строем считается Сетевая демократия — выборы путем прямого голосования хайтек-граждан через Сеть.

Плутократия — от греч. plutos — «богатство» и kratos — «власть». Буквально означает «власть богатых». Плутократия — разновидность государственного строя, при котором правят те, кто наиболее влиятелен экономически. Большая часть граждан хайтек-пространства считает, что после принятия закона о распределении мест в хайтек-парламенте между представителями корпораций пропорционально их взносам в бюджет государственный строй хайтек-пространства фактически является плутократией.

Тайни вынул ключ из пакетика, подошел к сейфу — ключ действительно оказался от него. Хотя Макс был готов поклясться, что до того, как ключ поднесли к замку, замок был меньше!

Громов открыл дверь, не сообщая остальным о своих сомнениях, и вынул оттуда два письма:

совершенно секретно
Архив Бюро информационной безопасности
Файл 23/Аткинс/23–45–12
Персональная ответственность за секретность:
Джек Буллиган

Роберт Аткинс, создатель квантоники
Хелене Наварро, Председателю TF

Размещено на личном Сетевом портале
Роберта Аткинса
15 ноября 2039 года, 18:34:15
Разрешено для свободного чтения

и копирования
Удалено из Сети вместе с порталом-носителем
15 ноября 2039 года в 19:34:18

Обвинение

Я пишу вам без всякого уважения, поскольку глубоко возмущен политическим диктатом Торговой Федерации. Закон о распределении мест в хайтек-парламенте между представителями корпораций я считаю последним шагом, закрепляющим плутократию как официальный государственный строй хайтек-пространства.

Здесь и сейчас я обвиняю Торговую Федерацию по следующим пунктам:

1. Насильственное изменение хода истории, варварское вмешательство в естественную эволюцию человеческого общества, известное как «Нефтяная война». Я обвиняю Торговую Федерацию в ее планировании и разжигании с целью сохранить личное богатство и политическое влияние, которое таяло с каждым днем, потому что внедрение принципиально новых энергетических технологий стало возможной, близкой реальностью. А также изменения в сознании людей! То, что Леонард Гейгер называл «просветлением». Оно могло случиться в рамках одного поколения, став эволюционным скачком такого же масштаба, как подъем на две ноги!

2. Умышленное и последовательное отучение людей самостоятельно думать, осознавать происходящее и принимать взвешенные личные решения. Намеренное препятствие развитию человеческих способностей к познанию и пониманию мира через многолетнюю фальсификацию культуры. Вашей целью было предложить людям набор готовых, простых решений-штампов на все случаи их жизни, создав у них иллюзию полноценного познания. Вы торопитесь использовать креативные способности детей, пока ваш медиаконвейер не успел отштамповать их под общий стандарт! Потому что послевоенное общество, которое воспитала Торговая Федерация, пользуясь монопольным правом собственности на все медиаресурсы, есть рефлекторная самодовольная биомасса, чья способность к восприятию и пониманию мира ограничена примитивной цепочкой «стимул — реакция». По степени способности к пониманию себя, других, человеческой составляющей происходящего взрослый гражданин хайтек-пространства сейчас стоит ниже шимпанзе! Это уже не

homo sapiens, а «обезьянин», как метко выражаются ваши медиа!

3. Создание условий, в которых лучшие представители человеческого вида вынуждены использовать свои способности для сохранения существующего эволюционного тупика. Вы создали систему, при которой фантазия, интуиция и прочие высшие способности человеческого разума могут быть использованы только для текущего производства и потребления, но не развития. Вы поощряете только ложные формы прогресса: копирование и модификацию. Вы расходуете созидательный потенциал общества на латание и поддержание на плаву корабля, который давным-давно отжил свой срок. Вы заставляете людей сохранять от гниения и распада мертвое дерево, вместо того чтобы позволить им посадить новое.

Я, Роберт Аткинс, обвиняю вас в перечисленных преступлениях против человечества и требую добровольно отказаться от диктата своей политической воли и позволить истории продолжить свой ход. В этом случае вы будете повинны только в замедлении, задержке эволюции, но не в ее прекращении.

Хочу предупредить, что у Вселенной есть свой план. Эволюция все равно продолжится — хотите вы этого или нет. Вашей власти, так или иначе, придет конец. Несмотря на возможности принадлежащих вам медиа, я по-прежнему верю в способность людей к развитию, я верю, что однажды каждый из них будет способен отличить истинное от ложного, полезное от вмененного, гениальное от посредственного. Я верю, что однажды настанет момент, когда способность думать по-настоящему, глубоко, независимо, в целях общего блага будет свойственна всем людям. Я верю, придет день, когда меритократия как власть самых способных станет естественной формой государственного устройства. Вы называете это утопией, а я — делом времени.

Роберт Аткинс

Хелена Наварро
Роберту Аткинсу

Доставлено Роберту Аткинсу домой
беспилотным аппаратом post-jet № 98–345
Адрес: Эллада, Рободом
15 ноября 2039 года, 20:54:15
Письмо на бумаге, написано от руки
Восстановленный документ

Дорогой Роберт!

Нет слов, чтобы описать, как я встревожена состоянием твоего здоровья! Я даже не решилась ответить тебе электронным сообщением или позвонить! До такой степени боюсь, что о твоей болезни станет известно медиа или военным, что еще хуже… Ты уже говорил с доктором Павловым о своих мыслях? Я позвонила ему сразу, как только мне показали твое «обвинение».

Роберт! Все это твои фантазии! Твое гениальное воображение! Ради всех, кто тебя любит, найди в себе силы этому противостоять! Помни, что многое из того, о чем ты думаешь, — не реально! Господи боже! Ты только вчитайся в собственные слова! Как можно «насильственно изменить ход истории»?! Почему ты называешь меня на «вы»?! Многие закономерности, которые ты замечаешь, — тебе просто кажутся! По всей видимости, ты сильно переутомился в последнее время, много нервничал из-за нападок на твою научную теорию, поэтому твой мозг снова начал выкидывать фокусы! Ты ведь помнишь, что такое уже было? Ты понимаешь, насколько серьезно и важно предотвращать приступы?! Пожалуйста, выполняй все, что предписал тебе доктор Павлов! Я вылечу из Нью-Йорка повидаться с тобой, как только позволит погода, у нас тут настоящий ураган.

Попытайся отстраниться от паранойи, что тебя одолевает, и подумай. Разве мы препятствовали тебе хоть в одном начинании? Разве мы не давали тебе сочинять квантонику? Предмет, который, замечу, весьма спорен. Нет! Все это время ты получал от нас финансирование в нужном тебе объеме и незамедлительно! Из пятнадцати твоих научных проектов, весьма дорогостоящих, как тебе известно, пригодным к использованию оказался только один — Сеть, которую поддерживает твой квантовый компьютер «Ио». Да, бесспорно, — по своей масштабности и гениальности это твое изобретение не имеет равных в истории, но четырнадцать других… И несмотря на это, я верю в тебя неизменно, каждый раз, когда ты загораешься какой-то идеей. Кроме той, что возникла у тебя сейчас, пожалуй.

Я написала это сразу, как только прочитала твое публичное обращение. Джеку Буллигану пришлось удалить принадлежащий тебе портал целиком, иначе стереть тот бред, который ты там выложил, не получалось. Мы сделали это не для того, чтобы скрыть что-то! А чтобы защитить тебя от публичной истерики и гаданий на тему: «Как давно Роберт Аткинс сошел с ума?» Профессора из Всемирной академии наук и так подняли на смех твой закон квантовых случайностей! Одна за другой выходят их

язвительные статьи о том, что тебе рано и непозволительно опровергать теорию Эйнштейна! А ты собственными руками чуть было не вручил им железное доказательство собственного нездоровья!

Боже мой, Роберт, я так волнуюсь! Ты представить не можешь, до какой степени!

Прилечу сразу, как смогу.

Кстати, не волнуйся. Пока я Председатель Торговой Федерации — закон о продаже мест в парламенте не пройдет. Хайтек-граждане всегда будут выбирать парламент прямым Сетевым голосованием и никак иначе.

Хелена. Твоя подруга, которая, видимо, тоже когда-нибудь сойдет с ума от беспокойства за тебя. Держись, Роберт! Пожалуйста!

* * *

Дэз разложила на столе документы, которые они нашли в папках.

— Макс?

Кемпински вопросительно посмотрела на Громова. Но тот молчал.

— По-моему, это не очень связано с терактом в Кран-Монтана, — сказал Тайни, глядя на письма Роберта Аткинса и Хелены Наварро.

— Нет, — мотнул головой Чарли, — связь есть, и самая прямая. Что предшествовало Нефтяной войне? Запасы углеводородов — сырой нефти и газа — истощились. Страны с развитым производством поразил энергетический кризис. А все крупные месторождения каменного угля находились…

— В странах будущей лотек-коалиции. Нам всем залили одни и те же сведения через нейролингву, — перебила его Дэз. — Но там нет никаких упоминаний о как минимум трех научных центрах, которые пытались найти альтернативные источники. Например, никто не говорит о проекте «Аква». А такой был, я нашла целую подшивку научных журналов в библиотеке лотекского города. Там было сказано, что в конце XX — начале XXI века водородный проект считался одним из самых перспективных. Уже начали выпускать небольшие партии машин с водородными двигателями. Запасы водорода на Земле практически неисчерпаемы. Существовал атомный проект, который мог обеспечить дешевым электричеством все хайтек-

пространство. Проект «Гелий-3». Вы слышали о таком? В 2015 году был построен экспериментальный реактор, способный аккумулировать энергию плазмы. Понимаете? Энергетический кризис, о котором нам с детства рассказывают, не был неизбежным, безнадежным и так далее.

Громов сел на стол, положил руки на колени, глубоко вздохнул:

— Раз эти документы оказались в ваших папках, я думаю, они хотят, чтобы я вам рассказал. Вчера меня не было на арене «Сунь Укун». В моей репликации играл… кто-то другой. А я… Когда я активировал карту, то оказался в Саас-Фэ. В виртуальной копии. Я думаю, реконструированной с чьих-то воспоминаний. Я нашел это.

Макс развернул свою инвенторию и вынул оттуда тетрадь Аткинса.

— Пока трудно сказать как, но она сохранилась у меня после вчерашней игры.

— Это значит, что кто-то все же имеет доступ к файлам твоей репликации, — мрачно сказала Дэз. — Защитная оболочка, которую установил Альтер, или не действует, или он солгал.

— Альтер — программа, — напомнил ей Макс. — Если он что-то сделал, это значит — ему была задана соответствующая задача.

Чарли нетерпеливо дернул рукой, показывая на тетрадь:

— Что там?

* * *

Дэз перелистнула последнюю страницу.

$$E = hlR2 = W$$

— Я не понимаю его подстановочных, — Макс смотрел в тетрадь через плечо Дэз.

— Похоже на математическую модель, — Кемпински вернулась к началу и стала внимательно просматривать уравнения. — «E» — это энергия, «W» — не очень понимаю, но обычно так обозначают высшую, превосходную форму величин.

— То есть «омега» здесь — высшая форма энергии? — недоверчиво поморщился Чарли.

— Не знаю, — повторила Кемпински, — в середине три составляющих…

— Аткинс утверждал, что энергия — это форма вещества и не

существует без массы, — сказал Громов.

— Пока у нас нет информации, что за подстановочные он использовал, можно гадать бесконечно, — пробурчал Тайни.

— Думаю, это как-то связано с Константином Варламовым. Здесь же написано, что Аткинс создал свою энергетическую теорию, опираясь на его работы, — Дэз ткнула в досье, которое нашла в своей папке.

Чарли начал ходить по кабинету.

— Не понимаю, — он покачал головой. — Нас как будто к чему-то подталкивают. Сначала доктор Синклер попросил Макса поучаствовать в Олимпиаде, затем ему предложили поселиться в Рободоме, потом перевезли в среду Эдена… Все это время с ним происходили странные вещи. Рободом стал его слушаться, Дэйдра МакМэрфи имеет доступ к его голове, на Олимпийских аренах ему передают послания, загадки…

— Причем все это происходило как бы само собой, — Дэз посмотрела на Громова, — как будто по твоей воле.

Макс запрокинул голову назад.

— Я вообще не уверен, что все это в самом деле происходит, — сказал он.

Раздался резкий стук в дверь.

— Упредительная полиция, откройте!

Друзья переглянулись.

Дэз едва заметно качнула головой.

За дверью послышалась какая-то возня, а затем она просто вылетела…

* * *

Макс открыл глаза и увидел, что он лежит в нейрокапсуле, крышка открыта, а над ним стоят Яков Фаворский и Каролина Шульц. Чуть поодаль — пехотинцы в касках, вооруженные плазменными винтовками.

— А я говорила! Я предупреждала!

— Что? Что происходит? — Макс щурился, закрываясь рукой от света.

— Максим Громов, вы обвиняетесь в читерстве и должны немедленно покинуть здание Олимпийского центра, — холодно сказал Фаворский. — После окончания игр начнется официальное судебное разбирательство; если ваша вина будет доказана — вас ожидает крупный денежный штраф и пять лет заключения в Джа-Джа Блэк.

Чарли, Тайни и Дэз тоже выбросило из Сети, они стучали по

крышкам своих нейрокапсул, крича и пытаясь выбраться.

Повернув голову, Макс увидел, что у пульта управления доктор Льюис и Евгений Климов стоят с поднятыми руками. Солдаты правительственной пехоты держат их под своими прицелами.

— Система «Честная игра» засекла, что вы принимали и передавали файлы, находясь на арене «Сунь Укун», — сказал Фаворский, — эксперты полагают, что вы, зная внутренний код Сети, могли даже предоставить свою репликацию другому игроку, причем как человеку, так и программе… Альтеру, Джокеру…

— Я… Я… — Макс беспомощно оглядывался, не зная, что ответить.

Вдруг раздался легкий треск, потом сильный. Комнату затрясло.

— О, боже! — завопила Каролина Шульц, хватаясь за Фаворского. — Смотрите! Стена… Она двигается! Хватайте их!

Пехотинцы бросились к Громову, но в этот момент кусок стены вылетел наружу, и Макс увидел висящий напротив пролома квадролет Бюро. Два снайпера держали пулеметы наготове. Из квадролета высунулся Буллиган и махнул рукой:

— Быстро! Сюда! Энджил, Евгений! Вы, молодежь! На борт! Все четверо!

Он выстрелил крюком, на трос которого было насажено шесть удобных ручек-держателей.

Доктор Льюис нажал на кнопку аварийной эвакуации. Крышки капсул Дэз, Тайни и Чарли мгновенно открылись.

Макс не стал спорить, отпихнув Фаворского, он подбежал к пролому, схватился за первые ручки и, разбежавшись, быстро проехал по тросу прямо в кабину квадролета.

Дэз, Чарли, Тайни, Евгений Климов и доктор Льюис проделали тот же самый трюк.

Квадролет развернулся и начал быстро набирать высоту.

— Что происходит? — Макс держался за висок, кружилась голова, он чувствовал сильную дурноту. — Что это?.. Я ничего не понимаю!

Буллиган вынул из кармана пистолет и приставил его ко лбу Евгения Климова.

— Сами расскажете, доктор Павлов? Или лучше достать признание из ваших замороженных мозгов?

— Доктор Павлов?! — одновременно воскликнули Дэз и Чарли.

— Теперь понятно, откуда он столько знает про Рободом, — заметил Макс, удивившись только тому, что его совершенно ничего не удивило.

— Я не понял… — промямлил Тайни. — Нас подставили? Или что? Кто это?

— Личностный аналитик Аткинса, — пояснила Дэз. — Который, как мне кажется, должен быть в заморозке за свои опыты с церотерозином.

Дневник доктора Павлова

8 декабря 2054 года, 12:23:43
Токийский хайтек-мегаполис
Штаб-квартира Бюро
информационной безопасности,
комната для допросов

Я смотрел на Буллигана и не мог понять — как он узнал? Как он вычислил меня? Мне казалось, что все следы заметены лучше некуда, плюс несколько удачных совпадений, которые полностью снимали с меня все подозрения.

Громов, Чарли, Тайни и Дэз были в соседней комнате, за зеркалом, я знал, что они там, и попытался улыбнуться им. Надеюсь, они поймут, что я не желал зла им лично, просто хотел узнать правду о Роберте. Хотя дисквалификация с Олимпиады за читерство — малоприятная вещь. Особенно в положении Громова. Я осознаю, что испортил его репутацию надолго, если не навсегда. Единственное, что меня оправдывает, — что я уже тогда решил создать этот док-топ и рассказать всю историю так, как она была на самом деле.

Второй раз в моей жизни я арестован одним и тем же человеком.

— Поскольку мы с вами давние знакомые, доктор Павлов, я решил вести допрос сам, — Буллиган нажал кнопку на столе, включая сенсорный детектор лжи. Вроде того, что Роберт установил в Рободоме, но, разумеется, более новый и чувствительный.

— Не возражаю.

Буллиган проверил на дисплее компьютера, вделанного в стол, идет ли запись, валидна ли она по качеству. Все было в порядке.

— Ваше имя Алексей Романович Павлов? — спросил Буллиган.

— Да.

— Вы были личностным аналитиком Роберта Аткинса?

— Да.

— Вы были очень привязаны к нему?

— Да.

— Вы огорчились, узнав о его смерти?

— Да.

— У вас были основания думать, что его убили?

— Да.

— Вы действительно собирались помогать Максиму Громову?

— Нет.

— Вы сделали вид, что занимаетесь им?

— Да.

— Вы сознательно лгали Бюро, что намерены содействовать Громову?

— Да.

— Вы использовали способности Громова для вашего личного расследования?

— Да.

— Вы считались с его интересами при этом?

— Нет.

— Вы признаете, что сознательно причинили ему вред?

— Да.

— Вы действительно считаете, что его способности возникли в результате естественной мутации, причиной которой стал длительный контакт с омега-вирусом?

— Да.

— Вы поняли, что он обладает этими способностями, когда читали его досье?

— Нет. Но предполагал, что это может быть так.

Буллиган тронул сенсорный экран, произнес:

— Общие вопросы закончены. Режим контекстных вопросов.

Макс и его друзья напряженно смотрели на сидящего перед Буллиганом человека.

Шеф Бюро продолжил задавать вопросы.

— Расскажите, каким образом вы использовали способности Громова.

Доктор Павлов повернул голову и, глядя в зеркало, туда, где стоял Макс, спокойно ответил:

— Я получал интересующую меня информацию и передавал источнику то, что интересовало его. Для усиления способностей Громова осуществлять передачу данных я использовал свой нейроактиватор. Церотерозин.

— Каким образом вам удавалось незаметно давать ему это вещество?

— Церотерозин не обязательно вводить каждый день, — сказал я, — достаточно раз в месяц. Первый раз я дал ему

нейроактиватор по дороге в Рободом — он был замаскирован под кусок тростникового сахара. Церотерозин не имеет ни вкуса, ни запаха. Может делать продукт, в который его положили, немного темнее, но не сильно.

— Эффект, который за этим последовал, был неожиданностью для вас?

— Нет, я специально все устроил так, чтобы Громов выбрал Рободом, а Рободом узнал его.

— Как вы это сделали?

— Роберт должен был принимать церотерозин постоянно, это было для него… жизненно необходимо. Когда он думал, какой код запуска назначить для систем Рободома, то остановился на частоте своего электромагнитного излучения. Этот показатель считается настолько слабым, что его никогда не принимают в расчет. Церотерозин поддерживает его на одном, довольно высоком для человека уровне.

— Почему вы решили, что Громов сможет проникнуть в архивы Рободома?

— Когда я изучил его досье, то обратил внимание на две вещи: насколько легко его мозг адаптируется при переходе из реального мира в цифровую среду и на свойства омега-вируса. Генетическая предрасположенность плюс долгий контакт с подобной формой жизни… Все это с учетом естественного механизма встраивания фрагментов ДНК вируса в структуру ДНК человека. Это было легко. Я построил гипотезу. Она оказалась верной. Рободом получил от своего нового владельца нужный пароль, впустил его в систему и стал считать одним из своих устройств, то есть при передаче Громову данных не шифровал их, считая это перемещением информации в своей внутренней среде.

— Сколько всего раз вы давали Громову церотерозин?

— Еще три. Один раз во время ужина у меня. Нейроактиватор был в его воде. Второй раз в Эдене, когда он был в нейрокапсуле, — сделал укол в предпречье. Третий — перед Олимпиадой, добавил в капсулу с увлажняющим раствором, который каждые десять минут подают на линзы игроков.

— Почему вы решили дать ему церотерозин четыре раза подряд, да еще увеличив дозу?

— Один из моих источников…

— Кто? — Буллиган посмотрел в глаза доктору Павлову.

— Дэйдра МакМэрфи, — ответил тот.

— О, боже… — простонал шеф Бюро.

— Она обещала передать мне информацию о смерти Роберта в обмен на технологию Громова — биософт. Но проблема была в том, что ничего об этой технологии я не знал и не мог узнать —

она есть только у Максима в голове. Дэйдра долго думала, как ее получить гарантированно и незаметно для Громова. И придумала: если Громов попадет в среду, которая сходна с эденской, а я немного усилю его способность принимать и посылать сигнал, она сможет скачать паттерны памяти Громова сразу в цифровом виде, ей даже не придется их расшифровывать и заново настраивать оборудование. Справится преобразователь из ее эденской лаборатории. Громов с ним уже знаком. Олимпиада идеально подходила для ее плана. Сетевые арены почти идентичны эденской среде.

— Сигнал все равно был бы слишком слабым, — сказал Буллиган.

— Для приема Дэйдра намеревалась разместить в одной среде с Громовым, например на одной арене, виртуальную антенну.

— Виртуальной антенной Дэйдры был Роджер Ли? — спросил Буллиган.

— Да, — кивнул головой доктор Павлов. — Ваши агенты напичканы микрооборудованием так, что никто не обратил внимания, что один из чипов у него в голове класса биогейт. Он дает способности, сходные с теми, что есть у Громова, но имеет много побочных эффектов.

— Как вы собирались получить информацию, которую Дэйдра передавала вам через Громова?

— О, ее бы узнали все, — улыбнулся доктор Павлов. — У мальчика редкостное врожденное чувство справедливости и желание ее восстановить. Генетический паттерн. Он ведь лотек. Мне осталось бы только наблюдать, как он найдет и накажет виновных. Он герой, еще стал бы чемпионом Олимпиады… Но вмешались вы — и ни правды для меня, ни победы для него. Оставалось совсем чуть-чуть! И никто бы не пострадал.

Буллиган подумал и выключил запись. Затем схватил доктора Павлова за ворот и подтащил к себе.

— Как ты думаешь, зачем Дэйдре технология Громова? «Никто не пострадал»… Да из-за тебя чуть конец света не наступил! Слава богу, Каролина Шульц так мечтала снять Макса с дистанции, что заставила весь аналитический отдел упредительной полиции следить за уровнем его нейрогормонов и вычислила ваш нейроактиватор!

Буллиган вызвал охранников.

— В камеру, — сказал он, не глядя на доктора Павлова. — Готовьте к отправке в Джа-Джа Блэк.

Дэз, которая во время этого разговора ни разу не шевельнулась, обняла Макса за плечи.

— Идем отсюда, — сказала она.

— Подождите, — нахмурился Чарли. — Вы что, хотите это все так оставить?

— А что можно сделать? — Макс устало поморщился. — Официально доктор Павлов в заморозке. Его здесь вообще не было. Обвинение в читерстве уже сняли, по настоянию Бюро даже миссии согласились повторить. Сыграем всё заново на следующей неделе.

— Я имел в виду смерть Аткинса, — Спаркл посмотрел на Дэз, ища у нее поддержки. — Вы же слышали, что он сказал: оставалось совсем чуть-чуть, и мы бы узнали правду.

Кемпински посмотрела на Громова. Тайни сунул руки в карманы.

— Ты помнишь, что видел на аренах? Карты, названия?

Громов кивнул головой:

— Да.

— Тогда поехали. У нас свободное время до следующей недели, — Бэнкс обвел друзей вопросительным взглядом.

— Не на чем ехать, — покачал головой Громов. — «Фантом» разбит.

Дэз криво улыбнулась:

— Можно подумать, это было единственное транспортное средство на свете.

Последняя глава дневника

Военный вертолет, некогда принадлежавший Джокеру, кружил над пиком Игла. За штурвалом была Дженни Синклер, рядом с ней сидел Инферно.

Макс смотрел на проплывающие внизу горы. Дэз, закрыв глаза, пыталась по памяти воспроизвести математическую модель, которую она видела в виртуальной копии тетради Аткинса.

— Нет… Не то… — бормотала она, водя по воздуху стилусом от своего ноута, матрицу которого она использовала как блокнот для записей.

Чарли и Тайни спали.

— Вот! Вот это место! — закричал Громов, увидев внизу город-призрак. — Саас-Фэ!

Дженни опустила штурвал и стала снижаться, летая кругами вокруг небольшой долины.

Отыскав подходящее место для посадки, она посадила вертолет.

Макс выпрыгнул на снег, как только открыли дверь, и побежал к знакомому отелю с полустертой золоченой надписью «Отель “Шварценхофф”». Остальные поспешили следом за ним.

Макс вихрем промчался по лестнице на второй этаж, добежал до двери шестнадцатого номера, повернул ручку — дверь была заперта. Громов дернул ручку еще раз.

— Дай-ка мне, — сказал подоспевший Инферно.

Громов отошел в сторону. Скай примерился и ударил по двери ногой. Она тут же распахнулась. Выбитый замок болтался на щепках.

Макс схватил стол и потащил его к стене, где была дырка от вентиляционного короба, залез на стол и… увидел перед собой гладкую стену.

— Что?

Громов шарил руками по стене, стучал, пытаясь найти пустоту за обоями и штукартуркой.

— Может, не тот номер? — спросил Чарли.

— Нет! Здесь было вентиляционное отверстие! — Макс как безумный обстукивал стену. — Я видел! Видел!

Скрип ступеней заставил всех вздрогнуть. Дженни выхватила пистолет и направила его на лестницу. Инферно тоже вынул оружие.

— Не надо, Скай, — раздался спокойный голос мистера Буллигана.

Шеф Бюро поднялся по лестнице, следом за ним Евгений Климов, Нимура и еще два агента.

— Спокойно, — сказал Буллиган. — Это совсем не то, что вы подумали. У нас тут небольшая сделка с доктором Павловым. К сожалению, он действительно умеет прогнозировать поведение людей лучше всех в хайтек-пространстве… И моделировать желательное для себя.

Дженни не опускала оружие.

— Еще шаг, и у доктора Павлова появится аккуратный третий глаз между бровей, — сказала она.

Макс спрыгнул со стола на пол, подошел к Дэз.

Буллиган поднял вверх руки.

— Дай мне сказать! Я уже однажды отправил доктора Павлова в заморозку и сделал бы это еще раз с большим удовольствием. Но сейчас для нас гораздо важнее прижать Алекса Хоффмана по делам Brain Gate и «Кибеле». А наш главный обвинитель, Идзуми, исчез. Угадайте с трех раз, кто точно знал, куда он поедет, и кто сообразил подстраховаться от меня, похитив нашего дорогого инспектора? Не своими руками, конечно. Наняв лучших специалистов из Буферной зоны.

Шеф Бюро посмотрел на доктора Павлова.

Инферно опустил оружие.

— И о чем же вы договорились? — спросил он.

— Проследить за Громовым. Доктор Павлов был уверен, что он поедет проверять то, что увидел во время Олимпиады. Правда о смерти Роберта в обмен на жизнь инспектора Идзуми. Макс, ты ведь хочешь помочь инспектору? — Буллиган посмотрел на Громова почти заискивающе.

— Он знал об этом еще до Олимпиады, — подал голос Инферно, — когда прилетел за тобой в Рободом. Наши видели, как Бродяга Никсон увозил Идзуми из Тай-Бэй. Я спросил мистера Буллигана об этом, он как-то замялся, и тут нас вдруг стали атаковать со всех сторон, мы побежали, побежали, забыли об этом разговоре… Мне еще казалось очень странным, как это шеф Бюро никак не может никуда дозвониться! Еще мне казалось странным, как это целая армия прибежала штурмовать Рободом по одному звонку Каролины Шмуц. Потом я сильно удивлялся, когда сразу два новейших роботопулемета «Микадо» с автоматическим захватом цели выпустили по нам сто плазменных гранат почти в упор и ни разу не попали! И уж окончательно я удивился, когда мистер Буллиган лично проломил стену Олимпийского центра, только бы ты не попал в руки упредительной полиции и не начал рассказывать Каролине Шмуц, какие чудеса творятся на Олимпийских аренах!

Громов сделал шаг вперед.

— Стой на месте, — сказала Дженни, целясь в Буллигана.

— Дженни, я тебя прошу, — шеф Бюро приложил руки к груди. — Там, на улице, два квадролета на бесшумных магнитных винтах, под завязку набитые агентами. Но вас никто не будет задерживать, если вы уже закончите возмущаться по поводу моей беспринципности и начнете помогать. Вы хотите спасти Идзуми или нет?

Макс протянул руку и положил ее поверх запястий Дженни, опуская пистолет вниз.

Буллиган с облегчением выдохнул.

— Мне очень жаль, — сказал Макс, — но, судя по всему, Дэйдра вас обманула. Здесь нет того, что я увидел, когда был на арене. Профессор МакМэрфи подкладывала в файлы моей репликации искусственные воспоминания. Она умеет делать их очень хорошо.

— Он точно знает, — подтвердил Нимура.

Спокойное выражение превосходства исчезло с лица доктора Павлова.

— П-почему я должен тебе верить? — быстро проговорил он, не сводя с Макса цепкого взгляда.

— Вообще-то это очень похоже на Дэйдру, — заметил мистер Буллиган. — Она всегда так делает. Алекс просил у нее помощи против Громова, а она методично расчищала место в его команде для своей виртуальной антенны.

Громов пожал плечами:

— Я сам хотел бы узнать правду.

Вдруг Чарли поднял вверх палец:

— Подождите… Коробка! Коробка в шкафу Аткинса! Она же была настоящей!

Спаркл пошел в сторону Буллигана, агенты тут же выхватили оружие, но Чарли прошел мимо, не обратив на них никакого внимания.

Доктор Павлов бросился следом за Спарклом. Все остальные тоже высыпали на улицу.

— Ну и где два квадролета с агентами? — укоризненно сказала Дженни Буллигану, глядя на пустую долину.

— Я соврал, — кротко признался Буллиган.

Чарли стоял на площади и оглядывался по сторонам.

— Спички, спички, спички… — повторял он.

Макс подбежал к нему.

— В коробке был дорожный набор из этой гостиницы и спички из какого-то бара, он должен быть рядом! — торопливо сказал Чарли.

Громов огляделся и заметил, что чуть ниже по улице, там, где дома ушли в снег по самую крышу, из сугроба торчит ржавый кусок железа. Он пошел туда, потом побежал, упал рядом с находкой на колени и стал копать руками слежавшийся снег. Чарли сел рядом и начал помогать. Вскоре из-под снега показался флюгер в виде волка!

— Точно как на спичках! — крикнул Чарли. — Мы нашли! Нашли то, что Альтер нам разными способами пытался показать. Помнишь, его заглючило, когда мы спросили про швейные иглы. Пик Игла, дорожный набор с иглами из этой гостиницы!

— Здесь три дня копать, — Макс посмотрел на другие дома, которые почти совсем исчезли под снегом.

— Есть более простой способ, — Нимура вытащил из своего рюкзака штуковину, которая напоминала сигнальную ракету, воткнул в снег рядом с флюгером и вынул кольцо предохранителя.

Снег вокруг странной штуки начал быстро таять, превращаться в кипяток, и тот, бурля, стал вытапливать дом из снега. Воронка быстро росла, вода уходила вниз по склону, буравя тоннели в сугробах.

— Что это? — поинтересовался Инферно.

— Микроволновой излучатель, — ответил Нимура. — Как раз для таких случаев.

Через полчаса показалась дверь бара «Саас-Фэ», еще через десять минут она появилась полностью, снег растаял до земли. Агенты, Инферно, Громов, Чарли и доктор Павлов спустились в воронку первыми.

Макс толкнул дверь, та не поддалась. Инферно, осмотрев дверь, с усилием потянул ее на себя — ни малейшей реакции.

— Да, — кивнул он. — Что будем делать? Дверь крепкая. — Инферно осмотрел петли. — Я могу снять ее с петель… Хотя тут все проржавело. Нужен лом. Или что-то наподобие. Поищите в «Шварценхоффе» пожарный щит…

Нимура молча подошел к двери, обмазал ее по периметру кремовой пастой из тюбика, сказав остальным:

— Поднимитесь пока наверх.

Все послушно полезли наверх, подальше от двери.

Нимура выбрался последним, взял у одного из агентов лазерный прицел и навел его на пасту. Как только луч коснулся кремовой массы — она тут же взорвалась.

Покореженная дверь отлетела в сторону.

— Хм… Можно и без лома, — Инферно показал Дженни на образовавшийся проход.

Агенты включили фонари.

— О, господи… — доктор Павлов показал на бурые пятна, покрывавшие стены. — Здесь повсюду кровь!

Стулья и столы в баре были перевернуты, многие расколоты.

Дэз наклонилась и подняла с пола расплющенную пулю.

— Гильзы под ногами лежат слоем, — сказал Инферно, заглядывая за барную стойку.

— Здесь повсюду были мертвые тела, но их убрали, — Громов присел и присмотрелся к полу. — Все залито кровью.

Доктор Павлов, слегка пошатываясь, подошел к открытой двери.

— Вход в подвал, — сказал он.

Инферно подошел к нему. Доктор Павлов был странно бледен, его глаза безумно блестели.

— Мне кажется, я слышу их крики, — сказал он.

— Кого? — Макс подошел к нему.

— Общество мертвых ученых, — будто в бреду, произнес доктор Павлов, — его возглавлял физик из России, Константин Варламов. Высокий, с длинными волосами… Глаза безумные… Роберт ходил на его лекции. Я не хотел, чтобы Роберт был с ними…

— Эта кровь… их? — Дэз осторожно переставляла ноги, будто пол был усыпан битым стеклом.

Инферно покачал головой:

— Не только. Здесь гильзы двух разных цветов — из белого и желтого металла. Белые — это правительственная пехота, желтые с вот такими крестами — партизаны из Восточно-Европейского лотек-пространства. Был бой. Пехотинцы загнали людей в этот дом, те не сдавались… Но пехоты было больше. Они пробивались метр за метром вниз, в подвал…

— По тому коридору, — доктор Павлов указал фонарем на оплавившуюся дыру в стене.

— Кислотная бомба, — прокомментировал Инферно.

— Здесь была прочная дверь, она бы выдержала взрыв, — доктор Павлов схватился за плечо Громова. — Поэтому использовали кислоту.

— Вы были здесь во время штурма? — Макс обернулся к доктору Павлову.

Но тот впал в странное состояние, похожее на транс.

— Отсюда не было выхода… Не было… Не было никакого выхода…

Громов вопросительно посмотрел на Буллигана, но тот пожал плечами, давая понять, что тоже не может понять происходящего с доктором Павловым.

Исследователи дошли до конца узкого коридора. Там

оказалась круглая дверь, вроде тех, которыми оснащали старые банки. Дверь была покрыта копотью от взрывов, слегка оплавлена кислотой, рядом валялись сломанные сверла.

— Роберт сделал эту дверь, — доктор Павлов провел рукой по шершавой металлической поверхности. — Тот же композитный состав, что покрывает Рободом, но в несколько раз прочнее.

— Ее не смогли открыть, — Инферно поднял с пола обломок алмазного сверла, — вы знаете, как попасть внутрь?

— Да, — доктор Павлов кивнул. — Но мы не сможем. Мой голос, сетчатка глаза, рисунок линий на ладони — все изменено!

Макс подошел к двери, присмотрелся.

— Дайте мне фонарь.

Нимура вынул из рюкзака фонарь с несколькими световыми спектрами и подал Громову.

Некоторое время Макс внимательно разглядывал дверь.

— Есть, — сказал он и приложил руку к знаку эволюции, в котором одна из спиралей ДНК была разорвана.

Дверь задрожала, с потолка посыпалась пыль. Тяжеленная крышка бункера, оказавшаяся в толщину около метра, начала медленно открываться.

Все обернулись к Максу.

— Что? — тот пожал плечами. — Здесь замок, как в Рободоме.

Агенты вошли первыми. Следом доктор Павлов, Макс и Чарли. Дженни и Нимура остались у входа на всякий случай.

Доктор Павлов на мгновение исчез в темноте.

— Стой! Держите его! — заорал Буллиган, выхватывая пистолет.

Но в следующий момент включился свет. Доктор Павлов стоял у выключателя.

Взглядам присутствующих предстала жуткая картина. Посреди большой лаборатории, занимавшей подвалы нескольких домов, лежали высохшие мумии двух мужчин. Один значительно выше другого. Они были в хороших костюмах, на черепах прекрасно сохранились волосы. У большой мумии — длинные черные, у маленькой — рыжий редкий пух.

Под головой черноволосого лежала тетрадь.

— Это она, — едва смог выговорить Макс.

Доктор Павлов издал звук, похожий на вой, и упал на пол, рядом с маленьким скелетом.

— Не-е-ет!!!

Его руки замерли в нескольких сантиметрах от черепа — будто что-то не позволяло ему дотронуться до костей.

Макс окинул взглядом маленькую мумию. Вытянутый череп,

искривленные кости ног. Одна штанина была разорвана, нога истлела до кости, в ней — металлические заглушки для операционных зондов. Это значило, что при жизни несчастному были нужны регулярные инъекции «жидких костей» — биомассы, которая помогала предохранять его скелет от деформаций ввиду врожденной слабости тканей. Челюсть с кривыми зубами, вдавленная грудная клетка, чересчур длинные руки, одно плечо сантиметров на пять ниже другого… Безупречный довоенный английский костюм.

Инферно поднял с пола маленький черный пузырек, поднес к ноздрям, осторожно понюхал.

— Кониин, химического происхождения, сильный яд… Пехота загнала их сюда, в ловушку, — сказал он, разглядывая следы на полу, — все остальные погибли. Остались только эти двое. Они заперлись тут, в лаборатории…

Инферно показал Максу на календарь, где были зачеркнуты дни.

— Месяц… Они сидели здесь месяц…

— Замолчи! — заорал доктор Павлов.

Он стоял на коленях на полу, упираясь кулаками в пол, и не мог ни упасть, ни подняться. Качался из стороны в сторону и тихонько выл.

— Это те, о ком я думаю? — осторожно спросил Чарли у Громова.

— Да, — тихо ответил тот, кивая, показал на останки высокого человека: — Константин Варламов. А второй… Роберт Аткинс. Когда в Токио проходили его пышные государственные похороны, он сидел здесь, день за днем слушая, как правительственная пехота пытается взломать дверь… До тех пор пока…

— Замолчите же вы! — доктор Павлов швырнул в Громова горсть пыли с пола. — Молчите…

Доктор Павлов наконец нашел в себе силы дотронуться до мумии.

— Роберт… — едва слышно проговорил он. — Прости меня… Роберт… Прости меня… Но почему? Почему?!

Он потерял сознание, упав рядом с телом Роберта Аткинса.

* * *

Буллиган не спешил вызывать подмогу из Бюро и трубить на весь мир о том, что обнаружены подлинные кости Роберта Аткинса. Он ждал, когда очнется доктор Павлов, внимательно

слушая Громова, который читал вслух тетрадь, которую они нашли в бункере.

Тетрадь начиналась с математической модели и уравнения, которое Макс уже видел. На последних страницах были записи, которые Аткинс сделал незадолго до смерти.

— Не было энергетического кризиса, не было проблемы перенаселения, исчезновения ресурсов и прочей ерунды. Корпорации в течение десяти лет сами финансировали фонды, представители которых кричали на каждом углу о надвигающемся коллапсе. Вспомните эти пикеты в исторической хронике, где беспросветные агрессивные дураки кричат, что люди тратят слишком много электричества, призывают отказаться от машин, требуют сокращения промышленного производства… Поэтому когда корпорации объявили, что нефти больше нет, — им поверили. Все. Сразу и безоговорочно. А потом телетеатр начал транслировать кадры с мест военных действий. Все понимали, за что идет война — за остатки природных ресурсов. Это был самый гениальный переворот в истории. Он абсолютно глобален! Ни одно государство не подумало сопротивляться. Никто не усомнился в наличии энергетического кризиса. Миллиарды людей стали играть по предложенным правилам! Только потому, что верили в информацию, которую им дают…

Макс сделал глоток воды из бутылки, которую протянула ему Дэз, и продолжил:

— Корпорации только делали вид, что ведут войну. Они сообщали правительствам о ходе сражений, которых не существовало. Им был нужен новый мир, без государственных границ, без обязательств, без ограничений, без общественных организаций. Мир, в котором богатым можно абсолютно все. Где один процент граждан может владеть девяносто пятью процентами собственности… Все.

Повисла тяжелая пауза.

Нимура рассматривал копии, которые он сделал с первых страниц тетради, содержащих «Доказательство энергетической теории».

— Поразительно. Он доказал возможность замкнутого энергетического цикла. Реактор, работающий по такому принципу, мог бы навсегда избавить нас от дефицита… Незачем было бы затевать войну. Если мы это построим, то…

— Существующее политическое устройство полетит к чертовой матери, — мрачно перебил его Буллиган.

Доктор Павлов вдруг закричал, вскочил, огляделся.

— Что? Где я? Мне приснился ужасный сон…

Он обвел взглядом присутствующих, приложил руку ко лбу.

— Нет, не сон… Простите… Простите меня… Знаете, Буллиган, обещайте, что заморозите меня завтра же. Я не могу выносить эту боль… — он приложил ладонь к груди. — Хочется ногтями вырвать…

— Где инспектор Идзуми? — спросил Буллиган.

— В Микронезии, ему там хорошо, — отмахнулся доктор Павлов. — В его распоряжении мой необитаемый остров с отличным бунгало… Остров Сагандало.

Буллиган кивнул одному из агентов, тот выскочил из бункера и побежал вверх по лестнице.

Доктор Павлов помолчал, сделал глубокий вдох и заговорил:

— Я считал, что на пренатальной стадии геномом можно управлять. Я… получил хорошие результаты на… женщинах из программы амнистии, которые рожали детей по контракту. И… на лотеках, женщинах, нелегально проникших в хайтек-пространство. А потом у моей жены, она была беременна, обнаружили генетическую патологию плода. У меня, крупнейшего специалиста в области евгеники, должен был родиться больной ребенок, который никогда в жизни не научился бы ни ходить, ни говорить. Он просуществовал бы лет десять-двенадцать как кусок плоти, без намека на интеллект. Ему пришлось бы хирургически разделять пальцы на руках и ногах, исправлять дефекты челюсти и носа, делать операцию на сердце. Мы так ждали этого ребенка. Мою жену убил бы такой исход беременности. А я… Я принял это как вызов! Хочешь улучшить человеческую породу? Помоги хотя бы собственному сыну! Я вмешался. Я сделал невозможное. Правда… Чтобы не пугать жену, я взял для нее другого младенца… Из «Следующего поколения», девочку, она стала нашей официальной дочерью, а Роберт… Роберт родился всего лишь с легким дефектом формы черепа и дисплазией нижних конечностей. И он был гением. Сначала маленьким, а потом великим… Проблемы начались сразу после его рождения. Его нервная система была не в состоянии поддерживать нужный химический баланс — он не мог жить без нейроактиваторов. Человеческого происхождения. Год за годом длился этот кошмар. Нужно было, чтобы возраст донора в точности соответствовал возрасту Роберта. Нет, нет… Не смотрите так. Донор не умирал. Нет. Такого не было. Я просто брал пункцию нужных тканей, и все. Никакого вреда для донора не было. Но мне приходилось врать. Постоянно. Выдумывать важные исследования, для которых мне все время нужны доноры. Каждый день. День за днем! Пятнадцать лет! Я переезжал, ссылаясь на любовь к переменам, и везде врал, что Роберт — сын нашей домработницы! Иначе упредительной полиции, рано или поздно, показалось бы

странным, что необходимые мне доноры всегда соответствуют возрасту Роберта. Кроме того, я был известным человеком. Пошли бы слухи. Я не мог признать, что мой сын болен! Поэтому, когда доктор Синклер опубликовал работу о возможности коррекции генетических дефектов у взрослых людей, я… Я начал эксперименты с церотерозином.

Доктор Павлов замолчал.

После длинной паузы первым от шока оправился Буллиган.

— Боже мой… Я даже не знаю, что сказать… Мы обязательно выясним правду, кто отдал приказ штурмовать бункер. Кто виновен в ужасной смерти Роберта, но… Все найденное здесь не должно стать широко известно…

— Почему? — спросила Дженни, зло глядя на шефа Бюро.

— Потому что это хаос, — сказал он, расстегивая кобуру. — Паника, анархия.

Дженни молниеносным движением вырвала у Макса тетрадь и прижала к себе.

— Ну уж нет! — крикнула она. — Все должны узнать об этом! Все! Вы привезете кости и покажете их всем! Начнете открытое расследование!

Нимура, стоявший чуть поодаль, сунул руку в карман. Инферно, заметив это, вынул из кобуры пистолет.

Буллиган встал.

Дэз, Макс, Чарли, Тайни, Инферно сгрудились вокруг Дженни.

Оставшийся агент и Нимура подняли оружие. Буллиган смотрел на Громова, делая мелкие шаги в его сторону.

— Макс, иди сюда, — он протянул руку. — Иди… Отойди…

Громов сделал шаг и оказался впереди всех остальных.

— К двери, — тихо сказал он.

Буллиган понял его маневр.

— Не надо, Громов, — сказал он. — Не надо, как Роберт…

Громов не сводил глаз с оружия, направленного на него, и продолжал отступать к двери. Оставалось немного — пара метров.

Буллиган наступал и тянул руку к Максу. Рука была уже совсем близко, казалось, он вот-вот его схватит. О докторе Павлове все забыли. Краем глаза Громов заметил, что тот неслышно подбирается к выключателю. Еще полметра…

— Бегите!! — заорал Громов и схватил шефа Бюро за руку, в которой был пистолет.

Свет погас, в темноте одновременно грянули четыре выстрела.

— Бегите! — заорал доктор Павлов, срывая кран с какого-то

баллона.

Бункер мгновенно заполнился клубами белого газа. Агенты, попав в облако, начали кашлять.

Макс бежал по лестнице следом за Дэз. Дженни уже добежала до вертолета, с шумом завелись винты. Макс видел, как Дэз забралась в вертолет. Инферно, Тайни, Чарли…

— Доктор Павлов! — крикнул он.

Но ответа не было.

— Надо взлетать! Закрывай! — заорала Дженни.

— Доктор Павлов!!! — последний раз крикнул Макс.

Вертолет взмыл вверх, в темноту и туман.

Эпилог

NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW! NOW WOW!

Привет, дорогие обезьяне… Тревожно и с опаской озираемся мы по сторонам, ожидая подвоха.

Странно как-то начинается 5 января… Да и первое-то началось не ахти как. Сразу после Нового года Большой совет Торговой Федерации засел в Бриллиантовом зале и сидел там… четыре дня! Ни одной камеры не пустили и даже «Большого брата» отключили. И все свои биофоны!

О чем говорили плутократы, неизвестно, но в результате сегодня медиа официально сообщают, что:

1. Нынешний хайтек-парламент распустят и назначат новые выборы — как раньше, прямые, всеобщие, Сетевые. Больше никакой продажи мест в парламенте.

2. Алекс Хоффман отправляется в отставку и под суд. Торговая Федерация заявила, что будет всячески содействовать установлению справедливости.

3. Председателем Торговой Федерации снова становится Хелена Наварро.

4. С нашего героя Максима Громова снимаются все обвинения. За ним признаются безусловные права на его технологию биософт, основанную на свойствах омега-вируса. Ему же переходит одноименная корпорация, которая через месяц будет готова начать производить принципиально новый софт — не для ноутов и Сети, а для наших мозгов, который позволит научиться водить турбокар за три дня и отлично танцевать в любом стиле за неделю.

5. ICA прекращает свое существование.

6. Олимпийские игры 2054 будут переиграны в 2055-м, всем командам выплатят компенсацию за их перенос.

7. Все хайтек-школы, университеты, медицинские сети должны открыть официальные филиалы в лотек-пространстве.

8. Цены на энергию и топливные элементы для турбокаров… снижаются!!! На двадцать процентов.

9. Торговая Федерация начинает подготовку для глобального перехода на принципиально иные способы получения энергии…

10. Хайтек-правительство заявило, что через пятьдесят лет никто не вспомнит, что мир делился на два лагеря. Пространство будет одно.

Обезьяне, у нас чего-то в глазах — звезды.

Что случилось?

Может, вот он — Четвертый эволюционный скачок? Неужели дождались?..

Словарь терминов (id)*

* Подпункты ID (International Dictionary of Neirolingva Termes), приведенные в книгах «Максимус Гром. Побег из Эдена» и «Максимус Гром. Атака Джокера».

Раздел: архитектура

Башня — небоскреб сверхпрочной постройки с автономной системой жизнеобеспечения: собственной электростанцией, резервуарами воды, станцией спутниковой связи и прямым подключением к подземному оптоволоконному кабелю. По технологии башен построены все правительственные здания хайтек-пространства, а также штаб-квартиры крупнейших корпораций.

Раздел: безопасность

Чипы-шпионы — биоимплантанты, разработка Дэйдры МакМэрфи. Устройства, способные транслировать в нейролингву не только речь гражданина, но также частично переводить его мысли в нейрокод ID и делать доступными для расшифровки и прочтения. Разработка признана неэтичной и запрещена к применению. Сам факт ее создания вызвал бурю негодования хайтек-общества.

Раздел: биосовместимые имплантанты

Мультивизор — имплантант высшей сложности, самый дорогой из ныне известных. В его основе — модифицированный собственный глаз пользователя, оснащенный наночипами и множеством слоев искусственно генерированной ДНК-идентичной сетчатки. При активации дает пользователю возможность видеть в темноте в различных спектрах, добиваться детализации видения до 1 нанометра, различать объекты на расстоянии до нескольких километров в зоне прямой видимости. Внутренняя хрусталиковая матрица выполняет функцию универсального монитора, воспроизводящего любую видеоинформацию в двухмерном виде.

В синхронизации с биофоном посредством мультивизора возможно осуществлять любую навигацию, конференц-связь, иметь постоянный доступ в Сеть.

Раздел: вирусы

Омега-вирус (обновлено) — биоцифровой вирус. Действие: позволяет сознанию переходить в цифровую форму и

существовать отдельно от тела в качестве программы, имеющей собственную волю. Известны два случая такого перехода: доктор Синклер (директор Эдена) и Джокер.

Раздел: география

Буферная зона — территория, не контролируемая хайтек-правительством, но и не относящаяся к лотек-пространству. Занимает острова Малайского архипелага. Исторически населена *пиратами*. Буферная зона сложилась из стран, соблюдавших нейтралитет во время Нефтяной войны — Филиппин, Индонезии, Малайзии. Существует за счет туризма, пиратства и контрабанды. Не подвергается разрушению из-за «кабеля-заложника» — существенная часть оптоволокна Сети проходит через Буферную зону. Его повреждение крайне нежелательно для хайтек-правительства.

Мародеры — все, кто нелегально собирает и продает различные устройства, детали для оборудования, ценные материалы. Особенно активны мародеры в лотек-пространстве. Они разбирают завалы лотекских городов, уничтоженных ковровыми бомбардировками. Мародеры Буферной зоны в основном заняты подъемом затонувших кораблей, самолетов и прочей техники, оставшейся на морском дне со времен Нефтяной войны.

Пираты — хайтеки-нелегалы. Преступники, имеющие несанкционированный доступ к Сети и ее ресурсам. Ученые, хакеры, прочие квалифицированные специалисты, применяющие свои знания без разрешения хайтек-правительства, не уплачивающие налоги, не предоставляющие правительству информацию о своих клиентах и результатах своей работы.

Тай-Бэй — столица Буферной зоны. Уцелевший во время бомбардировок деловой квартал из небоскребов. Единственное место в Буферной зоне, где «кабель-заложник» выходит на поверхность.

Раздел: главные термины

Биософт — программы, осуществляющие перекодировку любой цифровой информации так, чтобы она воспринималась человеческим мозгом. Посредством биософта можно загрузить в память человека любое знание (иностранный язык, теорию квантовой физики, историю человечества и т. д.) либо ощущение — например, физического присутствия в игре на Сетевой арене. Изготовление, использование и воспроизведение программ типа биософт с целью изменить истинную информацию естественной памяти человека о его жизни, друзьях, родных или работе

запрещены.

Нейролингва — нейроактивная сенсорно-аналоговая лингвистическая среда, частота которой синхронизирована с частотой мозговых волн человека. Посредством программ типа биософт обеспечивает запись любой информации в цифровом виде непосредственно в ячейки памяти человеческого мозга.

Раздел: государственные учреждения

Джа-Джа Блэк — тюрьма для особо опасных преступников. Хорошо укрепленный остров-крепость. За всю его историю не было ни одного случая успешного побега.

Раздел: идентификация личности

Идентификационный чип — главное свидетельство о наличии хайтек-гражданства. Вживляется в предплечье при рождении или получении гражданства. Содержит информацию о родителях, месте и времени рождения, личном идентификационном номере, базовой структуре ДНК, наличии врожденных заболеваний.

Смарт-карта — «социальный ключ». Позволяет хайтек-гражданину открывать двери и перемещаться внутри медицинских, общественных, правоохранительных и правительственных учреждений.

Электронный паспорт — вспомогательное свидетельство о наличии хайтек-гражданства. Любое копирование, перезапись, уничтожение данных запрещены. Оптик со многими степенями защиты. Выдается при рождении. Содержит всю официальную информацию о жизни гражданина: факты обращения за медицинской помощью, сведения об образовании, уплате налогов, местах работы, этапные личностные характеристики, данные тестов здоровья, сведения о членах семьи, электронные дубликаты свидетельств права собственности на любое имущество стоимостью выше 100 кредитных единиц, лицензии и права на различные виды занятий, награды и специальные характеристики, правительственные и полицейские отметки.

Раздел: история

Крокивилль — колония, которую неохиппи устроили у мемориала жертвам Нефтяной войны. Они построили подобие лотекской деревни, вывесив на крышах лозунги: «Мы дети убийц и воров. Мы просим прощения. Мы не хотим жить за счет награбленного. Мы не будем пить кровь!»

Неохиппи, или**лотеки по убеждению** — молодежное движение хайтек-пространства, возникшее после Нефтяной войны. Породило глубокий раскол в обществе. Костяк движения

составили дети ветеранов-победителей. Подавляющее большинство активистов движения добровольно покинули хайтек-пространство и навсегда потеряли гражданство.

Родительский исход — покидая хайтек-пространство, многие неохиппи оставляли своих детей, рассчитывая забрать их позже, когда наладят быт в лотек-пространстве. Однако хайтек-правительство не позволило им забрать детей. *См. Хайтек-сироты.*

Хайтек-сироты, или **«кролики Синклера»** — первое поколение школьников, для обучения которых была применена нейролингвистическая среда. Многие неохиппи были ценными специалистами. Чтобы заменить их в короткий срок, требовалось найти способ быстро обучать детей и подростков. Внедрение нейролингвы дало потрясающий эффект. Вскоре 14–17-летние подростки смогли выполнять ту работу, которой их родители учились до 27–30 лет.

Раздел: коммерция

Деньги — кредитные единицы единой валюты, используются по всему миру, существуют только в электронном виде.

Контрабанда — предметы роскоши, товары довоенного производства, вредные продукты питания, алкогольные и табачные изделия, нелегально обнаруженные или произведенные в лотек-пространстве и ввезенные в хайтек-пространство без специального разрешения или уплаты таможенных пошлин.

Раздел: культура

«Кенни» — самая крупная и престижная премия в области видеоискусств, кино и телетеатра. Изначально возникла как независимая Сетевая альтернатива официальных пафосных кинопремий XX века. Постепенно престижность «Кенни» в глазах зрителей приобрела высочайший статус. Из события андеграунда церемония вручения «Кенни» превратилась в самое ожидаемое и громкое событие культурной жизни хайтек-пространства. Победителям вручается углепластиковая статуэтка молодого зрителя — с вытаращенными от изумления глазами и открытым ртом.

Обезьянин — «видовость» главного героя сериала «Автостопом по Галактике». Была записана у него в межгалактическом паспорте и обозначала, что он с Земли и произошел от обезьяны.

Тевье — соевый молочник — рекламный персонаж. Впервые появился в рекламных роликах компании «Суперсоя». Образ Тевье — профессора бионики, ученого и великого изобретателя, что прикидывается простым молочником, чтобы продать людям

якобы настоящие молочные продукты, которые на самом деле получают химическим путем из сои, очень скоро вышел за пределы просто рекламы. Был снят серийный спектакль для телетеатра «Трудно быть молочником», вышла Сетевая игра «экономическая стратегия», где участникам предлагалось организовать соевую корпорацию и управлять ею, появился мультсериал для детей о пользе соевых продуктов.

Телетеатр — трехмерные проекции, транслируемые в хайтек-пространстве. Заменили собой двухмерное телевидение. Как аппарат — плоская горизонтальная матрица, круглая либо квадратная, воспроизводящая любые объемные фигуры в реальном или уменьшенном масштабе. Как медиасредство — трехмерный аналог двухмерного цифрового телевидения.

«Уличный патруль» — культовый многосерийный телеспектакль о жизни токийской полиции. Породил целое направление в искусстве телетеатра. Основные черты — реалистичность, актеры без грима, обилие жестокости и цинизма, черный юмор, отсутствие однозначно положительных или однозначно отрицательных персонажей. Образ главного героя — патрульного инспектора Солти Дога — повлиял на все виды визуальных искусств, особенно на моду.

NOW WOW! — новостная доска Сети — главное информационное издание хайтек-пространства. Бегущая ссылка-строка обязательна для любого Сетевого ресурса, включая частные. Также транслируется на уличные мониторы, телетеатры, картографические дисплеи турбокаров и прочие активные матрицы. Демократичный, насмешливо-объективный стиль издания сложился исторически. Изначально NOW WOW! была популярным Сетевым чатом, где жители Земли делились своими мыслями по поводу событий в мире. Во время войны в целях защиты информации о перемещениях хайтек-войск все официальные выпуски новостей в медиа были прекращены. После войны медиа стали носить информационно-развлекательный характер. Выпуски новостей, сообщавшие о проблемах послевоенного мира в серьезной форме, вызывали отторжение у граждан, равно как и любые аналитические программы. Популярность NOW WOW! возросла еще больше. Теперь же это непрерывный Сетевой комментарий по поводу текущих новостей. В нем нет законченных или тематических статей. Стиль NOW WOW! получил название «Что вижу, то пою».

Раздел: материалы

Кварцепластик — молекулярное соединение вторичного «грязного» пластика и песка. Дает грубый, дешевый, тяжелый и

прочный материал. Используется для изготовления простых бытовых предметов методом литья — сельскохозяйственных орудий, корпусов для бытовой техники, труб, мусорных баков и т. д.

Раздел: мелкие бытовые приборы

Метчер — жидкокристаллический прозрачный увеличитель, опускающийся на глаз и все время удерживающий в поле зрения красной точкой нужный контакт. Кроме того, с его помощью легко и удобно искать информацию в базах. Достаточно набрать в поиске нужный номер или слово, и метчер автоматически зафиксирует совпадения.

Раздел: накопители информации

Оптический диск — «оптик» — накопитель информации из переработанного оптоволокна. Оптопластиковый прозрачный носитель стандартного размера в см (д х ш х в — 4 х 1,5 х 1).

Раздел: наука

Генный инжиниринг — занимается созданием искусственных геномов, а также совершенствованием существующих.

Квантоника — самое молодое и спорное научное направление из всех существующих. Представляет собой органичное, логичное и обладающее обширной доказательной базой слияние высшей теоретической физики с древней восточной философией. Основатель Роберт Аткинс (годы жизни 2015–2040). Умер прежде, чем было признано его главное открытие — закон квантовых случайностей.

Киберорганика — прикладное направление бионики. Занимается исследованием и разработкой биосовместимых электронных имплантантов, усиливающих естественные способности биологического организма или придающих ему новые, дополнительные.

Социомика — «социология + экономика» — наука, изучающая влияние экономических процессов на ID.

Раздел: обществоведение

Парадокс перенаселенности — главная проблема хайтек-правительства. Хайтек-пространство перенаселено, хотя детей за последние десять лет рождается крайне мало.

Упредительная полиция — наблюдательное подразделение. Первоначально возникла как аналитический отдел «Большого брата». В обязанности входят наблюдение и контроль за людьми,

проявляющими склонность к асоциальному поведению. С момента ее создания ведутся споры о допустимости полицейского надзора по подозрению.

Раздел: оптика

Наноскоп — оптическое устройство, дающее детализацию объекта до 1 нанометра (1 м х 10-9). Может быть оборудован встроенными химическим и структурным анализаторами.

Раздел: оружие

Азотная пушка Меркулова — оружие с малым радиусом поражения, выпускает струю жидкого азота под большим давлением, мгновенно замораживая часть объекта.

«Океан» — морские зенитно-ракетные комплексы, выставленные на глубине вдоль морской границы хайтек-пространства.

«ЭБ-100» — электронная бомба «Молния». Устройство, генерирующее электромагнитный импульс высокой мощности. Сжигает все электронные устройства в радиусе поражения.

STC45 — «тянучка» — заградительная граната. Состоит из концентрированного гибрида каучука и паучьей паутины, детонатор содержит каталитический газ. При ударе происходит бурная реакция — липкое и чрезвычайно плотное вещество разлетается во все стороны, образуя нечто вроде сверхпрочной паутины. Используется для быстрого перекрытия тоннелей и коридоров.

Раздел: основные термины

Аватар — цифровой образ человека, не соответствующий его реальному облику. Использование аватара допускается в исключительных случаях. Требуется правительственная лицензия.

«Большой брат» — BBS — Big Brother System — глобальная система видеонаблюдения за хайтек-пространством. Названа по имени популярного в конце XX века телешоу, участники которого 24 часа в сутки непрерывно находились под наблюдением множества телекамер. Разработана в целях безопасности. Обладает возможностью мгновенной идентификации любого гражданина хайтек-пространства. Подает сигнал тревоги в случае появления не-граждан.

Лицензия на аватар — разрешение на воплощение в облике, отличном от собственной трехмерной репликации. Выдается только правительственным агентам и TSP.

Принцип идентичности — основной принцип трехмерной репликации объекта в Сети. При загрузке в Сеть человек имеет те

же параметры — рост, вес, возраст, физические данные, силу, выносливость, — что и в реальной жизни.

Портал-конвертер — Сетевой адрес, где можно загрузить себе в голову информацию с любого носителя. При этом надо иметь в виду, что файлы в Сети могут принимать форму любых предметов. Допустим, перечень обновлений для участия в игре на Сетевой арене может выглядеть как магический кристалл. Чтобы эти обновления установить на трехмерную репликацию игрока, нужен портал-конвертер.

Трехмерная репликация — «трехмерка» — цифровой образ человека, присутствующего в Сети. Наделен всеми нейроактивными характеристиками. Пять чувств, эмоциональные реакции — все, что передается нейронными электрическими импульсами и воспринимается нервной системой человека.

TSP — top secret person (англ.) — категория лиц, чьи идентификационные номера и биометрические параметры не передаются в базу данных «Большого брата».

Раздел: персоналии

«Двенадцать учеников Синклера»:

Айя Хико — «Великая мать» (жарг.) — написала и до сих пор дополняет и расширяет ID, программу двусторонней связи, что сделала нейролингву доступной в любой точке хайтек-мира через Сеть. ID не только передает со спутников нужную информацию, она автоматически собирает и кодирует в «надсознательный шифр Ю» все, чего до сих пор в нейролингве не было, — новости, фильмы, книги, абсолютно любую информацию.

Белинда Джеймс — открыла тактовую частоту нейронных импульсов.

Грегори Айзек — разработал универсальный нейромодулятор голосовых частот.

Денис Страхов — ничего своего не создал, но собрал все разработки воедино в простое, как детская игровая приставка, устройство для подключения к нейролингве. Его изобретением пользуется весь хайтек-мир.

Доктор Синклер — создатель нейролингвистической среды и технопарка Эден.

Дэйдра МакМэрфи — одна из «двенадцати великих учеников Синклера», доктор бионики и софт-инжиниринга. Изобрела «обратную связь» — способ восстановления воспоминаний через нейролингву. Она же автор запрещенной технологии «искусственных воспоминаний». Эту разработку признали неэтичной и закрыли. Авторство других запрещенных технологий — «чипы-шпионы» и «дистанционное управление поведением» —

также приписывают Дэйдре МакМэрфи, но ее участие в них не доказано. Оба раза Комиссия по научной этике признала ее невиновной.

Жаннет Бент — конструктор первой нейроактивной капсулы — устройства для магнитного сна и регенерации мозговых клеток.

Ксавье Моран — изобрел сенсорные перчатки, сделав возможным аналоговое присутствие в Сети.

Люси Ю — нашла способ кодирования информации для нейролингвы в «надсознательный шифр Ю».

Мико Накимура — изобрел силиконовую платформу для устройства Страхова.

Патриция Рю — ничего не изобрела, но написала уморительную биографическую книгу «Умнее некуда» — о докторе Синклере, его учениках и рождении «нейроактивной лингвистической сенсорно-аналоговой среды». Каждую главу Патриция начинала с небольшого скетч-мультика собственного изготовления. Книга стала медиабестселлером. В первый же день ее появления в Сети была скачана почти четыре миллиарда раз. Она же открыла миру Сетевые ники учеников Синклера. Ксавье Моран — «Нейрохирург», Белинда Джеймс — «Цифровая пуля», Роман Нилов — «Крокодил Ра», Грегори Айзек — «Сверло», Люси Ю — «Юзер Ю», Тео Дзенкович — «Памятка», Дэйдра МакМэрфи — «Бэнши», Жаннет Бент — «Спящая красавица», Айя Хико — «Архетиписса», Денис Страхов — «Копилка», Мико Накимура — «Сурок», Патриция Рю — «Рюшечка».

Роман Нилов — создал искусственный глаз-имплантант, свойства которого использованы в очках для подключения к нейролингве.

Тео Дзенкович — открыл паттерны памяти: временные пласты воспоминаний.

Хьюго Хрейдмар — «тринадцатый ученик» доктора Синклера, существование которого официально отрицается.

Ченг Паяльник — главный пиратский идеолог, командор Буферной зоны, выпускник Эдена, профессор софт-инжиниринга, ведущий разработчик биоимплантантов и химического оружия. Заочно осужден на пожизненную изоляцию. Вознаграждение за поимку: 100 000 кредитных единиц за тело, 300 000 кредитных единиц за тело с сохраненной мыслительной функцией.

Раздел: политические термины

Битва за лед — сражение у берегов Антарктиды за обладание ее шельфовым льдом, крупнейшим естественным запасом пресной воды. Продолжалась два месяца. Свыше миллиона

погибших.

Лотеки — low-tech — жители стран, не имеющих никакого промышленного производства. Они не пользуются Сетью. У них нет источников энергии и устройств, способных ее генерировать. Лотеки заняты исключительно добычей воды, пищи и строительством теплых жилищ. Мировое правительство не контролирует лотек-пространство и не отвечает за уровень жизни в нем.

Лотек-пространство — образовалось в итоге Нефтяной войны из стран, не имевших природных ресурсов либо лишившихся их. Промышленные объекты лотек-пространства, техника — все, что могло быть переработано во вторичные ресурсы, перешло к победителям, коалиция которых сформировала хайтек-пространство.

Нефтяная война (2020–2025 гг.) — началась как война за нефтяные месторождения, поэтому получила такое название. Длилась пять лет. Ее главным лозунгом стало: «Мы просто хотим выжить». Страны хайтек-коалиции захватывали территории, где еще оставались хоть какие-то ресурсы, а также чистые естественные источники пресной воды. Самой кровопролитной стала Битва за лед.

Хайтек-пространство — hi-tech — возникло из коалиции стран, победивших в Нефтяной войне. Хайтеки заняты исключительно разработкой высоких технологий, которые позволят им выжить, используя остатки мировых ресурсов. Хайтек-правительство отвечает за обеспечение минимального уровня жизни каждого имеющего хайтек-гражданство.

Раздел: профессии

Личностный аналитик — специалист по прогнозированию человеческого фактора.

Хэдхантер — «охотник за головами» — агент высшей категории. Профессиональный охотник на людей. Получает заказы от правительства на поимку особо опасных преступников, а также розыск пропавших. Обязан выполнять свою работу секретно, не привлекая внимания, избегая человеческих жертв и разрушений.

Раздел: сомнительные термины

Омега-вирус — высшая форма мутации вируса как формы жизни. Предположительно был получен Хьюго Хрейдмаром. Официальных данных нет.

Сцион — уникальный кристалл памяти, в кристаллической решетке которого записано все мировое знание — наука, история,

культура, языки. Часть биоконвертера «Биософт». По виду искусственный голубой бриллиант, вес 25 500 карат.

Раздел: софт

Гончая — автономный программный модуль, способный преследовать хакера в Сети по логам до тех пор, пока не найдет его точку входа. Изобретен Сонг Ким-Дук, ученицей Эдена. По имени создательницы гончих в Сети стали называть «сонгами».

Раздел: соционика

Механики — асоциальные граждане лотек-пространства. Пытаются наладить промышленное производство, создавая коммуникации заново либо нелегально подключаясь к кабелям хайтек-пространства. Собирают машины различного назначения из деталей, найденных на техносвалках или в руинах городов.

Хакеры — асоциальные граждане хайтек-пространства. Нарушители Сетевого устава. Нелегально либо бесплатно пытаются получить софт, информацию с чужих ресурсов.

Раздел: средства передвижения

Квадролет — летная машина малого размера, оснащенная четырьмя магнитными винтами. В среднем развивает скорость до 1500 км/ч. Существуют спортивные и военные модели, способные летать со скоростью до 2000 км/ч. Может приземляться на любые относительно ровные поверхности — в том числе водную.

Наутилус — океанская яхта, способная трансформироваться в подводную лодку.

Турбокар — тяжелый карт с капсульным корпусом и аэродинамическими крыльями по бокам. Потребляет ядерную энергию. Топливная система представляет собой микрокопию классического ядерного реактора. Некоторые модели способны развить скорость до 1000 км/час.

Турбоконцепт — личный турбокар, изготовленный по индивидуальному заказу, существующий в единственном экземпляре, оснащенный последними разработками и двигателем повышенной мощности. Чрезвычайно дорогая вещь.

Раздел: средства связи

Биофон — «**ухо**» (жарг.) — сложнейший многофункциональный биоцифровой аппарат. Для его последующей установки всем гражданам хайтек-пространства вживляют биосовместимый чип. Наличие этого чипа помогает справиться со всеми дефектами слуха, а также осуществляет функцию мгновенного перевода. Биофон надевается на ухо и

подключается к чипу через специальный разъем. Стандартный аппарат должен обладать функцией устойчивого приема и передачи любых радиоволн, цифровых кодированных сигналов, файлов нейролингвы, мгновенного перевода с любого языка на понятный пользователю. В качестве дополнительных функций имеются видеозапись, запись голосовых архивов, цифровой секретарь и т. д.

Вирстбук — легкий и компактный прямоугольный ноутбук, крепится на запястье как браслет.

Раздел: средства экстренной помощи

Нанороботы — роботы, чей размер не превышает 1 нанометра, то есть 10-9 м (миллионная доля миллиметра), самостоятельно манипулируют отдельными атомами. Переставляя атомы, нанороботы могут самовоспроизводиться, создавать из произвольного материала (земли, воды) любые предметы, способны подвергнуть изменениям любые — как органические, так и неорганические — вещества. Их изобретение стало переворотом в медицине. «Рой» нанороботов способен выполнить любую хирургическую операцию внутри организма, отладить работу любого органа, синтез тканей, очистку сосудов. Единственная болезнь, которую нельзя вылечить с помощью нанороботов, — рак мозга. После того как заканчивается их заряд, нанороботы распадаются на атомы.

Термоджет — наносмесь от переохлаждения и обморожения. Применяется также для вывода из термосна. Разработана Энджилом Льюисом, доктором киберорганики, профессором Эдена. Стандартная инъекционная капсула содержит 20 мл физиологической жидкости и 5 тысяч нанороботов, запрограммированных на стимуляцию естественной выработки тепла организмом.

Раздел: юридические прецеденты

«Процесс Дэйдры» — открытое слушание Комиссии по этике по делу доктора Дэйдры МакМэрфи, одной из «двенадцати великих учеников Синклера». Формулировка обвинения: общество против использования возможностей нейроактивной цифровой среды ID для создания искусственных воспоминаний. Общественный обвинитель пытался доказать осуществление Дэйдрой экспериментов под эгидой военного ведомства. Она обвинялась в разработке «чипов-шпионов» — приборов, переводящих мысли человека в код нейролингвы и делающих возможным их прочтение. Также МакМэрфи считается разработчиком системы дистанционного управления группами

людей, используя возможности нейролингвы.

Процесс Дэйдры вызвал широкий резонанс в обществе. Начались споры о допустимости развития таких передовых направлений бионики, как киберорганика и биоинжиниринг.